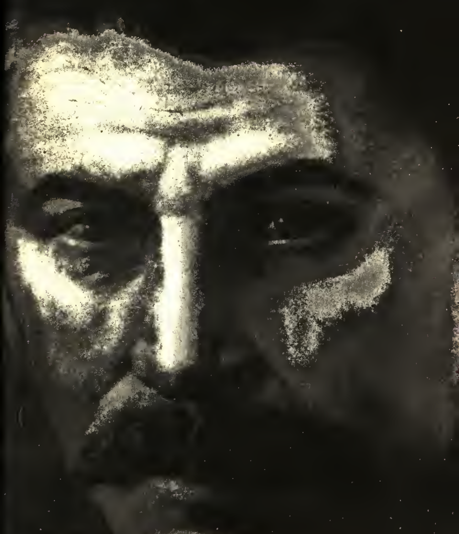
Дмитрий Волкогонов

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ

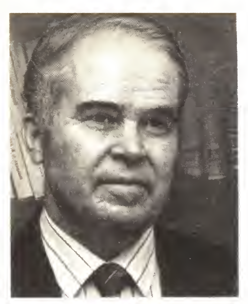
И.В.СТАЛИН

КНИГА I часть 2

политический портрет

триумф и трагедия

КНИГА
I
часть 2

Д. А. ВОЛКОГОНОВ родился в Забайкалье в 1928 г. Окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Доктор философских наук, профессор. Его перу принадлежат более 20 книг по вопросам философии, истории и политики, несколько сот научных и публицистических статей. Материалы для политического портрета И. В. Сталина автор собирал много лет. Но сама книга написана им менее чем за полтора года. Сейчас Д. А. Волкогонов работает над книгой о Л. Д. Троцком.

Дмитрий Волкогонов

Триумф и трагедия

Политический портрет

И.В.Сталина

В 2-х книгах

КНИГА I

часть 2

Издательство Агентства печати Новости
Москва, 1989

ББК 66.61(2)8
В67

Автор выражает сердечную признательность товарищам, оказавшим ему бескорыстную помощь в подготовке книги, особенно *Балашову А.П., Бобкову Ф.Д., Волкогоновой Г.А., Выродову И.Я., Ефимову Н.Н., Зуеву М.Н., Калининой И.П., Кораблеву Ю.И., Каптелову Б.И., Фокиной Н.Г., Чернобровкину Г.Г.*

Рецензент
доктор исторических наук, профессор
Ю.И. Кораблев

Заведующий редакцией *К.Г. Ликутов*
Редакторы *В.В. Григорьев, Е.Р.Кузнецова*
Художники *В.В. Анохин, В.И. Пантелеев*

Книга издана в авторской концепции

В книге использованы фотографии из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР, Центрального музея революции СССР, Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, архива АПН и Издательства АПН, личных архивов, фото А. Вологодского, Д. Дебабова, П. Симонова и Я. Халипа.

глава 4

Диктатура или диктатор?

О, злая лесть — на сладостной облаве!
Твоих сетей всегда обилен лов.

Еврипид.

Боги не знают возраста. Кто сегодня скажет, сколько лет Зевсу, Афродите, Артемиде, Палладе, Фемиде? Видимо, никто. Но в представлении людей боги вечны. А это все равно что допустить невозможное: "застылость" времени. Но, может быть, они потому и боги, что стоят над временем? Человек для своего удобства разбил его на века, десятилетия, годы, месяцы, сутки, часы, минуты, секунды... А оно, время, течет, не замечая этих эфемерных рубежей. Для бега времени они не имеют никакого значения. Оно текло так, когда на планете не было человека, будет так же "изливаться" из вечного кувшина материи всегда. В повседневности, обыденном сознании, правда, бывает, возникает иллюзия власти судьбы над временем. Чаще всего люди допускают эту ошибку в мгновения памятных дат и юбилеев.

21 декабря 1929 года Сталину исполнилось 50 лет. Нет, еще не было бесконечного славословия, припадания к алтарю "вождя" множества подхалимов, приписывания буквально всех заслуг только ему одному. Еще не будут печатать в его честь фолианты в тысячу страниц сплошной аллилуйщины, принимать в десятках тысяч коллективов приветственные письма в его адрес, начинать и заканчивать его именем все передовицы. Все это будет позже.

Однако уже и сейчас добрая половина "юбилейного" номера "Правды" была посвящена ему. Здесь статьи Л. Кагановича "Сталин и партия", С. Орджоникидзе "Твердокаменный большевик", В. Куйбышева "Сталин и индустриализация страны", К. Ворошилова "Сталин и Красная Армия", М. Калинина "Рулевой большевизма", А. Микояна "Стальной солдат большевистской партии", ряд других. Начало славословию положено. В приветствии ЦК и ЦКК ВКП(б), в частности, говорится, что они приветствуют **лучшего ленинца** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*). В общей шапке номера Сталин называется "верным продолжателем дела Маркса и Ленина", "организатором и руководителем социалистической индустриализации и коллективизации", "вождем партии пролетариата" и т.д. Юбилей

пришелся как нельзя кстати: он приковал всеобщее внимание к человеку, который уверенно разделался с очередной оппозицией или, как теперь говорили, "уклоном". Популярность Сталина начала быстро расти. Проницательные люди уже тогда заметили, что к концу 20-х годов, к своему 50-летию, Сталин обрел повышенную уверенность, властность, безапелляционность.

Напомню, каким он вступил в революцию: малозаметным функционером-исполнителем, умевшим не просто ждать своего часа, но и не жалеть себя (и других — конечно), выполняя задания Ленина и партии. Сегодня, в день 50-летия, принимая поздравления от членов Политбюро, народных комиссаров, руководителей многочисленных государственных и общественных организаций, Сталин осязаемо почувствовал, что за эти двенадцать лет после революции он научился (или, как он говорил, "наловчился") управлять временем. Нет, конечно, не в том смысле, как об этом пишет Герберт Уэллс, а в том, что он стал чувствовать и понимать: в какой момент форсировать события, когда нанести разящий удар по фракционерам, как использовать фактор времени в гонке индустриализации и начавшейся коллективизации. Ему казалось, что он "пришпорил" время.

Молотов и Каганович предлагали более торжественно отметить юбилей признанного уже почти всеми "вождя". Его удержала не скромность. Просто у него еще свежо было в памяти 50-летие Ленина. Он не раз ловил себя на мысли: ленинские слова о нем, Сталине, обычно приходили ему в голову, когда нужно было делать принципиальный выбор. Подлинный выбор предполагает способность субъекта ставить себя на место тех, кто зависит от него. Ленин умел мысленно принять роль другого; умели это и многие соратники Владимира Ильича. Но только не Сталин. Даже трудно представить, чтобы Сталин мог себя поставить, допустим, на место своей жертвы. Его прямолинейное мышление не допускало таких коллизий. Но сдерживать себя Сталин умел, особенно в начале своего восхождения. Поэтому и теперь, в канун своего юбилея, Ленин сдержал его. Пока сдержал.

А тогда 50-летие Владимира Ильича отмечалось в Московском комитете партии. Правда, не было самого юбиляра. Вечер открыл Мясников. С пространной, но маловыразительной речью выступил Каменев, подчеркнув, что Владимир Ильич в "словах хвалы не нуждается, и пролетариат не привык словами, торжественными одами чтить своих вождей, своих лучших товарищей". Затем он долго говорил о войне, которая

"вздернула на дыбы массы", о том, что Ленина по праву можно назвать главнокомандующим армией пролетариата, который придет к победе над старым миром. Говорил Горький, почему-то повторяя слова Троцкого о том, что русская история бедна выдающимися людьми... Как всегда оригинально, с пафосом выступил Луначарский, показывая руками, как вокруг Ленина всегда "веет ветер, ветер вершин". Читал стихи пролетарский поэт Александровский, говорил о высоком демократизме Ленина Ольминский. Сталину тогда показались совершенно неактуальными слова, сказанные Ольминским: "Одна из самых характерных черт Ильича — его демократизм. Ленин демократ по самой своей природе". Сталин вспомнил, что его покоробило от этих слов: война еще не отступила, а тут о демократии... Разве для революционера это главное?! И здесь он услышал, как Мясников предоставил слово ему, Сталину. Он готовился к речи, искал что-то необычное и неожиданно решил в день юбилея Ленина сказать... об умении Лениным признавать свои ошибки. Сталин говорил о том, что Ленин был сторонником участия в выборах Виттевской думы, но затем публично сказал всем, что ошибался. Так и в 1917 году, негромко читал текст Сталин, Ленин ошибался в отношении к "предпарламенту" и потом публично признал это. "Иногда т. Ленин в вопросах огромной важности признавался в своих недостатках. Эта простота особенно нас пленяла, — завершал свою речь Сталин. — Это, товарищи, все, о чем я с вами хотел поговорить". Слушатели жидко поаплодировали пятиминутному выступлению Сталина, немного недоумевая над неюбилейными словами наркомнаца, как вдруг в зал вошел Ленин.

Речь его была короткой, динамичной, запоминающейся. "Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а, во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей". Затем он сказал, что юбилеи надо отмечать по-другому и заговорил о положении дел в партии. Успехи революции, победы, которые мы одержали, продолжал юбиляр, временно отодвинули от нас задачи, которые мы должны решать сегодня в самых различных областях. "...Нам предстоит громаднейшая работа и потребуется приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор. Позвольте мне закончить пожеланием, — сказал Ленин, — чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии"[1].

Почему Сталин тогда, в вечер чествования вождя, решил

отметить "ошибки" Ленина? Он сейчас не мог ответить на этот вопрос. Показать, что наркомнац не ручной? Выделиться? Или он знал, что Ленин не боялся никакой правды? Обо всем этом можно только догадываться. Во всяком случае, упоминание об этом выступлении первое время вызывало у самого Сталина чувство неловкости. Когда заместитель заведующего Центральным партийным архивом В. Адоратский обратился к Сталину с просьбой разрешить включить в сборник статей "О Ленине" его выступление на юбилейном вечере, тот отказался. Резолюция на письме была красноречивой:

"Тов. Адоратский.

Речь записана **по существу** правильно, хотя и нуждается в редакции. Но я бы не хотел ее печатать: неприятно говорить об ошибках Ильича.

И. Ст."[2].

Позже, однако, его выступление, "отредактированное", попадет в собрание сочинений Сталина. Неловкость, "ложная скромность", чувство совестливости покинут его довольно скоро. Уже в начале 1925 года он согласится с предложением В. Молотова о первом крупном увековечении своего имени. После этого Председатель ЦИК Союза ССР М. Калинин и секретарь ЦИК А. Енукидзе подпишут постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета, в котором говорилось:

"Переименовать гор. Царицын — в гор. Сталинград; Царицынскую губернию — в Сталинградскую; Царицынский уезд — в Сталинградский; Царицынскую волость — в Сталинградскую и ж.д. станцию Царицын — в Сталинград"[3].

На дворе было 10 апреля 1925 года. После смерти Ленина прошло немногим более года. То было одно из первых "испытаний совести", которое Сталин не выдержал. Впрочем, никакого смущения от "скромного" согласия на массовые переименования Сталин не испытывал. Гегель, которого он невзлюбил за свои бесплодные попытки овладеть хотя бы "оглавлением" его философии, писал, что совесть — это "процесс внутреннего определения добра"[4]. У Сталина то, что люди называют совестью, уже находилось во внутреннем заточении. Его совесть раз и навсегда была лишена каких-либо шансов.

Уже в 1927 году газеты опубликуют "Приветствие сталинградской газете "Борьба", подписанное — "*И. Сталин*". Скоро это станет нормой. Я не раз задумывался: что мог испытывать человек, беря в руки газету (например, "Правду" 3 марта 1927 г.), где напечатано краткое изложение его речи на соб-

рании в железнодорожных мастерских, носящих его имя. Ты жив, а твоим именем уже названы области, города, районы, предприятия, парки, газеты, корабли, дворцы культуры. Разве это не претензия на бессмертие?

Вот где иллюзия власти судьбы над временем! Ты жив, но ты уже бессмертен! Сталин знал, что свое время он переживет. Но бессмертие — еще не вечность!

...Таким был человек, ставший волею обстоятельств во главе огромной крестьянской страны.

Судьбы крестьянства

Герберт Уэллс, изобразивший в своем публицистическо-книжном репортаже Россию "во мгле", не преувеличивал. Она произвела на него "впечатление величайшего и непоправимого краха". На необозримых гигантских пространствах, на бескрайней плоской равнине лежали сотни тысяч деревень, с наступлением ночи погружавшихся в вековую мглу. Как сто, двести, триста лет назад...

Почти все мы имеем глубинные корни в крестьянстве. Когда в памяти возникают солнечные пятна детства, то видишь, чувствуешь, осязаешь как на яву: запах талого снега, краснозобых снегирей на заборе, потемневший лед на речке, тонкую, рваную полоску Саянских гор на юге, скрип санных полозьев на деревенской улице. И лица давно ушедших людей...

Своих пращуров мы знаем не дальше дедушек и бабушек. Попробуйте назвать имя и отчество ваших прабабушки и прадедушки? Почти наверняка не вспомните. Время унесло их в вечность. Даже мысленно все труднее попасть в навсегда ушедший мир детства. Иногда хочется представить всех своих ближайших предков за одним длинным фамильным столом. Потемневшие иконы увидели бы сидящих на лавках крестьян. Бородатые мужики в холщовых рубахах с заскорузлыми ладонями вечных трудяг, добрые и покорные глаза их жен, становящихся старухами в сорок лет, рожающих часто прямо на меже; множество светлоголовых ребятишек (из младенчества в детство входила лишь половина). Обязательно за столом сидели бы один-два старика с "Георгием", прошедшие турецкую, японскую, германскую войны. Общинная мораль, превыше всего чтящая православие, труд, семью, Отечество, руководила

этими неграмотными людьми. Может быть, за столом и нашелся бы один грамотей, выписывавший "Ниву". Мужики, бабы, крестьяне... От них осталось сегодня лишь то, что мы сохранили в своей памяти и, пожалуй, то, что осталось в некоторых из нас крестьянского: истовость в работе, бережливость, доверчивость, готовность прийти на "помочь" всем миром односельчанину.

В этом крестьянском мире еще в начале 30-х годов жило подавляющее большинство наших соотечественников. И в этом мире развернулась настоящая революция, похожая на побоище, санкционированное сверху.

Правда, первые жестокие схватки в деревне вспыхнули в ходе национализации помещичьих, удельных, монастырских земель. Созданные к середине 1918 года комитеты бедноты повели наступление на кулака. Более половины земель, принадлежавших кулакам, было отобрано. Конфискованные машины, скот были распределены между середняками и беднотой. Кулацкая прослойка уменьшилась. Деревня стала середняцкой. Нэп дал деревне возможность торговать после уплаты твердого налога. Еще при жизни Ленина, в конце 1923 года, Советская Россия продала другим странам около 130 миллионов пудов пшеницы. Тогда выглядела дикой, кощунственной сама мысль покупать хлеб... Продавать его — мыслью и делом естественным.

В восстановительный период удалось несколько поднять зерновое хозяйство страны, хотя оно еще далеко не достигло довоенного уровня. Если в целом и вырос объем производства хлеба, то товарного зерна государству явно не хватало. Это объяснялось и низкими закупочными ценами, и отсутствием товаров для села. Производственная кооперация в деревне делала лишь первые шаги. Поддержка бедняцких и середняцких хозяйств обеспечивалась нэпом. Хотя, естественно, нэп оживил и кулацкие хозяйства, дал толчок их росту. Но они не представляли опасности для государства, основой политической власти которого была диктатура пролетариата. Здесь хотелось бы отметить, что социалистические идеалы нельзя понимать как синоним бедности и неприятия богатства. Марксизм выступает лишь против богатства, созданного за счет эксплуатации чужого труда. Значительная часть кулачества свои хозяйства создала собственным трудом.

Ленин предвидел, что социалистические преобразования будут идти наиболее трудно на селе. Но он верил в пропаганду электричеством, тракторами, книжками! Великий провидец по-

лагал, что для того, чтобы обеспечить через нэп широкое участие крестьянства в кооперации, "требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия"[5]. В одной из последних своих работ Ленин формулирует исключительной важности положение: "Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма... При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве"[6]. Разумеется, в ленинском плане кооперирования сельского хозяйства не были раскрыты многие детали, этапы, особенности его реализации. Да это было и невозможно сделать в 1923 году.

Снижение налогового обложения дало возможность середнякам и кулакам увеличить излишки сельхозпродуктов, и прежде всего хлеба. Возросла покупательная способность крестьянства в целом. Но в стране одновременно усиливался товарный голод. Поэтому понятно, что крестьяне не спешили продавать хлеб; им были нужны не бумажные деньги, а машины и другие промышленные товары, а цены на них были высокими. Возникли трудности со снабжением городов. На рубеже 1927 года замаячил хлебный кризис. Кулаки, да и середняки придерживали хлеб, ждали более выгодных цен, нужных товаров.

Оппозиция пыталась использовать в своих целях растущие трудности в отношениях государства и крестьянства. Так, Каменев, выступая на XV съезде партии, обвинил руководство в недооценке капиталистических элементов в деревне, по существу, призвал ужесточить курс против кулака. Представители оппозиции еще раньше предлагали провести насильственное изъятие у кулака и середняка недостающих до нормального снабжения 150 — 200 миллионов пудов хлеба. Политбюро, обсуждавшему доклад, с которым Сталин собирался выступить на съезде партии, хватило мудрости отклонить этот путь. В политическом отчете съезду Сталин однозначно сказал: "Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство легкое, но далеко не действенное. Кулака надо взять мерами экономического порядка. И на основе советской законности. А советская законность не есть пустая фраза"[7]. Кто не согласится сегодня с такими выводами? Разве это не верные слова? И их говорил Сталин!

Но дело в том, что слова Сталина часто расходились с его делами. Да и не только в этом. Он попросту плохо знал кресть-

янский вопрос. За всю свою жизнь он фактически только раз посетил сельские районы. Это было в 1928 году, во время его поездки в Сибирь в связи с хлебозаготовками. С тех пор до конца своей жизни Сталин на селе не появлялся. Кабинетное знание сельского хозяйства с особой силой проявилось позже и выразилось в единоличном принятии целого ряда глубоко ошибочных решений, имевших далеко идущие последствия.

На XV съезде, взявшем курс на коллективизацию сельского хозяйства, вносились дельные предложения по устранению хлебных трудностей в стране. В выступлении А.И. Микояна, в частности, говорилось, что товарная масса застревает в городах, не попадая в деревню, где спрос на нее огромен. "Чтобы добиться серьезного перелома в ходе хлебозаготовок, нужен решительный поворот. Этот перелом должен заключаться в переброске товаров из городов в деревню даже за счет временного (на несколько месяцев) оголения городских рынков, с тем чтобы добиться хлеба у крестьянства. Если мы этого поворота не произведем, мы будем иметь чрезвычайные трудности, которые отзовутся на всем хозяйстве"[8].

Могло показаться, что в целях укрепления союза рабочего класса и крестьянства, решения насущных проблем деревни ставка будет сделана теперь не только на политические, но и экономические средства. Таков был и кооперативный план Ленина. Именно строй "цивилизованных кооператоров", считал он, позволит максимально соединить личный и общественный интересы. А ведь это самое трудное в социалистических преобразованиях! Главное: не использовать лишь командные, силовые, директивные методы, но обязательно учитывать экономические законы, умело применять экономические рычаги в реализации важнейшей, исторической по значимости программы кооперирования крестьянства.

В докладе о работе партии в деревне, который сделал на съезде секретарь ЦК ВКП(б) по работе в деревне В.М. Молотов, делались верные, в основном, выводы. В частности, подчеркивалось, что "развитие индивидуального хозяйства по пути к социализму — есть путь медленный, есть путь длительный. Требуется немало лет для того, чтобы перейти от индивидуального к общественному (коллективному) хозяйству". Отмечалось, что в этом процессе недопустимо насилие. "Тот, — продолжал Молотов, — кто теперь предлагает нам эту политику принудительного займа, принудительного изъятия 150 — 200 млн. пудов хлеба, хотя бы у десяти процентов крестьянских хозяйств, т.е. не только у кулацкого, но и у части середняцкого

слоя деревни, то, каким бы добрым желанием ни было это предложение проникнуто, — тот враг рабочих и крестьян, враг союза рабочих и крестьян..." После этих слов докладчика Сталин громко произнес:

— Правильно!

Он еще несколько раз в ходе доклада подбадривал Молотова подобными возгласами[9].

Казалось, линия на широкое использование экономических методов в кооперировании, соблюдение добровольности, последовательности выработана съездом. В резолюции по докладу Молотова прямо говорилось, что опыт подтверждает "целиком и полностью правильность кооперативного плана Ленина, по которому именно через кооперацию социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство по пути к социализму..."[10]. Более того, на съезде были решительно осуждены попытки навязать командные методы в крестьянском вопросе.

Тем более странным выглядело решение Сталина и того же Молотова форсировать процесс не просто кооперирования, а коллективизации деревни. Вскоре после XV съезда Сталин все чаще стал высказывать мнение о необходимости "взвинчивания темпов" индустриализации и коллективизации. Ему очень понравилась статья будущего академика С.Г. Струмилина, в которой тот сформулировал кредо "директивной" экономики: наша задача не в том, чтобы изучать экономику, а в том, чтобы переделывать ее; никакие законы нас не связывают; нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять; вопрос о темпах решают люди...[11] Сталин неоднократно цитировал, заимствовал, заклинал слушателей и читателей полюбившимися фразами. Они как нельзя лучше отражали его собственные намерения. Сталин, по существу, начал быстрый поворот к чрезвычайным мерам. А это означало и наступление на нэп — рыночную модель социализма.

За подписью Сталина в конце декабря 1927 года (сразу же после XV съезда) и в январе 1928 года в губернии пошли грозные директивы, требующие усилить нажим на кулака, начать непосредственную работу по коллективизации. Возможно, такое решение объяснялось и трудностями с хлебом. Но попытка решить продовольственную проблему путем искусственного форсирования процесса обобществления была крупным отступлением от ленинского кооперативного плана.

Думается, что грандиозность социальной революции на селе, которую Сталин решил форсировать, не могла не привлечь

на его сторону большинство в партии. Радикальные, левацкие настроения после революции продолжали устойчиво жить в массе коммунистов; хотелось одним ударом решить те вековые проблемы, которые требовали взвешенного и спокойного подхода.

Сталин по своей натуре был очень осторожен. И все же после мучительных раздумий он пошел на риск — сплошную коллективизацию миллионов крестьянских хозяйств, зная, что масса полуграмотных мужиков еще не была к этому готова. Утопическо-догматический взгляд Сталина на крестьянскую проблему выражался, по существу, в намерении превратить сельского производителя в бездумный "винтик" аграрной машины. Для этого нужно было добиться отчуждения крестьянина от средств производства и распределения продукта. По сути, Сталин решил изменить социальный статус крестьянина как свободного производителя — сделать его бесправным работником. Для этого ему пришлось чрезвычайные меры превратить в "обычные" нормы жизни. Июльский Пленум ЦК (1928 г.) поддержал Сталина. Партия согласилась с возведением насилия в систему...

На смену экономическим законам приходили командно-экономические, постепенно "убившие" нэп, материальную заинтересованность крестьян, их предприимчивость и истовость в работе. Некоторые из опальных левых, близких в прошлом к Троцкому, также одобрительно отнеслись к "решительным мерам" в деревне, поддержали шаги Сталина. Пятаков, Крестинский, Антонов-Овсеенко, Радек. Преображенский и другие подали покаянные заявления и были восстановлены в партии. Пятаков стал председателем Госбанка, затем заместителем наркома тяжелой промышленности. Однако и он, и его единомышленники в 37-м испили горькую чашу до дна. Прошлого "вольнодумства" Сталин никому не простил.

Первым пятилетним планом предусматривалось за пять лет охватить кооперированием до 85% крестьянских хозяйств, и в том числе до 20% в форме колхозов. Однако под нажимом сверху на Украине, Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге принимаются решения сократить эти сроки до одного года! Курс на широкое применение насилия по отношению к кулаку и в целом в вопросе коллективизации означал фактически конец нэпа. Вот как это осуществлял сам Сталин.

Приехав в январе 1928 года в Сибирь, Сталин в своих выступлениях на совещаниях с партийным и хозяйственным активом делал особый акцент на усиление давления на кулака. По-

ездка походила на объезд командующим своих гарнизонов. По приезде в очередной пункт Сталин вызывал местных партийных и советских работников, коротко заслушивал их и неизменно делал вывод:

— Работаете плохо! Бездельничаете и потакаете кулаку. Посмотрите, нет ли и среди вас кулацких агентов... Так долго терпеть этого безобразия мы не можем.

После раздраженного разноса следовали конкретные рекомендации:

— Посмотрите на кулацкие хозяйства, — говорил генсек, — там амбары и сараи полны хлеба, хлеб лежит под навесами ввиду недостатка мест хранения, в кулацких хозяйствах имеются хлебные излишки по 50 — 60 тысяч пудов на каждое хозяйство...

Сталин все свои выступления заканчивал одинаково:

Предлагаю:

а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам;

б) в случае отказа кулаков подчиниться закону, привлечь их к судебной ответственности по 107-й статье Уголовного Кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства, с тем чтобы 25% конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков...

Нужно неуклонно объединять индивидуальные крестьянские хозяйства, являющиеся наименее товарными хозяйствами, — в коллективные хозяйства, в колхозы...[12]

Такой нажимной стиль широко распространялся и поощрялся. Теоретическое и политическое обоснование лозунга, брошенного некоторыми ретивыми администраторами, — "За бешеные темпы коллективизации!" содержалось в статье Сталина "Год великого перелома". Некоторые перемены в настроениях, общественном сознании людей в пользу кооперации (не обязательно колхозов — это лишь одна из ее форм) были восприняты генсеком как повсеместная готовность середняка пойти в колхозы. Последовали новые решительные директивы и указания...

Через неделю после своего 50-летия Сталин выступал на конференции аграрников-марксистов. Его речь была знаменательна тем, что он еще до принятия постановления ЦК объявил: "...От политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества, как класса"[13]. Это было пагубное решение, затронувшее самым трагическим образом судьбы миллионов людей.

37-й год в общественном сознании считается апогеем насилия и беззакония в нашей стране. Он коснулся в значительной мере интеллектуального слоя общества, поэтому неудивительно, что об этом так много пишут, превратив этот период в эпицентр общественного внимания. В конце 20-х — начале 30-х годов "железная пята" прошлась по гораздо большему числу людей, среди которых, возможно, было немало и настоящих недругов, но неизмеримо больше невинных: середняков, причисленных к кулакам, просто строптивых крестьян и членов их семей. Историки начинают разбираться в деталях этого процесса. Кооперирование мелких хозяйств, возможно, было исторической необходимостью. Однако было ли необходимым массовое насилие в этом экономическом перевороте? Без боязни впасть в ошибку, можно сказать: нет, такой необходимости не было. Процесс кооперирования должен был быть добровольным!

По настоянию Сталина для облегчения раскулачивания был составлен документ, "очерчивающий" параметры кулака: доход в год на едока, превышающий 300 рублей (но не менее полутора тысяч на семью), занятие торговлей, сдача в наем инвентаря, машин, помещений; наличие мельницы, маслобойни и т.д. Уже один из этих признаков делал любого крестьянина кулаком. Как видим, применялся не социальный критерий, а имущественный, что, по меньшей мере, недостаточно для определения класса. По существу, создавалась широкая возможность подвести под раскулачивание самые различные социальные элементы.

Насилие справило пышный пир. Масса крестьян пережила самое тяжелое потрясение в XX веке. Пострадали наиболее старательные, умелые, прижимистые, предприимчивые. Конечно, среди них было и немало таких, которые весьма настороженно относились к новой власти. Но всех их Сталин и его помощники однозначно отнесли к врагам социализма, которые должны быть "обезврежены".

Специальная комиссия к январю 1930 года подготовила проект постановления ЦК "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству". Сталиным (собственноручно!) сроки, предложенные комиссией, были сокращены в два раза. Без всякого научного обоснования, учета всех позитивных и негативных факторов, генсек настойчиво требовал: быстрее, быстрее, быстрее! Сводки, доклады, летучки в губкомах, волостях. Масса уполномоченных. Одни только обещают: "Трактора, керосин, соль, спички, мыло — все будет,

чем быстрее запишетесь в колхоз!" Другие действуют более решительно: "Кто не хочет в колхоз, тот враг Советской власти!" Страсти, конфликты, обрезы, убийства партработников, колхозных активистов, многочисленные письма в Москву с жалобами, ходоки за правдой... Такова была внешняя сторона тех драматических, а затем и трагических событий, которые переживало крестьянство. Объективная потребность в кооперировании, начавшая постепенно материализовываться в различных добровольных формах, была затем "подкреплена" целой системой жестких мер административного, политического, правового характера.

Стали обычными факты злоупотреблений. В русский язык вошло слово "раскулачивание". Под него подпало более миллиона крестьянских хозяйств (не только кулаков). По некоторым подсчетам, к моменту начала массовой коллективизации кулаков в стране насчитывалось в общей массе крестьянских хозяйств не более трех процентов, т.е. около 900 тысяч. Многие сотни тысяч семей (в полном составе) после изъятия у них всех средств производства, ценностей, недвижимости выселялись в отдаленные места. Едва ли когда-нибудь удастся назвать точную цифру людей, захваченных этим штормом беззакония. Вместо экономических мер ограничения влияния кулака в деревне были использованы самые беспощадные средства по его ликвидации. По некоторым данным, в 1929 году в Сибирь, на Север было выслано более 150 тысяч семей кулаков, в 1930-м — 240 тысяч, в 1931-м — более 285 тысяч. Но ведь раскулачивание велось и в 1928 году, и после 1931 года... По моим подсчетам, 8,5 — 9 миллионов мужчин, женщин, стариков, детей подпали под раскулачивание, бóльшая часть которых была сорвана с насиженных мест, где остались могилы предков, родной угол, весь бесхитростный крестьянский скарб... Многие были расстреляны за оказание сопротивления, немало погибло на дорогах Сибири и Севера. В ряде мест захваченные инерцией социального насилия, а иногда и материальной заинтересованностью, подверглись раскулачиванию и середняки. Всего, по моим подсчетам, около 6 — 8% крестьянских хозяйств оказались втянуты в той или иной форме в водоворот раскулачивания.

Конечно, сотни тысяч кулацких хозяйств небезропотно приняли этот процесс. Нужно было, думается, применять продуманные административные методы против тех кулаков, которые вели прямую антисоветскую борьбу. Но ведь большая часть кулацких хозяйств могла быть приобщена к процессу об-

обществления, кооперации путем дифференцированного обложения, производственных заданий и обязательств. Этого не делалось. Отказ в самой возможности привлечь кулака к общему процессу ставил его перед трагическим выбором: бороться или ждать своей участи — раскулачивания и ссылки. Поспешность и беспощадность в решении вопросов, затрагивавших миллионы людей, привела к трагедии.

Интересно, пожалуй, привести в связи с вопросом о кулаке выдержку из беседы Сталина с Черчиллем 14 августа 1942 года. Закончились переговоры. Сталин пригласил английского премьер-министра поужинать к себе на кремлевскую квартиру. Во время долгой беседы за столом были Молотов и переводчик. В мемуарах Черчилля это выглядит так. Премьер спросил Сталина:

— На Вас лично так же тяжело сказываются тяготы нынешней войны, как и проведенная Вами политика коллективизации?

Эта тема, пишет Черчилль, сейчас же оживила Сталина.

— Политика коллективизации была страшной борьбой, — сказал Сталин.

— Я так и думал, что для вас она была тяжелой. Ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей...

— С десятью миллионами, — сказал Сталин, подняв руки. — Это было что-то страшное, это длилось четыре года. Чтобы избавиться от периодических голодовок, России было необходимо пахать землю тракторами. Мы были вынуждены пойти на это. Многие крестьяне согласились пойти с нами. Некоторым из тех, кто упорствовал, мы дали землю на Севере для индивидуальной обработки. Но основная их часть (имеются в виду кулаки. — *Прим. Д. В.)* была весьма непопулярна и была уничтожена самими батраками...[14]

Я сохраняю выражения Черчилля: "аристократы", "помещики", "популярность" и т.д. Известно, что с легкой руки Черчилля цифра десять миллионов пошла гулять по страницам печати. Мои данные несколько меньше, хотя это, разумеется, отнюдь не уменьшает величину этой страшной человеческой трагедии. То был первый массовый кровавый террор, развязанный Сталиным в собственной стране.

Годы коллективизации знаменовали, по существу, критический перелом в судьбах крестьянства с далеко идущими социальными последствиями. Исторические шансы добровольного кооперирования и нэповского, рыночного, развития были

упущены. Чрезвычайные, силовые методы стали определяющими в формировавшейся системе, все более удалявшейся от ленинского идеала.

А коллективизация продолжалась. Десятки тысяч писем шли в Москву на имя Сталина с жалобами, болью, недоумением, страхом, ненавистью. Запущенная машина беззакония продолжала перемалывать человеческие судьбы. Наконец лишь 2 марта 1930 года Сталин, до которого не мог не дойти размах морального протеста и социального сопротивления крестьянства, выступил в "Правде" с известной статьей "Головокружение от успехов". Как зловещая ода социальному насилию читается сегодня второй абзац статьи: "Это факт, что на 20 февраля с.г. уже коллективизировано 50% крестьянских хозяйств по СССР. Это значит, что мы **перевыполнили** (выделено мной. —*Прим. Д.В.)* пятилетний план коллективизации к 20 февраля 1930 года более чем вдвое".

Проценты, цифры плана, его двойное перевыполнение... Неужели Сталин никогда не задумывался, что за всеми этими (и множеством других) цифрами стоят человеческие судьбы?! Ведь он не привел другие данные: сколько сослано, раскулачено, уничтожено, погибло людей... Обычно говорят, что процесс такого гигантского преобразования не мог пройти безболезненно, гладко, без ошибок. Ведь коллективизация коснулась почти четырех пятых всего населения нашего государства! Но кто дал право Сталину исключить свободу выбора простого человека, а все решить за него?! А ведь Ленин предостерегал: "Не сметь командовать!" Забыты были и его, Сталина, собственные заявления и заверения: "Кулака надо взять мерами экономического порядка и на основе советской законности!". Словом, для Сталина становилось обычной нормой относиться как к фикции к любым решениям, выводам, положениям, если в тот или иной момент они не соответствовали его планам.

В статье Сталина однозначно делается вывод (как будто по этому вопросу прошел в стране референдум!), что ни товарищество по совместной обработке земли, ни коммуна сегодня не отвечают требованиям социалистического преобразования деревни. Только колхозы! Вот эта форма сельхозартели является единственно приемлемой, решил "аграрий" Сталин, который больше никогда в село не поедет. В последующем он "изучал сельское хозяйство, — как заявил Н.С. Хрущев на XX съезде, — только по кинокартинам". Это, конечно, не совсем так, но трудно представить руководителя, который о любой проблеме может верно судить только из кабинета. Самое печальное, что

характеризует Сталина в целом, — он никогда не признавал своих ошибок. И здесь, в статье, виновники "перегибов", "головокружения от успехов", "чиновничьего декретирования", оказывается, находились лишь на местах: в губерниях, волостях, артелях! Сам Сталин, конечно, ни в малейшей степени "не повинен" в многочисленных извращениях, перегибах, беззаконии. А его прямые указания, директивы, контрольные цифры, соревнование по "охвату" и т.д.? Как всегда, генсек все это выносил "за скобки".

После "Головокружения от успехов" к Сталину хлынул новый поток писем от крестьян. Он был вынужден еще раз разъяснять позицию партии в вопросе о коллективизации, порой вольно или невольно дискредитируя своими обобщениями саму идею переустройства сельского хозяйства на путях постепенной кооперации. В ответах колхозникам генсек писал:

"Иные думают, что статья "Головокружение от успехов" представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Это была **глубокая разведка** (выделено мной. — *Прим. Д.В.)* ЦК".

Далее он пишет:

"Трудно остановить во время бешеного бега и повернуть на правильный путь людей, несущихся стремглав к пропасти..."[15]

Примечательно, что, затрагивая социальные, экономические, культурные вопросы, Сталин предпочитает пользоваться военными терминами: "разведка", "фронт", "наступление", "отступление", "перегруппировка сил", "подтягивание тылов", "подвод резервов", "полная ликвидация врага"... Речь, разумеется, шла и о "ликвидации кулачества как класса". И при этом — напыщенная образность, признание, что массы людей неслись "стремглав к пропасти". Как бы резюмируя свое понимание сути и методов преобразования села, Сталин на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 года заявил: для того чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, нужно "*насаждать* в деревне крупные социалистические хозяйства в виде совхозов и колхозов..."[16]. Фактически это была команда по ликвидации целой социальной группы крестьянства без обсуждения пленумом ЦК, без глубокого обоснования всех последствий. К слову сказать, через десять лет в редакционной статье "Большевика" об этой "аграрной" речи Сталина будет сказано:

"Большевистская партия под руководством товарища Сталина дала изумительный образец решения крестьянского во-

проса... Триумфом сталинской программы социалистической переделки крестьянского хозяйства является сплошная коллективизация и ликвидация на ее основе кулачества как класса. Эту боевую программу переделки крестьянского хозяйства на социалистической основе товарищ Сталин изложил в документе величайшей теоретической силы, в своей речи на конференции аграрников-марксистов..."[17]

В результате работы специальной комиссии Политбюро под председательством Молотова в январе 1930 года по настоянию Сталина было принято постановление ЦК "О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации". Эта партийная директива усилила напряженность в деревне, т.к. в соответствии с постановлением кулакам путь в колхозы был закрыт. Положение этой части крестьянства стало трагическим и безвыходным. Против кулаков принимались самые жесткие меры — полная конфискация имущества и высылка семьи экспроприируемого в отдаленные районы. Соответственно усиливались выступления кулачества против Советской власти, принимая порой большой размах. Противоправные действия против зажиточной части крестьянства породили ответную волну протеста, бандитизма, вооруженных выступлений против властей.

"Насаждение" коллективной формы хозяйства сопровождалось запугиванием, страхом, репрессиями, обещаниями. А ведь Октябрь создал прочные объективные предпосылки для реализации ленинского кооперативного плана: крестьяне получили землю, стали полноправными союзниками рабочего класса; был положен конец их эксплуатации. Новая, Советская власть ведь была и его, крестьянина, властью! Но методы принуждения, насилия, администрирования, которые в свое время разделял Троцкий, были использованы Сталиным в максимальной мере. Сразу же "забуксовало" зерновое хозяйство. Следом — и животноводство. А главное, была "подсечена" предприимчивость крестьянина; производительность труда в колхозах стала ниже, чем в индивидуальном хозяйстве. Последствия были исключительно тяжелыми. Во многих районах начался массовый забой скота: к 1933 году по сравнению с 1928 годом его количество сократилось в два-три раза. Чтобы помешать засаливать мясо, резко ограничили продажу соли. Сократились площади посевных земель... Сотни тысяч семей были сорваны с мест и лишились крова.

Сталину докладывали о том, что происходило в деревне. Генсек мог понять сообщения, информацию, но ему были чуж-

ды сантименты. Струны его чувств были так глубоко упрятаны, что едва ли что могло их затронуть. Он верил, что так нужно.

Однажды в редкую минуту, когда он почти заколебался в верности своего выбора, вспомнил старого бунтаря Бакунина, к которому где-то в глубине души питал уважение: "Воля всемогуща; для нее нет ничего невозможного". Сталин знал, что часто в речах, статьях, стихах его фамилия прежде всего олицетворяется со стальной волей, несгибаемым характером, твердой рукой. Волю Сталин действительно ценил в людях выше всяких "интеллигентских" добродетелей. Высокая цель для него всегда оправдывала любые средства их достижения. Он верил, что крестьяне просто не понимают, что им готовят и предлагают. Генсек не думал, что программа, которую он форсировал, часто представала как "кошмар добра". Люди, которые выступали против нее, казались ему не просто недоумками, а прежде всего политиками, не способными увидеть всех преимуществ форсированного наступления в деревне. О том, что наступать предстояло против человека в крестьянской домотканой рубахе, часто в лаптях, неграмотного, со своими традициями и заботами, привязанного пуповиной к своему наделу, генсека не волновало. Мужик был средством достижения высоких целей. А цель — превыше всего.

Все это время, особенно с начала 1928 года (поездка Сталина в Сибирь с 14 января по 6 февраля), в Политбюро велась глухая борьба. Курсу Сталина вначале осторожно, а затем все более настойчиво противодействовал Бухарин, его поддерживали Рыков и Томский. Это не было группировкой "правых", как ее вскоре нарекут. Просто эти руководители по своим взглядам, убеждениям проповедовали более умеренный, взвешенный подход к проблеме крестьянства. Они спокойнее отнеслись к так называемому "Шахтинскому делу", на основании которого Сталин ребром поставил вопрос "быстрейшей замены, контроля" над специалистами, доставшимися стране от старого строя.

В выступлениях Сталина и Бухарина без упоминания фамилий стала содержаться критика (эзоповским языком) друг друга. Так, 28 мая 1928 года Сталин выступил в Институте красной профессуры, где Бухарин, недавно выдвинутый здесь и ставший единственным академиком из числа высших руководителей, пользовался особо большой популярностью. Генсек захотел именно здесь поставить под сомнение позицию Бухарина, представив его как "защитника кулачества" в решении крестьянско-

го вопроса и хлебной проблемы. В своем большом выступлении, к которому Сталин тщательно готовился, он допустил несколько закамуфлированных выпадов против Бухарина. Но все поняли, кому они адресованы.

— Есть люди, — читал текст Сталин, — которые усматривают выход из положения в возврате к кулацкому хозяйству, в развитии и развертывании кулацкого хозяйства... Эти люди полагают, что Советская власть могла бы опереться сразу на два противоположных класса, — на класс кулаков... и на класс рабочих...

Далее Сталин продолжал:

— Иногда колхозное движение противопоставляют кооперативному движению, полагая, очевидно, что колхозы — одно, а кооперация — другое. Это, конечно, неправильно. Некоторые доходят даже до того, что колхозы противопоставляют кооперативному плану Ленина. Нечего и говорить, что такое противопоставление не имеет ничего общего с истиной[18].

Бухарин более чем кто-либо другой понимал, почему Сталин форсирует колхозное строительство. Из коллективного хозяйства легче изъять хлеб! И здесь Сталин не ошибался: аграрное производство, включенное в командную систему, проще заставить фактически вновь вернуться к практике "военного коммунизма". Вот некоторые данные. В 1928 году (начало коллективизации) при валовом сборе зерна 4,5 миллиарда пудов крестьяне продали государству 680 миллионов пудов. В 1932 году (валовой сбор 4,3 млрд. пудов) — государство уже получило 1,3 миллиарда пудов! При приблизительно одинаковом валовом сборе зерна государство смогло удвоить товарную массу хлеба, полученного от крестьян. Но какой ценой!

На Северном Кавказе, Украине, в Поволжье, в других регионах страны наступила полоса жестокого голода. Сегодня нет достоверных данных о его жертвах. Но ясно одно: число их очень велико. Возможно, немногим меньше, чем во время раскулачивания. И это тоже цена "аграрной революции" генсека.

Голод был вызван не только засухой, охватившей основные сельскохозяйственные районы, но и дезорганизацией крестьянского хозяйства в ходе коллективизации, насильственным изъятием сельхозпродукции, наконец, несбалансированностью народного хозяйства в целом. Население городов ежегодно увеличивалось на 2 — 2,5 миллиона человек; росло число едоков. При низких закупочных ценах колхозное крестьянство не смогло, естественно, обеспечить страну хлебом. С самого начала существования колхозного производства от принципа материаль-

ной заинтересованности крестьянина не осталось и следа. К тому же государство продолжало импортировать хлеб. Для закупки за границей машин, оборудования, техники нужна была валюта. И Сталин торопил, настаивал. Его указания, естественно, выполнялись. Во многих районах, особенно на Украине, несмотря на голод, хлеб выбирался полностью. Цена индустриализации была горькой, трагической. Индустриализация — это не только самоотверженный труд рабочего класса, но и неисчислимые жертвы крестьян.

Голод толкал людей на хищение хлеба. По инициативе Сталина 7 августа 1932 года был принят Закон об охране социалистической собственности. Редактируя его, генсек собственноручно вписал: "...Люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы, как враги народа..."[19] За хищение колхозного имущества предусматривался расстрел или 10 лет лагерей. Закон "о колосках", как называли его в деревне, безжалостно карал тысячи голодающих. Сталин требовал его безусловного исполнения, и уже к началу 1933 года было осуждено свыше 50 тысяч человек.

По распоряжению Сталина о голоде в стране не писали, а он охватил районы с общей численностью населения 25 — 30 миллионов человек. Особенно тяжелыми последствия были на Украине и в Поволжье. Недород был большим, тем не менее планы поставок зерна и другой продукции государству остались прежними. Более того, новые коллективные хозяйства, еще не ставшие на ноги, получали повышенные задания по сдаче хлеба. Их невыполнение расценивалось как саботаж, "подрыв политики партии в деревне". Смятение охватывало тысячи деревень. Пассивное сопротивление крестьян выражалось в различных формах, в том числе и в невыходе на работу.

Голод и бесправие привели к тому, что колхозы шли на различные нарушения, чтобы обеспечить хоть чем-то голодающих. Освещение этих процессов было примерно таким. В одной из газет, в частности, сообщалось, что "из районов Северного Кавказа поступают сообщения о рваческих, кулацких тенденциях, проявляемых отдельными колхозами и совхозами в хлебозаготовках. В Хутонском колхозе, несмотря на невыполнение плана в 1000 центнеров, правление распорядилось произвести обмолот хлеба для раздачи колхозникам".

Сталин, выступавший на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года, ничего не сказал о голоде, а лишь глухо упомянул об имеющихся "трудностях и лишениях" в деревне. Главная задача, поставленная генсеком

перед колхозниками, была предельно ясной: "От вас требуется только одно — трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабоче-крестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников"[20]. О помощи бедствующим — ни слова.

Социализм на селе утверждал себя насилием. Это был метод Сталина. Мощь государства достигалась ценой свободы. Конечно, хлеб был нужен для закупок за рубежом промышленного оборудования, улучшения снабжения быстро растущих городов, создания государственных запасов. Но применять столь крайние меры было нельзя! Командно-директивные методы отныне окончательно вытеснили экономические. Ликвидировался не только кулак, но вытеснялся и единоличник вообще. И все это достигалось силой. На совещании в ЦК в 1934 году Сталин заявил однозначно:

— Надо создать такое положение, при котором индивидуалу в смысле усадебного личного хозяйства жилось бы хуже, чтобы он имел меньше возможностей, чем колхозник... Надо усилить налоговый пресс...[21]

И этот пресс все плотнее прижимал не только "индивидуалов", но и колхозы, делая их не хозяевами на своей земле, а каким-то бесправным сословием... Формировался новый тип крестьянина, отчужденного от земли и результатов своего труда. Люди потеряли право распоряжаться собой. Недоумение, смятение уступят место равнодушию. Но это будет позже. Как раз этого очень и опасался Бухарин.

До неузнаваемости исказив позицию Бухарина, изобразив его "защитником кулака" и человеком, не понимающим суть ленинского кооперативного плана, Сталин тогда, в Институте красной профессуры, впервые вынес разногласия с Бухариным "на люди".

В свою очередь в своих публичных выступлениях Бухарин, не называя имен, говорил о недопустимости администрирования в экономике. Главный теоретик Политбюро постоянно проводил мысль: без процветающего сельского хозяйства невозможна успешная программа индустриализации; нажим, реквизиции, насилие в колхозном строительстве недопустимы. В начале 1928 года исход борьбы был еще неясен. На первых порах однозначно поддерживали Сталина лишь Молотов и Ворошилов, а Бухарина — Рыков и Томский. Куйбышев, Калинин, Микоян и Рудзутак колебались, стремились примирить двух

влиятельнейших членов Политбюро. По сути, от этого "центристского" ядра тогда зависело: чья линия — Сталина или Бухарина — одержит верх. Но, как всегда, Сталин оказался более искусным и изощренным в аппаратных, закулисных делах. В результате апрельский, июльский, а затем и ноябрьский Пленумы ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928 года заняли жесткую позицию в отношении альтернативы, предлагаемой в крестьянском вопросе Бухариным.

Сталин не просто "подталкивал" преобразования, он силой рушил все старое. Сталин не мог не понимать, что его курс на обобществление сельского хозяйства, по существу, вел к возрождению принципов "военного коммунизма". На смену твердому налогу пришла обязательная сдача, а не продажа хлеба. И это будет надолго, на десятилетия.

Бухарин же предлагал эволюционный путь преобразования деревни, в ходе которого кооперация, обобществленный сектор будут постепенно вытеснять индивидуальное хозяйство экономически, силой примера. Не во всем он был прав, особенно в определении исторических перспектив преобразований и их темпов, растягивающих процесс на долгие годы. История не отвела стране так много времени. И все же борьба Бухарина против триумфа злой силы, примененной к миллионам граждан Советского государства — крестьянам, была оправданна и по моральным, и по политическим соображениям.

Но Сталин не поддержал Бухарина. И вот к чему это привело! Повторю еще раз: в ходе переустройства деревни безусловно можно было избежать террора и трагедий, которые не уступают, а во многом — прежде всего по масштабам насилия и своим последствиям — превосходят репрессии 1937 — 1938 годов. Конечно, насилие и в том и другом случае глубоко преступно. Но удавшаяся операция с "ликвидацией кулачества как класса" вселила уверенность в Сталина, который почувствовал свои диктаторские возможности и не остановился перед тем, чтобы окончательно ликвидировать всех тех, кто когда-либо выступал или мог выступить против него.

Кстати, многие элементы плана Бухарина представляются рациональными, как, например, дальнейшая реализация нэпа в единстве с добровольным кооперированием сельского хозяйства.

И еще об одном. Последствия сталинской коллективизации сказываются уже многие десятилетия, несмотря на множество реформ, постановлений, решений, имеющих целью выправить положение в сельском хозяйстве.

Да, совершив насильственную "аграрную революцию", Сталин обрек сельское хозяйство на долгие десятилетия застоя. Кровавый эксперимент, стоивший миллионов человеческих жизней, не принес облегчения стране. По существу, на многие годы в село вернулась практика "военного коммунизма", хотя об этом никогда не говорилось. Сталин на многочисленных совещаниях расписывал победы колхозного строя. Фактическая разверстка, безвозмездное изъятие хлеба стали законом. Свободная торговля быстро зачахла: у колхозов не оказалось товарного хлеба. А Сталин все продолжал изыскивать методы ужесточения командного управления притихшими селами... Сколько состоялось пленумов ЦК, сколько принималось решений по коренному улучшению положения дел в сельском хозяйстве! А положение неизменно ухудшалось. Все усиливалось отчуждение колхозника от земли, средств производства, распределения, управления. Страх и равнодушие пришли в село. Колхозами командовали все, никто даже не вспоминал их кооперативную природу.

Первой жертвой сталинского цезаризма стало крестьянство.

Так "умер" нэп. Так оборвалась умеренная линия в руководстве Политбюро. Так было положено начало фактическому отмиранию на долгие годы коллективного руководства в партии. Так возобладало откровенное стремление Сталина решать все вопросы единолично.

Огромная притягательность социализма, рожденного Октябрем, стала падать. Недруги социализма и по сей день, желая нанести удар побольнее, обращаются к нашим крестьянским делам. Ничего не скажешь: Сталин дал обильную пищу и весомые аргументы для дискредитации когда-то столь привлекательных идей. Вот, например, как подает свою книгу "Урожай горя" Роберт Конквист: на обложке фраза — "В период с 1929 по 1932 год Сталин нанес двойной удар по крестьянству ликвидацией кулака и насильственной коллективизацией"[22].

В разгар Великой французской революции, когда большинство ее вождей не видели приближающейся беды, Сен-Жюст, чувствуя подземные толчки приближающегося кризиса, бросил: "Революция закоченела..." Сталин, решившись на беспрецедентное использование насилия против собственного народа, подрезал жилы огромной социальной группе, так много получившей от революции, но не сумевшей из-за сталинского цезаризма воспользоваться ее плодами. Революция на крестьянских

полях "закоченела" в жестких тисках сталинской административно-командной системы.

С конца 1928 года в биографии Сталина начинается новый этап: не только устраняются все непосредственные соперники в руководстве, но и начинается все то, что мы привыкли называть "культом личности". Устранение Бухарина было заметной вехой в этом процессе.

Драма Бухарина

Политический портрет Сталина, думаю, был бы неполным без освещения людей из его окружения — соратников, беспрекословных соглашателей, поддакивателей и противников. Чтобы показать еще одну грань характера Сталина, остановлюсь на драме Бухарина, разыгравшейся в 20-е годы. Трагедия этого человека произойдет позже.

Долгое время между Сталиным и Бухариным были тесные дружеские отношения. Временами казалось даже, что их связывает прочная дружба. С 1927 года Бухарин по настоянию Сталина жил в Кремле, а после смерти жены генсека они поменялись квартирами. Сталин объяснил это желанием освободиться от постоянных напоминаний о роковом дне смерти Надежды Сергеевны. **Николай Иванович Бухарин,** натура утонченная, свято хранил чувства дружбы, порядочности, искренности в отношениях со Сталиным. С ним они были всегда на "ты". Сталин обращался к Бухарину "Николай", а последний обычно звал генсека "Коба". В период с 1924 по 1928 год Сталин всегда внимательно прислушивался к Бухарину, неоднократно публично подчеркивал, что "его теоретический ум высоко ценил Ленин", что партия дорожит этим самородком. Для Бухарина личная дружба была чем-то духовно высоким, даже святым, от нее он не мог отмахнуться просто так, как это довольно неожиданно сделал Сталин в апреле 1929 года на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).

Свою речь на пленуме Сталин начал как раз со своих отношений с Бухариным.

— Товарищи! Я не буду касаться личного момента (а ведь уже коснулся! — *Прим. Д.В.),* хотя личный момент в речах некоторых товарищей из группы Бухарина играл довольно внушительную роль. Не буду касаться, так как личный момент

есть мелочь, а на мелочах не стоит останавливаться. Бухарин говорил о личной переписке со мной. Он прочитал несколько писем, из которых видно, что мы, вчера еще личные друзья, **теперь расходимся с ним в политике** (выделено мной. — *Прим. Д.В.)*... Я думаю, что все эти сетования и вопли не стоят ломаного гроша. У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса[23].

По существу, перефразируя слова Маркса по отношению к Дантону, Сталин пытался убедить Политбюро, ЦК в том, что Бухарин, хотя и находился на вершине Горы, был в значительной мере вождем Болота.

Все вроде правильно: интересы дела выше личных отношений. Но сколько все же отталкивающего, просто мерзкого в словах Сталина: упоминания о дружбе не стоят и "ломаного гроша", у нас "не артель личных друзей"... Наивный идеалист Бухарин получил от Сталина еще один урок макиавеллизма. Оказывается, его дружба, мнения, наконец, для Сталина просто "мелочь". А ведь так было не всегда.

Как рассказывал мне А.П. Балашов, работавший в секретариате Сталина, генсек, когда ему приносили бланки с результатами голосования членов Политбюро путем опроса, часто, не поднимая головы от бумаг, бросал:

— Как Бухарин, "за"?

Мнение Николая Ивановича, говорил Балашов, было весьма важным для Сталина при определении своего собственного отношения к конкретному вопросу.

Так каким же был Бухарин? Почему из всех соратников Ленина, оставшихся после его смерти на партийных постах, у многих о Бухарине сохранились наиболее теплые воспоминания с привкусом непоправимой горечи? Почему Ленин называл его "любимцем партии", а Сталин в конце концов уничтожил этого выдающегося деятеля?

Н.И. Бухарин родился в Москве в 1888 году в семье школьного учителя, дослужившегося до чиновника седьмого класса (надворного советника). Судьба Бухарина подтверждает еще раз, что большинство вождей Октябрьской революции были не пролетарского происхождения. Этому есть объективное объяснение: быть лидером, не овладев достижениями мировой культуры, нельзя. Усвоить ее, развить, разработать методологию использования в социальной практике могли в то время преимущественно выходцы из более или менее обеспеченных слоев.

В 1906 году Бухарин стал членом партии. О юности будущего теоретика сохранились любопытные воспоминания его друга тех лет Ильи Эренбурга. Студент экономического отделения юридического факультета Бухарин занимался пропагандистской работой среди рабочих и студентов. Его небольшую подвижную сухощавую фигурку с редкой бородкой и рыжими волосами над высоким лбом часто можно было видеть в те годы не только на студенческих митингах в Московском университете, но и на предприятиях Замоскворецкого района Москвы. После ареста в 1910 году ему удается бежать из Онеги, маленького городка Архангельской губернии, и он вскоре оказывается за рубежом. В Россию Бухарин вернется лишь после революции.

Шесть лет пребывания за границей были для него чрезвычайно плодотворными. Там он познакомился с Лениным, относившимся к Бухарину всегда не просто с теплым чувством, но и с большой любовью, что не мешало ему вести с ним жесткие дискуссии. Начинающий теоретик не вылезал из библиотек, быстро овладел немецким, французским и английским языками. Здесь Бухарин подготовил рукописи двух крупных теоретических работ — "Политическая экономия рантье" и "Мировое хозяйство и империализм". Характеризуя государство, попавшее в руки тирана, Бухарин, используя художественный образ, заимствованный у Джека Лондона, пророчески писал, что такой диктатор будет ходить своей "железной пятой" по лицам людей. Это было абстрактное, но едва ли не пророческое предупреждение против единовластия, милитаристской силы, для которых нет ничего святого.

В Нью-Йорке Бухарин познакомился с Троцким. Несмотря на частые теоретические и политические разногласия, между ними почти на десятилетие установились весьма теплые личные отношения. В Нью-Йорке и застала Бухарина весть о февральской революции. Путь в Россию был долгим; в Японии он был арестован, затем попал под стражу уже на родине, во Владивостоке (за пропаганду среди солдат), и смог добраться до Москвы лишь в мае 1917 года.

Вскоре Бухарин стал редактором "Правды" и находился на этом посту почти двенадцать лет с одним небольшим перерывом. Как редактор главной партийной газеты, он принимал активное участие в выработке политики партии и ее пропаганде.

Он не умел ни хитрить, ни притворяться, ни "разводить дипломатию". Так, в 1918 году, в драматические недели борьбы за заключение мирного договора с Германией, Бухарин стал

фактически лидером оппозиции Ленину. В течение двух месяцев Бухарин возглавлял различные группы "левых", выступавших против Брестского мира и проповедовавших революционную войну.

Левокоммунистические пристрастия Бухарина не были случайными. В годы гражданской войны он был олицетворением самой радикальной "левой" линии. Именно Бухарин был одним из идеологов и политики "военного коммунизма".

В работе "Экономика переходного периода" Бухарин, по сути, занялся апологетикой теории и практики "военного коммунизма". Элементы насилия, декретирования в экономике Бухарин называл "издержками революции". Эти "издержки" по существу являются "революционным законом". Пролетарская революция, по Бухарину, вначале разрушает экономику, но затем создает ее быстрыми темпами. Хотел того или не хотел Бухарин, но он был одним из певцов "военного коммунизма".

Наиболее полно его взгляды как теоретика "военного коммунизма" были выражены в широко известной работе "Азбука коммунизма", готовить которую ему помогал Е. Преображенский, тоже способный молодой теоретик. В начале 20-х годов Сталин, кстати, высоко оценивал этот "катехизис" коммунистов. В "Азбуке...", как в энциклопедии, были изложены основные положения о революции, классовой борьбе, диктатуре пролетариата, роли рабочего класса, программе коммунистов и т.д. Успех "Азбуки..." был велик. Она переиздавалась около двадцати раз, распространялась за рубежом. Благодаря этой популярной книжке, где основные проблемы революционного движения были изложены с весьма радикальных, левых позиций, Бухарин в партии и стране стал известен не меньше, чем Троцкий, Зиновьев, Каменев. На Западе по этой книге о Бухарине долго судили как о "жреце ортодоксального марксизма".

И для этого были основания. Вот, например, что писал Бухарин в своем сборнике теоретических статей "Атака", изданном в 1924 году. Грандиозный мировой переворот, который грядет, включает в себя "и оборонительные, и наступательные войны со стороны победоносного пролетариата: оборонительные — чтобы *отбиться* от наступающих империалистов, наступательные — чтобы *добить* отступающую буржуазию...". Мировая революция будет захватывать одну страну за другой. Этому не помешают "все эти "лиги наций" и прочая дребедень, которую напевают с их голоса социал-

предательские банды..."[24]. В революции, гражданской войне Бухарин представлял собой тип революционного радикала, если хотите — романтика, готового пойти на самые крайние меры. Стоит ли за это его осуждать? Видимо, нет. Время было такое. Многие мысли, прежде чем стать привычными, долго витают лишь у вершин эпохи, не опускаясь в долы прозаического бытия. Так, в то время любые надгосударственные, наднациональные, общечеловеческие идеи представали просто буржуазными. Ведь многое из того, что мы говорим сегодня, повергло бы в ужас не только "ортодоксального марксиста". А именно таким и казался всем Бухарин.

Тем удивительнее быстрый поворот, который произошел в умонастроениях Бухарина несколько лет спустя. Он не скрывал, что эволюция его взглядов произошла под влиянием Ленина, прежде всего последних работ Владимира Ильича. При этом Бухарину удалось более глубоко проникнуть в сущность нэпа, чем большинству других руководителей партии. Во время болезни Ленина Бухарин часто навещал его и нередко подолгу наедине с ним обсуждал злободневные вопросы теории и практики социалистического строительства. Впрочем, обо всем этом можно только догадываться и строить предположения. Однако как бы там ни было, с 1922 — 1923 годов Бухарин входит в умеренное крыло большевистского руководства, уделяя особо большое внимание социально-экономическим проблемам.

На этом стоит остановиться и потому, что в нашей истории, к сожалению, часто на высоких партийных и государственных постах находились люди (Сталин — ярчайший пример тому), слабо, примитивно, вульгарно знавшие экономику, ее законы. Часто умение диктовать, а то и просто подписывать директивы, провозглашать лозунги типа "экономика должна быть экономной", строить бесконечные планы на завтра, а завтра — на послезавтра, без реальной отдачи и отчета, считалось достаточным для того, чтобы распоряжаться судьбами многих миллионов людей. "Послужной список" генсека, его окружения напоминает: для политического руководителя мало одной идейной убежденности в истинности той или иной "платформы", искреннего желания материализовать ее на практике. Нужна не просто компетентность аппаратчика, а нечто более высокое; если не гениальность, то талант — обязательно. И сегодня, знакомясь с многочисленными работами Н.И. Бухарина, на которые было наложено "табу" для советских людей на целых пятьдесят лет, мы видим, что он был руководителем новой,

ленинской формации: убежденным, знающим и талантливым человеком.

Если Троцкий увидел в нэпе первый признак "вырождения большевизма", то Бухарин, наоборот, разглядел великолепный исторический шанс соединить новые возможности, которые дает социализм экономике, обществу, — с предпринимательским потенциалом старых, отвергнутых структур. То, что один из "вождей" революции считал "троянским конем термидора", другой, более талантливый в социально-экономическом плане, определил как "дополнительный рычаг в процессе общественного переустройства". Выступая на собрании актива Московской парторганизации в апреле 1925 года, Бухарин заявил: "Сейчас дело идет о том, чтобы развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов поставить в такие условия, чтобы оно вместе с частным накоплением все в возрастающей степени обеспечивало укрепление нашего хозяйства... Чем больше будет загрузка наших заводов, тем более массовым будет наше производство, тем больше город будет вести деревню; рабочий класс, тем **мягче** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) и в то же время прочнее будет вести крестьянство к социализму"[25].

Однажды, где-то в начале 1925 года, между Сталиным и Бухариным состоялся серьезный "экономический" разговор. Суть его свелась к высказыванию Сталиным своих сомнений по поводу нэпа и защите Бухариным самой сути этой политики. Бухарин в своих записках упоминает об этом разговоре. Сталин все время "нажимал" на то, что долгая ставка на нэп "задушит социалистические элементы и возродит капитализм". Генсек не понимал сути действия экономических законов и более полагался на "пролетарский напор", "директивы партии", "выработанную линию", "ограничение потенциальных эксплуататоров" и т.д. Разговор был долгим, и уже тогда Бухарин почувствовал, что Сталин не понимает и не доверяет нэпу, видит в нем, как и Троцкий, угрозу завоеваниям революции. Бухарин, обескураженный диалогом, решил изложить свое понимание нэпа в печати. Вскоре в "Большевике" появилась глубокая, не потерявшая своей актуальности до наших дней статья "О новой экономической политике и наших задачах", в которой он использовал и выводы своего доклада на собрании актива Московской парторганизации. Приведу два фрагмента из этой статьи:

"Смысл новой экономической политики, которую Ленин еще в брошюре о продналоге назвал правильной экономической политикой... в том, что целый ряд хозяйственных факторов, которые раньше не могли оплодотворять друг друга, по-

тому что они были заперты на ключ военного коммунизма, оказались теперь в состоянии оплодотворять друг друга и тем самым способствовать хозяйственному росту...

Нэп, это: меньше зажима, больше свободы оборота, потому что эта свобода нам менее опасна. Меньше административного воздействия, больше экономической борьбы, большее развитие хозяйственного оборота. Бороться с частным торговцем не тем, что топать на него и закрывать его лавку, а стараться производить самому и продавать дешевле, лучше и доброкачественнее его"[26].

Эти строки Сталин не выделил в статье, хотя она и испещрена его пометками. Генсеку было очень трудно понять, как это можно давать свободу частному сектору? Разве это не подрывает диктатуру? Узость и примитивность экономического мышления предопределили в конце концов выбор Сталина в пользу командно-бюрократической системы руководства народным хозяйством с одновременным отказом от тех огромных возможностей, которые создавала новая экономическая политика. Сталин слушал, читал Бухарина, пока мало возражал, но где-то в глубине души у него нарастало чувство раздражения "экономическим капитулянтством" теоретика.

Бухарин до конца своих дней не переставал повторять, что его взгляды основываются на ленинских работах, и прежде всего последних, предсмертных пяти статьях исторического "Завещания".

После смерти Ленина Бухарин из кандидатов был переведен в члены Политбюро. Его авторитет определялся прежде всего репутацией нового теоретика марксизма, поразительной человеческой мягкостью, исключительной доступностью для людей. Он был полным антиподом Сталину в этом отношении.

Бухарин долго стоял в стороне от борьбы фракций, групп, оппозиций. Не случайно Зиновьев после одной из своих безуспешных попыток заручиться поддержкой Бухарина в борьбе со Сталиным назвал его презрительно — "миротворец". Бухарин, лояльно относящийся ко всем до 1928 года, старался быть выше фракционной борьбы. Главным он считал наметить основные тенденции социально-экономического развития страны, пути ее глубокой реконструкции. Здесь ему пришлось решительно выступить против так называемого "закона Преображенского", навязываемого партийному руководству. Его суть: сверхиндустриализация в такой стране, как Россия, возможна только на основе максимального "выдавливания" средств у крестьянства. Справедливости ради следует сказать, что сам

Преображенский отвергал насилие в отношении крестьянства, но считал необходимым широко "поставить" неэквивалентный обмен в рыночных отношениях между промышленностью и сельским хозяйством.

Бухарин убежденно считал, что "город не должен грабить деревню", что только политическая смычка, помноженная на смычку экономическую, поможет ускорить развитие промышленности и сельского хозяйства. Другими словами, теоретик новой экономической политики стоял за более гармоничные отношения между городом и деревней, допуская, правда, определенный перекос (на начальном этапе) в сторону выкачивания средств из крестьянства. Другими словами, Бухарин считал, что промышленность должна развиваться быстрее, но методы перекачки средств из сельского сектора должны быть умеренными. В одной из своих статей он прямо говорил: "Товарищи стоят за перекачку средств сверх меры, за такой усиленный нажим на крестьянство, который экономически нерационален и политически недопустим. Наша позиция состоит вовсе не в том, что мы отказываемся от этой перекачки; но мы гораздо более трезво учитываем то, что подлежит учету, то, что хозяйственно и политически целесообразно"[27]. У Сталина эти выводы поначалу возражений не вызывали.

Даже такое положение, сформулированное Бухариным в 1925 году, не вызвало подозрений у генсека:

"Могут появиться чудаки, которые предложили бы объявить крестьянской буржуазии "варфоломеевскую ночь", и они могли бы доказывать, что это вполне соответствует классовой линии и вполне осуществимо. Но одна беда: это было бы глупо в высшей степени. Нам этого совершенно не нужно делать. Мы бы от этого ровно ничего не выиграли, а проиграли бы очень многое. Мы предпочитаем разрешить буржуазному крестьянину развивать его хозяйство, но брать с него будем гораздо больше, чем берем с середняка"[28].

Бухарин в кооперировании крестьянства, и это стоит особо подчеркнуть, видел возможность ограничения влияния "буржуазного крестьянина", но ограничений не административных, а экономических. По сути это было конкретизацией ленинского плана кооперирования крестьянства, но без насилия, реквизиций, давления и угроз.

Но уже в 1928-м и особенно в 1929 году и позже идеи Бухарина о кооперировании крестьянства будут расцениваться Сталиным не просто как отступление от ленинизма, а прямые

"враждебно-диверсионные планы правого уклона", оппортунистическая ересь "враждебных социализму элементов".

Бухарин пытался доказывать, что в Советской России не осталось крупных организованных враждебных политических сил, которые бы представляли серьезную опасность социалистическому государству. Насилие в отношении крестьянства будет иметь далеко идущие тяжелые последствия, пророчески предупреждал Бухарин. В этом нельзя с ним не согласиться. История подтвердила его правоту. Но Бухарин упускал две вещи: во-первых, медленные темпы кооперации, рассчитанные на десятилетия, ставили под угрозу само существование социализма в России, во-вторых, индустриализация страны требовала огромных средств, а источником их могла быть деревня. Оптимальное решение, думается, было где-то посередине. Что же касается гуманной стороны концепции Бухарина, то она не может не вызывать уважения к ее автору за высокую этическую одухотворенность, правильное, ленинское понимание созидательной стороны диктатуры пролетариата.

В 1925 — 1927 годах Сталин и Бухарин были самыми влиятельными деятелями в партии. И Бухарин фактически помог Сталину в борьбе против Троцкого, Зиновьева и Каменева. Хотя одновременно старался поддерживать с ними лояльные отношения. В результате вывода из состава Политбюро Троцкого, Зиновьева и Каменева вес Сталина и Бухарина в решении текущих и стратегических вопросов заметно возрос. Совсем еще недавно, когда оппозиционеры нападали на Бухарина, Сталин запальчиво отвечал им:

— Крови Бухарина требуете?! Не дадим вам его крови, так и знайте.

Обращает на себя внимание не только сам факт защиты Бухарина, но и использование "кровавой" метафоры. Тогда это казалось случайностью...

В Политбюро два его ведущих члена в известном смысле как бы дополняли друг друга. Сталин решал все организационные и политические вопросы, а Бухарин занимался разработкой и изложением теоретических принципов политики партии. Без преувеличений можно сказать, что до начала 1928 года Сталин во многом полагался на Бухарина в решении экономических вопросов и даже руководствовался его взглядами. В этом факте еще раз отмечу характерное заимствование Сталиным тех или иных установок других деятелей, которые затем трансформировались у него в личные. Мы знаем, что Сталин перенял многие командно-директивные лозунги Троцкого; в некотором

смысле обогатил свое понимание аграрных проблем воззрениями Бухарина. Но чем же объяснить, что начиная с 1928 года Сталин начал отворачиваться от Бухарина? Почему генсек, разделявший дотоле взгляды Бухарина, вдруг счел их "правым уклоном"? Почему их личная дружба быстро трансформировалась в устойчивую неприязнь?

Думается, что причин здесь несколько. Прежде всего Сталина обеспокоила растущая в народе и партии популярность Бухарина как теоретика, политического деятеля, обаятельного руководителя. Авторитет Бухарина в партии в тот момент мало чем уступал авторитету Сталина. Сталина насторожила одна из статей Бухарина, посвященная Ленину, в которой тот писал: "Потому что у нас нет Ленина, нет и единого авторитета. У нас сейчас может быть только коллективный авторитет. У нас нет человека, который бы сказал: я безгрешен и могу абсолютно на все сто процентов истолковать ленинское учение. Каждый пытается, но тот, кто выскажет претензию на все сто процентов, тот слишком большую роль придает своей собственной персоне". В этих словах Сталину послышался выпад в собственный адрес: ведь в лекциях об основах ленинизма, которые генсек прочел в Свердловском университете, он выступил толкователем всего ленинского учения... Разве это не ясно? А потом, как это нет единого авторитета? А авторитет Генерального секретаря? Сталина беспокоило, что у Бухарина появилось немало способных учеников (Астров, Слепков, Марецкий, Цейтлин, Зайцев, Гольденберг, Петровский, другие), начавших заявлять о себе в печати, вузах, партийном аппарате. Например, Слепков и Астров стали редакторами "Большевика", Марецкий и Цейтлин работали в "Правде", Гольденберг — в "Ленинградской правде", Зайцев — в ЦКК и т.д. Сталина беспокоило, что усилилось политическое, теоретическое влияние Бухарина на идеологические процессы в партии и стране.

Другая причина кроется в волюнтаристско-волевых чертах характера генсека. Коллективизация, настоящая революция в сельском хозяйстве, но силовая революция сверху, началась в целом успешно, лучше, чем ожидали, чем предполагал Бухарин. Сводки, реляции, доклады с мест, информация аппарата постепенно убеждали Сталина, что при соответствующем нажиме наметки, связанные с коллективизацией, могут быть радикально пересмотрены. А самое главное: этот путь, по мнению Сталина, обещал быстрое преодоление зернового кризиса. А он, кризис, нарастал. Сталин все чаще говорил в узком кругу:

— Без решительного перелома в деревне хлеба у нас не будет.

Ему в этом охотно поддакивали Молотов и Каганович. У Сталина исподволь, но неуклонно зрела идея сократить сроки переустройства сельского хозяйства в 2 — 3 раза. Когда же нажим вызвал глухое, но широкое сопротивление крестьянства, особенно кулака, неожиданно пришло "гениальное" решение — ускорить его "ликвидацию как класса" чисто административными, политическими методами.

Споры в Политбюро по этому вопросу стали еще жарче. Повторю, Сталина всецело поддерживали Молотов и Ворошилов. Бухарина — Рыков и Томский. Сторонники Бухарина были тоже за коллективизацию и за "наступление на кулака", но без экспроприаций и насилия. Они верили, в конечном счете, в эффективность экономических методов давления. Колебались Калинин, Рудзутак, Микоян, Куйбышев. Кто знает, разберись они лучше в ситуации, поддержи линию Бухарина, и многое могло пойти по-иному. Ведь Бухарин не был против ни индустриализации, ни коллективизации, он был не согласен прежде всего с силовыми методами решения этих исторических задач. А это не мелочь: речь шла о людях. В конечном счете, рассуждал Бухарин, все преобразования должны служить человеку, социализму, а не наоборот! Но интеллектуальная совесть у тех членов Политбюро, от которых зависело принятие оптимального (а не обязательно радикального!) решения, не была столь утонченной, как у Бухарина. Еще один шанс совести был упущен. Как сказал Цезарь после одного из сражений с Помпеем: "Сегодня победа осталась бы за противниками, если бы у них было кому побеждать"[29]. Даже Троцкий, наблюдавший теперь со стороны борьбу в Политбюро, сказал своим помощникам: "Правые могут затравить Сталина", имея в виду, что в их распоряжении пост главы правительства, руководство профсоюзами, теоретическое лидерство. Шанс был... Хотя, пожалуй, это было скорее стремление выдать желаемое за действительность. Неустойчивый баланс длился недолго, хотя одно время многим действительно казалось, что умеренная линия Бухарина одержит верх. Но Сталин уже тогда был непревзойденным мастером доводить свое решение до конца.

Рыков, ставший преемником Ленина на посту Предсовнаркома, и Томский — почти бессменный руководитель советских профсоюзов не видели в Сталине бесспорного лидера, а Бухарина поддерживали не из личных соображений, а, что называется, по убеждению. Попытки Сталина повлиять на их

взгляды успеха не имели. Однажды Пятаков назвал Рыкова и Томского "убежденными нэпистами". Думается, что это соответствует действительности. Но вся беда в том, что борьба против Сталина шла в стенах кабинетов, в самом узком кругу. Добавлю к этому, что для Бухарина и его сторонников опасность прослыть "фракционерами" не была отвлеченной. Но Бухарин, будучи глубоко убежденным в гибельности аграрного курса Сталина, не нашел путей более широкой опоры на тех, кто не приемлел насилия, диктаторства, "чрезвычайных мер". Бухарин пробовал вернуться к спокойному диалогу со Сталиным — тот принимал его на условиях полной капитуляции. Опальный лидер мучительно размышлял: "Иногда я думаю, имею ли я право молчать? Не есть ли это недостаток мужества?"[10] Но сказать — да, не хватает мужества — не смел. Уважая, а затем и презирая Сталина, Бухарин до конца своих дней надеялся, что к тому вернется благоразумие, порядочность, терпимость... Мы знаем теперь, что эти надежды были абсолютно напрасными.

Резко ухудшились отношения Сталина и Бухарина после публикации 30 сентября 1928 года на страницах "Правды" знаменитой статьи Бухарина "Заметки экономиста". В ней упрямый Бухарин (Ленин когда-то называл Бухарина "воском", а тот доказывал Сталину, что черепаха потому такая твердая, что она... мягкая) вновь утверждал необходимость и возможность бескризисного развития и промышленности, и сельского хозяйства. Любые другие подходы в решении экономических проблем Бухарин назвал "авантюристическими". "У нас должен быть пущен в ход, сделан мобильным максимум хозяйственных факторов, работающих на социализм, — писал Бухарин. — Это предполагает сложнейшую комбинацию личной, групповой, массовой, общественной и государственной инициативы. Мы **слишком** все перецентрализовали".

Через неделю Политбюро осудило это выступление Бухарина и Сталин перешел в решительное наступление. В долгих жестких дискуссиях в Политбюро компромисса найти уже не могли. Многие заседания не протоколировались, а записывались лишь решения. Они свидетельствовали о том, что Сталин все больше одерживал верх. Бухарин остался в меньшинстве. В ряде пунктов пошел на уступки Рыков. Заколебался Томский. Сталин стал требовать, чтобы Бухарин "прекратил свою линию торможения коллективизации". В острой перепалке Бухарин запальчиво назвал Сталина "мелким восточным деспотом". Сталин не ответил на выпад, но для себя твердо решил: "Он больше мне не нужен".

Натянутые отношения все ухудшались. Но еще прежде, видя, что позиции "умеренных" слабеют, Бухарин совершил, казалось, необдуманный шаг, придя неожиданно 11 июля 1928 года к Каменеву на квартиру, фактически попытался установить нелегальные отношения с бывшей "оппозицией", которую ранее сам помог Сталину разгромить. После Бухарин еще дважды побывал у Каменева. Встречи были наедине. О чем долго говорили два бывших соратника Ленина, видимо, мы никогда точно не узнаем. Правда, в записях Каменева, как утверждал Троцкий, говорилось, что Бухарин был и взбешен, и подавлен. Он без конца повторял, что "революция погублена", что "Сталин — интриган самого худшего пошиба", он уже не верил, что можно что-либо изменить. Характерно, что содержание этого разговора сторонники Троцкого распространили в подпольной листовке, датированной 20 января 1929 года. За подлинность этих данных, естественно, ручаться нельзя.

Сталину, конечно, сообщили об этих контактах Бухарина, и на апрельском Пленуме 1929 года они будут одним из самых страшных "аргументов" против Бухарина. Контакты с Каменевым совершенно ничего не дали "умеренным", но сталинский ярлык "фракционера" Бухарин заработал. И здесь Бухарин решился обратиться к общественному мнению. В годовщину смерти В.И. Ленина, 24 января 1929 года, в "Правде" появилась статья теряющего почву под ногами Бухарина "Политическое завещание Ленина", представляющая изложение доклада на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина.

В статье говорилось о ленинском плане построения социализма, о важности нэповской политики, о демократизме принятия решений и т.д. Бухарин писал как о самом сокровенном: в ленинских статьях "развивается курс на индустриализацию страны на основе сбережений, на основе повышения качества работы при кооперировании крестьянства, т.е. наиболее легком, простом и без всякого **насилия** (выделено мной. — *Прим. Д.В.)* способе вовлечь крестьянство в социалистическое строительство". Пожалуй, в этой формуле суть взглядов Бухарина на вопросы, так волновавшие партию в то время.

Но самое главное: заголовок статьи напоминал коммунистам (кто знал и кто помнил), что "Завещание" предполагало и перемещение Сталина с поста генсека на другой пост... Это было последней каплей. Тем более что в статье Бухарин с горечью и едва ли не с исключительной прозорливостью писал: "Совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике".

Я еще раз хочу напомнить мысль, которую я высказывал в книге ранее и к которой еще не раз вернусь: настоящая совесть всегда имеет свой шанс. Бухарин старался использовать этот шанс до конца; это требовало немалого мужества, готовности пожертвовать собой, своим будущим... Как не хватало многим этого мужества тогда, не хватало и позже! Совесть — тончайший интеллектуальный и эмоциональный камертон, измеряющий величину нравственности и гражданственности человека. Можно быть молодым или старым, рядовым или руководящим работником, но все равны в одном: для проявления подлинной совести нет какой-то границы или ранжира. Бухарин оказался человеком, для которого совесть навсегда осталась высочайшим мерилом гражданственности.

Конечно, преклоняясь перед умом Бухарина и его пророческим видением грядущего, нужно помнить, что ему, как и всем людям, были свойственны слабости и ошибки. Он тоже слишком поздно разглядел Сталина. Не всегда был последователен во взглядах. Допускал и досадные "сбои". Например, в статье "Злые заметки", опубликованной 12 января 1927 года в "Правде", совершенно незаслуженно обрушился на Есенина, объявив его поэзию "есенинщиной", "мужицко-кулацким естеством", дав как бы сигнал к нападкам на этого и других "крестьянских поэтов". Что было, то было. Об этом можно только сожалеть. Сталин, однако, отмечал не эти ошибки. Генсек посчитал, что бухаринский лозунг "Обогащайтесь!" выражает суть кулацкого мировоззрения, а его установка на "припаивание" кулачества к социализму просто враждебна. Сталин, порывшись в своей памяти и бумагах, припомнил еще одно "прегрешение" Бухарина. Николай Иванович на октябрьском Пленуме ЦК 1924 года, когда обсуждались вопросы работы в деревне, неожиданно для всех выступил с предложением "колонизировать" деревню! Но под "колонизацией" Бухарин понимал командирование 30 тысяч рабочих из города в село. И хотя партия прибегнет к этому совету позже, Сталин бросил не один увесистый камень в Бухарина за его идею "колонизации". Для всех, и в том числе Сталина, было ясно, что "колонизация" просто неудачный термин, суть которого в оказании городом помощи селу. Однако Сталин умел и пустяк превращать в "политическое дело".

Апрельский и ноябрьский Пленумы ЦК и ЦКК 1929 года, рассмотревшие вопрос о "правом уклоне" в ВКП(б), завершили начатый Сталиным разгром "группы Бухарина". В трехчасовой речи Сталин обрушился на Бухарина за отказ от предложенного ему Политбюро 7 февраля 1929 года компромисса,

равносильного поражению. А это означает, констатировал Сталин, что в партии теперь "есть линия ЦК, а другая — линия группы Бухарина". Несмотря на то что до января 1928 года Сталин в основном дружно работал с Бухариным, генсек определил несколько "этапов разногласий" с ним. При этом он сыпал словечками типа: "чепуха", "ерунда", "книжонки Бухарина", "немарксистский подход", "знахарство", "липовый марксист", "разглагольствования", "полуанархическая лужа Бухарина" и т.д.

Главный удар в своей речи Сталин нанес Бухарину как теоретику. Поскольку после Ленина Бухарин справедливо считался ведущим теоретиком в партии, Сталин решил его развенчать: "Теоретик он не вполне марксистский, теоретик, которому надо еще доучиваться для того, чтобы стать марксистским теоретиком"[32]. Здесь, конечно, Сталин не преминул привести ленинскую оценку Бухарина, сделав особый акцент на его второй части: "...В нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)". Таким образом, это — "теоретик без диалектики, теоретик-схоластик". И дальше Сталин долго перечислял все разногласия, которые были у Бухарина с Лениным, расценив их как попытки "учить нашего учителя Ленина". Да это ведь и неудивительно, считал Сталин, если еще недавно "теоретик-схоластик" состоял в "учениках у Троцкого... вчера еще искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца!"[32]. Именно так расценил Сталин встречи Бухарина с Каменевым, о которых ему, естественно, стало известно.

В таком духе выдержана вся долгая речь Сталина, в которой разносной, уничтожающей критике были подвергнуты, кроме Бухарина, и Рыков с Томским. К слову сказать, эта речь была опубликована лишь много лет спустя в собрании сочинений Сталина. Бухарин и Рыков были смещены со своих постов, но пока остались в Политбюро. Поскольку резолюция Пленума была разослана во все местные партийные организации, началась проработка "правых" по всей стране. "Правда", другие органы печати систематически публиковали материалы, предававшие анафеме лидера "правых". А это было одновременно фактическим сигналом к форсированию коллективизации с ее не просто бесчисленными перегибами, а насильственной ломкой векового уклада крестьянства. О добровольности уже не говорили. Бухарин и после этого продолжал считать, что 20-процентный прирост промышленной продукции — предел,

после которого сельское хозяйство не выдержит. Сталин, как мы знаем, считал иначе, в несколько раз завышая эту цифру.

В ноябре 1929 года была утверждена генеральная линия партии на всеобщую коллективизацию, так как, писал Сталин, "в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами"[33]. А Бухарин все еще не хотел "каяться", как от него требовали, и 17 ноября 1929 года его вывели из состава Политбюро. Правда, спустя неделю, мучаясь угрызениями совести от малодушия, Бухарин, Рыков и Томский написали краткую записку в ЦК, в которой осудили свою позицию:

"Мы считаем своим долгом заявить, что в этом споре оказались правы партия и ее ЦК. Наши взгляды оказались ошибочными. Признавая эти свои ошибки, мы со своей стороны поведем решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и, прежде всего, против правого уклона".

Сталину не понравилось, что в заявлении не было указано прямо о его, генсека, правоте. Ну да ладно. С Бухариным покончено.

Думаю, тогда еще очень немногие могли предвидеть не только приближающуюся трагедию Бухарина, но и поражение умеренного крыла в руководстве партией в целом. Приходится признать, что иногда наши недруги со стороны, казалось бы, замечали это довольно пророчески. В 8-м номере (апрель 1931 г.) меньшевистского "Социалистического вестника", основанного за рубежом Л. Мартовым, была опубликована статья, в которой анализировались результаты нэпа. В этом антисоветском журнале подчеркивалось, что Сталин делает все для того, чтобы "оборвать мечты о возвращении нэпа, оборвать надежды на эволюцию". Генсек, говорилось в статье, "уже не раз пытался скрутить в бараний рог правых коммунистов, — но по разным внутренним причинам расправа до сих пор не доведена до предела и насильственный конец Рыкова, Бухарина, Томского отсрочен. Процесс их окончательного вытеснения не только из аппарата, но и из партии еще не закончен. Сторонники нэпа, чувствительные к требованиям крестьянства (хотя и бессильные психологически порвать с диктатурой), уже сняты с постов, но еще не объявлены врагами народа. Но диктатор добирается и скоро доберется до них"[34].

В данном случае социал-демократам, покинувшим Советскую Россию, нельзя отказать в проницательности. А может быть, это пророчество Сталин расценил как "подсказку"? Подшивки этого тощего журнала лежали в книжном шкафу ста-

линского кабинета. Во всяком случае, логика борьбы, а главное, методы Сталина были такими, что искушенный аналитик мог уловить в ней не только отражение крестьянской трагедии на рубеже 20 — 30-х годов, но и неизбежный грядущий конец защитников нэпа и умеренной линии в руководстве ВКП(б).

Николай Иванович Бухарин, "покаявшись", страшно мучился от своей непоследовательности. Метался: почему не смог убедить Политбюро? Он понимал, что был не во всем прав. Рывок для индустриализации, по-видимому, был необходим. Жертвы неизбежны. Но какие? Ведь не человеческие же жизни... Он до конца не мог согласиться с методами тотального насилия, которые были применены к крестьянству. "Ликвидировать", а точнее — управлять кулаком можно было только экономическими методами. Драма Бухарина еще не вылилась в трагедию. В партии тогда, наверное, никто не мог предположить, что наступят кровавые 30-е годы... Все случится почти спустя десять лет после его капитуляции в ноябре 1929 года. Похоже, верно сказал летописец о гибели Цезаря: то, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым.

За полгода до ареста Бухарина Сталин (как и все члены Политбюро) получит его письмо. Только что пройдет судилище над Зиновьевым и Каменевым и их четырнадцатью "подельцами". Во время этого процесса, на котором подсудимые будут "показывать" на Бухариа, Рыкова и других, Вышинский объявит о начале следствия по "делу Бухарина". Вернувшись из Средней Азии, где Бухарин был в отпуске, он узнает о заведенном на него "деле". Бывший "любимец партии" в отчаянии. Он сразу сядет за стол и напишет письмо Сталину. Его мне обнаружить не удалось. Затем тут же, почти аналогичные — членам Политбюро и Вышинскому. Передо мной два письма Бухарина Ворошилову. Чтобы понять, как драма Бухарина перерастала в трагедию, я приведу отрывки из этих писем.

"Дорогой Климент Ефремович,

Ты, вероятно, уже получил мое письмо членам Политбюро и Вышинскому: я писал его ночью сегодня в секретариат тов. СТАЛИНА с просьбой разослать: там написано все существенное в связи с чудовищно-подлыми обвинениями Каменева. (Пишу сейчас и переживаю чувство полуреальности: что это — сон, мираж, сумасшедший дом, галлюцинация? Нет, это реальность.) Хотел спросить (в пространство) одно: и вы все верите? Вправду?

Вот я писал статьи о Кирове. Киров, между прочим, когда я

был в опале (поделом) и в то же время заболел в Ленинграде, приехал ко мне, сидел целый день, укутал, дал вагон свой, отправил в Москву, с такой нежной заботой, что я буду помнить об этом и перед самой смертью. Так вот, что же я неискренне писал о Сергее? Поставьте честно вопрос. Если неискренне, то меня нужно немедля арестовать и уничтожить: ибо таких негодяев нельзя терпеть. Если вы думаете "неискренне", а сами меня оставляете на свободе, то вы сами трусы, не заслуживающие уважения...

Правда, я — поскольку сохраняю мозги — считал бы, что с международной точки зрения **глупо** расширять базис сволочизма (это значит идти навстречу желаниям прохвоста Каменева! Им того только и надо было показать, что они — не одни). Но не буду говорить об этом, еще подумаете, что я прошу снисхождения под предлогом большой политики.

А я хочу правды: она на моей стороне. Я много в свое время грешил перед партией и много за это и в связи с этим страдал. Но еще и еще раз заявляю, что с великим внутренним убеждением я защищал все последние годы политику партии и руководство КОБЫ, хотя и не занимался подхалимством.

Хорошо было третьего дня лететь над облаками: 8° мороза, алмазная чистота, дыхание спокойного величия.

Я, б.м., написал тебе какую-то нескладицу. Ты не сердись. Может, в такую конъюнктуру тебе неприятно получить от меня письмо —— бог знает: все возможно.

Но "на всякий случай" я тебя (который всегда так хорошо ко мне относился) заверяю: **твоя совесть должна быть внутренне совершенно спокойна;** за твое отношение я тебя не подводил: я действительно ни в чем не виновен, и рано или поздно это обнаружится, как бы ни старались загрязнить мое имя.

Бедняга Томский! Он, быть может, и "запутался" — не знаю. Не исключаю. Жил один. Быть может, если б я к нему ходил, он был бы не так мрачен и не запутался. Сложно бытие человека! Но это — лирика. А здесь — политика, вещь мало лиричная и в достаточной мере суровая.

Что расстреляли собак — страшно рад. Троцкий процессом убит, политически, и это скоро станет совершенно ясным. Если к моменту войны буду жив — буду проситься на драку (не красно словцо), и ты тогда мне окажи последнюю эту услугу и устрой в армии хоть рядовым (даже если каменевская отравленная пуля поразит меня).

Советую когда-либо прочесть драмы из франц. рев-ции Ром. Роллана.

Извини за сумбурное письмо: у меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет.

Обнимаю, ибо чист

1.IX.36 г. *Ник. Бухарин.*

Ворошилов, прочитав, все взвесив, посчитает необходимым тут же переслать письмо Сталину и ответить Бухарину, но так, чтобы об этом ответе знали Сталин и другие руководители. На всякий случай нарком запасается политическим алиби. Следует распоряжение своим помощникам. Быстро составляются два документа:

"*Сов. секретно. Л И Ч Н О.*

Товарищу СТАЛИНУ
" МОЛОТОВУ
" КАГАНОВИЧУ
" ОРДЖОНИКИДЗЕ
" АНДРЕЕВУ
" ЧУБАРЮ
" ЕЖОВУ

В дополнение к письму Н. БУХАРИНА, направленному Вам 1/IX с.г. за № 2839 с.с., по приказанию тов. К.Е. ВОРОШИЛОВА направляю Вам копию ответа тов. ВОРОШИЛОВА БУХАРИНУ и копию ответа Н. БУХАРИНА.

ПРИЛОЖЕНИЕ: На трех листах.

Адъютант Наркома обороны СССР

4.IX.36 г. комдив (*Хмельницкий*)".

А ответил Ворошилов своему бывшему товарищу в духе нравов, уже царивших в окружении единодержца.

"Тов. БУХАРИНУ.

Возвращаю твое письмо, в котором ты позволил себе гнусные выпады в отношении партруководства. Если ты, твоим письмом хотел убедить меня в твоей полной невинности (так в тексте. — *Прим. Д.В.*), то убедил пока в одном: — впредь держаться от тебя подальше, независимо от результатов следствия по твоему делу, а если ты письменно не откажешься от мерзких эпитетов по адресу партруководства, буду считать тебя и негодяем.

3.IX.36. *К. Ворошилов*".

Можно представить, как был ошеломлен Бухарин, хотя в глубине души он понимал, что нож сталинской гильотины давно занесен над его головой. Бухарин мог бы вспомнить, что 8 термидора, накануне своей гибели, Робеспьер воскликнул в Конвенте: "К тирании приходят с помощью мошенников, к чему приходят те, кто борется с ними? К могиле и к бессмертию".

Боролся ли Бухарин? Судите сами. Прочтя убийственное письмо Ворошилова, Бухарин нашел в себе силы ответить "сталинскому наркому".

"Тов. ВОРОШИЛОВУ.

Получил твое **ужасное** письмо.

Мое письмо кончалось: "обнимаю".

Твое письмо кончается "негодяем".

После этого что же писать?

У каждого человека есть или, вернее, должна быть своя личная гордость. Но я хотел бы устранить одно политическое недоразумение. Я писал письмо **личного** характера (о чем теперь очень сожалею), в тяжком душевном состоянии; затравленный, я писал просто к человеку большому; я сходил с ума по поводу одной только мысли, что может случиться, что кто-то поверит в мою виновность.

И вот, крича, я писал: "Если вы думаете "неискренне" (что я напр., кировские статьи писал "неискренне"), а оставляете меня на свободе, то вы сами трусы и т.д. И далее: **"А если вы сами не верите в то,** что набрехал Кам... и т.д. Что же, я думаю, по-твоему, что вы — трусы или обзываю трусами руководство? Наоборот, этим я **говорю: так как** всем известно, что вы не трусы, значит, вы не верите в то, что я мог написать неискренне статьи. Ведь это же видно из самого письма!

Но если я так сумбурно написал, что это можно понять, как выпад, то я — не страха ради иудейска (так в тексте. — *Прим. Д.В.),* а по существу, — трижды, письменно и как угодно, беру все эти фразы назад, хотя я совсем не то хотел сказать, что ты подумал.

Партийное руководство я считаю замечательным. И в самом письме к тебе, не исключая возможности ошибки со мной с вашей стороны, я писал: "В истории бывают случаи, когда **замечательные** люди и **превосходные** политики делают тоже ошибки частного порядка"... Разве этого не было в письме? Это же и есть мое действительное отношение к руководству. Я это давным-давно признал и не устану это повторять. Смею думать, я доказал это своею деятельностью за все последние годы.

Во всяком случае, **это** недоразумение прошу снять. Очень извиняюсь за прошлое письмо, впредь отягощать никакими письмами не буду. Я — в крайне нервном состоянии. Этим и было вызвано письмо. Между тем мне необходимо возможно спокойнее ждать конца следствия, которое, уверен, до-

кажет мою полную непричастность к бандитам. Ибо в этом — правда.

3.IX.36 г. Прощай. *БУХАРИН*"[35].

Бухарин сказал: "Прощай". Но Сталин еще раз ослабил хватку горла задыхающегося Бухарина. 10 сентября 1936 года "Правда" сообщала, что Прокуратура СССР, не найдя данных, подтверждающих факт преступления, дело прекращает. Но это была лишь передышка. Сталин решил, что в следующем акте трагедии главным действующим лицом будет Пятаков. Он сам установит очередность спектаклей. В феврале подойдет очередь Бухарина... Февральско-мартовский Пленум ЦК 1937 года не только теоретически "обоснует" необходимость кровавой жатвы, но и бросит под сталинские серпы новые жертвы...

Сталин расчищал место на пьедестале. Еще один соратник Ленина оказался на обочине. "Вождь" почувствовал, что он может, вправе единолично принимать самые крупные решения. А разве, думал Сталин, это противоречит принципам диктатуры пролетариата, роли вождей в революции?

О диктатуре и демократии

Ленинские томики в библиотеке Сталина были густо испещрены рукой владельца. Одна деталь: изучая, читая, знакомясь, а может быть, просто разыскивая нужную цитату или мысль у Ленина, генсек мало интересовался ленинскими идеями о демократии. Но о диктатуре пролетариата — пометок много. Хотя, повторю еще раз: диктатура и демократия — две стороны одной медали, если речь идет о пролетарской диктатуре.

...Находясь в начале 1917 года вдали от России, Ленин с головой ушел в теоретическую работу. Записи в тетради, которые вошли в историю как знаменитая "синяя тетрадь", были озаглавлены: "Марксизм о государстве". В тревожные дни июля, когда Временное правительство пыталось разгромить партию большевиков и физически уничтожить вождя революции, Ленин продолжил свою работу над книгой в Разливе. На основе многочисленных заметок, собранных в "тетради", положений, идей, высказанных основоположниками научного социализма, Ленин за несколько недель августа — сентября написал свой ге-

ниальный труд "Государство и революция". Меня, еще раз перечитавшего его в ходе работы над этой книгой, особенно привлекли идеи о государстве переходного периода, о диктатуре пролетариата.

Ленин вопрошает:

— Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

И отвечает словами "Коммунистического манифеста": "...превращение пролетариата в господствующий класс и завоевание демократии". Да, подчеркну это особо: Ленин видел в диктатуре инструмент для подавления эксплуататоров, угнетателей. Без этого тогда нечего было и браться за социальное переустройство общества, бороться за материализацию идеалов социализма.

Демократия и диктатура — понятия соотносимые. В известном смысле любое государство есть политическая диктатура господствующих классов. Приведу еще одну выдержку из "Государства и революции". Диктатура пролетариата, писал Ленин, "соединяет насилие против буржуазии, т.е. меньшинства населения, с полным развитием демократии, т.е. действительно равноправного и действительно всеобщего участия всей массы населения во всех государственных делах..."[36]. Эти ленинские акценты на полное развитие демократии особенно важны, но генсек на них фактически не обращал внимания.

В диктатуре пролетариата, родившейся в октябре 1917 года, насилие занимало ведущее место. И это естественно: шла борьба за то, чтобы победить, устоять, выжить. Но как-то сложилось, что не только в буржуазной литературе, но порой и в марксистской, прежде всего в 20-е и 30-е годы рассматривалась лишь эта грань диктатуры. В то же время Ленин всегда считал, что созидательная, демократическая функция диктатуры пролетариата не только важнейшая, но имеет тенденцию стать главной и единственной. К сожалению, Сталин не разделял, во всяком случае на деле, эту идею Ленина. Для него в диктатуре пролетариата как форме власти трудящихся главным навсегда остался насильственный элемент.

Уже в начале 30-х годов проницательные люди могли почувствовать, что ленинские слова "...не нам принадлежит... аппарат, а мы принадлежим ему"[37] отражают реальное положение дел. Рождалась диктатура бюрократии. Коллективной бюрократии. А бюрократия постепенно порождала элиту, целую иерархию начальников. Директивы становились едва ли не главным средством социального общения. Все решалось в кабинетах. Собрания, сессии, съезды, пленумы лишь "одобряли",

"поддерживали". Народовластие — только на словах. Шестеренки бюрократической машины крутились не быстро, но неотвратимо. У главного пульта сидел Сталин, поглядывая из окон Кремля на свое детище. Таким уродливым стал переход к социализму, сталинскому социализму.

Сталин никогда не понимал, не хотел понимать сути пролетарской демократии, самого существа народовластия. Знакомство с его архивом, заметками, записками, записями речей свидетельствует: демократия для него была не более чем свободой поддерживать (только поддерживать!) решения партии. Ну а поскольку, как полагал Сталин, партию олицетворяет он, Генеральный секретарь, то подлинный демократизм заключается в согласии, одобрении его выводов, решений, намерений. Не все сразу заметили, что Сталин, разделываясь с Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Пятаковым, Рыковым и другими лидерами партии, мыслящими иначе, чем он, подчеркивал при этом не их различия с ним, Сталиным, а с ленинизмом. Один из самых коварных, антидемократических приемов Сталина заключался в отождествлении (во всех случаях!) своей позиции, взглядов, решений с ленинскими. Не все сразу заметили, что благодаря такому приему никто и не мог оказаться правым в полемике, схватках со Сталиным. Для этого, по сути, нужно было развенчивать Ленина!

Да, конечно, есть вопросы, по которым Сталин выступал с правильных, ленинских позиций (например, о возможности построения социализма в СССР). Но ведь в конце концов генсек сумел так все представить, что его ошибки в национальном вопросе, отрицательное отношение к "позднему" нэпу, ложная концепция классовой борьбы, неправильное понимание сути коллективизации и преувеличение роли аппарата в политической структуре государства были не чем иным, как истинной интерпретацией подлинного ленинизма! Однажды, схватившись с Бухариным накануне его вывода из состава Политбюро, Сталин гневно бросил:

— Вся ваша компания — не марксисты, а знахари. Никто из вас не понял Ленина!

— Что же, один ты понял?!

— Я повторяю, вы не поняли Ленина! Разве ты забыл, сколько раз тебя бил Ленин за левачество, оппортунизм и путаницу?

Почти этими же словами Сталин будет "прижимать" Бухарина на апрельском Пленуме ЦК и ЦКК в 1929 году. Красная

нить всех его пространных рассуждений: он, Сталин, защищает ленинизм. И в том числе его понимание народовластия, демократии. В узурпации генсеком монополии на толкование ленинских положений — один из истоков многих будущих бед. Никто серьезно не смог тогда показать глубокую несостоятельность догматических претензий Сталина на роль единственного "защитника" ленинского наследия.

Подводя на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в январе 1933 года итоги первой пятилетки, Сталин включил в доклад специальный раздел о задачах и результатах борьбы "с остатками враждебных классов". Хотя речь шла об "остатках", Сталин тем не менее призвал вести с ними "непримиримую борьбу". И ни слова о перевоспитании, включении многих "бывших", членов их семей в новую жизнь, которая быстрее и эффективнее способна менять их умонастроения и "классовые инстинкты". Сталин, рисуя социальную картину в обществе после первой пятилетки, говорил: "Остатки умирающих классов: частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы... расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом — по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску "рабочих" и "крестьян", причем кое-кто из них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? — продолжал Сталин. — Конечно, с чувством ненависти к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры... Единственное, что остается им делать, — это пакостить и вредить рабочим, колхозникам, Советской власти, партии. И они пакостят как только могут, действуя тихой сапой. Поджигают склады и ломают машины. Организуют саботаж. Организуют вредительство в колхозах, совхозах, причем некоторые из них, в числе которых имеются и кое-какие профессора, в своем вредительском порыве доходят до того, что прививают скотине в колхозах и совхозах чуму, сибирскую язву, способствуют распространению менингита среди лошадей и т.д."[38].

После такой мрачной картины, рисующей ситуацию в стране в начале 1933 года, честных людей брала просто оторопь. Кругом враги, вредители, остатки эксплуататорских классов, но которые почему-то так же опасны, как и в первые годы Советской власти. Конечно, враждебно настроенных людей, не

принявших Советскую власть, было немало. И это естественно. Но они явно не представляли той грозной опасности, которую изобразил Сталин. А изобразил лишь для того, чтобы резюмировать: "Сильная и мощная диктатура пролетариата, — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации"[39]. Тем не менее генсек делал ставку на дальнейшее усиление карающей, насильственной функции диктатуры пролетариата.

Таких выступлений Сталина в конце 20-х, в начале 30-х годов было много. Исподволь формировалось общественное сознание, в котором наряду с революционной устремленностью, энтузиазмом, коллективистским оптимизмом начинали прорастать семена подозрительности, недоверия к окружающим, готовность поверить в самые нелепые легенды о "врагах народа". Настоящее безумие 1937 — 1938 годов не возникло, если бы сознание людей исподволь к этому не готовилось. Миллионы людей, живущих в реальном капиталистическом окружении, привыкали постепенно к тому, что среди друзей, товарищей, коллег на производстве, в вузе, воинской части, творческом коллективе есть, "притаились" враги, ждущие своего часа... Призыв, лозунг, директива могли "бросить" многих на то, чтобы, как говорил Сталин, "добить последние остатки капитализма". Отсюда — один шаг до террора. Или, по крайней мере, — готовность к нему. Вот, видимо, почему Сталин, делая пометки в тексте речи Ленина на заседании Петроградского Совета 17 ноября 1917 года, обошел своим вниманием строки: "...Террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять"[40]. Сталин не был готов к такому пониманию диктатуры пролетариата. Напротив, генсек считал, что применение насилия является органичным элементом мирного строительства социализма. "Репрессии, — заявил Сталин летом 1930 года на XVI съезде партии, — являются необходимым элементом наступления"[41].

А страна действительно наступала. Уже к 1930 году объем промышленного производства достиг 180% от довоенного уровня. К началу коллективизации столько же, сколько до войны, производилось сельхозпродукции. Шел процесс превращения аграрной страны в индустриальную. Высокими темпами ликвидировалась неграмотность. Миллионы людей получили возможность приобщиться к лучшим творениям мировой культуры. Народ, страна были на подъеме, хотя одновременно шли

крайне болезненные, трагические процессы "ликвидации кулачества как класса", складывалась жесткая командно-бюрократическая система управления народным хозяйством, культурой, наукой. Революционный заряд Октября продолжал инициировать активность людей в общественном сознании, трудовой и социальной деятельности. Постепенно утверждались нормы коллективистской морали. Казалось, самое время дать импульс демократическим началам в государстве и обществе. Но после Ленина они не получили сколько-нибудь заметного развития.

Забвение демократической грани диктатуры пролетариата грозило рано или поздно "отлучить" массы от социального творчества, превратить людей в слепых исполнителей, "винтики" гигантской государственной машины. Однако Сталин не спешил "включать" демократический потенциал социализма. Может быть, некому было напомнить генсеку, что "социализм невозможен, — как учил Ленин, — без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы..."[42]. Ленин уже на другой день после Октябрьского восстания произнес слова, которые были актуальны тогда, в 17-м; не менее актуальны на рубеже 20-х и 30-х годов; исключительно важны и сегодня: "Мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам"[43].

Сталин много размышлял о демократии, диктатуре. Тома ленинских работ в кабинете Сталина — немые свидетели раздумий его хозяина. У него не вызывало сомнений — ведь об этом писали классики! — диктатура имеет приоритетное значение перед демократией. Вообще он редко сомневался, а если сомнения и приходили к генсеку, их редко кто мог "разглядеть". Лицо, не выражающее эмоций, словно было создано для множества мраморных копий, которые скоро появятся на площадях сотен, тысяч городов. Глядя через щели тяжелых занавесей на кремлевский двор, Сталин думал: "До чего узко, начетнически трактует диктатуру и демократию компания Бухарина! Например, разве не ясно, что роль рабочего класса надо повышать, поднимать! Каждый крестьянин должен видеть в рабочем своего вождя!" Вспомнил, что, когда в прошлом году, в октябре 30-го, он, Сталин, предложил "закрепить твердо" рабочих за своими предприятиями, до него дошли признаки глухого недовольства. А ведь он продиктовал: "Запретить на ближайшие два года выдвижение квалифицированных рабочих во всякие

управленческие аппараты (кроме производственных и профсоюзных)". Но вот, спустя полгода, он почувствовал реакцию на это решение из контрреволюционного зарубежья. Некий С. Шварц, один из беглых меньшевиков, в "Социалистическом вестнике" опубликовал статью "Рабочий класс и диктатура". В ней он писал, что благодаря ему, Сталину, появилась "тенденция к оттеснению рабочих от аппарата управления, тенденция превращения рабочих в трудовое сословие, на обязанности которого лежит максимальное напряжение его трудовой энергии и безоговорочное подчинение социально-обособляющейся от него диктатуре"[44]. Даже термины изобрели: "податное сословие диктатуры", "трудовое сословие". Могильщики революции! Если бы их не разгромили еще в те далекие уже теперь дни, не быть бы ему тут, в Кремле, да и вообще, все свелось бы к буржуазному выкидышу февраля.

Он никак не мог понять, почему и социал-демократическая печать, и враждующий с ней Троцкий столь яростно атакуют партийный аппарат, диктатуру?! Разве не ясно, что это важнейший инструмент власти? Мысль генсека вновь и вновь убеждала его самого в исторической правоте: аппарат — орудие диктатуры. А без диктатуры бессмысленны даже разговоры о социализме, демократии... Но мы сегодня знаем, что Сталин уже тогда укреплял не столько диктатуру пролетариата, сколько диктатуру бюрократа.

Сталин много говорил о равенстве, общественных интересах как исходных посылках социалистической демократии. Беседуя в 1936 году с группой работников ЦК, отвечающих за подготовку учебников, Сталин подчеркнул:

"Наша демократия должна всегда на первое место ставить общие интересы. Личное перед общественным — это почти ничего. Пока есть лодыри, враги, хищения социалистической собственности, значит, есть люди, чуждые социализму, значит, нужна борьба..."

"Личное перед общественным — это почти ничего". Не замечая изъянов, мы постепенно убедили людей в том, что все мы хозяева общенародной собственности. А то, что принадлежит всем — не принадлежит никому. Чувство хозяина как бы исчезло. Постепенно восторжествовали уравнительные принципы. За изобретение рабочему могли не заплатить несколько тысяч, хотя оно давало миллионную прибыль, только потому, что одному это — "много". Постепенно сформировался тип работника, боящегося "переработать", человека, спокойно смотрящего на приписки, очковтирательство, откровенное во-

ровство: "Что, государство станет от этого беднее?" Так "прорастал" сталинский тезис: "Личное перед общественным — это почти ничего". А сталинская "демократия" поддерживала людей в этом состоянии. Двигало ими, главным образом, принуждение, административные меры, страх, другие рычаги той системы, которую венчал единодержец.

Сталин не выступал против демократии. Не выступал потому, что понимал ее так, как может понимать деспот. Ведь многие цезари тоже не прочь создавать послушные парламенты, традиционную атрибутику с выборами, присягами, клятвами, формальным представительством. Для Сталина демократия как выражение социалистического народовластия была приемлема и терпима лишь в той степени, в какой она укрепляла его личную диктатуру. В беседе с Г. Уэллсом Сталин в центре всех своих рассуждений поставил власть "как рычаг преобразований", рычаг новой законности, нового порядка. Но ни разу Сталин не поставил власть в плоскость народовластия. Ни разу! Сталин ничего не любил так, как власть: полную, неограниченную, освященную "любовью" миллионов. И здесь он преуспел. Ни одному человеку в мире не удалось и никогда, видимо, не удастся совершить, казалось бы, запредельное: уничтожить миллионы соотечественников и получить взамен слепую любовь еще многих и многих миллионов сограждан! И все это вписывалось в сталинское понимание соотношения диктатуры и демократии.

Со временем для Сталина "жертвенность" стала одним из неотъемлемых атрибутов социализма. Когда планировалась новая стройка в Сибири, на Севере, то в "плановом порядке" определялась потребность в покрытии "естественной убыли". Органы НКВД даже планировали "емкости" в регионах, своеобразный резерв невольников для "социалистических строек". С конца 20-х годов недостатка в дешевой и бесправной (часто и обреченной) рабочей силе не было. Все "инициативы" по использованию заключенных Сталиным поддерживались. Он или бросал помощнику "согласен", или коротко расписывался на документе. Это означало, что предложение ведомства по использованию десятков, сотен, тысяч "врагов народа" в том или ином регионе одобрено.

Забегая вперед, замечу: Берия в своих записках Сталину не раз утверждал, что задания по строительству организациям НКВД так велики, что не хватает "живой силы"[45]. Сталин "откликнулся".

25 августа 1938 года состоялось заседание Президиума Вер-

ховного Совета СССР, обсуждавшее вопрос о досрочном освобождении заключенных за хорошую работу. Возразил Сталин:

— Нельзя ли сделать так, чтобы люди оставались в лагере? А то мы их освободим, вернутся они к себе и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно испортиться. Ведь есть же у нас добровольно-принудительный заем. Давайте сделаем добровольно-принудительное оставление[46].

Указание "вождя" было ясным. Был принят Указ "О лагерях НКВД", согласно которому "осужденный, отбывающий наказание в лагерях НКВД СССР, должен отбывать установленный судом срок полностью". Такова была сталинская демократия.

Следствиями атрофии демократических начал явилось создание машины принуждения и сильного карательного аппарата. Быстрое распространение получил догматизм в общественных науках, идеологии, пропаганде. Но главное, на что я хотел бы обратить внимание читателя: дефицит народовластия стал быстро вести к первым проявлениям переоценки роли одной личности, превознесению ее заслуг, изображению Сталина как некоего мифического мессии.

Интересно отношение самого Сталина к возвеличиванию его личности. (Еще до апогея культа личности это заметили многие.) Приведу выдержки из беседы генсека с Эмилем Людвигом, состоявшейся 13 декабря 1931 года.

Людвиг: За границей, с одной стороны, знают, что СССР — страна, в которой все должно решаться коллегиально, а с другой стороны, знают, что все решается единолично. Кто же решает?

Сталин: Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться... Никогда, ни при каких условиях, наши рабочие не потерпели бы теперь власти одного лица.

Людвиг спросил, как Сталин относится к методам иезуитов.

Сталин: Основной их метод — это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, — что может быть в этом положительного?

Людвиг: Вы неоднократно подвергались риску и опасности, Вас преследовали. Вы участвовали в боях. Ряд Ваших близких друзей погибли. Вы остались в живых... Верите ли Вы в судьбу?

Сталин: Нет, не верю... Это предрассудок, ерунда, пережи-

ток мифологии... На моем месте мог быть другой, и кто-то **должен** был здесь сидеть... В мистику я не верю[47].

Как видим, Сталин умел отвечать вроде бы "правильно". Но это совсем не значило, что его слова отражали его убеждения.

Один из глубинных источников многих человеческих бед, в том числе и культового характера, заключается в **дуализме** (раздвоенности) личности, как у мольеровского Тартюфа. Одно на словах, другое на деле. Для Сталина это стало нормой: осуждать вождизм и укреплять его, критиковать иезуитство и поощрять его на практике, говорить о коллективном руководстве и сводить его к полному единоначалию. Дуализм — производная лжи, продукт антиистины — является одной из основ обожествления единодержцев.

Уже в начале 30-х годов Сталин резко сократил свои (и без того крайне редкие!) выезды в области, на предприятия, в воинские части. С одной стороны, он плохо знал производство и ему не хотелось вникать в "земные" дела, связанные с технологией, производительностью труда, рентабельностью и т.д. С другой, его постоянно преследовало чувство, что на него готовится покушение. Ведь у него есть враги, и Троцкий или кто-нибудь из "бывших" могут пойти на крайние меры. "Органы" постоянно твердили об этом. Вот докладывает же опять Ульрих:

"Секретарю ЦК ВКП(б)

тов. И.В. Сталину.

16 декабря с.г. после двухдневного разбирательства в закрытом заседании военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по делу группы шпионов и террористов, подготавливавших по заданию германского подданного теракт на Красной площади 7 ноября 1935 года. Приговорены к расстрелу Г.И. Шур, В.Г. Фрейман, С.М. Певзнер, В.О. Левинский..."[48]

Сталин не стал дальше читать, подумал: "Охотятся за мной". Но он вырвет самые корни этих недобитков, вырвет.

Сталин редко "являлся" народу и потому, что, будучи по-своему проницательным человеком, понял: чем реже он будет мелькать перед людьми, тем легче будет создавать у народа тот образ, который он хотел. Загадочность, таинственность, закрытость ходят рядом со священным, легендарным, сверхчеловеческим... Поэтому посещения трудовых коллективов он заменял тщательным анализом документов, регулярным просмотром кинохроники, выслушиванием многочисленных докладов

и, мало кто об этом знает, размышлениями перед географической картой.

Сталин любил постоять у карты, оглядывая, как владыка, гигантскую страну. Не обладая богатым воображением, Сталин, однако, представлял, как трудятся сейчас миллионы людей, воплощая в жизнь его, вождя, указания. Иногда водил пальцем по карте: Турксиб, Магнитка, Днепрогэс, Беломоро-Балтийский канал, Кузбасс; долго задерживался взглядом на колымских краях. Даже чтобы разглядеть эти края, нужно было сделать несколько шагов вправо... После такого очередного размышления перед картой неожиданно позвонил Ворошилову и спросил: изучают ли в Красной Армии географию? Хорошо ли знают красноармейцы карту страны? Ведь обращение к карте Родины, подытожил Сталин, воспитывает гордость за нее, преданность нашему делу, идее... Ворошилов не был готов ответить на такой нестандартный вопрос, сказал что-то невпопад и обещал разобраться. Назавтра же, по его указанию, ПУР подготовил записку:

"Тов. Сталину.

На Ваш запрос об изучении географии красноармейцами сообщаю, что география изучается всеми красноармейцами в обязательном порядке по специальным программам. Помимо изучения географии в порядке общеобразовательной подготовки, она проходится также и на политзанятиях. Особое внимание при этом обращено на изучение карты.

В этом году дополнительно к тому, что имели части, ПУРом рассылается 220 тысяч географических карт, 10 тысяч географических атласов, 8 тысяч карт на национальных языках и 10 тысяч глобусов.

28 июня 1935 г. *К. Ворошилов*"[49].

Сталин с удовлетворением просмотрел записку и, не поднимаясь с кресла, взглянул на карту. Хотя до стены было неблизко, он видел, где находится Сталинград, Сталино, Сталинск, Сталинабад...

Вскоре после смерти Ленина возникла крайне сомнительная, вождистская практика присвоения имен партийных, государственных, творческих деятелей городам, районам, предприятиям, вузам, театрам и т.д. Стали нормой сообщения газет о досрочном выполнении плана квартала химзаводом им. Сталина (Москва), ткацкой фабрикой им. Ворошилова (Тверь), первой и третьей бумажными фабриками им. Зиновьева (Ленинград), заводом им. Бухарина (Гусь-Хрустальный) и т.д. Практически в стране к концу 20-х годов уже не осталось облас-

тей, где бы имя Сталина не было присвоено какому-нибудь административному, производственному или культурному объекту или учреждению. Этим в сознании людей незаметно утверждалась мысль об исключительной, порой недоступной простому пониманию (иррациональной) роли Сталина в судьбе нации, истории народа, его будущем. Славословия в адрес "вождя" можно было услышать в любом служебном докладе или выступлении, где попутно превозносился и "вождь" местного масштаба.

Вот характерный пример. Н.С. Хрущев, секретарь МГК ВКП(б), выступая на пленуме горкома в июне 1932 года, сказал: "Правильное большевистское руководство Московского обкома и городского комитета партии, указания, которые мы получаем в повседневной своей работе от т. Кагановича, громадная активность рабочих обеспечат нам выполнение задач, которые стоят перед Московской партийной организацией..." Эти молитвенные заклинания, ставшие неотъемлемым элементом общественной жизни при Сталине, оказались столь живучи, что десятилетия существовали и после его смерти. В этом атрибуте вождизма не просто обожествляется руководитель, этим, если хотите, оскорбляется весь народ, который, будучи творцом всего сущего на Земле, ставится в положение "благодарителя", а не хозяина. Невольно создается впечатление, что люди, отказавшись от бога на небе, создают его на Земле.

Да, именно создают. Наиболее активны в создании культа "вождя" Молотов, Ворошилов, Каганович. Их голоса громче всех в славословии Сталина. Как это ни парадоксально, в этом хоре порой слышны голоса Зиновьева, Каменева, Бухарина, некоторых других опальных руководителей. Как-то неудобно читать их речи и статьи, особенно Зиновьева, покаянно секущего себя за прошлые ошибки и прославляющего "прозорливость и мудрость вождя партии товарища Сталина". Даже Бухарин не удержался от льстивых слов. Кто знает, может быть, они действительно разуверились в том, за что боролись, или просто инстинкт самосохранения давил на разум? Больше всех старался Карл Радек, о котором Сталин однажды сказал в узком кругу: "Мелкий троцкист, к тому же без убеждений".

Радек в 1934 году написал брошюру о Сталине "Зодчий социалистического общества" в форме лекции по мифическому курсу истории победы социализма, которая, как мечтал автор, будет прочитана в 1967 году в 50-ю годовщину Октябрьской революции, в "школе междупланетарных сообщений". Одним этим (1967 г.!) Радек выразил пожелание, чтобы Сталин, уже

находившийся на посту генсека двенадцать лет, и через тридцать три года (!) стоял бы у руля партии и государства. Вся брошюра написана примерно в таком стиле, как и приведенный ниже отрывок: "Политические вожди занимают свое место в партии и в истории не на основе выборов, не на основе назначений, хотя в демократической партии, какой являлась ВКП(б), эти выборы и назначения необходимы для того, чтобы занять место вождя. Вождь пролетариата определяется в борьбе за боевую линию партии, за организацию ее грядущих боев. И Сталин, принадлежавший и при Ленине к первым в руководстве партии, стал ее признанным и любимым вождем..."[50] Брошюра по тем временам вышла колоссальным тиражом — 225 тысяч экземпляров и неоднократно переиздавалась. Рассказывают, что, когда Радеку, недавнему троцкисту, кто-то из "непримиримых" ядовито напомнил: давно ли ты говорил о Сталине совсем другое, как же это понимать? — тот нашелся: "Если бы такие, как я, оппозиционеры жили во времена Робеспьера, то каждый из нас был бы уже на голову короче..." Радек здесь просто предвосхитил то, что его ожидало через три года: славословие Сталина не помогло ни ему, ни Зиновьеву, ни Каменеву, ни многим другим, кто, признав свое идейное поражение, готов был исполнять любую волю "любимого вождя". Радек не понимал, что многое из того, что нас окружает, сиюминутно, суетно, эфемерно. То, что он хотел представить вечным, незыблемым, — величие и славу "вождя" — было таковым (и то отчасти!) лишь в сравнении с ним самим. Река перемен никогда не иссякает.

Параллельно со славословием в официальной литературе незаметно начала пересматриваться история и исподволь формироваться мысль: вождей Октября было двое — Ленин и рядом с ним вездесущий Сталин. В предисловии к 6-томному собранию сочинений Ленина Адоратский утверждал, что ленинские труды нужно изучать вкупе с работами Сталина, что концентрированное изложение ленинских идей сделано "вождем" в "Основах ленинизма" и т.д.

Еще до апогея культа были попытки увековечить Сталина и в политической биографии. В сталинском фонде есть письмо Ярославского генсеку. В нем, в частности, говорится:

"Серго мне сегодня, уезжая, звонил, что говорил (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) с Вами по поводу задуманной мною книги "Сталин"...

На письме ответ как всегда, карандашом, генсека:

"т. Ярославскому. Я против. Я думаю, что не пришло еще время для биографий"

1.VIII.1931. *И. Сталин*"[51].

Резолюция весьма красноречива: "Не пришло еще время для биографий". Триумф одной личности только начинался. Еще не сломлено было крестьянство, еще только поднимался лес заводов, еще жива бóльшая часть ленинской гвардии и прежде всего те, кто хорошо знает, каким он был всего десять лет назад. Только появляются статьи, подобные панегирику Ворошилова, подготовленному к 50-летию "вождя". Главное — постепенность, последовательность, неотвратимость... Важно сохранять на людях приверженность скромной манере держаться. Вот и сегодня он заметил, садясь не в первый, а во второй ряд президиума совещания, как с новой силой вспыхнули аплодисменты. Люди стали на цыпочки, чтобы рассмотреть его невысокую фигуру. "Время для биографий" еще придет...

Но уже положено начало практике направлять верноподданнические письма, рапорты "вождю". Вот, например, 7 апреля 1931 года коммуна им. Сталина села Цасучей, Оловянниковского района, Восточно-Сибирского края послала в Москву рапорт, опубликованный в "Правде":

"...Выдвигая встречный план по расширению посевных площадей, коммуна вместо преподанной (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) цифры в 262,5 га засевает 320 га... Мы за генеральную линию партии под руководством большевистского ЦК и лучшего ленинца — тов. Сталина! Мы за полное осуществление пятилетки в 4 года и ликвидацию кулачества на основе сплошной коллективизации! По поручению коммунаров коммуны им. Сталина

Климов, Токмаков".

Такие письма вскоре стали приниматься на каждом собрании каждого предприятия, колхоза, совхоза, вуза, учреждения. Началась деформация общественного сознания, которое отныне стало питаться исключительно культовыми мифами. Пропаганда все больше и больше делает акцент на веру: все, что сказал, выразил, сформулировал Сталин — непреложно, верно, не требует доказательств. Другими словами, Сталин — полубог. В конце концов эти мифы, ставшие основой всей общественной жизни, будут сведены к двум простеньким постулатам:

— вождь партии и народа — в высшей степени мудрый человек. Сила его интеллекта способна ответить на все вопросы прошлого, разобраться в настоящем, заглянуть в грядущее. "Сталин — это Ленин сегодня";

— вождь партии и народа — полное олицетворение абсолютного добра, заботы о каждом человеке. Он отрицает зло, невежество, вероломство, жестокость. Это улыбающийся человек с усами, держащий маленькую девочку с красным флажком на руках...

Система мифов, без которых невозможен культ личности, стала закрепляться ритуалами (обязательная ссылка на руководящие указания "лучшего ленинца", принятие встречных планов, отправление благодарственных писем, распространение внешней символики и т.д.). Чем выше превозносился Сталин, тем больше, объективно, унижался народ. Прав был немецкий писатель Лихтенберг, сказавший однажды: "Слава знаменитейших людей всегда отчасти объясняется близорукостью тех, кто ими восхищается..."

Понимал ли сам Сталин, что процесс возвеличивания его персоны унижает партию, народ, общество? Видел ли он аморальность этого курса? Предпринимал ли генсек сознательные шаги к усилению цезаризма? На все эти вопросы следует ответить однозначно: да, понимал, видел, предпринимал. Отдельные шаги, жесты "скромности", которые иногда позволял себе Сталин, служили одной цели — возвеличить себя еще больше. И он поддерживал утомительные и бесконечные ритуалы славословия в свой адрес. Генсек не мог не понимать уродливости положения, когда над головами тысяч демонстрантов плывут сотни одинаковых портретов с его изображением; когда в каждом номере "Правды" можно насчитать десятки упоминаний его "стальной" фамилии; когда любой успех связывают с его мудростью, заботой, предвидением. Сталин, недоучившийся семинарист, понимал "технологию" культа, его психологию и проявления.

Он знал, что, кроме культов вождей, богов, императоров, в истории были попытки создания и иных культов. Еще Робеспьер и другие депутаты Конвента пытались утвердить в сознании народа культ "верховного существа". В декрете Конвента говорилось, что "культом, достойным верховного существа, является исполнение человеком его гражданских обязанностей". Это, по сути, была новая государственная религия республики. Робеспьер, держа в руках цветы и колосья ржи, выступил на грандиозном празднестве в честь "культа верховного существа". Он надеялся, что с его помощью граждане республики станут рыцарями долга и чести. Робеспьер жестоко ошибся. Сталин, читая книгу о Робеспьере, не мог понять, как тот не увидел главного: нужно было укреплять собственную власть,

Сталинская "революция" на селе. 1931 г.

За сплошную коллективизацию. Проводы рабочих, отъезжающих в деревню для организации колхозов и борьбы с кулачеством. Ростов-на-Дону. 1929 г.

Без снисхождения... Суд над кулаком. Одесса. 1932 г.

Жертвы кулацкого террора. 1929 г.

Осужденные кулаки перед отправкой в ссылку. Ленинград. 1928 г.

298. Об из'ятии хлебных излишков в Сибири.

Рабочие, Красная Армия и Крестьянство потребляющих губерний Советской России испытывают продовольственную нужду. Неурожай текущего года в ряде губерний грозит еще ухудшить продовольственное положение трудящихся. В это время в Сибири насчитывается до сотни миллионов пудов хлеба, собранного в прежние годы и лежащего в кладях и скирдах в необмолоченном виде. Крестьянство Сибири, перенесшее Колчаковщину и на горьком опыте убедившееся, что, не взявши власти в свои руки, рабочие и крестьяне не в состоянии обеспечить себе ни земли, ни воли и раз навсегда избавиться от политического и экономического гнета, должно пойти на помощь голодающим рабочим и крестьянам потребляющих губерний и дать им то, чего у него много и что лежит без всякого употребления, подвергаясь опасности порчи и гниения.

В виду изложенного, Совет Народных Комиссаров, во имя доведения до победного конца тяжкой борьбы трудящихся с их вековечными эксплоататорами и угнетателями, постановляет в порядке боевого приказа:

1. Обязать Крестьянство Сибири немедленно приступить к обмолоту и сдаче всех свободных излишков хлеба урожаев прошлых лет с доставлением их на станции железных дорог и пароходные пристани.

Примечание. Разверстка подлежащих обязательной сдаче излишков хлеба от урожаев прошлых лет определяется и об'являются Народным Комиссариатом Продовольствия одновременно с разверсткой на излишки хлеба нового урожая.

2. По пред'явлении разверстки обязать Волостные и Сельские Советы—Революционные Комитеты немедленно привлечь все население к обмолоту и сдаче хлеба; в случае необходимости, население привлекается к обмолоту в порядке трудовой повинности.

3. Ответственными за производство обмолота и выполнение разверстки об'явить все местные органы власти, начиная с Волостных и Сельских Советов—Революционных Комитетов и кончая Сибирским Революционным Комитетом.

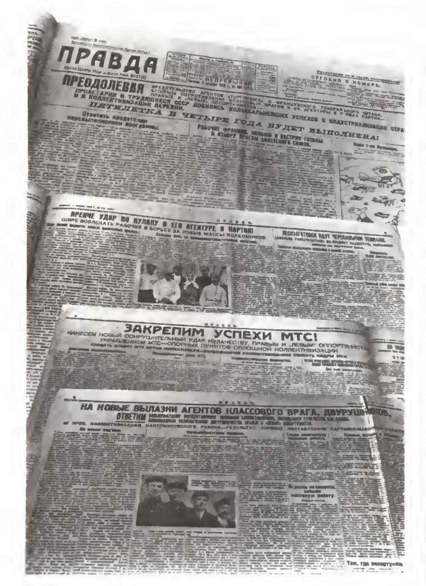
4. Виновных в уклонении от обмолота и от сдачи излишков граждан, равно как и всех допустивших это уклонение ответственных представителей власти карать конфискацией имущества и заключением в концентрационные лагери, как изменников делу рабоче-крестьянской революции.

5. В целях облегчения обмолота маломощным хозяйствам и семьям красноармейцев: а) обязать Военно-продовольственное Бюро Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов при содействии Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности привлечь и направить для продовольственной работы в Сибирь продовольственные отряды в составе до 6.000 рабочих, причем Центральное Управление Снабжения обязуется для обмундирования таковых выдать 6.000 полных комплектов обмундирования и теплой одежды; б) обязать Народный Комиссариат Труда мобилизовать и направить в распоряжение Сибирских продовольственных органов до 20.000 человек организованных в уборочные дружины голодающих крестьян и рабочих Европейской России на работы в течение осеннего и зимнего времени, с допущением в составе дружин женщин в количестве 20%.

Постановление СНК "Об изъятии хлебных излишков в Сибири". 1929 г.

Голод на Украине.
Начало 30-х годов.

ПРАВДА

ПРЕОДОЛЕВАЯ

ПРОЛЕТАРИИ И ТРУДЯЩИЕСЯ СССР ДОБИЛИСЬ КОЛОССАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ В ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ И В КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ ДЕРЕВНИ.

ПЯТИЛЕТКА В ЧЕТЫРЕ ГОДА БУДЕТ ВЫПОЛНЕНА!

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

КРЕПЧЕ УДАР ПО КУЛАКУ И ЕГО АГЕНТУРЕ В ПАРТИИ!

ШИРЕ ВОВЛЕКАТЬ РАБОЧИХ В БОРЬБУ ЗА НОВЫЕ МАССЫ КОЛХОЗНИКОВ

ЗАКРЕПИМ УСПЕХИ МТС!

НАНЕСЕМ НОВЫЙ СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР КУЛАЧЕСТВУ, ПРАВЫМ И „ЛЕВЫМ" ОППОРТУНИСТАМ УКРЕПЛЕНИЕМ МТС—ОПОРНЫХ ПУНКТОВ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

НА НОВЫЕ ВЫЛАЗКИ АГЕНТОВ КЛАССОВОГО ВРАГА, ДВУРУШНИКОВ,

ОТВЕТИМ

Курсом "классовой борьбы"

В тени "вождя". А. Поскребышев. 1934 г.

Л.М. Каганович, Г.Г. Ягода, В.М. Молотов, А.И. Микоян, И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов (слева направо) на похоронах В.Р. Менжинского. 1934 г.

Молотов, Сталин, Калинин, Ворошилов, Каганович среди делегатов XVII съезда ВКП(б). 1934 г.

Ворошилов с будущими жертвами террора: Я.Б. Гамарником, И.Е. Славиным, И.Н. Дубовым, П.Е. Дыбенко, А.И. Корком, И.А. Халепским, И.Э. Якиром в перерыве между заседаниями XVII партсъезда.

Сталин и Каганович в траурном карауле у гроба Кирова. 1934 г.

В бурятско-монгольском костюме. 1936 г.

"Следы" великого кормчего.

ЗДЕСЬ БЫЛ
22 ИЮЛЯ 1933 Г.
ОСНОВАТЕЛЬ
И СОЗДАТЕЛЬ
СЕВЕРНОГО
ФЛОТА
ВЕЛИКИЙ
СТАЛИН

Новости для "вождя". И.В. Сталин, Н.И. Ежов, К.Е. Ворошилов. 1935 г.

С верой в "вождя". Прием делегации из Армении. 1935 г.

Ворошилов, Молотов, Сталин, Ежов (и без него) на канале Москва — Волга. Одна фотография, опубликованная в разные годы. Мелкая фальсификация как символ фальсификаций крупных.

"Сталин — это Ленин сегодня".

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

совещания при Председателе ЦИК Союза ССР.

О созыве Всесоюзного совещания по вопросам развития языка и письменности национальностей СССР.
(Вн.Секретарем Совета Национальностей ЦИК СССР т.Хацкевичем)

1.Принять предложение Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР о созыве Всесоюзного Совещания по вопросам развития языка и письменности национальностей СССР из представителей центральных и республиканских учреждений, работающих в области лингвистики, соответствующих научно-исследовательских институтов, советских и общественных учреждений.

П.Для подготовки созыва и проведения совещания создать комиссию в составе т.т.:Милютина (председатель), Хацкевича, Баумана, Бубнова, Таль, академика Мещанинова, академика Самойловича, Диманштейна, Коркмасова, Затонского, Горина, Гамбарова, Амагаева, Луппол (Институт литературы им.Горького при ЦИК СССР).

Ш.Совещание созвать в Москве 20 апреля 1936г.с количеством участников совещания – 75 чел.

Поручить комиссии составить персональный список участников совещания и по согласованию с республиками внести на утверждение Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР.

1У. Порядок дня совещания наметить следующий:

1.Доклад научно-исследовательского института национальностей о состоянии языка и письменности национальностей СССР и о руководстве этим делом в центре и на местах.

2. Об установлении [illegible] и правил создания [illegible] национальностей и научно-учебной языковедческой литературы.

3.О выработке новых общих правил орфографии языков национальностей к созданию грамматик, словарей и справочников.

4.О состоянии и задачах редакционно-переводческой работы особенно по линии переводов классиков науки и литературы.

5. О состоянии и подготовке языковедческих кадров в центре и на местах.

У. Поручить комиссии провести все работы по подготовке созыва совещания к 1 марта 1936 г., наметить порядок работ совещания (секции, комиссии), согласовать докладчиков, рассмотреть тезисы их докладов и проекты резолюций.

19.XП.35г.

Красноречивая резолюция. 1935 г.

Фотография на память. Сталин в своем кабинете с работниками предприятий тяжелой промышленности. 1936 г.

Равнение на "единственного". На сессии Моссовета. 1935 г.

Как всегда — "единогласно". И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов. 1936 г.

Первый кандидат и первый избиратель. 1937 г.

Сталинские выборы. Голосует О.Ю. Шмидт. 1937 г.

Фото Д. Дебабова

Красная площадь. 1 мая 1935 г.
Фото Я. Халипа.

Лион Фейхтвангер и Сталин. 1937 г.

Сталин и Валерий Чкалов. 1937 г.

Москва встречает участников ледовой эпопеи "Челюскина". 1934 г.

На лоне природы. Сталин и Ворошилов с женами. 1927 г.

Генсеку нужно много читать... На даче.

Надежда Аллилуева с дочерью Светланой.

Сталин с дочерью.

Сталин с матерью Екатериной Джугашвили. 1935 г.

Сталин, Берия с дочерью Сталина на даче.

Семья. Сталин с Василием и Светланой.

Процесс "промпартии". Среди обвиняемых — Л.К. Рамзин. 1930 г.

"Любимец партии" Н.И. Бухарин на процессе. 1938 г.

ПРАВДА

ПРАВДА

СПРАВЕДЛИВОЕ ТРЕБОВАНИЕ ПРОКУРОРА — СМЕРТЬ ТРОЦКИСТСКОЙ БАНДЕ!

ЗАКРЫТИЕ СЕССИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ

Вакханалия процессов в зеркале прессы.

Проверка "дел" прибывших в лагерь... (кадр из документального фильма "Москва — Волга").

За опубликование
А. Е.
М. К.

П о с т а н о в л е н и е
Центрального Исполнительного Комитета Союза С.С.Р.

О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дела слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР - М.КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР - (А.Енукидзе) А. Енукидзе

Москва, Кремль,
1 декабря 1934 года.

1/XII-34

Опубликовано в газетах
4/XII-34

Предрешено и без подписи "всесоюзного старосты". 1 декабря 1934 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

71

Союз Советских Социалистических Республик

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

17 января 1935 г.

№ 55137

МОСКВА, площадь Дзержинского, 2
Телефон: коммутатор НКВД

Краткое содержание:

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП/б/ –

тов. С Т А Л И Н У.

Постановление ЦИК СССР от 27/V-34 г. о восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах безусловно предполагало оседание восстановленных в местах поселения.

Однако, поскольку специального пункта в закон внесено не было, по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест.

Вместе с тем, возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены, политически нежелательно.

Считаю целесообразным издания ЦИК"ом Союза ССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 г., где должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из мест поселения.

66/25.1.35 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР: /Г.ЯГОДА/

Бессрочная ссылка... Так "вождь" вершил судьбами людей. 1935 г.

На строительство канала Москва — Волга (кадр из фильма).

Дмитлаг. Бесконечное новое "пополнение".

Красноречивая вывеска.

Заключенные каналоармейцы.

Соловки. Символ сталинского беззакония.

Смерть "врагам народа". Митинг на заводе в Москве. 1938 г.

Вечное обвинение. Куропаты.
Фото П. Симонова

создавать собственный культ, а не рождать эфемерные призраки общечеловеческой нравственности. Культ морали генсек считал творением либералов, рафинированных интеллигентов, буржуазной выдумкой.

Культ личности... В этом деле не должно быть осечек. А посему Товстуха, Двинский, Каннер, Мехлис, а затем и Поскребышев ежедневно просматривали и визировали все более или менее значимые материалы о нем и его фотографии, предназначенные для печати. А наиболее важные показывали ему, генсеку. Нередко его карандаш добавлял одно-два слова, которые еще более рельефно высвечивали "исключительность", "проницательность", "решительность", "заботу", "мужество", "мудрость товарища Сталина". Сам он давно понял, что благоприятный образ вождя, или, как сегодня говорят, — "имидж" руководителя, больше всего зависит от внешнего спокойствия, невозмутимости, величавой медлительности. Разве в великой сумятице клокочущего мира это не является редким и уникальным?

Иногда, споря по бесчисленным вопросам, рожденным тем сложным временем, люди пытаются определить: с какого момента начался культ личности Сталина? Кто первый "позвал" людей славословить генсека? Называют имена тех же Ворошилова, Молотова, Кагановича... И все же, думаю, явления культа начались не с этого: если бы взахлеб не стал славить Сталина Ворошилов, это начал бы делать кто-нибудь другой. В тех условиях это было практически неизбежно. Почти полное отсутствие гласности, подлинного контроля снизу за деятельностью высших эшелонов власти, непомерная "секретность" порождали вождизм и соответствующие ему культовые обряды.

"Тайны" культа не в личностях, а в том процессе, который стал быстро развиваться после смерти Ленина. Государственные, партийные, общественные институты оказались неприспособленными для социальной защиты. Несовершенство политического механизма власти сделало возможным мнение, волю, прихоть одного человека выдавать за волеизъявление народа. Опыт социалистической государственности был очень незначительным; ленинские предостережения были учтены лишь формально; наличие постоянной внешней угрозы создавало атмосферу "осажденной крепости", в которой, как известно, всегда сознательно идут на ограничение демократии. Отсутствие подлинной выборности, сменяемости и обновления руководства, создание номенклатуры, всевластие аппарата, выдвижение на-

силия в качестве универсального средства решения социальных вопросов (вспомним сталинские термины "насаждение колхозов", "раздавить врага", "ликвидация кулачества", "нанесение сокрушающего удара пособникам" и т.д.) создали предпосылки серьезных деформаций в сфере общественного и индивидуального сознания. В нем стали играть доминирующую роль мифы, обожествляющие отдельного человека.

Конечно, причины единовластия — в недрах государства, общества, в истории, традициях создаваемой системы. Главная идейная "заслуга" Сталина здесь состоит в том, что он смог своим изощренным умом добиться, чтобы в конце концов его имя олицетворялось с социализмом, новым великим делом. А дальше логика проста: славословие, защита, укрепление социализма есть одновременно и славословие, защита и укрепление позиций Сталина, после Ленина — подлинного и единственного вождя. В партии, кстати, фактически не было сомнений, что должен быть вождь и после смерти Владимира Ильича. Цезаристские настроения масс, огромное значение быстро растущего аппарата в деле упрочения и узурпации личной власти стали понятны Сталину ранее, чем кому-либо другому.

В организационном отношении "заслуга" Сталина еще более очевидна: он смог превратить партию в инструмент личной власти. Советы, заняв уже с конца 20-х годов подчиненное, а затем вспомогательное, порой даже бутафорское положение, утратили реальную власть. Партия, которая должна была осуществлять политическое, идейное руководство обществом, полностью взяла на себя функции государственной власти. Это лишило ее творческого динамизма, сделало важнейшим звеном сталинской диктатуры.

Вместе с тем нельзя отрицать и влияния внешних факторов на формирование деспотического единовластия в стране. Наличие реальной угрозы империалистического нападения давали в руки партии постоянный бесспорный аргумент в "защиту" централизации, ограничения демократии, превращения страны в полувоенный лагерь, которому, естественно, необходим политический полководец. Коминтерн, все более теряющий свою независимость, освящал авторитетом коммунистических партий вождизм Сталина. Да и редкие буржуазные деятели, решившие сотрудничать с СССР, предпочитали иметь дело со Сталиным, а не с огосударствленной партией.

Таким образом, все или почти все (кроме совести!) "работало" в тот период на Сталина. При этом нельзя отбрасывать и субъективные моменты, помогавшие Сталину: подчерки-

вание верности ленинизму, демонстративная "скромность", происхождение. Все это позволяло Сталину без драматических сбоев двигаться к его цезаристской цели. Самое страшное заключалось в том, что подавляющее большинство народа и партии верили, что сталинский курс на единовластие и есть социализм. Тогда не многие понимали, что абсолютная власть развращает абсолютно.

Поэтому рассуждения — с чьей легкой руки начался культ — беспредметны. Главная беда не в том, что начали славословить, а в том, что не думали о народовластии, которое кардинальнейшим образом и отличает социализм от других общественно-экономических формаций. Думаю, можно сказать, что культ личности — уродливые социальные отношения власти и народа, руководителя и общества. В общественном сознании это выразилось в ликвидации свободы выбора народа, в пренебрежении к прошлому, в мифологическом утопизме, в господстве веры, а не истины, в гипертрофии коллективного в ущерб личному. Проявления культа —это прежде всего трагедия свободы: социальной, духовной, политической, нравственной. Свобода стала главной жертвой культа Сталина. Но это уже о природе культа личности, вопросе, которому в одной из последующих глав будет уделено большее внимание.

Как видим, в портрете Сталина, еще больше укрепившего свое положение в партии и государстве, уже начали проявляться многие из тех черт, которые мы прямо связываем с будущими бедами. Ленинские слова: "Это те мелочи, которые могут приобрести решающее значение" станут пророческими. А пока страна в неимоверном порыве, пережив муки голода в начале 30-х годов, кровь и страдания миллионов крестьян, достигала все новых рубежей в индустриализации, социальном и духовном обновлении. Особым этапом в жизни страны и Сталина стал XVII съезд партии.

"Съезд победителя"?

Рубеж второго и третьего десятилетий нашего века для Сталина оказался весьма трудным. Разгром "правых" в партии обещал как будто спокойную жизнь. Заметно вырос авторитет генсека. Бывшие оппозиционеры, в том числе Бухарин, искали повод и способ, чтобы подчеркнуть свою лояль-

ность Сталину, свое "прозрение" и "полное согласие с генеральной линией партии". Каменев с Зиновьевым, например, несколько раз пытались восстановить прежние "добрые" отношения со Сталиным, еще раз приезжали к нему на дачу с "мировой".

Многие падение с высокого поста расценивают как личную трагедию. Не были исключением и эти политические деятели. Каменев в свои сорок с небольшим лет как-то сразу сдал, поседел и выглядел как "моложавый старик". В своих нечастых разговорах со Сталиным по телефону или лично Каменев неизменно находил повод для осторожных напоминаний об их совместном прозябании на Курейке, о том, что он, Зиновьев и Сталин были ближайшими соратниками Ленина, о драматических событиях, связанных с утверждением Сталина на посту генсека. Зиновьев и особенно Каменев не теряли надежды на возвращение в верхние эшелоны партийной иерархии.

Сталин прекрасно понимал, в чем дело. Его реакция была снисходительно-покровительственной. Иногда он даже давал какую-то надежду опальным. Но в душе понимал, что люди, которым он в значительной мере обязан своим нынешним положением, ему не только не нужны, но и могут оказаться опасными. Зиновьев и Каменев слишком хорошо знали Сталина. А генсек не любил людей, которые о нем знали больше, чем это предписывалось официальной пропагандой. Все его внимание в начале 30-х годов было сосредоточено на революции в сельском хозяйстве, рывке в индустриализации, консолидации своих сторонников.

Быстрыми темпами росла промышленность. Форсированно завершалась коллективизация сельского хозяйства, превратившаяся в настоящее национальное бедствие. Приближалась дата очередного, XVII съезда партии.

Состоявшийся в январе — феврале 1934 года съезд в сталинской пропаганде был назван "съездом победителей", поскольку сам Сталин в Отчетном докладе ЦК назвал успехи партии и страны "великими и необычайными". Бесспорно, к 1934 году страна сделала крупный рывок в своем развитии. Когда я смотрел черновик доклада, над которым работал Сталин, то обратил внимание: генсек, тщательно редактировавший доклад, каждую страницу, каждый абзац, стремился более выпукло показать прежде всего достижения. Он считал, что огромные жертвы, принесенные народом, должны дать результат. Целые страницы доклада переписаны Сталиным заново. Генсек хотел

показать народу и партии: его руководство плодотворно, успешно, победоносно.

Сталин особый акцент сделал на том, что за три с половиной года после XVI съезда партии промышленность в стране удвоила объем выпускаемой продукции. За несколько последних лет созданы новые отрасли производства: станкостроение, автомобильная, тракторная, химическая промышленность; появилось моторостроение, самолетостроение, комбайностроение; стали производить синтетический каучук, азот, искусственное волокно и т.д. Генсек с гордостью объявил, что пущены в ход тысячи новых промышленных предприятий, и в том числе такие гиганты, как Днепрогэс, Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, Уралмаш, Челябинский тракторный завод, Краматорский машиностроительный, и ряд других. В докладе Сталина было, как никогда, много цифр, таблиц, схем. Ему было о чем говорить съезду.

30-е годы мы как-то теперь привыкли измерять только трагическим масштабом, а ведь это были и годы невиданного энтузиазма, подвижничества, массового трудового героизма. Нам сейчас порой трудно представить, как миллионы людей, часто имея минимум необходимого для нормальной жизни, верили, что они подлинные творцы коммунистического грядущего, что от их самоотверженности зависят не только их судьбы, но и судьбы мирового пролетариата. Вот несколько сообщений "Правды" тех лет. Генсек всегда читал ее полностью, а не выборочно, подчеркивая карандашом некоторые материалы. При этом Сталина переполняло чувство "единоличного хозяина".

"Коллективный рапорт бакинских нефтяников, обсужденный на 40 митингах 20 тысячами нефтяников, дополненный 53 местными рапортами и 254 письмами рабочих". В рапорте говорится, что "нефтяная пятилетка усилиями рабочих и специалистов и под испытанным руководством ленинской партии закончена в два с половиной года".

Сообщение с Магнитостроя:

"На строительном участке доменного цеха родился совсем новый тип бригады — сквозная хозрасчетная бригада экскаватора. Переход на хозрасчет экскаваторов дал прекрасные результаты... Хозрасчетные экскаваторы побили мировой рекорд загрузки машин".

Заметка из Татарии:

"Уборка и хлебопоставка проходят под лозунгом подготовки ко второму всетатарскому съезду колхозников и завоевания права включить своего представителя в делегацию, которая по-

едет с рапортом к товарищу Сталину. Занять первое место на Всесоюзной красной доске — популярнейший лозунг в колхозах Татарии".

С высоты сегодняшнего дня можно говорить о наивности, прекраснодушии, огромной вере в Сталина миллионов простых людей, которые построили для нас все то, на чем стоим ныне. Но нельзя не восхищаться неукротимым энтузиазмом людей, их гордостью за свершенное, уверенностью в том, что будущее в их руках. Невиданной силы подвижничество, высокая гражданственность, часто обрамленная культовыми ритуалами, — это и был тот огромный социальный заряд, созданный Октябрем, верой в справедливость и лучшее будущее. Мы всегда, и сейчас и в следующем веке, должны помнить этих людей, творцов, созидателей, которых "вождь" чаще называл "массы" или иногда — "винтики".

В это же время на страницах "Правды" встречаются сообщения, которые сегодня, когда мы многое знаем, вызывают не просто настороженность, а глубокое понимание подоплеки того, о чем тогда писала главная газета страны.

В середине июля 1933 года "Правда" сообщала:

"Товарищи Сталин и Ворошилов приехали в Ленинград и вместе с товарищем Кировым в тот же день выехали на Беломорско-Балтийский канал. По ознакомлении с работой канала и с состоянием гидротехнических сооружений выехали через беломорский порт Сорока на Мурманск".

Через две недели после посещения Сталиным Беломорстроя было опубликовано постановление СНК СССР об открытии Беломорско-Балтийского канала имени т. Сталина и постановление ЦИК СССР о награждении отличившихся при строительстве канала. Орденами Ленина награждены 8 человек: Ягода Г.Г. — заместитель Председателя ОГПУ; Коган Л.И. — начальник Беломорстроя; Берман М.Д. — начальник Главного Управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ; Френкель Н.А. — помощник начальника Беломорстроя; Рапопорт Я.Д. — заместитель начальника Беломорстроя; Фирин С.Г. — начальник Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря; Жук С.Я. — заместитель главного инженера Беломорстроя; Вержбицкий К.А. — заместитель главного инженера строительства[52].

На XVII съезде С.М. Киров в своей речи скажет:

— Такой канал, в такой короткий срок, в таком месте осуществить, — это действительно героическая работа, и надо от-

дать справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом, которые буквально чудеса сделали[53].

Точнее было бы сказать, что чудеса творили сотни тысяч заключенных. Недостатка в них не было. После раскулачивания более миллиона кулацких и середняцких хозяйств, ужесточения борьбы с "остатками эксплуататорских классов" в распоряжении ОГПУ была огромная сила, которая построит не только Беломорско-Балтийский канал. Должности награжденных орденами Ленина красноречиво говорят о том, как и кем строился канал имени Сталина. Идея широко использовать заключенных в народном хозяйстве, а в 30-е годы большой проблемой было обеспечить им фронт работ, была не новой. Напомню, Троцкий еще в середине 20-х годов, развивая идею милитаризации труда, советовал, что "враждебные государству элементы должны направляться в массовом порядке на объекты строительства пролетарского государства". Совет одного из "выдающихся вождей", как видим, не остался незамеченным другим.

О достижениях в сельском хозяйстве сказать Сталину в докладе было труднее. Да, создано свыше 200 тысяч колхозов и 5 тысяч совхозов. Развитие сельского хозяйства, признал генсек, пошло "во много раз медленнее, чем промышленности". Сталин признал также, что по "сути дела отчетный период был для сельского хозяйства не столько периодом быстрого подъема и мощного разбега, сколько периодом создания предпосылок для такого подъема и такого разбега в ближайшем будущем"[54]. Здесь же докладчик отметил тяжелое положение в животноводстве. Пожалуй, с тех пор оно у нас так и не стало легким. Как и в сельском хозяйстве вообще.

Разгромив в течение десяти лет после смерти Ленина многочисленные "оппозиции", Сталин остался в конце концов без "работы". И генсек сказал об этом: если на XVI съезде нам пришлось добивать приверженцев всяческих группировок, то на этом съезде и "бить некого". Хотя тут же, чтобы, не дай бог, не ослабили бдительности, противореча самому себе, высказался в том смысле, что "остатки их идеологии живут в головах отдельных членов партии" и мы должны быть готовы их разбить. Но Сталин редко "бил" по идеологии, больше — по ее носителям. Заявив, что страна идет к созданию "бесклассового, социалистического общества", тут же сделал вывод, что бесклассовости можно добиться только "путем усиления органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы"[55].

Думается, что Сталин, будучи глубоко убежденным в уни-

версальности методов насилия, в том, что диктатура пролетариата — это прежде всего инструмент насилия, просто не хотел понимать пагубности этой концепции. На "съезде победителей", когда, по его же словам, были "практически ликвидированы остатки эксплуататорских классов", он призывает к дальнейшему усилению механизма принуждения, укреплению карательных органов. Значения демократической эволюции Сталин не хотел понимать по весьма простой причине: любое усиление подлинного народовластия в такой же степени ослабляло бы его вождистские возможности. Добавлю к этому, что по своему характеру Сталин был авторитарной, деспотической натурой, в которой всегда чувствовалось что-то восточное, далекое во времени... Не случайно Бухарин в 1928 году назвал Сталина "Чингисханом".

Не без ведома Сталина среди 1225 делегатов оказалось немало тех, кто в свое время принадлежал к различным группировкам, фракциям, "оппозициям", "уклонам". Все они давно в различной форме покаялись, повинились, искали возможности вновь заслужить расположение Сталина, теперь уже неизмеримо более сильного и авторитетного. Не все из "разгромленных" были беспринципными людьми, приспособленцами. Многие из этих бывших "оппозиционеров" искренне раскаивались, часто в малозначащих "грехах", не желая оставаться вне партии и поддерживая курс на форсированное строительство социализма.

Генсек специально посоветовал Кагановичу прежде всего обеспечить представительство на съезде немалой группы тех лиц, которые бы своими покаянными речами еще более усилили могущество "вождя", теперь уже единственного на вершине власти. Спустя десятилетия, читая эти речи, представляешь унижение людей, бичующих себя, как в религиозном экстазе, лишь для того, чтобы насытить чувство тщеславия одного человека. И это разглядели многие делегаты. Киров говорил, например, что сейчас эти бывшие оппозиционеры "пытаются... вклиниться в это общее торжество, пробуют в ногу пойти, под одну музыку, поддержать этот наш подъем... Вот возьмите Бухарина, например. По-моему, пел как будто по нотам, а голос не тот. Я уже не говорю о товарище Рыкове, о товарище Томском"[56].

Что же говорили на "съезде победителей" эти люди, вчера еще члены Политбюро, соратники и ученики Ленина?

Бухарин, бывший "любимец партии" и ее теоретик: "Сталин был целиком прав, когда разгромил, блестяще применяя

марксо-ленинскую (так в тексте. — *Прим. Д. В.)* диалектику, целый ряд теоретических предпосылок правого уклона, формулированных прежде всего мною... Обязанностью каждого члена партии является... сплочение вокруг товарища Сталина, как персонального воплощения ума и воли партии, ее руководителя, ее теоретического и практического вождя"[57].

Не верится, что это говорил человек, интеллектуальная совесть которого была кристально чистой...

Рыков, первый после Ленина Председатель Совнаркома: "Я хотел характеризовать роль товарища Сталина в первое время после смерти Владимира Ильича... О том, что он как вождь и как организатор побед наших с величайшей силой показал себя в первое же время. Я хотел характеризовать то, чем товарищ Сталин в тот период сразу и немедленно выделился из всего состава тогдашнего руководства"[58].

И это говорил человек, всегда славящийся своей прямотой, неподкупностью, большим гражданским мужеством...

Томский, руководитель профсоюзов страны: "Я обязан перед партией заявить, что лишь потому, что товарищ Сталин был самым последовательным, самым ярким из учеников Ленина, лишь потому, что товарищ Сталин был наиболее зорким, наиболее далеко видел, наиболее неуклонно вел партию по правильному, ленинскому пути, потому, что он наиболее тяжелой рукой колотил нас, потому, что он был более теоретически и практически подкованным в борьбе против оппозиций, — этим объясняются нападки на товарища Сталина"[59].

И это говорил человек, известный своей партийной принципиальностью и умением отстаивать ее до конца...

Приведу фрагмент выступления вновь принятого в члены партии, битого-перебитого **Зиновьева**, первого, кто назвал четыре имени рядом — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. "Мы знаем теперь все, что в борьбе, которая велась товарищем Сталиным на исключительно принципиальной высоте, на исключительно высоком теоретическом уровне, — что в этой борьбе не было ни малейшего привкуса сколько-нибудь личных моментов..." Зиновьев назвал доклад Сталина "докладом-шедевром", долго и заискивающе говорил "о триумфе руководства, триумфе **того** (выделено мною. — *Прим. Д.В.*), кто возглавил это руководство...". Когда меня вернули в партию в первый раз, сказал кающийся Зиновьев, то Сталин мне сделал такое замечание. "Вам в глазах партии вредили и вредят даже не столько принципиальные ошибки, сколько то непрямодушие по отношению к партии, которое создалось у вас в течение ряда

лет" (*здесь в зале стали раздаваться многочисленные возгласы: "Правильно, правильно сказано!"*). Далее бывший претендент в лидеры партии заявил: "Мы видим теперь, как лучшие люди передового колхозного крестьянства стремятся в Москву, в Кремль, стремятся повидать товарища Сталина, пощупать его глазами, а может быть, и руками, стремятся получить из его уст прямые указания, которые они хотят понести в массы"[60].

Это говорил человек, который много лет лично знал Ленина, учился у него, считал себя его соратником. Страх оказаться окончательно выброшенным на политическую свалку заставлял Зиновьева говорить все эти унизительные слова. Так же, презрев интеллектуальное достоинство и совесть, курили фимиам "вождю" Каменев, Радек, Преображенский, Ломинадзе, другие поверженные Сталиным в "оппозиционной" борьбе.

Сталин, сидя теперь, как обычно, во втором ряду, с внешним безразличием посмотрел на поднимающегося на трибуну Каменева. Ему вспомнилось, как тот, председательствуя, как бывало раньше, на съездах, заседаниях Политбюро или на других совещаниях, нетерпеливыми репликами старался "повернуть" выступавших в нужную сторону. Однажды, когда их отношения уже испортились, Каменев бросил Сталину, перечислявшему в своем выступлении ошибки "оппозиции":

— Товарищ Сталин! Что вы как овец считаете: первое, второе, третье... Ваши аргументы не умнее этих овец...

— Если учесть, — быстро парировал генсек, — что вы одна из этих овец...

Что сейчас скажет Каменев?

А Каменев каялся неприлично, униженно, вымаливающе:

— Та эпоха, в которую мы живем, в которую происходит этот съезд, есть новая эпоха... она войдет в историю — это несомненно — как эпоха Сталина, так же как предшествующая эпоха вошла в историю под именем эпохи Ленина, и что на каждом из нас, особенно на нас, лежит обязанность всеми мерами, всеми силами, всей энергией противодействовать малейшему колебанию этого авторитета... Я хочу сказать с этой трибуны, что я считаю того Каменева, который с 1925 по 1933 год боролся с партией и с ее руководством, политическим трупом, что я хочу идти вперед, не таща за собою по библейскому (простите) выражению эту старую шкуру... Да здравствует наш, наш вождь и командир товарищ Сталин!"[61]

Сталин, полузакрыв глаза, слушал торопливую речь Каменева. Даже он еще не знал, что почти через три года сделает Каменева с Зиновьевым и многими другими не "политическими

трупами", а физическими, натуральными. Но что это последнее (на таком форуме) выступление Каменева, Сталин знал точно. Хватит либеральничать!

Сталин с нескрываемым интересом слушал все эти панегирики, чувствуя себя триумфатором. Ведь он знал, что Каменев в разговоре с Троцким называл его "свирепым дикарем", а Зиновьев в своем кругу именовал "кровавым осетином"; Бухарин не раз уязвлял Сталина за незнание иностранных языков; Радек в первом издании книги "Портреты и памфлеты" не нашел для него, будущего генсека, и нескольких слов; Преображенский, считавшийся крупным теоретиком, в одной из речей в 1922 году назвал генсека "неучем"...

Месть? Нет, это мелко, думал триумфатор. Пусть вся партия убедится, что во всех спорных вопросах, во всех дискуссиях, на всех переломных этапах правым оказывался только он, Сталин. И это говорит не он, а они, его бывшие оппоненты. Пусть все знают впредь, что он обладает не только политической волей, организаторскими способностями, что признается в партии уже давно, но и особой мудростью, прозорливостью, способностью к предвосхищению и твердой рукой... Съезд победителей? Может, **съезд победителя?!** Если бы Сталин хорошо знал отечественную историю, то мог бы вспомнить весьма красноречивый факт. После разгрома Наполеона сенат решил преподнести Александру I титул "Благословенный" в знак особых заслуг в спасении Отечества. Однако Александр вежливо, но твердо отказался.

А Сталин все ждал и ждал новых эпитетов, сравнений, фимиама. Никто, правда, не додумался сказать: идет "съезд победителя". Фантазия людей все же не всегда на высоте... Но многое на этом съезде прозвучало впервые. Хрущев и Жданов, например, первыми назвали его, Сталина, "гениальным вождем", Зиновьев причислил его к лику классиков научного социализма, Киров определил генсека как "величайшего стратега освобождения трудящихся нашей страны и всего мира"; Ворошилов сказал, что Сталин, будучи "учеником и другом" Ленина, являлся и его "оруженосцем". Уж это-то нелепость: друг и оруженосец!

Возможно, Сталин думал, что диктатура пролетариата должна иметь персональное олицетворение? Для демократии не нужны лица, облеченные особой властью, чтобы ее выражать. А диктатура класса... Все говорит о том, что Сталин считал нормальным для руководителя первого в мире социалистического государства обладать неограниченными правами. А ими,

как известно, обладают лишь диктаторы. Сталин, слушая выступления делегатов, мысленно пробежал свой причудливый путь от экспроприатора до вождя крупнейшей пролетарской партии. То, что когда-то ему представлялось утопией, обрело черты реальности; что считалось вероятным, кажется теперь определенным; желаемое стало действительностью. Сталин на рубеже этих десятилетий поверил в свою особую роль и призвание; с каждым съездом он наполнялся уверенностью: только он может добиться невозможного. Столь роковое заблуждение было тоже одним из субъективных истоков многих и многих бед.

Устав от шквала эпитетов — "мудрый", "гениальный", "великий", "прозорливый", "железный", Сталин с особым вниманием слушал делегатов от армии. После безудержного славословия, которого он ждал уже от каждого оратора, Сталина неприятно поразила скупая на похвалы речь Тухачевского. Он опять взялся за свое: излагает свои "прожекты" технической реконструкции армии. Сказано же было ему, что слишком много фантазирует; нет, опять за свое... Сталину вспомнилось большое письмо Тухачевского, направленное ему в начале 30-х годов. В нем Тухачевский выражал свое недовольство отношением Сталина и Ворошилова к его предложениям о технической модернизации армии. Командующий Ленинградским военным округом писал:

"На расширенном заседании РВС СССР т. Ворошилов огласил Ваше письмо по вопросу моей записки о реконструкции РККА. Доклад Штаба РККА, при котором Вам моя записка была направлена, мне совершенно не был известен... В настоящее время, познакомившись с вышеупомянутым докладом, я вполне понимаю Ваше возмущение фантастичностью "моих" расчетов. Однако должен заявить, что моего в докладе Штаба РККА нет абсолютно ничего. Мои предложения представлены даже не в карикатурном виде, а в прямом смысле в форме "записок сумасшедшего..."[62]

Сталин уже тогда понял из письма, что Тухачевский, у которого были натянутые отношения с Ворошиловым, полемизирует не с наркомом, а с ним, генсеком. Его неприятно поразила независимость суждений этого военачальника, который, похоже, смотрит много дальше застывшего на уровне опыта гражданской войны наркома. Когда выступал Ворошилов, то Сталин знал, о чем скажет человек, ставший легендой, декорацией героического былого, ибо нарком накануне съезда приносил показать свою речь генсеку.

Ворошилов в своей речи ухитрился найти новый эпитет: "стальной Сталин". И, конечно, Ворошилов не обошелся без восклицаний: "Имея такого испытанного, мудрого и величайшего вождя, каким является наш Сталин", нас не устрашит "никакое свиное или еще более скверное рыло, где бы оно ни появилось..."[63]. Сталина покоробил вульгаризм наркома: "мудрый", "великий вождь" и рядом какие-то "рыла"...

Сталин не упустил, к своему удовлетворению, и высказываний Долорес Ибаррури, Белевского, Бела Куна, Вильгельма Кнорина, других руководителей международного коммунистического движения о том, что он теперь не только вождь большевиков, но и "вождь всемирного пролетариата". Задумавшись, поймал себя на мысли: если бы все это ему приснилось два десятка лет назад, в Курейке, под вой пурги, что бы мог он подумать? Сошел с ума? "Вождь всемирного пролетариата"... Поистине судьбы людей непредсказуемы.

Как все хрупко, эфемерно в нашем быстроменяющемся мире, Сталин вдруг почувствовал в последний день работы съезда. Все казалось простой формальностью: избрать членов ЦК и новых органов (вместо ЦКК) — комиссий партийного и советского контроля. Персональный состав руководящих органов на Политбюро был, конечно, "обговорен" заранее, и все, казалось, триумфальное чествование "вождя" спокойно шло к завершению. Счетная комиссия, избранная съездом, заканчивала свою работу. Но вдруг произошло неожиданное. В комнату к Сталину зашли возбужденные и встревоженные Каганович и председатель счетной комиссии Затонский. Но вначале несколько слов об источнике этой информации.

В своих воспоминаниях о подробностях работы съезда рассказывает А.И. Микоян, бывший кандидатом в члены и членом Политбюро с 1926 по 1966 год, делегат всех съездов партии с X по XXIV. Об этом говорится и в целом ряде других мемуаров. В "Истории КПСС", вышедшей в свет в 1962 году, отмечается, что "ненормальная обстановка, складывавшаяся в партии, вызывала тревогу у части коммунистов, особенно у старых ленинских кадров. Многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с завещанием В.И. Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу". По свидетельству А. Микояна (а его в свою очередь проинформировали старые большевики А. Снегов, О. Шатуновская, Н. Андреасян, бывший членом счетной комиссии), Каганович с тревогой объявил Сталину неожиданные результаты голосования: из 1225 делегатов трое подали го-

лоса "против" Кирова и около трехсот (!), почти одна четверть голосовавших, "против" Сталина. Это было невероятно!

Сейчас никто не может точно сказать, что ответил генсек. Но, по утверждению Микояна, быстро было принято решение оставить "против" Сталина, как и "против" Кирова, три голоса, а остальные бюллетени уничтожить. Добавлю, что благодаря сложившейся практике в списках для голосования осталось ровно то количество кандидатов, которое необходимо для избрания. В общем, это были "выборы без выбора", где нужно простое большинство. Сталин, даже если бы учли 300 голосов "против", все равно вошел бы в состав ЦК и, видимо, был бы избран в любом случае генсеком*. Но политический резонанс после оглашения результатов был бы таким, что учесть все его последствия представлялось невозможным. Все сразу почувствовали бы, что величие "вождя" эфемерно.

По этим же свидетельствам, группа старых большевиков, узнавшая о результатах голосования до их официального объявления, предложила Кирову, чтобы он согласился на выдвижение его генсеком. Киров отказался и якобы обо всем рассказал Сталину.

В этой неясной до конца драматической истории, тем не менее, есть несколько объективных обстоятельств, придающих ей достаточно большую степень правдоподобности. Прежде всего, на съезде оказалось немало делегатов, состоявших ранее в различных "оппозициях" и выступавших прежде лично против Сталина. Кроме того, многие из партийных работников, бывших на съезде, уже имели возможность испытать на себе бесцеремонность, грубость и диктаторские замашки Сталина. Но обстановка в партии уже была такой, что подвергать открыто критике Сталина и тем более предлагать сместить его с высокого поста не мог никто. Хотя возможность использовать шанс совести существует всегда. И выразить свое подлинное отношение к Сталину с помощью тайного голосования эти люди, бесспорно, могли. Если когда-нибудь это сообщение, сделанное Микояном на основе свидетельств группы старых большевиков, в том числе членов счетной комиссии

---

* После XVII съезда партии Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не избирался. И до конца своей жизни Сталин в партийных и государственных документах генсеком не именовался. Впрочем, это ему и не требовалось: "вождь" обладал такой властью, какую не мог иметь официально провозглашенный Генеральный секретарь ЦК партии

XVII съезда партии, будет полностью доказано, то оно одновременно зафиксирует одно из самых неприглядных, преступных действий Сталина против партии. Я уже не говорю здесь (об этом будет сказано в другой главе), сколь трагичной окажется судьба подавляющего большинства делегатов "съезда победителей", поскольку Сталин после голосования стал в каждом из них видеть потенциального противника.

Еще одним последствием этого запутанного дела явилось резкое изменение отношения Сталина к Кирову, который теперь в его глазах стал реальным соперником.

"Съезд победителей", таким образом, отразив крупные изменения в стране в пользу социалистического переустройства общества, зафиксировал нарастание диктаторских амбиций "вождя". Диктатура пролетариата, как инструмент овладения властью и созидания нового общества, была расценена Сталиным как возможность единолично отправлять ее важнейшие функции.

Сталин и Киров

Еще раз вернемся к одному из эпизодов XVII съезда партии. Выступая на нем, Енукидзе, в частности, сказал: "Товарищ Сталин сумел окружить себя лучшими людьми в нашей партии, сумел вместе с ними обсуждать и решать всякие вопросы, сумел из этой группы людей создать такую могучую силу, которой не знала история ни одной революционной партии..."[64] Ничего не скажешь, действительно, в те годы в окружении Сталина были еще интересные люди, и среди них С.М. Киров. Хотя к понятию "окружение" он едва ли подходил, поскольку работал в Закавказье, а затем в Ленинграде. И все же Киров был близким человеком для Сталина. Енукидзе, который также был личным другом, однако, преувеличивал, что вокруг Сталина всегда были "лучшие люди в нашей партии". К сожалению, бывали около него разные люди. И одаренные, самобытные и кристально чистые соратники; и поддакиватели, никогда и ни в чем ему не перечившие, главной заботой которых было угадать и исполнить желание "вождя". К несчастью для народа и партии, подвизались рядом со Сталиным (особенно в конце 30-х, в 40-е гг.) лица, которых иначе как преступниками не назовешь.

Сталин не был глупым человеком. Он хотел иметь возле себя верных, преданных друзей, соратников, а главное — беспрекословных исполнителей, понимающих с полуслова его желание, намерение, жест. Хотя для "публики" он всегда старался подчеркнуть, что отношения, основанные на личной преданности, не достойны высоких принципов. Например, отвечая на письмо члена партии Шатуновского, Сталин писал:

"Вы говорите о Вашей "преданности" мне. Может быть, это случайно сорвавшаяся фраза. Может быть... Но если это не случайная фраза, я бы советовал Вам отбросить прочь "принцип" преданности лицам. Это не по-большевистски. Имейте преданность рабочему классу, его партии, его государству. Это нужно и хорошо. Но не смешивайте ее с преданностью лицам, с этой пустой и ненужной интеллигентской побрякушкой"[65].

Правильные слова. Но, увы, они расходились с делами. Ведь Сталин был великим Лицемером. И, как правило, окружал себя лишь теми, кто не доставлял ему хлопот. Прежде всего это касалось помощников. Напомню их имена: Назаретян, Товстуха, Бажанов, Каннер, Марьин, Двинский, Поскребышев. Больше всего он привязался к двум: Товстухе и Поскребышеву.

И.П. Товстуха понимал его с полуслова. Человек с неплохой теоретической подготовкой, он был способен сформулировать идею, заметить в тексте принципиальную ошибку. Сталин ценил его за исключительную самоотверженность в работе. В архиве Сталина сохранилась его записка Зиновьеву, Каменеву и Бухарину, в которой он пишет: "Товстуха не хочет уезжать в отпуск. В деле есть мое предложение о немедленном отпуске т. Товстухе, которое он не допустил к голосованию..."[66] И тут же Сталин выговорил своему помощнику, что тот о своем несостоявшемся отпуске поведал Каменеву. Вконец расстроенный Товстуха написал официальную записку:

"Сталину.

Копия Каменеву.

Заявляю, что ни тов. Каменеву, ни кому бы то другому я никогда не говорил, что будто бы хочу в отпуск, но меня т. Сталин не пускает.

Товстуха".

Каменев карандашом полушутливо набросал на этой бумажке "местного значения":

"Подтверждаю, что никогда, нигде, ни в каком виде Товстуха не говорил мне об отпуске, а лишь о том, что он бы мог увеличить свою работу над Лениным (так в тексте. — *Прим.*

Д.В.), если бы он начинал свою работу в ЦК пораньше. В смерти Товстухи прошу меня не винить.

Л.Каменев"[67].

Как видим, в аппарате Сталина вершились не только серьезные и "великие" дела.

Короткое время у Сталина работал Б. Бажанов, выходец из семьи интеллигентов. Генсек быстро проникся к нему уважением. Вскоре Бажанов стал стенографировать заседания Политбюро. Однако он умело скрывал свои подлинные взгляды. В 1928 году ему удалось бежать в Персию, а оттуда в Англию. Несколько десятилетий он зарабатывал на жизнь, вначале комментируя то, что он знал, а затем фабрикуя самые различные домыслы о нашей стране и ее руководстве.

Многие годы Сталин держал около себя Л.З. Мехлиса, который некоторое время был помощником "вождя". Лев Захарович Мехлис, родившийся в Одессе, начинал меньшевиком, вступил в партию в 1918 году, познакомился со Сталиным в годы гражданской войны. Занимал ряд видных постов в аппарате ЦК, "Правде", был народным комиссаром Госконтроля СССР, начальником Главного политуправления РККА. Не лишенный способностей, но с откровенно полицейским мышлением, Мехлис был одним из тех, кто регулярно докладывал Сталину "доверительную информацию" о других руководителях партии. Но едва ли это был человек идеи. Однажды он обратился к Сталину с просьбой сделать дарственную надпись на только что вышедшей в 1924 году книге генсека "О Ленине и ленинизме". Сталин быстро начертал на титульном листе:

"*Молодому другу по работе*
т-щу Мехлис
от автора.
23.05.24".

Самое интересное, что Мехлис, заполучив автограф, ни разу не раскрыл книги: все листы теперь уже ссохшейся и пожелтевшей книги так и остались неразрезанными.

Влияние Мехлиса определялось не столько должностями, сколько отношением к нему самого Сталина. Мехлис бывал у Сталина часто, подолгу оставаясь с ним один на один. Ему Сталин давал самые щекотливые поручения. Передо мной лежит целый том его личных донесений из разных мест, куда его направлял "вождь". Сотни шифровок, телеграмм, письменных докладов об одном и том же: "враги орудуют", "везде беспечность", "благодушие губит дело", "нужно ужесточить меры...". Сталин верил Мехлису, пожалуй, больше, чем многим другим.

Тот умел найти "врагов" там, где и подозревать-то было вроде бы смешно... В июле 1937 года, когда Краснознаменный ансамбль песни и пляски был на востоке, к Сталину поступила шифрованная телеграмма.

"Доношу: в ансамбле краснознаменной песни тяжелое положение. Прихожу к заключению: **в ансамбле орудует шпионско-террористическая группа** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*). Уволил на месте девятнадцать человек. Веду следствие. В составе есть бывшие офицеры, дети кулаков, антисоветские элементы. Привлек к работе нач. особого отдела. Пускать ансамбль в части?

Мехлис"[68].

Думаю, вопрос, заключавший телеграмму, был напрасным: арестовано пол-ансамбля, кого "пускать"? Таким был человек, который в тени "вождя" играл свою, особую, зловещую роль. Подозрительность Сталина нашла в Мехлисе идеальный источник ее поддержания.

Но, пожалуй, наибольшим доверием и близостью к "вождю" пользовался А.Н. Поскребышев, которого Хрущев на XX съезде партии назвал "верным оруженосцем" Сталина. Бывший фельдшер из Вятки, сын сапожника, он уже с 1922 года работал в ЦК, а с 1928 года помощником Сталина, заведующим особым сектором. Во время войны Сталин сделал члена ЦК и депутата Верховного Совета СССР А.Н. Поскребышева генерал-майором. Поскребышев отличался поразительной работоспособностью и исполнительностью. Его старшая дочь Галина Александровна Егорова рассказывала мне, что на работе он проводил не меньше 16 часов. Хотя незадолго до смерти Сталина Берии удалось убрать его из Кремля, Поскребышев остался до конца своих дней преданным слугой "Хозяина". Между прочим, первая жена Поскребышева была дальней родственницей Троцкого, что в конце концов сыграло трагическую роль.

Дочь Поскребышева рассказывала мне, что отец все жалел, что не вел дневника, так много он знал. Правда, подумав, всегда заключал, что если бы такой дневник у него был, то его давно бы не было в живых.

Вся информация любого характера поступала к Сталину через Поскребышева. Он знал о происходящих в партии и стране процессах не меньше, чем Сталин. Это был идеальный исполнитель: бездумный, не возражающий, в любое время находившийся на своем посту. Однако роль Поскребышева в "коридорах" власти была значительно важнее официального статуса, в силу особого расположения к нему "вождя".

Хотя Поскребышев по натуре не был жестким человеком, перед ним заискивали; так много зависело от того, когда, как доложит "бумагу", выскажет предложение первый помощник.

Бывший нарком путей сообщения И.В. Ковалев, который всю войну иногда по три-четыре раза в день докладывал Сталину о движении военных эшелонов, как-то назвал Поскребышева "двужильный". "В любое время, когда бы Сталин ни вызывал, лысоватая голова его помощника всегда была наклонена над ворохом бумаг. Это был человек с компьютерной памятью. У него можно было получить точную справку по любому вопросу, — заключил Ковалев рассказ о Поскребышеве, — одним словом — энциклопедия".

Все это были близкие Сталину люди, как он иногда говорил, из "обслуги". Но и другие из числа самых близких соратников — Маленков, Каганович, Ворошилов — отличались прежде всего абсолютным согласием с "вождем". Во всем.

О некоторых из них я расскажу в других главах книги. Например, один из этой троицы, Ворошилов, при решении любых дел, самых мелких и самых ответственных, стремился прежде всего во всем поддержать "вождя". В далеком 1923 году почему-то одной из сотрудниц ессентукского санатория, где тогда отдыхали генсек и Ворошилов, понадобилась такая странная справка, собственноручно написанная Сталиным:

"К сведению советских и парт.учреждений.

Свидетельствую, что предъявительница сего Мария Геперова, служащая грязелечебницы в Ессентуках, является заслуживающей полного доверия и преданной Советской Республике труженицей.

15.11.23. *И.Сталин*".

Тут же, ниже, дописано: "Вполне присоединяюсь

К. Ворошилов"[69].

Когда видный военачальник И.Э. Якир был арестован и приговорен к расстрелу, то он обратился к Сталину с письмом, в котором заверял, что он абсолютно не виновен в приписываемых ему преступлениях. Сталин отреагировал лаконично: "Подлец и проститутка", а Ворошилов, привыкший всегда и во всем соглашаться со Сталиным не только по форме, но и по содержанию, написал, как и в 1923 году:

"Совершенно точное определение

К. Ворошилов"[70].

А ведь это был подчиненный Ворошилова, один из талантливых советских командиров, которого Ворошилов прекрасно знал!

Молотов, Каганович, Ворошилов, как и помощники, были самыми близкими к Сталину людьми, безоговорочно поддерживавшими любой его шаг. Но ведь были и другие, те, кто считался его соратником, но сумел сохранить свое доброе имя. Один из них — **Сергей Миронович Киров,** большевик ленинской формации: бесконечно преданный делу, простой, отзывчивый человек. Везде, где бы ни работал Киров, люди любили этого общительного и скромного руководителя. Когда Кирова по ленинской рекомендации направили в Азербайджан, в его партийной характеристике значилось:

"Устойчивость — во всех отношениях... Энергичный работник... В проведении принятых решений более чем настойчив. Уравновешен и обладает большим политическим тактом... Великолепный журналист... Первоклассный и великолепный оратор..."[72]. За годы работы в Закавказье Киров оставил о себе исключительно добрую память. После XIV съезда, когда "новая оппозиция" пыталась сделать ленинградскую парторганизацию своей опорой, ЦК партии направил Кирова в Ленинград, где он был избран секретарем горкома и обкома. Биограф Кирова Ю. Помпеев свидетельствует, что, когда тот прибыл в Ленинград, один из самых близких его друзей Серго Орджоникидзе прислал в обком любопытную записку, характеризующую нового первого секретаря ленинградской парторганизации.

"Дорогие друзья!

Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря, но зато вас подкрепили как следует. У меня нет ни малейшего сомнения, что вы там справитесь и каких-нибудь месяца через два все будет сделано. Киров — мужик бесподобно хороший, только, кроме вас, он никого не знает. Уверен, что вы его окружите дружеским доверием. От души желаю вам полного успеха".

А чуть ниже Серго добавил постскриптум:

"Ребята, вы нашего Кирыча устройте, как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды..."[72]

Сталин знал Кирова давно, с октябрьских дней 17-го. Трудно сказать, почему сухую, черствую, а порой и просто ледяную натуру Сталина потянуло к этому вечно улыбающемуся, энергичному крепышу. Они не раз вместе отдыхали, дружили семьями, хотя и находились обычно далеко друг от друга. В одной из сталинских записок к Орджоникидзе, написанной в Сочи, упоминается о Кирове, его лечении (удивительно: Сталина никогда не интересовало чужое здоровье).

"Дорогой Серго!

...А Киров что делает там? Лечится от язвы желудка нарзаном? Ведь этак можно доконать себя. Какой знахарь "пользует" его?..

Привет Зине.

Привет от Нади всем вам. Твой *Сталин*.

Сочи 30 июня 1925 г."[74].

Пожалуй, ни к одному партийному работнику Сталин не проявлял такого внимания и даже любви. Ему нравился этот открытый и простой человек. Где появлялся Киров, вокруг него сразу же собирались люди. Было раньше такое, теперь полузабытое, выражение "душа общества". Так вот, Киров был в самом хорошем смысле душой любого общества: партийного, рабочего, студенческого, красноармейского. Киров на фоне непроницаемого Молотова, угодливого в самом выражении лица Кагановича, вечно готового к исполнению Ворошилова был носителем подлинной теплоты человеческих отношений — моральной ценности непреходящего значения.

Почти каждый диктатор имеет свои слабости. У Сталина это выражалось в интуитивном доверии очень небольшому кругу людей: Поскребышеву, Мехлису, Молотову, Кирову, может быть, еще двум-трем лицам. Чувства симпатии, привязанности объяснить трудно. Нередко их трудно "обосновать" аналитически, поскольку они целиком из области психологии. Сталин любил улыбку Кирова, его открытое русское лицо, бесхитростность, одержимость в работе. Играя как-то в воскресенье с приехавшим на дачу ленинградским лидером в городки (Сталин взял себе в пару кухонного рабочего Хорьковского, а Киров — Власика), он спросил гостя:

— Что ты больше всего любишь, Сергей?

Киров удивленно посмотрел на Сталина и со смехом ответил:

— Большевику положено работу любить больше жены!

— А все же?

— Наверное, идею... — ответил Киров, выстраивая новую фигуру.

Сталин неопределенно махнул рукой, но выпытывать больше не стал: ему было непонятно, как можно "любить идею"? Может быть, для красного словца? Но Сталин знал, что Киров фальшивить не умел. Знал и то, что Киров, как, пожалуй, никто другой, мог влиять даже на него.

Вспомнилось дело Рютина. Сталин знал этого бывшего прапорщика старой армии еще с начала 20-х годов. В 1918 году

он был командующим войсками Иркутского военного округа, в 1920-м — секретарем Иркутского губкома, во второй половине 20-х годов — секретарем Краснопресненского райкома партии Москвы, членом редколлегии "Красной звезды", кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Потом Рютина "понесло". Сталину докладывали, что он стал одним из авторов ходившего нелегально по рукам пространного документа "Ко всем членам ВКП(б)". Главный удар "обращение" наносило по нему, именовавшемуся в документе не иначе как "диктатор" с антиленинским "намордником" в руках. Сталин помнил, что на заседании Политбюро он настаивал не просто на исключении М.Н. Рютина из партии, но и рекомендовал вынести ему смертный приговор. Это был, видимо, первый случай, когда Сталин пытался до судебного разбирательства предрешить судьбу человека. Члены Политбюро молчали. С одной стороны, по делу выходит, что Рютин пытался создать "контрреволюционную организацию", а с другой — смертный приговор?! "Партверхушка" была в замешательстве. И тут раздался голос Кирова:

— Нельзя этого делать. Рютин не пропащий человек, а заблуждающийся... черт его разберет, кто только не приложил руку к этому письму... не поймут нас люди...

Сталин почему-то быстро согласился. Рютин получил десять лет и погиб в 1938 году. Но Сталин не забыл: Киров может смело высказывать свое мнение, не считаясь даже, если нужно, с ним.

Сталин очень немногим дарил свои книги с дарственной надписью. Так вот Киров удостоился самого сердечного автографа "вождя", казалось, полностью неспособного даже выговаривать или писать такие слова. На титульном листе книги "И. Сталин. О Ленине и ленинизме" рукой генсека четким и твердым почерком выведено:

"*С.М. Кирову*

Другу моему и брату любимому от автора.

23.05.24. *Сталин*".

Когда председательствующий на XVII съезде партии П.П. Постышев объявил на очередном заседании: "Слово имеет товарищ Киров", зал взорвался овацией. Все встали. Встал и Сталин. Зал долго рукоплескал еще одному "любимцу партии". Пожалуй, только сам Сталин удостоился такого приема у делегатов съезда. Речь Кирова была самой яркой, сочной, информативно насыщенной. Да, она, как почти все, за редким исключением, выступления делегатов на этом съезде, была

густо пересыпана хвалебными эпитетами в адрес генсека. Возможно, в этом плане Киров даже "перехлестнул" многих других ораторов. Об этом остается лишь сожалеть, но надо понимать, что хотя шанс совести существует всегда, порой (а может быть, и чаще) его можно использовать, лишь "перешагивая" через обычные нормы поведения. А это всегда на грани гражданского подвига. Ни Киров, ни кто-либо другой его не совершили на съезде, где на глазах делегатов и с их помощью утверждался культ личности. В истории нельзя ничего не прибавить, ни убавить. Иначе это уже не история, а ее фальсифицированная копия.

Как мы уже знаем, выборы руководящих органов партии на съезде имели (насколько об этом можно сегодня судить) своеобразную кульминацию, столь неприятно поразившую Сталина. Его триумф был сильно омрачен. Но Сталин не подал вида. У мраморных богов Древней Греции и Рима лица непроницаемы. Чувства на них застыли на века и тысячелетия. Сталин умел сохранять маску невозмутимости в самых критических ситуациях. Он давно понял, что это всегда производит на окружающих большее впечатление, нежели суетливость, показная энергия, "руководящая" поза. Получив "сигнал", что далеко не все на съезде разделяют радость превращения его в единоличного вождя, Сталин внешне сохранил спокойствие. Дальше все шло как и было запланировано. На Пленуме ЦК, состоявшемся после съезда, Кирова избрали членом Политбюро и Оргбюро, секретарем ЦК ВКП(б), он также остался секретарем Ленинградской парторганизации. Сталин первоначально планировал после съезда перевести Кирова из Ленинграда в Москву, но сейчас делать этого не стал, передумал.

Работы у Кирова стало больше. Как секретарь ЦК, Киров ведал вопросами тяжелой и лесной промышленности. Часто приходилось бывать в Москве. Сталин, как и прежде, часто звонил ему по "вертушке", когда тот бывал в Москве, неоднократно встречался, обсуждал текущие дела и заботы. Казалось, ничего не изменилось, Киров по-прежнему "друг и брат любимый". Некоторые историки, правда, считают, что в отношениях Сталина к Кирову появилась холодность, больше официального, что, дескать, несколько раз ленинградскому секретарю досталось от "вождя" за какие-то незначительные промашки. Возможно. Документы, люди, знавшие Сталина и Кирова в то время, с которыми мне довелось говорить, не засвидетельствовали ничего подобного. А скорее всего Ста-

лин просто умел хранить глубоко внутри свои чувства и намерения.

Тем неожиданнее ошеломляющее, трагическое сообщение о том, что 1 декабря 1934 года в Смольном убит С.М. Киров:

"Данными предварительного следствия установлено, что фамилия злодея, убийцы товарища Кирова — Николаев (Леонид Васильевич), 1904 года рождения, бывший служащий Ленинградской РКИ. Следствие продолжается"[74].

Прошло лишь два дня, как Киров вместе с другими ленинградцами — членами ЦК вернулся из Москвы с Пленума, на котором было принято важное и радостное решение: отмена карточек на хлеб и другие продукты питания. В поезде живо обсуждали этот долгожданный шаг: как будут рады рабочие, весь народ! Делились мнениями и о просмотренном спектакле по пьесе Булгакова "Дни Турбиных", поговорили о предстоящем собрании партактива Ленинграда, который был назначен на 1 декабря. В общем, приехал Киров в приподнятом, деловом настроении.

В день актива, закончив подготовку доклада, Киров к половине пятого приехал в Смольный. Шел по коридору, здоровался, обменивался репликами, отдельными фразами со многими людьми. Свернув налево, в узкий коридор, направился к своему кабинету. Навстречу ему шел ничем неприметный человек. У дверей кабинета раздались два выстрела. Сбежавшиеся увидели лежавшего ничком Кирова и бьющегося в истерике убийцу с револьвером в руке...

Через два часа после убийства Сталин, Молотов, Ворошилов, Ежов, Ягода, Жданов, Косарев, Агранов, Заковский и некоторые другие выехали в Ленинград специальным поездом. На вокзале Сталин обложил встречавших нецензурной бранью, а Медведя, начальника Ленинградского управления НКВД, ударил по лицу рукой. Медведь, как и его заместитель Запорожец, был переведен на работу на Дальний Восток, а в 1937 году, когда вовсю заработала машина террора, они были уничтожены. По некоторым данным, первый допрос Николаева провел сам Сталин, в присутствии группы людей, приехавших с ним. С самого начала целый ряд обстоятельств, связанных с убийством Кирова, подчеркнули его загадочный характер. Об этом доложил на XX съезде партии Хрущев: "Необходимо заявить, — сказал он, — что обстоятельства убийства Кирова до сегодняшнего дня содержат в себе много непонятного и таинственного и требуют самого тщательного расследования. Есть причины подозревать, что убийце Кирова — Николаеву по-

могал кто-то из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован из-за его подозрительного поведения, но был выпущен и даже не обыскан. Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова, везли на допрос 2 декабря 1934 года, то он погиб во время автомобильной "катастрофы", в которой не пострадал ни один из других пассажиров машины. После убийства Кирова, — продолжал Хрущев, — руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли. Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова". А ведь человек, который погиб в катастрофе, — сотрудник НКВД Борисов — возглавлял охрану Кирова и, по некоторым данным, предупреждал Сергея Мироновича о возможном покушении. Во всяком случае, человек, дважды задерживавший Николаева с оружием на пути следования Кирова и затем отпускавший его по чьему-то распоряжению, был убран.

В архивах, в которые я получил доступ, нет материалов, позволяющих с большей степенью достоверности высказаться по "делу Кирова". Ясно одно, что это было сделано не по приказу Троцкого, Зиновьева или Каменева, как стала вскоре гласить официальная версия. Зная сегодня Сталина, его исключительную жестокость, коварство и вероломство, вполне можно предположить, что это его рук дело. Одно из косвенных свидетельств — устранение двух-трех "слоев" потенциальных свидетелей. А это уже "почерк" Сталина.

За рубежом имеется обширная литература об этом загадочном деле, но она часто носит слишком тенденциозный характер и основана, как правило, лишь на предположениях и умозаключениях. К их числу можно отнести, например, выводы старого эмигранта, завершившего свою жизнь в Соединенных Штатах, Б.И. Николаевского[75].

Процесс по делу Николаева был проведен в пожарном порядке. Уже через 27 дней в опубликованном обвинительном заключении утверждалось, что Николаев является активным членом подпольной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Под заключением стояли подписи заместителя Прокурора СССР А.Я. Вышинского, с чьим именем будет связано еще немало трагических и темных страниц ближайшего будущего, и следователя по важнейшим делам Л.Р. Шейнина. Как и следовало ожидать, все обвиняемые по этому делу, в том

числе и Николаев, были расстреляны. Почему, "как и следовало ожидать"?

Дело в том, что уже в день убийства Кирова по инициативе Сталина принимается Постановление ЦИК СССР (без обсуждения на Политбюро), в соответствии с которым были внесены изменения в существующий уголовно-процессуальный кодекс. Сталин настолько спешил, что постановление даже "не успели" подписать у главы государства, Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина. Документ, выражающий кредо беззакония, вынужден был подписать секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе. В нем говорилось:

1. Следовательским отделам предписывается ускорить дело обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов.

2. Судебным органам предписывается не задерживать исполнения смертных приговоров, касающихся преступлений этой категории, в порядке рассмотрения возможности помилования, так как Президиум ЦИК СССР считает получение прошений подобного рода неприемлемым.

3. Органам комиссариата внутренних дел предписывается приводить в исполнение смертные приговоры преступникам упомянутой категории немедленно после вынесения этих приговоров.

Ряд "дел", рассматривавшихся в Москве и других городах, форсировали уже на основе новых указаний. Поскольку убийство Кирова произошло в Ленинграде, а следствие связало этот акт с зиновьевцами, уже в декабре 1934 года большая группа "заговорщиков" во главе с Зиновьевым и Каменевым (Евдокимов, Бакаев, Куклин, Гессен и др.) села на скамью подсудимых. Каких-либо прямых улик, доказательств, свидетельствующих о причастности этих лиц к убийству Кирова, выявить не удалось. Зиновьев после XVII съезда партии, хотя и не был избран в ЦК, как-то оживился, посчитал, что "гроза" прошла стороной и для него могут еще наступить лучшие времена. Он даже написал и опубликовал после съезда в "Большевике" статью, озаглавленную "Международная значимость истекшего десятилетия". (Она стала последней.) А тут внезапно арест. После того как Зиновьев прочел в газете об убийстве Кирова, сопровождаемое комментарием, что в деле замешаны "троцкистско-зиновьевские мерзавцы", внутри у него все оборвалось. Он понял, что теперь его ждет самое худшее. Под напором следствия, а затем и прокурора Зиновьев был вынужден "признать", что в "самом общем плане" бывшая антипартийная группа может нести "по-

литическую ответственность" за случившееся. Этого оказалось достаточно: аргументов, доказательств "правосудию" не требовалось. Первая репетиция политических процессов была проведена. Зиновьев получил 10 лет, Каменев — 5 лет, остальные — в этих же пределах. Приговоры были вначале согласованы со Сталиным. Это, пожалуй, первый случай, когда политические взгляды, отличные от официально провозглашенных, были публично приравнены к уголовному преступлению.

Так продолжалась драма двух бывших соратников Ленина, честолюбивых, непоследовательных, раскаявшихся, возможно неискренне, мятущихся, но тем не менее — совсем не преступников.

Убийство Кирова знаменовало приближение зловещего времени. Народ поверил в подрывную, террористическую деятельность бывших "оппозиционеров". Во-первых, какое-то количество вредителей, расхитителей, классовых ненавистников, видимо, в обществе было. А, во-вторых, отсутствие объективной информации, элементарной гласности создавало идеальные условия для манипулирования сознанием миллионов. На тысячах митингов выдвигались требования решительных действий по отношению к террористам. В 30-е годы люди были одержимы идеей, их можно было поднять призывом, лозунгом, зажечь видением перспективы. Но можно было и легко заставить поверить во "врагов", "шпионов", "диверсантов", "террористов". К тому же они не знали правды о происходящем. В стране зрела атмосфера, как выразился один из пострадавших в 30-е годы В. Окулов, "которая могла разрядиться в любой момент массовым террором, где главными жертвами будут невинные люди". Печать непрерывно накаляла обстановку, "выявляла", сообщала о все новых "вражеских центрах", "заговорах", "терргруппах".

1 декабря 1934 года сразу резко подняло "значение", как любил говорить Сталин, карательных органов. НКВД стало численно быстро расти. Полномочия "органов" расширились. Постепенно они станут рядом с партийными комитетами, а затем и заслонят их, выйдя из-под контроля. Самой популярной темой печати станет "необходимость укрепления бдительности". Ее пропаганда начнет щедро сеять семена подозрительности, недоверия к каждому. За многими руководителями будет установлена слежка. Сталин, как мы помним, страшно боявшийся покушения на свою особу, резко усилит охрану, до минимума сведет свои "явления" народу. У многих простых людей сформируется представление, что на производстве, в

колхозе, вузе много скрытых врагов. Каждая неудача, катастрофа, поломка, авария будет ассоциироваться с вредительством. Постепенно в стране созреет атмосфера, в которой Сталин сможет проводить свои кровавые чистки, рассчитывая на поддержку дезинформированных масс.

Еще до убийства Кирова по личному решению Сталина на ряд постов, играющих немаловажную роль в механизме борьбы с "врагами народа" и партии, были выдвинуты лица, которым предстояло сыграть зловещую роль в беззакониях предстоящих лет. Это прежде всего Н.И. Ежов, член Оргбюро (он станет секретарем ЦК в начале 1935 г.), один из организаторов чистки партии (1935 — 1936 гг.); А.Я. Вышинский, бывший меньшевик, ставший заместителем, а затем и Прокурором СССР. С именем этого человека будут связаны постыдные и преступные политические процессы 1937 — 1938 годов.

Директивы, циркуляры, печать требовали искать и разоблачать "врагов". И, как выяснилось, их "оказалось" немало. Атмосфера подозрительности, страха, недоверия помогла быстро поднять волну террора, которая взметнется до страшных высот в 1937 — 1938 годах. В центр пошли многочисленные донесения об обнаруженных и разоблаченных "врагах". Вот несколько донесений, хранящихся в архиве Верховного суда СССР.

"ЦК ВКП(б) тов. Сталину И.В.

СНК Союза ССР тов. Молотову В.М.

Управлением Государственной безопасности УНКВД по Северному краю закончено следствие по делу о контрреволюционной террористической группировке, подготовлявшей совершение террористического акта против члена ЦК и секретаря Севкрайкома ВКП(б), члена ЦИК тов. Вл. Иванова.

В качестве обвиняемых по настоящему делу привлечены к ответственности и преданы суду 7 человек: Ракитин Н.Г., Заостровский П.В., Попов П.Н., Левинов Г.Н., Ивлев Н.И., Заостровский А.В., Копосов Н.А. Из обвиняемых признал полностью виновным себя только Попов П.Н.

Дело Ракитина и др. предполагается заслушать в выездной сессии военной коллегии Верх. суда СССР в г. Архангельске с применением закона от 1 декабря 1934 года.

Главных обвиняемых: Ракитина, Заостровского П.В., Левинова считаем необходимым приговорить к расстрелу, а остальных обвиняемых к лишению свободы на разные сроки. Просим Ваших указаний.

23 января 1935 г.

А. Вышинский.
В. Ульрих".

"Секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину.

При рассмотрении дела осуждена к расстрелу Белозир Л.И. за то, что она, будучи членом контрреволюционной подпольной террористической организации украинских националистов, завербовала в эту организацию Щербина и Терещенко, которые должны были во время Октябрьских празднеств 1934 года в Киеве совершить теракт над тт. Постышевым и Балицким.

Белозир на всех допросах упорно отказывалась дать какие бы то ни было показания, а также заявила, что она отказывается от помилования. В силу этого прошу указания о возможности приведения в исполнение приговора над осужденной Белозир Л.И.

Тт. А.Я. Вышинский и В.А. Балицкий считают возможным приговор исполнить.

3 февраля 1935 г. *В. Ульрих*".

"Секретарю ЦК ВКП(б)
товарищу И.В. Сталину

9 марта с.г. Выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР под моим председательством рассмотрела в закрытом судебном заседании в г. Ленинграде дело о соучастниках Леонида Николаева: Мильды Драуле, Ольги Драуле и Романа Кулинера.

Мильда Драуле на мой вопрос: какую она преследовала цель, добиваясь получения пропуска на собрание партактива Ленинграда 1 декабря п.г., где должен был делать доклад т. Киров, ответила, что "она хотела помогать Леониду Николаеву". В чем? "Там было бы видно по обстоятельствам". Таким образом, нами установлено, что подсудимые хотели помочь Николаеву в совершении теракта.

Все трое приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. В ночь на 10-е марта приговор приведен в исполнение.

Прошу указаний: давать ли сообщение в прессу.

11 марта 1935 г. *В. Ульрих*"[76].

Молниеносное правосудие: 9-го суд, в ночь на 10-е расстрел, 11-го утром доклад верховному Жрецу. Даже по одной-двум фразам доклада Ульриха видно, сколь поверхностным было рассмотрение дела в суде. Скоро это станет нормой, особенно через два года.

На последнем "деле" хочется немного остановиться. За год-полтора до трагедии стали настойчиво распространять грязный слушок о том, что Мильда Драуле, бывшая жена Николаева, находится в "особых отношениях" с Кировым. Люди, знавшие Кирова, однозначно отвергали саму возможность та-

кой связи. Кому были нужны эти слухи? Не исключено, кто-то хотел натравить неврастеника Николаева на Кирова. Когда Я. Агранов и Л. Шейнин — работники НКВД — начали следствие, то Николаев заявил, что пошел на убийство по соображениям мести. Но вскоре "признал", что совершил злодеяние по заданию подпольной троцкистско-зиновьевской группы... Видимо, имя Драуле было использовано организаторами преступления, чтобы заставить Николаева быть "более решительным". Ну а затем и Мильда, и Ольга Драуле могли оказаться просто опасными, и их решили убрать. Что и сделали...

Сталин поддерживал напряжение. В середине 1935 года было опубликовано его интервью с Гербертом Уэллсом, которое тот взял у Сталина еще годом раньше. И, видимо, не случайно. Сталин вновь напомнил о главном в диктатуре пролетариата — насилии. На вопрос Уэллса: "Не является ли ваша пропаганда старомодной, ибо она является пропагандой насильственных действий?" — Сталин ответил так:

— Коммунисты вовсе не идеализируют метод насилия. Но они, коммунисты, не хотят оказаться застигнутыми врасплох, они не могут рассчитывать на то, что старый мир сам уйдет со сцены, они видят, что старый порядок защищается силой, и поэтому коммунисты говорят рабочему классу: готовьтесь ответить силой на силу... Кому нужен полководец, усыпляющий бдительность своей армии, полководец, не понимающий, что противник не сдается, что его надо добить?[77]

Как Сталин любил слово "добить"... Во множестве речей он призывает "добивать" оппозицию, остатки эксплуататорских классов, кулаков, перерожденцев, двурушников, шпионов, террористов... И "добивал". Похоже, что "добивал" и потенциальных соперников. Пока действовали сдерживающие тормоза решений XIII съезда партии (пожелания делегаций, ознакомившихся с ленинским "Письмом..."), пока у Сталина было свежо в памяти ленинское предостережение, отношение к "оппозиционерам" было как к идейным противникам. "Капитулянтов" (раскаявшихся) обычно быстро восстанавливали в партии, назначали на ответственные посты, публиковали их статьи. Например, Зиновьев и Каменев, восстановленные в партии в июне 1928 года, открыто выражали свою надежду, что "партии еще понадобится их опыт", имея в виду, по всей вероятности, руководящие посты. Бухарина, Рыкова и Томского не прекращали склонять в печати как "пособников кулачества" и тем не менее на XVI съезде партии избрали в состав ЦК. Эта терпимость, по-видимому, не просто похвальна; она является

выражением ленинского понимания демократии в партии и государстве. Сталину, почти никогда не использовавшему слово "демократия" (единственное исключение — его доклад о новой Конституции СССР), бесконечные "вихляния" некоторых лиц, однако, изрядно надоели. Диктатура и демократия для него — несовместимы.

Сталин скоро сделает ставку на "удержание" общества в состоянии перманентной "гражданской войны". Народом, который всегда на "взводе", который бдительно всматривается в каждого, легче управлять и манипулировать. До конца жизни диктатор с помощью своего окружения будет делать все, чтобы поддерживать в обществе социальное, политическое напряжение.

Даже сталинская любовь к Кирову (факты убеждают, что она была) не остановила, по-видимому, его перед тем, чтобы устранить популярнейшего человека, потенциального противника. Подозрительность, жестокость, властность у Сталина всегда брали верх, когда нужно было сделать выбор между элементарно порядочным и тем, что мешало его власти. Убийство Кирова явилось хорошим предлогом для ужесточения всего внутриполитического курса в стране. Он не мог забыть, что четвертая часть делегатов XVII съезда голосовала против него. А сколько их во всей стране? Тогда еще мало кто мог предположить, что из 1225 делегатов с правом решающего и совещательного голоса 1108 скоро будут арестованы и бóльшая часть их погибнет в подвалах НКВД и лагерях. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на этом съезде, 98 человек будут арестованы и расстреляны. А ведь подавляющее большинство этих людей были самыми активными участниками Октябрьской социалистической революции, восстановления страны после разрухи, исторического рывка от сохи к современному индустриальному государству. Это была сознательная ликвидация старой "ленинской гвардии". Они слишком много знали. Ему нужны были самоотверженные исполнители, функционеры более молодого поколения, не знавшие его раннего, прежнего.

Едва ли случайно, что в середине 1935 года Сталин поддержал предложение о ликвидации Общества старых большевиков и Общества бывших политкаторжан. Архивы этих обществ принимали комиссии, членами которых были Ежов, Шкирятов, Маленков. Многим из старых большевиков в страшные годы беззакония в конце 30-х будут предъявлены обвинения в их

"преступлениях" четвертьвековой давности... Не использовались ли здесь изъятые архивы?

К этому же времени относится начало возвышения Л.П. Берии, бывшего в то время первым секретарем ЦК компартии Грузии. В середине 1935 года в Партиздате ЦК ВКП(б) была опубликована "работа" Берии "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье". Изданная на хорошей бумаге, в твердом переплете (что тогда было редкостью), книжонка наполовину состояла из сталинских цитат и безудержно превозносила "вождя". Но главное, что я хочу отметить, в "труде" Берии содержался прямой политической донос на двух видных большевиков — Енукидзе и Орахелашвили. И хотя первый, член ЦК и ЦИК, был давним личным другом Сталина, судьба того и другого была решена. Сталин всегда верил доносам. Берия это усвоил быстро. Правда, Орахелашвили пробовал протестовать. Он написал Сталину личное письмо с проектом опровержения в "Правде". Сталин в своем ответе, по сути, отверг заявление старого большевика. В письме Сталина говорилось:

"Товарищу Орахелашвили.

Письмо получил.

1) ЦК не думает ставить (не имеет оснований ставить!) вопрос о Вашей работе в ИМЭЛе. Вы погорячились и решили, видимо, поставить его. Это ни к чему. Оставайтесь в ИМЭЛе и работайте.

2) "Письмо" в редакцию "Правды" следовало бы напечатать, но текст Вашего "письма", по-моему, неудовлетворителен. Я бы на Вашем месте выбросил из "письма" все "полемические красоты", все "экскурсы" в историю, плюс "решительный протест" и сказал бы просто и коротко, что ошибки (такие-то) действительно допущены, но квалификация ошибок, данная т. Берия, слишком, скажем, резка и не оправдывается характером ошибок. Или что-нибудь в этом роде. Привет!

8.VIII.35 г. *И. Сталин*"[78].

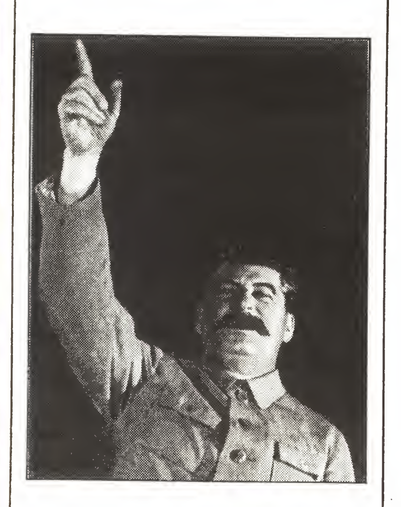
Страна и партия стояли перед страшными испытаниями. Человек, обожествивший в диктатуре пролетариата лишь насилие, стал диктатором. Пусть его и называли "любимый вождь", "гениальный полководец", "мудрый зодчий", ничто не могло закамуфлировать глубинной сути человека-диктатора. Но тогда этого люди не понимали. Пройдут целые десятилетия, пока наступит прозрение. А пока кончался на трагической ноте 1934 год. "Съезд победителя"... А затем сигнал подготовки к террору. Может быть, действительно 1937 год начался, во-

преки всем астрономическим календарям, 1 декабря 1934 года? В том, что касается беззаконий, которые поощрял и инициировал Сталин, можно ответить утвердительно. Диктатура пролетариата, как одно из проявлений демократии большинства, все больше подменялась единовластием диктатора и диктатурой бюрократии. Семена будущей трагедии уже давали свои зловещие всходы. Поезд трагического будущего был на подходе. Сегодня мы знаем, что он не был остановлен.

6 2090

глава 5

В "тоге" вождя

Отрицать ложных богов необходимо, но это еще не все: под их масками следует искать причины их существования.

А. Герцен.

Один из корифеев мировой культуры Плутарх в своих "Избранных жизнеописаниях" так писал об основателе Рима Ромуле: "Надеясь на крепость своей власти и все более и более обнаруживая свою гордость, он переменил народную форму правления на монархию, которая сделалась ненавистной и возбуждала неудовольствие уже с первых дней одною одеждой царя. Он стал носить красный хитон и пурпуровую тогу и занимался делами, сидя на кресле со спинкой. Его всегда окружали молодые люди, названные целерами за ту быстроту, с какою они исполняли данные им приказа́ния. Другие шли впереди него, разгоняя палками народ. Они были подпоясаны ремнями, чтобы связать немедленно всякого, на кого им укажут"[1]. Едва ли ведая о том, Плутарх описал характернейший случай, когда человек, вознесенный волею обстоятельств на вершину власти, все более утверждается в своем могуществе, превращает народ в толпу и становится уже не похожим на себя. История доказала: человек слаб перед магией власти. За редчайшим исключением долгое, бессрочное пребывание в "пурпуровой тоге" преображало вождей как по отношению к людям, так и прежде всего по отношению к самим себе.

Я не "примеряю" буквально слова Плутарха к Сталину: он внешне не переменил форму правления, не стал носить "красный хитон", не сидел в кресле, похожем на трон. Нет, конечно. Но к середине 30-х годов его взгляды на роль вождя в общественном развитии претерпели заметную эволюцию. Он, видимо, помнил слова Плеханова о роли личности в истории. В свое время, когда Сталин создавал свою библиотеку, то поставил Плеханова в списке мыслителей пятым после Ленина, Маркса, Энгельса и Каутского. Плехановские сочинения испещрены сталинскими пометками. Быть может, генсек листал тома Плеханова и перед тем, как ехать в декабре 1930 года на встречу с бюро партячейки отделения философии и естествознания Института красной профессуры? Возможно. Доподлинно известно только, что, давая указания "разворошить и перекопать весь

навоз, который накопился в философии", Сталин среди других указаний дал и такое:

— Плеханова надо разоблачить, его философские установки. Он всегда свысока относился к Ленину...[2]

Думаю, Сталин знал о словах Плеханова: "Великий человек является именно начинателем, потому что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других". И этот вывод, сделанный человеком, которого пришла пора "разоблачить", ему нравился. А вот продолжение мысли Плеханова: вождь не может "остановить или изменить естественный ход вещей"[3], — едва ли импонировало Сталину. Ведь он считал себя теперь способным на многое, если не на все, единственным в стране вождем.

Если в 20-е годы слово "вождь" довольно широко употреблялось в качестве своего рода эпитета и в отношении других ("вождь Красной Армии Троцкий", "вожди революции Зиновьев и Каменев", "вождь красных профсоюзов Томский", "вожди Интернационала", "вожди коммунистического Союза молодежи" и др.), то теперь так именовался только он, Сталин. Думается, что Ленин, также пользовавшийся словом "вожди", обозначал этим не столько личные качества руководителей, сколько политические. Для Ленина, как свидетельствует анализ его работ, вождь — это прежде всего передовой представитель класса, общественной группы. Ничего культового, мифического, связанного с персонификацией власти Ленин не допускал. В своей работе "Насущные задачи нашего движения", написанной еще в 1900 году, великий мыслитель подчеркивал: "Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых (разрядка моя. — *Прим. Д.В.)* представителей, способных организовать движение и руководить им"[4]. Годом раньше, изучая попятное движение в русской социал-демократии, Ленин отмечал особую роль "рабочей интеллигенции", страстно стремившейся к знаниям и социализму. Именно из этой среды и берутся, считал он, "рабочие-передовики". По Ленину, вождь — это передовой выразитель интересов трудящихся, способный самоотверженно бороться за их удовлетворение. "Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей, — писал он. — И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от европейского"[5]. Ленин говорит, таким образом, о многих вождях как синониме передовых руководителей пролетариата.

Логика же действий Сталина и его окружения вела к тому, чтобы создать соответствующую систему политических и социальных отношений в партии и стране и утвердить положение "господствующей личности". (Это выражение я заимствовал из критического анализа Плехановым работ французского философа XIX века И. Тэна.)[6]

"Господствующая личность"

Это выражение Плеханова, по моему мнению, весьма удачно характеризует ситуацию, которая стала складываться в стране с начала 30-х годов, ситуацию, отражающую неуклонное восхождение одной личности на вершину вождизма, утверждение цезаризма. Такое положение стало возможным потому, что партия, как это ни горько говорить, разрешила, согласилась с этим современным цезаризмом. Мы десятилетиями говорили о возрастании роли партии в самых различных сферах нашей деятельности, но ни в докладе Н.С. Хрущева на XX съезде партии "О культе личности и его последствиях", ни в известном постановлении ЦК по этому вопросу, ни в других официальных документах не было сказано о том, что партия хоть в какой-то мере виновна в уродстве культа. Хотя среди причин его появления эта — одна из основных. Подобострастное отношение к своим руководителям, бесконтрольность, пожизненность должностей создали обстановку, в которой человек со злым, изощренным, хитрым умом, человек, не знавший компромиссов, каким был Джугашвили-Сталин, стал "господствующей личностью". Господствующей во всем: в социальной и экономической жизни, в умах людей. Партия оказалась не в состоянии выработать такие защитные меры, которые уберегли бы ее и народ от единовластия.

В "Святом семействе" К. Маркса и Ф. Энгельса приводится глубокая мысль:

"Великие кажутся нам великими лишь потому,
что мы сами стоим на коленях.
Поднимемся!"[7].

Имеется много высказываний Сталина, в которых он верно трактует соотношение "вождь и масса", не преувеличивает роли личности в истории, подчеркивает значение коллективного руководства в партии. Так, в декабре 1931 года он говорил:

"Единоличные решения всегда или почти всегда — однобокие решения. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, с мнением которых надо считаться. Во всякой коллегии, во всяком коллективе имеются люди, могущие высказать и неправильные мнения... В нашем руководящем органе, в Центральном Комитете нашей партии, который руководит всеми нашими советскими и партийными организациями, имеется около 70 членов. Среди этих 70 членов ЦК имеются наши лучшие промышленники, наши лучшие кооператоры, наши лучшие снабженцы, наши лучшие военные, наши лучшие пропагандисты, наши лучшие агитаторы, наши лучшие знатоки совхозов, наши лучшие знатоки колхозов, наши лучшие знатоки индивидуального крестьянского хозяйства, наши лучшие знатоки наций Советского Союза и национальной политики. В этом ареопаге, — продолжал Сталин, — сосредоточена мудрость нашей партии. Каждый имеет возможность исправить чье-либо единоличное мнение, предложение. Каждый имеет возможность внести свой опыт. Если бы этого не было, если бы решения принимались единолично, мы имели бы в своей работе серьезнейшие ошибки"[8]. Хотел того или не хотел Сталин, но последними словами он невольно подтвердил мысль, что многие из "серьезнейших ошибок", допущенных в процессе коллективизации, партийного и государственного строительства, в сфере культуры, стали возможны именно в результате единоличных решений одного человека, превратившегося в "господствующую личность".

Прежде всего это выразилось в устойчивой тенденции к свертыванию коллегиальности в работе Центрального Комитета, которой Ленин придавал огромное значение. Известно, что в первые шесть лет после Октября в соответствии с партийными нормами и политической необходимостью было созвано шесть съездов, пять конференций и сорок три Пленума ЦК. На всех этих партийных форумах не было давления авторитетов, коммунисты имели возможность свободно излагать свою точку зрения, формулировать позицию по тому или иному вопросу. Как правило, важнейшие документы, принимавшиеся партией, были плодом коллективных усилий и разума. В процессе выработки решения принимались во внимание (или к сведению) самые различные подходы и мнения. Свидетельство тому — жаркие споры, компромиссы, многочисленные дискуссии по узловым вопросам внутренней и внешней политики партии.

В то же время, когда после XVII съезда партии стало рельефно просматриваться культовое обожествление его персо-

ны, "вождь" принял меры к резкому ограничению коллегиальности в выработке решений. Он уже не нуждался в других мнениях. С 1934 года (после XVII партсъезда) по 1953 год (год смерти Сталина), т.е. за двадцать лет, в основном до войны, состоялось всего два партийных съезда, одна конференция, двадцать два Пленума ЦК. Перерыв между XVIII и XIX съездами партии — 13 лет! Были годы — 1941, 1942, 1943, 1945, 1946, 1948, 1950, 1951, — когда Центральный Комитет на свои заседания не собирался ни разу! Со временем Сталин, а это явствует из его решений и линии поведения, смотрел на ЦК уже не как на "ареопаг мудрости", как он еще называл его в 1931 году, а просто как на партийную канцелярию, удобный подручный аппарат для реализации его решений. По сути партия стала послушной машиной выполнения указаний "господствующей личности". А ведь готовясь к XIV съезду партии в 1925 году и редактируя проект Устава ВКП(б) (с изменениями), Сталин подчеркнул в знак особой важности слова: "Очередные съезды созываются ежегодно. Центральный Комитет имеет не менее одного пленарного заседания в два месяца". Жизнь, естественно, внесла свои коррективы. Была война, заставившая страну трансформироваться в военный лагерь и не позволившая скрупулезно придерживаться принятых норм. И это объяснимо. Но фактически пренебречь ими...

Ленин еще на III съезде партии, в далеком 1905 году, в докладе "Об участии социал-демократии во временном революционном правительстве" говорил: "Революционный народ стремится к самодержавию народа, все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя (разрядка моя. — *Прим. Д.В.*). Успешный переворот поэтому не может не быть демократической диктатурой пролетариата и крестьянства..."[9] Еще на заре века, задолго до победы социалистической революции, Ленин допускал лишь "самодержавие народа" в форме "демократической диктатуры". Для Сталина теперь все эти старые речи о демократии, народном представительстве, коллективном разуме стали как-то сразу не актуальными, даже наивными. Разве он не выражает интересы народа? Разве он что-либо хочет лично для себя? Разве марксизм отрицает роль вождей?.. Единоличный "вождь" все прибирал к рукам: мысль, политическую волю, социальный арбитраж. Все это становилось похожим на политическое самодержавие.

Усилению бюрократических тенденций в партии способствовало специфическое понимание Сталиным партийного единства. Известно, что в 20-е годы партии пришлось столк-

нуться с весьма активным противодействием в проведении своей политики со стороны отдельных групп коммунистов. Далеко не всегда это были "враги". Часто особые взгляды, позиции, отличные от принятых, "курсы", "платформы" возникали от нестандартных оценок ситуации, своеобразного понимания перспектив движения, а иногда появлялись как результат особенностей характера отдельных личностей. Но сегодня, анализируя весь спектр борьбы "оппозиции", "группировок", все больше убеждаешься, что одним из решающих пунктов разногласий и ожесточенных схваток были проблемы выбора конкретных путей развития демократии, соотношения "вождь и партия", роли масс в революционном процессе, хотя отчасти это как бы камуфлировалось иными мотивами и фразами. Во многих случаях "оппозиционеры" были просто не согласны с авторитарностью, не готовы к единомыслию, как духовной униформе, к чему всегда стремился Сталин. Мы, диалектики, зная, что жизнь движется вперед противоречиями, обычно тем не менее инакомыслие рассматривали как враждебное проявление. А может быть, в инакомыслии как раз и выражалось стремление найти более оптимальную альтернативу? Разве бездумное единомыслие не плодит догматиков, безликих, равнодушных людей?

В те годы было, конечно, и немало таких людей, которые сознательно ставили перед собой цели, не вписывающиеся в программные установки партии. Как правило, у них были другие идеалы или иные социальные приоритеты. В условиях разрухи, внешней империалистической опасности, роста различных оппозиционных группировок по инициативе Ленина на X съезде партии в марте 1921 года была принята знаменитая резолюция. После доклада, сделанного Владимиром Ильичем, съезд обязал немедленно распустить все фракционные группировки. В резолюции ясно говорилось, что единство и сплоченность рядов партии, обеспечение полного доверия между членами партии и работы действительно дружной, действительно воплощающей единство воли авангарда пролетариата, является особенно необходимым в настоящий момент...[10] Эта установка сыграла большую роль в сплочении партии. Но она выступала не против разномыслия, борьбы мнений, а против фракционных групп с политическими платформами, несовместимыми с программными и уставными целями партии.

Сталин часто обращался к этой резолюции, нанося удары по "оппозициям" и "уклонам". Постепенно в его устах слова "оппозиция", "оппозиционер" приобрели вполне определенный

смысл, тождественный понятиям "противник", "враг". В последующем "вождь" любое, даже частное несогласие отдельных руководителей с политикой партии и тем более несогласие с его позицией однозначно расценивал как "борьбу с партией", "вражескую деятельность". Борясь за единство, но понимая его не диалектически, а догматически, Сталин постепенно добился полной ликвидации здоровой борьбы мнений, свободного высказывания коммунистами своих взглядов, критики вышестоящих партийных органов. В партии возникло "бездумное однодумство". Под флагом борьбы за "монолитность" партии Сталин исподволь, постепенно, но неуклонно убивал демократические начала во внутрипартийной жизни. Понимая единство как исполнительность, беспрекословное повиновение директивам, готовность поддержать любое решение вышестоящих органов, Сталин тем самым способствовал укреплению в партии догматического мышления, искоренению творческой инициативы масс. Часто малейшее отступление от спущенных сверху канонов не просто осуждалось. Маленков, выступая на январском Пленуме ЦК 1938 года, привел пример, когда в Калмыкии, в Сарычинской парторганизации, был исключен из партии коммунист Кущев. На занятиях по политграмоте Кущеву был задан вопрос:

— Можем ли мы построить социализм в одной стране?

— Построить социализм в одной стране можно, и мы его построим, — отвечал Кущев.

— А построим ли мы коммунизм в одной стране?

— Коммунизм в одной стране построим...

— А полный коммунизм?

— Построим.

— А окончательный коммунизм построим?

— Окончательный — вряд ли, — размышлял Кущев, — без мировой революции. Впрочем, посмотрю в "Вопросах ленинизма", что по этому поводу пишет тов.Сталин[11].

Вот за последний ответ, за свои сомнения Кущев был исключен из партии и снят с работы. Но Маленков усматривает здесь не проявление догматизма, не культовое уродство, требующее религиозного, политического единомыслия, а видит "происки врагов", окопавшихся "на каждом предприятии, в колхозе и совхозе". Кущев допустил малейший "сбой" в единомыслии, и "враги" тут же этим воспользовались, исключив его из партии. Такова логика Маленкова.

Подобные трактовки уродовали демократическое понимание единства, предполагающее синтез коллективной воли с

одновременной возможностью свободно излагать свои взгляды и позиции. Ведь X съезд своей резолюцией о единстве предусматривал, что партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самодеятельности...[12] Любой коммунист, рискнувший выступить с новым предложением, инициативой или несогласный с теми или иными аспектами политики партии, рисковал быть ошельмованным, а то и просто причисленным к лику "врагов". От коммунистов все больше требовали лишь "поддерживать" и "одобрять" и все меньше и меньше — принимать реальное участие в обсуждении важных проблем партийной и общественной жизни. А все это автоматически еще выше поднимало "вождя" над партией, превращало его в "господствующую личность".

На XVII съезде партии по предложению Сталина была ликвидирована Центральная Контрольная Комиссия, обладавшая прерогативами контроля за работой ЦК и Политбюро. Функции созданной Комиссии Партийного Контроля были перенацелены на контроль за исполнением партийными организациями решений центральных органов, и прежде всего указаний "господствующей личности".

Постепенно решения Сталина стали восприниматься всеми как решения партии. Уже в середине 30-х годов его указания оформлялись как постановления ЦК или циркулярные распоряжения. Власть партийного "вождя" стала фактически неограниченной. Приведу характерный пример. Накануне и в годы войны, когда вошли в норму "ночные бдения" в кабинетах руководителей, Сталин частенько приглашал нескольких членов и кандидатов в члены Политбюро пообедать у него на даче в Кунцево. Чаще всего это были Молотов, Ворошилов, Каганович, Берия, Жданов. Реже приглашались на ночные обеды Андреев, Калинин, Микоян, Шверник, Вознесенский. Во время застолья решались различные вопросы государственной, партийной и военной политики. Сталин обычно резюмировал итоги "беседы". Маленков, а иногда Жданов оформлял эти "заседания" протоколами Политбюро. Споров, дискуссий не возникало. Соратники Сталина старались чаще всего угадать мнение "вождя" или вовремя поддакнуть. Принципиальных несогласий со Сталиным никогда не было. Даже самому "единодержцу" это иногда надоедало. Так, когда за обедом, накануне XVIII съезда партии зашла речь о подготовленном докладе Сталина, то все

стали хором дружно его хвалить. Сталин слушал, слушал и вдруг жестко бросил:

— Так я вам дал вариант, который я забраковал, а вы аллилуйю поете... Вариант, с которым буду выступать, весь переделан!

Все осеклись. Наступило неловкое молчание. Но Берия быстро нашелся:

— Но уже и в этом виде чувствуется Ваша рука. А если Вы переделали и этот вариант, можно представить, каким сильным будет доклад!

Политбюро, избранное после XVII съезда партии, — А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, С.М. Киров, С.В. Косиор, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталин — собиралось еще достаточно регулярно, но не всегда в полном составе. Чаще вопросы решались в узком кругу: Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, позже — Жданов или Берия. Со временем Сталин создаст внутри Политбюро различные комиссии: так называемые "пятерки", "шестерки", "семерки", "девятки"... Как сообщил в своем докладе на XX съезде партии Хрущев, эта система, смахивающая на карточную терминологию, была закреплена специальным решением Политбюро. Конечно, жизнь сложна, проблем много и всегда, еще и при Ленине, в ЦК создавались различные комиссии. Но, несмотря на их важность, все принципиальные решения должны приниматься полным составом Политбюро, Центральным Комитетом. А сведение управляющей функции партии к мнению "пятерки", в которой, конечно, было одно мнение — мнение "господствующей личности", обесценивало коллегиальность. Сталин любил выслушивать соображения соратников, оставляя за собой последнее слово, которое в подавляющем большинстве случаев было решающим.

На множестве документов, рассматриваемых им, Сталин оставлял обычно резолюции "Согласен", "За", "Можно", а иногда направлял отдельные документы своим соратникам, для того чтобы выяснить их мнение. Но, как правило, точка зрения других для него ничего не значила.

Например, Пятаков в апреле 1936 года пишет письмо Сталину с просьбой разрешить полет стратостата "СО-35-1" "при благоприятной метеорологической обстановке".

Сталин на документе пишет, как будто советуясь:

"Т-щу Ворошилову.

Как быть?

И. Ст.".

Ворошилов отвечает:

"Товарищу Сталину. Думаю, что можно разрешить.

7.4.36 *К. Ворошилов*".

Еще ниже на этом документе следует категорическое:

"Я против.

И. Ст."[13].

Подобная безапелляционность в суждениях, которая без аргументов отвергала другие мнения и оставляла в силе лишь свое, постепенно создала обстановку, когда многие члены и кандидаты в члены Политбюро стремились прежде всего предвосхитить решения Сталина. Некоторым это хорошо удавалось, особенно Берии.

Хотя Сталин продолжал публично подчеркивать значение коллегиальности в работе ЦК, уже в середине 30-х никто не мог публично высказать свое несогласие или хотя бы сомнение в верности "сталинской политики". Коллегиальность превратилась в коллективное автоматическое одобрение решений, выводов, установок "вождя". Было положено начало бюрократическому абсолютизму.

Знакомясь с результатами многих поименных опросов, заочного голосования по тому или иному вопросу, я не встретил ни одного случая, когда кто-нибудь хоть косвенно поставил под сомнение явно ошибочные, а порой и преступные предложения Сталина. Об этом — в следующей главе. Но здесь хотелось бы еще раз вернуться к мысли, которую высказывал неоднократно ранее: шанс совести, пусть даже последний, фактически никто в руководстве ЦК даже не пытался использовать. Никто не желал (или не мог) возражать Сталину, пусть в самой деликатной форме. Нередко, находясь уже у черты, разделяющей жизнь и небытие, многие покорно соглашались с мнением "вождя", сознавая даже, что это не смягчит их приговор. А ведь в составе ЦК были не только "поддакиватели", которых усиленно выдвигал Сталин.

Партийные документы 30-х и 40-х годов убеждают: обсуждение любого вопроса проводилось на основе указаний и установок "вождя". Формулируя часто верные хозяйственные, социальные, технические проблемы, пути их решения, участники совещаний, заседаний, пленумов непременно освящали их "идеями", "положениями", "выводами", высказанными в разное время Сталиным. После XVII съезда и до смерти "вождя" уже никто не мог публично что-то добавить или как-то обогатить тезис, сформулированный им. Фактически в партии постепенно утвердился принцип догматического единоначалия.

Еще древние заметили, что абсолютная, ничем не ограниченная власть может обернуться злом. В "Письмах" римского историка Саллюстия к Цезарю есть такая сентенция: "Никто не уступит власть другому по собственному желанию. И как бы ни был добр и милостив тот, кто стоит на вершине могущества, он всегда вызывает опасение тем, что может употребить свою власть во зло". Проницательность этих слов находила свое подтверждение в истории, к сожалению, неоднократно.

Взаимоотношения между партией и вождем, полагал Сталин, нужно было закрепить в массовых, доступных всем коммунистам и народу изданиях. Таковыми явились "История ВКП(б). Краткий курс", вышедшая в 1938 году, и через десятилетие — "Краткая биография" И.В. Сталина. В журнале "Большевик" (1937 г., № 9) Сталин опубликовал письмо составителям учебника истории ВКП(б). Главный акцент в "Истории...", пишет Сталин, должен быть сделан на борьбе партии с фракциями и группировками, антибольшевистскими течениями. И это не случайно, поскольку таким образом в эпицентре истории партии обязательно будет он. Ведь именно он, Сталин, "разгромил" Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, группировки и "уклоны", которые они возглавляли. При помощи этого нехитрого методологического подхода — показа истории партии прежде всего через борьбу с "оппозициями" — на первый план выходит ее победитель, Сталин. Бесспорно, различных, но чаще всего не антиленинских, а скорее антисталинских группировок в то время было не так уж мало и борьба с ними занимала значительное место во внутрипартийной жизни. Но история партии, конечно, не сводилась и не должна сводиться только к этой борьбе.

Сталин не постеснялся (как мы знаем, он практиковал это уже давно) дать указание составителям учебника чаще ссылаться на его идеи. Он, например, предложил использовать "письмо Энгельса Бернштейну в 1882 году, приведенное в первой главе моего доклада VII-ому расширенному Пленуму ИККИ "О соц.-дем. уклоне" в ВКП(б), и мои комментарии к нему". Без этих комментариев, пишет дальше Сталин, "борьба фракций и течений в истории ВКП(б) будет выглядеть, как непонятная склока, а большевики, — как неисправимые и неугомонные склочники и драчуны"[14]. Группа авторов по поручению ЦК за короткий срок подготовила "Краткий курс", на длительное время ставший основным, а часто и единственным пособием по идейно-теоретической подготовке миллионов советских людей. Книга, вышедшая в нашей стране общим тиражом

почти 43 миллиона экземпляров, проникнута апологией сталинского "гения", его "мудрости" и "прозорливости". В ее первом издании отмечалось:

"Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина и при его активнейшем личном участии разработала "Краткий курс истории ВКП(б)".

Однако такая формулировка не удовлетворила Сталина. В выпущенной позже "Краткой биографии" Сталина, которая им тщательно редактировалась, дополнялась и уточнялась, появилась новая формулировка:

"В 1938 году вышла в свет книга "История ВКП(б). Краткий курс", написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)"[15].

Сталина уже не смущало то обстоятельство, что книга, безудержно прославляющая его, была, оказывается... написана тоже им. Так осуществлялось идеологическое обоснование абсолютной роли "вождя", его контроля над партией и государством. Кроме того, Сталин, устранив к этому времени практически всех видных соратников Ленина, "вычеркнул" их и из истории. В "Кратком курсе", кроме Ленина и Сталина, фактически нет конкретных лиц — творцов революции и социализма. Есть лишь "враги".

Книга, ставшая обязательной для коммунистов, студентов вузов, всей системы партийного просвещения и политического образования, однозначно изложила несколько сталинских "аксиом": в революции было два вождя — Ленин и Сталин; основная заслуга в построении социализма в СССР принадлежит Сталину; после Ленина у партии был и есть лишь один вождь — "мудрый", "дальновидный", "смелый", "решительный"... В этом массовом издании сталинская схема "вождь и партия" была, таким образом, доведена до всего народа. Популярность, примитивизм изложения, элементарный схематизм сделали "Краткий курс" весьма доступным пособием практически для каждого человека. В общей системе воспитания советских людей, которая сложилась в 30-е годы, эта книга заняла центральное место. После ее выхода в свет, 1 октября 1938 года, было созвано совещание пропагандистов Москвы и Ленинграда, на котором выступил Сталин. Стоит привести некоторые выдержки из его речи.

"Одна из задач издания, — заявил Сталин, — ликвидировать разрыв между марксизмом и ленинизмом". Далее он дал понять, что пока существует лишь одна книга, которая в единстве рассматривает марксизм-ленинизм. "Книга Сталина "Об

основах ленинизма", — без тени смущения продолжал докладчик, — излагает то новое и особенное, что внесено Лениным в марксизм. Не скажу, что там изложено все, но книга Сталина дает все основное, что внесено Лениным в марксизм"[16]. Без малейшей скромности, о которой так любил поговорить Сталин, он дает высочайшую оценку своему труду. К этому времени он уже и сам уверовал в себя не только как единственного мудрого вождя, но и как великого теоретика. Таков закономерный результат единовластия, единоначалия в общественно-политической организации, какой является партия.

Гай Светоний, описывая жизнь римского императора Тиберия, уверял, что диктатор знал о своем будущем заранее и "давно предвидел, какая ненависть и какое бесславие ожидают его впереди"[17]. Сталин и не помышлял об этом. Его архив — записки, резолюции, письма, фотографии, кинохроника, стенограммы речей свидетельствуют об уверенности "вождя" в своем бессмертии в памяти народа. После XVII съезда и до конца своих дней он, далеко не такой проницательный, как Тиберий, закреплял свою "славу" на века. Постепенно "самодержавие вождя" по отношению к партии, народу было закреплено во множестве культовых актов и "обрядов". Так, например, были учреждены сталинские стипендии, сталинские премии. (Постановление правительства об учреждении премии имени В.И. Ленина, принятое при участии Сталина еще в августе 1925 г., было просто забыто.) Государственный гимн, редактированием которого лично занимался Сталин, отразил его роль в судьбе Отечества:

Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

С. Михалков и Эль-Регистан, подготовив по поручению "вождя" текст Гимна, вручили его Сталину. Тот, посидев над строчками, внес поправки. В архиве Сталина сохранились эти "следы".

Вместо "Свободных народов союз благородный" Сталин вписал: "Союз нерушимый республик свободных".

Второе четверостишие подверглось большей переработке. Оно выглядело первоначально так:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
Нам Ленин в грядущее путь озарил,
Нас вырастил Сталин — избранник народа,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

После того как по тексту "прошелся" карандаш Сталина, вторая и третья строки стали выглядеть иначе:

И Ленин великий нам путь озарил,
Нас вырастил Сталин — на верность народу...

Сталину чем-то не понравились слова "избранник народа". Хотя, если вдуматься, народ его действительно не избирал. Он стал лидером, вождем, диктатором огромного народа, не будучи им избранным! С его самой существенной правкой согласились сразу же не только Михалков и Эль-Регистан, но и присутствовавшие вечером 28 октября 1943 года у Сталина Молотов, Ворошилов, Берия, Маленков и Щербаков. Так что Сталин не просто "утверждал" текст Гимна. Например, предложенный авторами припев:

Живи в веках страна социализма,
Пусть наше знамя миру мир несет,
Живи и крепни славная Отчизна,
Тебя хранит великий наш народ, —

Сталин сразу же отбросил, не объясняя даже, почему ему он не понравился. Возможно, его не устраивало "миру мир"?[18]

В Гимне не было ни слова о партии, но оказались столь "необходимыми" слова о вожде... Постепенно в сознании советских людей утверждалась мысль, что Сталин это не только вождь партии, но и вождь всего народа. В концентрированной форме эту идею еще в декабре 1939 года публично выразил член Политбюро ЦК ВКП(б) Н.С. Хрущев: "Все народы Советского Союза видят в Сталине своего друга, отца и вождя.

Сталин — друг народа в своей простоте.

Сталин — отец народа в своей любви к народу.

Сталин — вождь народов в своей мудрости руководителя борьбой народов"[19].

Ем. Ярославский, один из придворных комментаторов сталинизма, одну из глав своей книжки "О товарище Сталине" так и назвал "Вождь народов". Главная ее идея: "Рядом с Лениным, начиная с конца 90-х годов, и всегда вместе с Лениным, всегда по одной дороге, никогда не сворачивая с этого пути, идет товарищ Сталин..."[20] В этой книжке-панегирике есть, однако, и верные мысли, которые, должно быть, помимо своей воли выразил автор. Так, Ярославский в нескольких местах нажимает на "беспощадность Сталина к врагам". Что верно, то верно. "Вождь" был беспощаден ко всем, кого он считал врагами.

Сталин, читая подобные "творения", все больше утверждался во мнении, что высшей точки он достигнет не скоро. "Вознесение", казалось, будет бесконечным. Так, как славили

его, не славили ни одного российского императора. В конце концов он сам поверил в свою земную мессианскую роль непогрешимого, всевидящего, всемогущего. Корни народной трагедии тем глубже погружались в социальную почву, чем торжественнее превозносился триумф "вождя".

Отмечая все эти культовые уродства, абсолютизирующие роль "вождя", следует сказать, что они тем не менее играли стабилизирующую, сплачивающую роль, хотя и на догматической основе. Сегодня мы знаем, что сплочение народа, достижение его морально-политического единства возможно и на другой основе. Но тогда, когда страна так и не приобщилась после смерти Ленина к подлинной социалистической демократии, упор на воспитание веры в "вождя", его мудрость, непогрешимость быстро дал результат. Несмотря на страшные репрессии в конце 30-х годов, тоталитарные тенденции в развитии государства, диктаторскую роль "вождя", общество, его социальные устои оставались прочными.

Сегодня, спустя десятилетия после смерти Сталина, когда опубликованы многочисленные материалы о нем, его времени, деяниях и преступлениях, еще немало людей по духовной, социальной, моральной инерции продолжают считать его великим преобразователем, мудрым вождем с "твердой рукой". Думается, что "тайна" живучести этой привязанности связана не только с временными, возрастными обстоятельствами ("своя" судьба, "свое" время, "свои" кумиры), а прежде всего с тем, что с легкой руки генсека всей системой пропаганды, воспитания, социальной жизни долгое время утверждалось: "Социализм — это Сталин". Поэтому в огромной степени верность Сталину — это верность той, давней, освещенной молодостью идее. Этой идее так много отдано, и вдруг оказывается, что символ, олицетворявший социализм, оказался ложным... А отрицать "ложных богов" — непросто; все же они — боги...

Дело не только в личных качествах Сталина. Сам он не мог так изменить духовные и социальные структуры общества, даже в силу своей безграничной власти и влияния. Сама социальная практика, стратегия и тактика возвеличивания одной личности постепенно создали определенную систему отношений. Только в этой системе Авторитет Вождя мог генерировать процессы, которые мы давно уже именуем культом личности. Только в этой системе отношений все (или почти все) стало "работать" на усиление Авторитета Вождя. Но, конечно, особенно активно здесь "трудилось" непосредственное окружение. Оно само стало неотъемлемым компонентом его

Авторитета. Другими словами, в перекосе соотношения "вождь и партия" виновна не только личность. Дело, видимо, в том, что не был создан реальный демократический механизм, который при всех условиях обеспечил бы первенство авторитета партии, народа, масс. На словах это, конечно, провозглашалось. Но они расходились с делами, социальной практикой. Именно поэтому в соотношении авторитетов вождя и народа и произошли те деформации, которые так дорого обошлись народу и партии. Это важно подчеркнуть потому, что наиболее частой, распространенной ошибкой в определении генезиса, природы культа личности является акцент на субъективные качества человека, носителя этого культа. Их роль, безусловно, велика. Но главные причины проявления отрицательных качеств конкретной личности находятся в сложившейся системе общественных отношений, политическом механизме власти. В этом все дело.

Если бы все заключалось только в человеке, то после его ухода, смерти в этой системе, в этом механизме не нужно ничего изменять: ведь носителя культовых явлений уже нет. Но в том-то и суть, что все гораздо сложнее. Культ "господствующей личности", обожествляющий Авторитет Вождя, питается "соками" той социальной среды, системы, где он возник. Без создания надежного демократического механизма гарантий, защиты личностные деформации могут проявляться либо, как уже было в истории, в форме "субъективизма" или "волюнтаризма", либо в карикатурном самовозвеличивании и парадности, ведущих к социальному, экономическому и духовному застою.

Поскольку слишком часто (и справедливо!) указывают на большую роль в культовых уродствах личных качеств Сталина, я попытаюсь выделить в его портрете те, которые характеризуют его интеллект. Пожалуй, это наименее изученная сторона в облике такого сложного человека, каковым являлся Сталин.

Интеллект Сталина

Античная мифология оставила нам образ Минервы — богини мудрости. Древние ее изображали в виде стройной женщины, возникшей из головы Юпитера в полном военном облачении: на голове шлем, в одной руке копье, в

другой щит. У ног богини сидит сова — священная птица, олицетворение бесшумного полета мысли. Мысль, по поверьям тех, кто жил в седой дали веков, всегда парит над человеком, над историей. Отвечая на одно из писем, Сталин привел слова Гегеля: "Сова Минервы вылетает только ночью"[21], истолковав их как выражение неизбежного отставания сознания от реалий бытия.

Прежде чем попытаться охарактеризовать интеллект Сталина, напомню, что означает это понятие. Психологи обычно подразумевают под интеллектом умственные способности; философы — процесс мышления; в различных научных текстах этим термином называют мыслительные возможности человека, его ум, творческое начало, способность к познанию и т.д. В основном это верно отражает различные стороны интеллекта. Известно, что индивидуальное сознание личности состоит из двух основных компонентов: рационального (теоретического) и эмоционального (чувственного). Если бы понятие "интеллект" полностью совпадало с содержанием индивидуального сознания, то в нем не было бы необходимости. Интеллект, по моему мнению, выражает обобщенную характеристику способностей человека к творческой мыслительной деятельности. Интеллект — не какой-то особый самостоятельный элемент индивидуального сознания, а скорее — интегрированное проявление человеческой психики в форме способностей к активному рациональному отражению действительности. Интеллектуальные свойства в разной степени присущи каждому нормальному человеку. К. Маркс писал, что "человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы" [22]. Можно, пожалуй, сказать, что интеллект является не чем иным, как преимущественно рациональным уровнем сознания, выражающего способности человека к творческому освоению действительности. "Освоение" окружающего мира осуществляется интеллектом на уровне рассудочного мышления ("здравого смысла"), разума (высшей мыслительной способности) и интуиции. При общности основных характеристик каждый интеллект уникален, неповторим, своеобразен.

В последние годы, видимо под влиянием все новой и новой негативной информации о Сталине, его жизни и деяниях, стало складываться впечатление, что умственные способности этого человека не поднимались выше среднего уровня. Иногда еще более категорично утверждают, что характеристика Троцкого в отношении Сталина как "выдающейся посредственности" по

сути точна. С этим едва ли можно согласиться. Ибо трудно тогда понять, как человек, лишенный каких-либо приметных умственных способностей, с 1912 года входил в руководящие органы партии, как Ленин мог называть его одним из "выдающихся вождей", как удалось Сталину в сложнейшем клубке политических противоречий и конфликтов 20-х годов выйти победителем в беспощадной борьбе с теми, кто превосходил его во многих отношениях.

Все дело в том, что вольно или невольно в оценке личности Сталина на первый план (и это естественно) выходят его преступления, коварство, жестокость, беспощадность к тем, кого он считал врагом. Но все это лишь косвенно характеризует интеллект, а больше — нравственные грани человека. В этом смысле незаурядный интеллект Сталина (думаю, что он таковым и был) как бы обрамлен многими атрибутами антигуманизма. Интеллект Сталина в общечеловеческом, моральном плане практически обесценен его органической связью с проявлениями зла. Если бы можно было охарактеризовать интеллект Сталина кратко, то, видимо, будет близка к истине формула — "незаурядный злой ум". Я считаю, что моральная ущербность сама по себе — огромная брешь в интеллекте. Это его нравственные сумерки, без звезд и зарниц добра. Можно, пожалуй, даже сказать, что нравственные изъяны в структуре личности могут низвести даже сильный интеллект до функции счетной машины, логического механизма, до уровня рационального безжалостного аппарата.

Сталин, испытав еще до революции в интеллектуальных спорах с оппонентами немало тягостных, порой унизительных минут, не смирился с ролью статиста в этих дискуссиях, а старался максимально расширить круг своих политических, теоретических знаний. При огромной загруженности (это удалось установить точно) Сталин весьма много работал над повышением своего интеллектуального уровня. В личном архиве Сталина сохранился один любопытный документ. Несмотря на пространность, приведу его полностью.

В мае 1925 года Сталин поручил Товстухе подобрать для себя хорошую личную библиотеку. Товстуха, поколебавшись, спросил:

— Какие книги должны быть в библиотеке?

Сталин, начавший было диктовать, внезапно остановился, сел за стол и в присутствии помощника почти без раздумий, в течение 10 — 15 минут, написал простым карандашом на листе бумаги из ученической тетради следующее:

"Записка библиотекарю. Мой совет (и просьба):

1) Классифицировать книги не по авторам, а по вопросам:

а) философия;
б) психология;
в) социология;
г) политэкономия;
д) финансы;
е) промышленность;
ж) сельское хозяйство;
з) кооперация;
и) русская история;
к) история других стран;
л) дипломатия;
м) внешняя и вн. торговля;
н) военное дело;
о) национальный вопрос;
п) съезды и конференции (а также резолюции), партийные, коминтерновские и иные (без декретов и кодексов законов);
р) положение рабочих;
с) положение крестьян;
т) комсомол (все что имеется в отдельных изданиях о комсомоле);
у) история революций в других странах;
ф) о 1905 годе;
х) о Февральской революции 1917 г.;
ц) о Октябрьской революции 1917 г.;
ч) о Ленине и ленинизме;
ш) история РКП и Интернационала;
щ) о дискуссиях в РКП (статьи, брошюры);
щ^{1}) профсоюзы;
щ^{2}) беллетристика;
щ^{3}) худ. критика;
щ^{4}) журналы политические;
щ^{5}) журналы естественно-научные;
щ^{6}) словари всякие;
щ^{7}) мемуары;

2) Из этой классификации изъять книги (расположить отдельно):

а) Ленина (отдельно)
б) Маркса (—)
в) Энгельса (—)
г) Каутского (—)
д) Плеханова (—)
е) Троцкого (—)
ж) Бухарина (—)
з) Зиновьева (—)

и) Каменева (—)
к) Лафарга (—)
л) Люксембург (—)
м) Радека (—)

3) Все остальные склассифицировать по авторам (исключив из классификации и отложив в сторону: учебники всякие, мелкие журналы, антирелигиозную макулатуру и т.п.).

29.V.25 г. *И. Сталин*"[23].

Учитывая, что это был фактически моментальный набросок, а также принимая во внимание уровень "книжной цивилизации" того времени, нельзя не признать определенную широту взглядов Сталина. Во главу угла Сталин поставил, как видим, составные части научного социализма, историю, некоторые конкретные области знания, связанные прежде всего с политической деятельностью и борьбой с оппозициями. Заметно беднее список персоналий, в котором, кроме Ленина, — основоположники научного социализма, а также те, с кем он полемизировал или будет полемизировать. В списке нет таких корифеев мысли, как Гегель, Кант, Фейербах, Руссо, Декарт, Дидро, многих других социалистов-теоретиков.

Я уже говорил, что об угаснувшем разуме, его тайниках рассуждать очень трудно. Но остались дела, идеи, материализованные в поступках, свершениях, позволяющие судить о "секретах", особенностях интеллекта. В случае со Сталиным немало пищи для размышлений дает его библиотека, "следы" в ней самого Сталина. На страницах очень многих книг из библиотеки в Кремле, в Кунцево, в квартире — подчеркивания, пометки, замечания на полях. На некоторых книгах стоит экслибрис: "Библиотека №... И.В. Сталина". Напомню, что все тома первого издания Собрания сочинений В.И. Ленина испещрены подчеркиваниями, галочками и восклицательными знаками на полях. К некоторым работам Сталин, по-видимому, обращался не раз, ибо отдельные строки из статей подчеркнуты неоднократно и красным, и синим, и простым карандашами. Больше всего Сталина интересовали мысли Ленина о диктатуре пролетариата, его борьбе с меньшевиками и эсерами, выступления на съездах партии.

Из своих современников Сталин чаще обращался к Бухарину и Троцкому. Например, брошюра Бухарина "Техника и экономика современного капитализма", изданная в 1932 году, вся испещрена красным карандашом "вождя", особенно выводы Бухарина о соотношении производительных сил и производ-

ственных отношений. На книге М. Смоленского "Троцкий", вышедшей в Берлине в 1921 году, подчеркнуты все те места, где критически оценивался сталинский непримиримый оппонент: "Троцкий — колюч и нетерпим", "эта натура властная, любящая повелевать", "политический властолюбец", "Троцкий — гениальный политический авантюрист"[24] и другие. Сталин где мог искал аргументы против своего антипода. Видимо, много аргументов для борьбы с ним Сталин взял из брошюры Л. Троцкого "Терроризм и коммунизм", изданной в 1920 году. Так же тщательно изучены книги Г. Зиновьева "Война и кризис социализма", Л. Каменева "Н.Г. Чернышевский", А. Бубнова "Основные моменты в развитии компартии в России", И. Нарвского "К истории борьбы большевизма с люксембургианством", Я. Стэна "К вопросу о стабилизации капитализма" и другие. Все, что касалось "борьбы", не оставалось вне поля зрения Сталина.

Постоянный, устойчивый интерес на всю жизнь Сталин сохранил к исторической литературе, и прежде всего к жизнеописаниям императоров и царей. Книги И. Беллярминова "Курс русской истории", Р. Виппера "Очерки римской империи", А. Толстого "Иван Грозный", сборник "Романовы" и другие изучались весьма тщательно. В 30-е и 40-е годы в его библиотеке были собраны учебники истории для средней школы и вузов и все — с его пометками[25]. Не трудно заметить, что в освещении (соответствующим образом) отечественной истории Сталин видел один из важнейших рычагов единовластия, формирования общественного сознания.

Помощники докладывали Сталину обо всех интересных, по их мнению, материалах из периодической печати, "толстых" журналов. В перерывах между работой над деловыми бумагами "вождь" иногда отвлекался на 30 — 40 минут и брал в руки новинки художественной литературы, листал статьи в журналах. Иногда после чтения нажимал кнопку звонка, входил помощник, и Сталин просил позвонить тому или иному писателю, руководителю творческого союза и передать его пожелания и замечания. Бывали случаи, когда он сам брался за перо. Пролистав "В степях Украины" Корнейчука, сразу же написал короткое письмо:

"Многоуважаемый Александр Евдокимович!

Читал Вашу "В степях Украины". Получилась замечательная штука — художественно цельная, веселая, развеселая. Боюсь только, что слишком она веселая; есть опасность, что

разгул веселья в комедии может отвести внимание читателя-зрителя от ее содержания.

Между прочим: я добавил несколько слов на 68 стр. Это для большей ясности.

Привет!

И. Сталин".

А вставки Сталина были следующими:

1) "налог теперь будут брать не от количества скота, а от количества гектаров колхозной земли..."

2) "разводи сколько хошь колхозного скота, налог остается тот же..."[26].

Прагматический ум Сталина сработал и здесь: он не упустил случая, чтобы устами Корнейчука пояснить одно из последних указаний ЦК, сказать также, что не все понравилось...

Прочитав пьесу Н. Эрдмана "Самоубийца", написал К. Станиславскому:

"Многоуважаемый Константин Сергеевич!

Я не очень высокого мнения о пьесе "Самоубийство" (так в тексте. — *Прим. Д.В.)*. Ближайшие мои товарищи считают, что она пустовата и даже вредна... Не исключаю, что театру удастся добиться цели. Культпроп (т. Стецкий) поможет Вам в этом деле. Будут товарищи, знающие художественное дело. Я в этом деле дилетант.

Привет!

9.XI.31 *И. Сталин*"[27].

Стараясь прослыть в творческих кругах "либералом", Сталин кокетничает своим дилетантством. А мы знаем, сколь категоричны его суждения по поводу не только пьес, но и книг, фильмов, музыки, архитектуры. Положение первого лица в государстве, обязанного знать если не все, то очень многое, действительно делало Сталина "универсальным дилетантом". Иногда его дилетантство "работало" на репутацию "универсального" всезнающего вождя.

Сталин внимательно следил за литературой, выходящей и за рубежом. Ему переводили (в одном экземпляре) почти все, что выходило из-под пера Троцкого. Просматривал Сталин и эмигрантские издания. В декабре 1935 года заведующий отделом печати и издательств ЦК Б. Галь сообщал членам Политбюро:

"Просьба сообщить, какие из нижеперечисленных белоэмигрантских изданий выписывать для Вас в 1936 году:

1. Последние новости

2. Возрождение
3. Соц. Вестник
4. Знамя России
5. Бюллетень экономического кабинета Прокоповича
6. Харбинское время
7. Новое русское слово
8. Современные записки
9. Иллюстрированная Россия"[28].

Сталин, ознакомившись с очередным списком, бросил помощнику: "Все, все выписать!"

В специальном шкафу в кабинете Сталина хранилось много белоэмигрантской, "враждебной" литературы. У него были практически все книги Троцкого, с многочисленными закладками, подчеркиваниями. Интервью, заявления Троцкого для буржуазной печати тут же переводились и докладывались Сталину. Нужно сказать, что он очень пристально следил за всем, что писали его недруги за границей.

Бросается в глаза отношение Сталина к антирелигиозной литературе, которую он откровенно называл "макулатурой". Что бы ни говорили, а религиозное образование сказывалось у него всю жизнь. Часто религиозные элементы проскальзывали в письменной и устной речи Сталина. Вспомним его драматическое выступление по радио 3 июля 1941 года, когда он обратился к народу с необычными для многих советских людей словами: "Братья и сестры!". После празднования своего 50-летия Сталин собственноручно написал для "Правды" благодарность за поздравления в библейском духе: "Ваши поздравления и приветствия отношу на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня **по образу своему и подобию**" (выделено мною. — *Прим. Д.В.*)[29]. В беседе с Черчиллем в Москве в августе 1942 года речь зашла о Ллойд-Джордже, одном из инициаторов интервенции против Советской России в годы гражданской войны. Сталин, помолчав и вздохнув, как бы подвел итог воспоминаниям о далеких теперь уже годах: "Все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит богу"[30].

Конечно, я далек от мысли утверждать, что в мировоззрении Сталина существенную роль играли религиозные элементы. Но что ярко выраженный догматизм интеллекта имел своими истоками религию, представляется весьма вероятным.

Сталин был апологетом формулы, дефиниции, застывших определений. Он мог часами искать нужное слово, выражение, определение у классиков, чтобы "неотразимо", как он полагал, "ущучить", сразить своих оппонентов. Так, на апрельском Пле-

нуме ЦК и ЦКК 1929 года Сталин уличил Бухарина в "незнании Ленина". Для него это было особенно важно, ибо репутация Бухарина как теоретика была всем известна.

Бухарин, выступая на одном из совещаний накануне Пленума, высказал резонное соображение, что чрезмерная перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность будет "непосильной данью" для крестьянства. Сталин тут же отметил про себя слова о "военно-феодальной эксплуатации крестьян", о "дани" и долго вечером рылся вместе с Товстухой у себя в библиотеке в ленинских работах. Рылся и нашел. Тут же выстроил ряд, как ему казалось, "убийственных" аргументов. Выступая на Пленуме, Сталин заявил: "...Бухарин "разорялся" здесь насчет того, что марксистская литература не может, будто бы, терпеть слова "дань". Он возмущался и удивлялся по поводу того, что ЦК партии и вообще марксисты позволяют себе употреблять слово "дань". Но что же тут удивительного, — торжествующе обвел Сталин глазами зал, — если доказано, что это слово давно уже получило права гражданства в статьях такого марксиста, как тов. Ленин?! — Помолчав, тоном триумфатора Сталин добавил: — Или, может быть, Ленин не удовлетворяет требованиям марксиста с точки зрения Бухарина?"

И здесь Сталин привел ленинские работы "О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности", "О продналоге", "Очередные задачи Советской власти", где Владимир Ильич совсем в другом контексте употребляет слово "дань". На голос с места: "Все-таки по отношению к середняку никогда не употреблялось понятие "дань", — Сталин немедленно парировал:

"Не думаете ли вы, что середняк ближе к партии, чем рабочий класс? Ну и марксист вы липовый. Если можно насчет рабочего класса говорить о "дани", насчет рабочего класса, партией которого мы являемся, почему нельзя сказать то же самое насчет середняка, который является всего-навсего нашим союзником?"[31]

Сталина мало беспокоило, что он перевел спор в малосодержательную плоскость: говорил или не говорил Ленин слово "дань". Суть вопроса для него осталась на втором плане.

Сталин смог "отточить" свой ум полемиста, участвуя в многочисленных дискуссиях. Правда, он прибегал при этом всегда к одному и тому же приему, который ставил в тупик оппонентов: он неизменно подавал себя "защитником" Ленина, исходил априори из того, что только он правильно, верно истолковывает Ленина. Почти на любой аргумент противной стороны у Сталина быстро находилась цитата, выраже-

ние Ленина, иногда высказанные совсем по другому поводу. Сталин давно заметил, что броня из ленинских цитат делает его практически неуязвимым. Зиновьев, обсуждая однажды коминтерновские дела со Сталиным, когда их отношения уже основательно испортились, в споре бросил ему:

— Для вас ленинская цитата — как охранная грамота вашей непогрешимости. А надо видеть ее суть!

— А разве плохо идее быть "охранной грамотой" социализма? — тут же нашелся Сталин.

Прямолинейность, наступательность, воинственность, грубость Сталина в конце концов помогли ему повергнуть своих оппонентов. Странное дело, нередко более тонкие, иногда даже изящные аргументы Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина не встречали поддержки в аудитории! А грубоватые, плоские, часто просто примитивные филиппики Сталина, тесно увязанные с "защитой Ленина", генерального курса партии, единства ЦК и т.д., быстрее доходили до сознания людей. Его прагматический ум не заботился о красоте стиля, как у Троцкого, афористичной витиеватости, как у Зиновьева, интеллигентной рассудительности, как у Каменева, научной аргументации, как у Бухарина. Сталин в бесчисленных спорах и полемике одолел их главным: они хотели "ревизовать ленинизм", а он его "защитил". Такая интерпретация уже с начала 30-х годов стала официальной.

Сталинское мышление было схематичным. Напомню, он любил все раскладывать "по полочкам", "разжевывать", популяризировать до элементарщины. И если оппоненты излагали свои идеи иначе, Сталиным это квалифицировалось очень жестко: "немарксистский подход", "проявление мелкобуржуазности", "анархистская схоластика". Его доклады, выступления, резолюции всегда облечены в строгие рамки перечислений, особенностей, черт, уровней, направлений, задач. В этом одна из причин популярности сталинских работ, в которых все упрощено до предела и потому доступно. Элементарные "особенности" и "черты" легко усваивались людьми. Такой ход мыслей облегчал реализацию сталинских идей, но жестко сковывал творческое начало людей. Сталинская простота не звала к углубленному анализу, выяснению всей сложности и взаимозависимости мира.

Гай Светоний в своих жизнеописаниях отмечал, что, хотя Нерон в детстве изучал "благородные науки", философией овладевать он отказался, полагая, "что для будущего правителя это помеха". Едва ли так думал Сталин, но его догматический

интеллект оказался не в состоянии постичь хотя бы относительные глубины философии. Самым уязвимым местом в сталинском интеллекте была его неспособность овладеть диалектикой. "Вождь" это чувствовал, поскольку долго и настойчиво пытался обогатить свои знания в области философии. По рекомендации руководства Института красной профессуры Сталин пригласил к себе для "уроков по диалектике" известного в то время советского философа из плеяды старых большевиков Яна Стэна. Стэн работал заместителем директора Института Маркса и Энгельса, затем ответственным сотрудником аппарата ЦК, избирался делегатом ряда партийных съездов, был членом ЦКК, имел самостоятельные, независимые суждения. Стэн стал "учителем философии" для Сталина, разработал специальную программу занятий, в которую включил изучение трудов Гегеля, Канта, Фейербаха, Фихте, Шеллинга, а также Плеханова, Каутского, Брэдли. Дважды в неделю Стэн приходил к Сталину в назначенный час и терпеливо пытался разъяснить высокопоставленному ученику гегелевские концепции о субстанции, отчуждении, тождестве бытия и мышления — понимания реального мира как проявления идеи. Абстрактность раздражала Сталина, но он пересиливал себя и продолжал слушать монотонный голос Стэна, изредка перебивая недовольными репликами: "Какое все это имеет значение для классовой борьбы?", "Кто использует всю эту чепуху на практике?".

Стэн, напомнив, что философия Гегеля, как и других немецких мыслителей, стала одним из источников марксизма, невозмутимо продолжал: "Гегелевская философия по существу есть "перевернутый" на голову материализм, а поэтому глубоко двойственна. Гениальность философа заключается в том, что он включает в свою систему отдельные материалистические положения. Это по сути — энциклопедия идеализма. В его метафизической системе гениально разработан диалектический метод. Маркс говорил, что у Гегеля диалектика стоит на голове, надо ее поставить на ноги, чтобы увидеть ее рациональное зерно..." Сталин, уже нервничая, требовательно вопрошал: "Какое это имеет значение для теории марксизма?"

Стэн вновь продолжал терпеливо разъяснять, стараясь до предела упрощать недоступные для понимания "вождя" философские премудрости. Сталин смог лишь отрывочно понять закон перехода количественных изменений в качественные, но не одолел сути диалектического отрицания, единства противоположностей. Несмотря на все ухищрения и усилия Стэна, Сталин так и не усвоил тезис о единстве диалектики, логики и теории

познания, о чем свидетельствует анализ его "философских работ". Может быть, поэтому у "ученика" ничего не осталось к "учителю", кроме неприязни. Стэн, как Карев, Луппол и другие философы — ученики академика А.М. Деборина, был объявлен теоретическим "прислужником троцкизма", в 1937 году арестован и погиб. Казалось, что эта же участь ожидает и Деборина, весьма близкого в конце 20-х годов к Бухарину. Но Сталин ограничился тем, что надолго навесил крупному ученому ярлык "воинствующего идеалиста-меньшевика", отстранил его от активной научной и общественной работы.

В октябре 1930 года состоялось заседание президиума Комакадемии, где обсуждался вопрос "О разногласиях на философском фронте". Заседание свелось, по существу, к долгой проработке Деборина за его "недооценку ленинского этапа в развитии марксистской философии". Деборин отчаянно защищался, но выступившие Милютин, Митин, Мелонов, Ярославский "уличали" его, а заодно и Стэна, Карева, Луппола в "недооценке" материалистической диалектики. После заседания президиума страсти в академии продолжали бушевать. Ученые не могли мириться с насаждением полицейских методов в науке. Пожалуй, философия была первой жертвой сталинского "науковедения". Сталин ясно дал понять, что в общественной науке лидер должен быть один. Тот, кто является лидером политическим. В декабре того же года генсек выступил с докладом о положении на "философском фронте". Формально это было уже упоминавшееся выступление на бюро партийной ячейки Института красной профессуры, директором которого являлся Деборин.

Речь Сталина была жесткой и категоричной. Она весьма красноречиво свидетельствует об уровне философского мышления Сталина, уровне рациональности его интеллекта и просто об элементарном такте. Стенограмма из сталинского архива сообщает:

— Надо разворошить и перекопать весь навоз, который накопился в философии и естествознании. Все, что написано деборинской группой, — разбить. Стэна, Карева вышибить можно. Стэн хорохорится, а он ученик Карева. Стэн — отчаянный лентяй. Он умеет лишь разговаривать. Карев важничает и ходит как надутый пузырь. Деборин, по-моему, безнадежный человек, однако в редакции (речь идет о журнале "Под знаменем марксизма". — *Прим. Д.В.)* его надо оставить, чтобы было кого бить. Будете в редакции иметь два фронта, но у вас большинство...

После выступления докладчику посыпались вопросы:

— Можно ли связывать борьбу в теории с политическими уклонами?

— Не только можно, но и обязательно нужно, — поучал Сталин.

— А как насчет "левых"? "Правых" ужс касались...

— Формализм выступает под левацкими прикрытиями, — рассуждал генсек, — подает свой материал под левым соусом: А молодежь падка на левизну. А эти господа — хорошие повара.

— На чем следует сосредоточить свое внимание Институту в философской области? — следует новый вопрос.

— Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били. Гегель для деборинцев — икона. Плеханова надо разоблачить. Он всегда свысока относился к Ленину. И у Энгельса не все правильно. В его замечаниях об Эрфуртской программе есть местечко насчет врастания в социализм. Это пытался использовать Бухарин. Не беда, если где-то в своей работе заденем Энгельса...[32]

Вот так Сталин "наставлял" философов, почти не разбираясь в философии. Главное — "бить"... А какой должна быть марксистская философия, он показал в специальном разделе "Краткого курса" истории партии. Короткие рубленые фразы делят философию на несколько основных черт, как солдат в шеренге. Ничего больше! Это типичная метафизика, которую Сталин называл диалектикой. Для ликбеза, при наличии и других работ, эта "философская азбука" могла еще как-то сойти. Но самое страшное: после сталинских работ никто уже не смел на эту тему писать. Философам, как и другим обществоведам, оставалось только комментировать, разъяснять, прославлять... Сталинское время — период глубокой стагнации философской мысли. Да только ли философской? Такое участие Сталина в "философских" дискуссиях характеризовало уровень рациональности его интеллекта.

Известно, что зрелость интеллекта в огромной степени зависит от способностей личности. Особенно способности к активному, творческому отражению объективной действительности. Ум Сталина отражал мир, действительность, естественно, не зеркально, созерцательно, а целенаправленно, если так можно сказать, "выборочно". Он изучал, анализировал все общественные и социальные процессы через призму классовости политических позиций, собственных "директив" и "указаний".

Но вернемся еще раз к его выступлению перед философами.

Отвечая на вопросы после своего доклада, Сталин уже решил: надо его указания этим философам закрепить особым решением. И уже в следующем месяце было принято специальное постановление ЦК о журнале "Под знаменем марксизма". Сторонники Деборина, объединявшиеся вокруг издания, были охарактеризованы как "группа меньшевиствующего идеализма".

Ум Сталина, его мышление со временем приобрели, так сказать, "директивный" характер. Он давно усвоил истину, что ум слабеет не от "износа", а "ржавеет" лишь от лености мысли и бездеятельности. Совсем по Шекспиру:

Тот, кто вложил в нас
Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плесневел он.

А.П. Балашов рассказывал мне, что Сталин в течение суток перерабатывал колоссальное количество информации: докладов, донесений, справок, телеграмм, шифровок, писем, оставляя почти на каждом документе распоряжения, указания, лаконично выражая свое отношение к самым различным вопросам, которое расценивалось как окончательное решение. Прочитав кипу писем, адресованных ему лично, и набросав на них лаконичные: "Поблагодарите за доброе отношение", "Помогите человеку", "Ерунда какая-то", он нередко выбирал одно-два и отвечал обстоятельно.

Вот письмо от Шнеера из Ленинграда. Старый большевик спрашивает об опасности реставрации капитализма и о том, есть ли уклоны в Политбюро...

Сталин, отрывая лист от большого блокнота, пишет четким разборчивым почерком:

"Тов. Шнеер!

Опасность реставрации капитализма у нас существует. Правый уклон недооценивает силу капитализма. А левый — отрицает возможность построения социализма в нашей стране. Он намерен провести свой фантастический план индустриализации ценою раскола с крестьянством.

В Политбюро нет у нас ни правого, ни левого уклона.

С ком. приветом.

27.X.28 г. *И.Сталин*"[33].

Документ из 30-х годов. Из дней наивысшего триумфа Стаханова. Он и Грант поставили перед правительством вопрос об "обучении на инженеров и техников", освобождая стахановцев от производства на один-два дня в шестидневку для учебы. Многие поддерживали это предложение. Оно казалось революционным, новым. Писали об этом и в газетах.

Сталин прочел документ и коротко написал:
"т. Орджоникидзе.
Дело не серьезное.

И. Ст."[14].

В интеллекте Сталина непросто проследить способности к творческому решению возникающих проблем. Он все стремился делать в соответствии со сложившейся схемой, догмой, постулатом, устоявшимся представлением. Вместе с тем Сталин был способен и к интуитивному мышлению, когда выводы и решения приходят, как бы "перескакивая" через этапы, ступени познания. В этом случае "путь" мысли не виден, а рельефно представлен лишь ее результат, обобщение, догадка, подозрение. В процессе интуитивного мышления интеллект как бы минует логические рассуждения, а сразу "выдает" итог, резюме. Конечно, беспочвенное подозрение обычно возникает при дефиците каких-то нравственных элементов в сознании. Именно так и было у Сталина. Он мог посмотреть на кого-либо из своих соратников и заявить: "Почему ты избегаешь смотреть мне в глаза?" Болезненная подозрительность в этом случае, пожалуй, не столько проявление интуитивного мышления, поскольку предположения Сталина были лишены реальной основы, сколько выражение глубоко ущербной позиции: во всех видеть потенциальных врагов.

Следует назвать еще одну черту сталинского интеллекта, которая выступает в его портрете весьма рельефно. Известно, что знания позволяют человеку быть компетентным, чувства — благородным. А воля дает возможность убеждениям, интеллектуальным замыслам материализоваться в поступки. Воля подобна "мускулам" ума; это двигательная сила интеллекта. Ведь в жизни бывает так, что собственное бессилие так же опасно, как и чужая сила. Наличие сильной воли делает интеллект активным, деятельным, целеустремленным. Обычно такой интеллект чаще встречается у военачальников и полководцев. Не случайно именно они прежде всего отмечали наличие сильного интеллекта у Сталина.

Сталину как Верховному Главнокомандующему будет посвящена отдельная глава, но сейчас, характеризуя его интеллект, приведу лишь некоторые свидетельства выдающихся советских полководцев Г.К. Жукова и А.М. Василевского, много работавших с ним бок о бок в годы войны. Маршал Жуков отмечал в Сталине "способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большую эрудицию и редкую память". Далее самый выдающийся советский полководец пи-

шет: Сталин "читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях знаний. Поразительная работоспособность, умение быстро схватывать суть дела позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество самого различного материала, которое было под силу только незаурядному человеку... Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, временами он впадал в острое раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он резко менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым, жестким"[35].

Маршал Василевский, отмечая многие характерные качества Сталина, выделяет у него удивительно сильную память. "Я не встречал людей, которые бы так много помнили, как он. Сталин знал не только всех командующих фронтами и армиями, а их было свыше ста, но и некоторых командиров корпусов и дивизий... В течение всей войны И.В. Сталин постоянно помнил состав стратегических резервов и мог в любое время назвать то или иное формирование"[36].

Приведу еще одно свидетельство, характеризующее интеллект Сталина, на этот раз У. Черчилля. Когда я доложил о плане "Торч", писал английский премьер, Сталин быстро оценил его стратегические преимущества. "Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей смогли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все оценил молниеносно"[37].

Я привел несколько свидетельств людей, встречавшихся со Сталиным во время войны. Их рассуждения позволяют глубже понять особенности интеллекта этого человека. Трудно что-либо возразить против наличия у Сталина большой "мыслительной силы", высокой целеустремленности, сильной воли. Думается, не только игра случайностей и стечение обстоятельств сделали его в годы революции и гражданской войны соратником Ленина. Но вот что следует подчеркнуть: Сталину удавалось проявить свои сильнейшие качества — волю и целеустремленность — обычно тогда, когда в них была особая нужда. Может быть, поэтому они были замечены. Может быть, поэтому сам Сталин поверил в себя. Может быть, поэтому ему удалось многое из того, что оказалось невозможным для других. Однако к этому стоит добавить, что в то время, когда маршалы Жуков и Василевский писали о Сталине, они еще многого

не знали и, что особенно важно, многого не могли сказать.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность сталинского интеллекта: он не обладал способностью делать достаточно долгосрочные прогнозы. Горизонт, за которым находилось непознанное, неведомое, был от него недалек Это партийцы заметили еще давно. В середине 20-х годов секретарь Тульского обкома ВКП(б) Иван Кабанов (позже репрессированный) однажды сказал: "Сталин — это, конечно, большой человек, большой ум, хороший организатор, но его ум не аналитический, а схематический. Вопросы прошлого он разберет великолепно, так, что всем станет ясно. Но перспективы ему не уловить. Он к этому не привык". Весьма ценное и верное наблюдение.

Интеллект Сталина — во многом незаурядный , но отнюдь не "гениальный", даже не "выдающийся". Он не мог реально оценивать собственные возможности. Сталин безапелляционно судил почти о всех сферах знания — от политической экономии до языкознания, наставлял специалистов в области кинематографии и сельского хозяйства, делал решающие выводы в области военного дела и истории. Эта разносторонность в подавляющем большинстве суждений была дилетантской, а часто просто некомпетентной, хотя хором хвалителей немедленно возводилась в ранг высших откровений.

Приведу такой пример. Как известно, по инициативе группы геростратов-архитекторов Каганович и Молотов предложили Сталину построить Дворец Советов (в соответствии с решением, принятым еще в 1922 г.) именно на том месте, где возвышался великолепный храм Христа Спасителя. Сталин его быстро одобрил. Интеллектуальная ущербность в этом факте проявилась в полной мере: генсек оказался не в состоянии оценить историческую значимость памятника русской культуры. Еще до доклада Сталину место строительства Дворца Советов определялось тайным голосованием на заседании Совета строительства. Предлагалось три площадки: Китай-город, Охотный ряд и место, где стоял величественный храм — гордость России. В голосовании приняли участие начальник строительства Крюков, Иофан, Красин, Лавров, Попов, Беседа, Крутиков, Мордвинов, Орлов, приглашенные Щусев, Людвиг, Бархин, Пожарлицкий. (В документе нет инициалов этих людей.) Народ, на чьи пожертвования строился храм Христа Спасителя, никто спрашивать не собирался. Храм, создававшийся около полувека, был снесен 5 декабря 1931 года. Когда раздались

взрывы, Сталин, работавший в своем кабинете в Кремле, вздрогнул. Спросил тревожно помощника:

— Что за канонада? Где взрывают?

Поскребышев доложил, что в соответствии с июльским решением об определении места строительства Дворца Советов, одобренным им, Сталиным, сносят храм Христа Спасителя. Сталин успокоился. На продолжавшиеся в течение часа взрывы уже больше не обращал внимания, а вновь перешел к просмотру донесений с мест о ходе коллективизации. Едва ли Сталин знал, что эту национальную святыню народ строил на свои копейки, что интерьеры и скульптуры создавали Верещагин, Маковский, Суриков, Прянишников, Клодт, Рамазанов, другие прославленные мастера. Храм, созданный на века, по "атеистическим и архитектурным соображениям" был уничтожен. Редкие, уникальные кадры, запечатлевшие взрыв храма, отдаются острой болью в сердце, когда благодаря кинематографу мы мысленно переносимся в стылый декабрь 31-го. Взрывали не просто храм: взрывали культуру, взрывали ушедшее. Сталин в прошлом ценил только то, что могло его утвердить в настоящем.

Академик архитектуры Б.Иофан, автор утвержденного проекта дворца, так описывал внешний вид готовящегося к сносу храма и пожелания Сталина: "...Шел 1931 год. Храм Христа Спасителя еще стоял посредине огромной площади у Москвы-реки. Большой и грузный, сверкающий своей позолоченной головой, похожий одновременно на кулич и на самовар, он давил на окружающие его дома и на сознание людей своей казенной, сухой, бездушной архитектурой, отражая собою бездарный строй российского самодержавия и его "высокопоставленных" строителей, создавших это помещичье-купеческое капище... Пролетарская революция смело заносит руку над этим грузным архитектурным сооружением, как бы символизирующим силу и вкусы господ старой Москвы..." Академик с восторгом описывал "гениальные замечания", данные Сталиным по проекту дворца. Его "дерзновенные" предложения предусматривали высоту дворца свыше четырехсот метров. Скульптуру Ленина на верхней части сооружения Сталин предложил довести до ста метров. Мания грандиозности всегда была присуща генсеку: Большой зал — непременно — на 21 тысячу мест. Почему так низко возвышение для президиума? Ведь там будет находиться вождь! Выше, выше! Никаких люстр: освещение только отраженным светом. Главные мотивы дворца: выразить шесть частей клятвы Сталина после смерти Ленина... Сталин дал ясно

понять, что это будет не просто Дворец Советов, а дворец, прославляющий его, вождя, на века. Все грандиозное общественное здание будет выражением "идеи торжества многомиллионной советской демократии..."[38].

"Демократии", при которой силуэт дворца, его облицовка, освещение, высота пилонов, содержание скульптурных групп, мозаика, пропорции, другие сугубо специальные вопросы определялись человеком, который в своей "гениальности" полагал нормальным делать решающие заключения и в области архитектуры.

Примат политического всегда брал верх, когда речь шла и об истории, культуре, искусстве. Сильный прагматизм интеллекта Сталина был не в состоянии сопоставить конкретные исторические и культурные ценности с вечностью, эпохой, временем. Например, заявление Хрущева на февральско-мартовском Пленуме 1937 года о том, что, "перестраивая Москву, мы не должны бояться снести дерево, церквушку или какой-нибудь храм"[39], встретило молчаливое одобрение Сталина. Его интеллект относился к ценностям культуры как к чему-то второстепенному. "Вождь" позволял себе здесь, как и в других сферах, быть верховным судьей и ценителем. Часто от одного-единственного замечания Сталина полностью зависела судьба произведения, творения, замысла большого мастера или целого коллектива.

Практический интеллект Сталина не "окрашен" в благородные цвета гуманизма, человеколюбия. Более того, его интеллект был глубоко аморальным. Судите сами. В июле 1946 года Берия доложил Сталину, что в исправительно-трудовых лагерях МВД за годы войны "накопилось" свыше 100 тысяч заключенных, полностью потерявших трудоспособность, содержание которых отвлекает значительные материальные ресурсы. МВД предложило неизлечимо больных, в том числе душевнобольных, освободить. Сталин уточнил: за исключением особо опасных преступников — врагов, осужденных к каторжным работам[40]. Для "вождя" было небезразлично, как умрут несчастные.

Интеллекту Сталина не были свойственны способность к любознательности, удивлению, сомнению. Эти чувства, которые условно можно назвать интеллектуальными, сопровождают процесс проявления творческого мышления человека. Именно об этом говорил Ленин, отмечая, что без эмоций никогда не бывало, нет и не может быть человеческого искания истины[41]. Сталин умел "прятать" проявление непосредственных

чувств. Его интеллект был холодным, часто леденящим. И в этом — еще один из истоков трагедии всех тех, кто обожествлял "великого вождя".

Атрибуты цезаризма

В начале 1937 года немецкий писатель Лион Фейхтвангер посетил Москву. Результатом его поездки стала апологетическая книга "Москва 1937 (отчет о поездке для моих друзей)". Фейхтвангер не скрывал, что он пустился в путь в качестве "симпатизирующего". За время пребывания в СССР его симпатии к нашей стране еще больше возросли. Но чего не мог не заметить Фейхтвангер и чему посвятил едва ли не бóльшую часть своей книги — это месту Сталина в жизни советских людей. "Поклонение и безмерный культ, которыми население окружает Сталина, — это первое, что бросается в глаза иностранцу, путешествующему по Советскому Союзу. На всех углах и перекрестках, в подходящих и неподходящих местах видны гигантские бюсты и портреты Сталина. Речи, которые приходится слышать, не только политические речи, но даже и доклады на любые научные и художественные темы, пересыпаны прославлениями Сталина, и часто это обожествление принимает безвкусные формы"[42].

Когда Фейхтвангер при встрече сказал об этом лично Сталину, тот лишь хитро улыбнулся и, пожав плечами, заметил, что рабочие и крестьяне "были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу **сотен** (выделено мною. — *Прим. Д.В.)* тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, — портретов, которые мелькают у него перед глазами..."[43]. Фейхтвангер, пытаясь понять истоки, предпосылки этого массового идолопоклонства, пошел не намного дальше Сталина. Преклонение перед вождем, утверждал писатель, "выросло органически, вместе с успехами экономического строительства. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный "коммунизм", а конкретного человека —

Сталина... Безмерное почитание, следовательно, относится не к человеку Сталину — оно относится к представителю явно успешного хозяйственного строительства"[44].

Это бесхитростное объяснение так понравилось Сталину, что уже в конце того же, 1937 года книжка Фейхтвангера, вышедшая в Амстердаме, была молниеносно переведена и издана большим тиражом в Москве. Пожалуй, это единственное издание в нашей стране, увидевшее свет при Сталине, где признавалось наличие культа личности, вождизма, цезаризма и давалось какое-то ему обоснование. Оказывается, народ не сам добывает хлеб, мясо, содержит свою армию, поддерживает порядок, а все это результат деятельности одного человека — Сталина. Очень удобная формула: "почитание", оказывается, относится не столько к Сталину, как к человеку, сколько к "представителю" всевозрастающих успехов. По сути, Сталин олицетворял для Фейхтвангера социалистические идеалы и реальности, а посему, полагал писатель, народ д о л ж е н выражать ему "благодарность". Кстати сказать, эта вождистская концепция верноподданничества довольно живуча. У нее есть немало сторонников и в наше время.

После публикации отдельных страниц моей книги в "Литературной газете" и "Правде" я получил несколько тысяч писем. Так вот, часть их авторов, возможно десятая часть, оперирует такими доводами: "Сталин построил социализм, поэтому народ чтил вождя"; "хотя люди были "винтиками", зато был порядок"; "Сталин не велел себя славить, это народ от благодарности за сделанное для него чтил вождя"; "при Сталине снижались цены, как не быть ему благодарным?" и т.д. Эти фразы взяты без изменений из писем. Как видим, и сейчас еще есть люди, почитающие "вождя". Некоторые, правда, оговариваются: "в большом деле нельзя обойтись без ошибок, и не один Сталин в них виноват"; "Сталин был вынужден прибегнуть к репрессиям"; "Сталина обманывали Берия и Ежов — беззакония творил не он"; "легко сейчас все валить на Сталина, ведь он ответить не может"... Это тоже фразы из писем. Я не хочу обидеть людей, написавших эти строки. Но их веру в "вождя", думаю, можно объяснить главным образом дефицитом правды, незнанием подлинной картины деяний этого человека и его окружения, грузом культивировавшихся долгие годы представлений.

Но здесь я хотел сказать о другом: культовый вождизм унизителен для народа. Более того, — оскорбителен. Его можно назвать цезаризмом XX века. Напомню: цезаризм как полити-

ческая система ведет свой отсчет с времен Юлия Цезаря. Будучи лишь магистратом, можно сказать, слугой народа, он тем не менее сосредоточил в своих руках всю верховную власть. Сохранив старые республиканские формы правления, признавая на словах ее демократические прерогативы, Цезарь превратил народные собрания в послушное орудие своей власти. Они были низведены до органов, лишь одобряющих волю вождя. Цезарь создал новую прослойку (патрицианское сословие), разновидность древней бюрократии, которая была главным инструментом его власти.

Я, разумеется, далек от мысли проводить прямые аналогии. Но косвенные — можно. Цезаризм в условиях XX века — это диктатура единовластия при сохранении всех внешних атрибутов государственной демократии. Конечно, это не легитимная (монархическая) власть, данная "божиею милостью". Любой современный цезарь оскорбился бы, если бы был сделан хоть намек на это. Но термин "цезаризм" уместен как выражение узурпации власти отдельной личностью при сохранении формальных признаков народовластия. Другими словами: речь идет не об аналогиях, а о политическом принципе. Как сложилась цезаристская, вождистская концепция, каковы ее предпосылки?

Без выявления истоков цезаристского вождизма трудно понять, как Сталин при всей своей жестокости, попрании элементарных общечеловеческих норм был популярен в народе. Сейчас еще многие пожилые люди, даже терпевшие в жизни невзгоды, связанные с культом личности, с большой симпатией относятся к давно умершему "вождю". Я уже говорил ранее, что глубинной основой вождизма является слабость демократических начал в партии и государстве. Страна, жившая столетия под сенью царской короны, не могла, к сожалению, за несколько послереволюционных лет сбросить груз старого мышления, как другой самодержавный хлам. Царя, династию, царские атрибуты в стране уничтожили, а мышление, склонное боготворить сильную державную личность, осталось.

Н. Бердяев в своей оригинальной и глубокой работе "Судьба России" писал в 1918 году: "Россия — страна культурно отсталая... В России много варварской тьмы, в ней бурлит темная, хаотическая стихия Востока. Отсталость России должна быть преодолена творческой активностью, культурным развитием... Наиболее самобытной будет грядущая, новая Россия, а не старая, отсталая Россия"[45]. Эта самая "отсталость" не могла не сказаться на многих социальных процессах после револю-

ции. Особенно после смерти Ленина, когда все больше стал проявляться дефицит демократии.

Одним из таких проявлений явилось искоренение после XVII съезда ВКП(б) открытости в партийной жизни, гласности в работе государственных органов. 20-е годы в этом отношении были более привлекательны. Тогда в печати высказывались самые различные точки зрения, критика являлась естественным элементом повседневной жизни. Например, "Правда" считала нормальным сообщить, что на XIV съезде ВКП(б) за резолюцию по докладам Сталина и Молотова голосовали 559 делегатов, против — 65; или поведать, что на 1 сентября 1926 года в стране был зарегистрирован 1 миллион 26 тысяч безработных. Люди при желании могли удовлетворить свою потребность в самой различной информации социального, экономического, культурного, финансового, исторического характера.

Со временем, особенно в 30-е годы, правда будет строго "дозироваться". В этих условиях люди уже не имели возможности делать правильные выводы в отношении тех, кто руководит народом, кто способен быть лидером ... ведь Ленин еще на заре века писал, что партия должна вес и дело так, "чтобы она видела перед собой, как на ладони, *всю деятельность* каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и "поражениями". Открытость, гласность подобны свету. Поэтому Ленин призывал и требовал: "Света, побольше света!"[46] Правда, воистину, не может быть роскошью. Однако со временем и сам Сталин, и его окружение, их действия окажутся отгороженными от людей и общественного мнения непроницаемой завесой. Возьмем акты беззакония, репрессии против невинных людей. Что было известно о них? Проходила информация лишь о крупных деятелях, известных ученых, видных военачальниках, разоблаченных как "врагов народа". А основная масса несчастных исчезала незаметно в немоте ночи, и часто навсегда. Сам чудовищный приговор многим и многим арестованным — "10 лет без права переписки", означавший, как правило, физическую расправу, — был апофеозом антигласности. Что люди знали об "особых совещаниях", созданных при НКВД в июле 1934 года? Тогда ведь считалось, что в их компетенции — только ссылка и тюремное заключение на 5 лет. А затем оказалось, что они приговаривали невиновных к расстрелу, к 25 годам лагерей и каторжных работ...

Постепенно общественность приучили "потреблять" лишь часть правды. Так, миллионы советских людей 20 февраля 1938 года узнали, что в Гренландском море ледоколами "Таймыр" и "Мурман" снята с дрейфующей льдины четверка отважных зимовщиков — И.Д. Папанин, П.П. Ширшов, Э.Т. Кренкель, Е.К. Федоров, но ничего не знали, что одновременно заканчивались последние приготовления к суду-спектаклю над Н.И. Бухариным, который начнется через две недели. Подвиг папанинцев на какое-то время заслонил "право-троцкистский блок" и его "злодеяния"... Бухарину и его сотоварищам по несчастью оставалось жить меньше месяца...

В условиях всеобщих запретов, контроля, цензуры, ограничений правда стала роскошью. Неосторожное слово, действие, поступок расценивались, как покушение на монополию истины, провозглашенной "вождем". Выступая на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года, его участник Могушевский усмотрел, например, опасное деяние в работе минского радио. Там, где его никогда не было. "С минской радиостанции, — заявил оратор, — шли антисоветские передачи. 23 января — день трансляции обвинительного заключения по делу о троцкистском центре. После передачи обвинительного заключения и отчета об утреннем судебном заседании по радио начинают передавать концерт, включающий известную бемольную сонату Шопена. Это не случайность. Сделано очень тонко: передается не просто траурный марш — это было бы слишком откровенно, — а бемольная соната. Не всякий знает, что в ней-то и содержится этот марш. А это — не случайность"[47].

Такая "сверхбдительность" в отношении "врагов народа" порождалась прежде всего нагнетанием атмосферы заговоров, вредительства, диверсий. Для тех, кто зависел от Сталина, проявление подобной "бдительности" было одним из способов сохранить должность и ...жизнь. В этих условиях, например, секретарь Свердловского обкома партии Кабаков усмотрел "вредительство" в другом: "Мы обнаружили, — говорил он на Пленуме, — что в одном ларьке покупки обертывают докладом Томского (покончившего к этому времени с собой и объявленного "врагом народа". — *Прим. Д.В.)*. Мы проверили и обнаружили, что торгующие организации закупили порядочное количество такой литературы. Кто может сказать, — "проницательно" вопрошал Кабаков, который сам скоро станет жертвой, — что эту литературу используют только для обертки?!"[48]

"Заталкивание" правды в прокрустово ложе сталинских схем создавало духовные условия для утверждения культового

вождизма. "Темные стороны", "темные пятна", "мрачные замыслы", "коварные планы" могли быть только у троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев — всех, кто выступал "против народа". Человек, который распознал, разгромил всю эту "нечисть", — прозорлив, проницателен, мудр, велик.

Тогу вождя, пусть и не пурпуровую, а в виде скромной красноармейской шинели, Сталин не смог бы надеть, не установив господства над умонастроениями, сознанием людей. Он понимал, что нужно подкреплять веру во всемогущего вождя и стимулировать энтузиазм, шире пропагандируя достижения, объясняя неудачи главным образом "происками врагов и вредителей". И это приносило успех. Энтузиазм был неподдельный. Подвижничество — часто жертвенным. Люди искренне требовали смерти, суровой кары изменникам. Даже Алексей Стаханов писал: "Когда в Москве происходил процесс сначала Зиновьева—Каменева, потом Пятакова и его банды, мы немедленно потребовали, чтобы их расстреляли. В нашем поселке даже те женщины, которые, кажется, никогда политикой не занимались, и те сжимали кулаки, когда слушали, что пишут в газетах. И стар, и млад требовал, чтобы бандитов уничтожили..."[49]

Вырастали поколения, в основе убеждений которых была глубокая вера в правильности всех шагов "великого вождя". Мало кто задумывался, что этой вере очень недоставало знания правды. К ней мы приходим лишь сегодня. Когда ныне реабилитированы практически все политические противники Сталина, совсем по-иному предстает и вся внутрипартийная жизнь, борьба тех лет. Шла борьба за лидерство, за определение путей и методов строительства новой жизни. Некоторые ошибались. Взгляды многих отличались от принятых партией. Но врагов, какими изображал их Сталин, было очень мало. Однако инакомыслие представлялось Сталиным наихудшей разновидностью вражеской деятельности. Отсутствие, дефицит правды создали предпосылки для эскалации цезаристских шагов Сталина. Малейшее подозрение, только подозрение, могло вырасти в обвинение с трагическим финалом. 4 августа 1938 года Ворошилов, например, направил Сталину статью М. Кольцова с запиской следующего содержания:

"Тов. Сталину.

Посылаю статью т. Кольцова, которую он так давно обещал. Прошу посмотреть и сказать, можно ли и нужно ли печатать. Мне статья не нравится.

К. Ворошилов"[50].

Сталин резолюции на записке не оставил, однако отдал рас-

поряжение внимательно "разобраться с Кольцовым", за которым уже следили. И этого было достаточно: дело кончилось трагедией известного журналиста и писателя... Даже Цезарь не проявлял такой воинственной нетерпимости и беспощадности.

Кстати сказать, Сталин очень часто обходился без резолюций. Я просмотрел, наверное, не одну тысячу документов, адресованных лично ему: о выполнении народнохозяйственных планов, ходе сева, выселении целых народов, исполнении приговоров, перемещениях руководящего состава, строительстве военных заводов; расшифрованные телеграммы разведорганов, переводы статей из буржуазной печати, личные письма "вождю", различные "прожекты", с которыми к нему обращались изобретатели и просто одержимые маниакальной идеей люди. И множество других. По моим подсчетам, Сталин ежедневно рассматривал 100 — 200 документов самого разного объема. От одной страницы до фолиантов. В большинстве случаев он просто расписывался: *"И. Ст."* или *"И. Сталин"*. Поскребышев до доклада прикреплял квадратик чистой бумажки с уже подготовленным возможным вариантом решения и фамилией исполнителя. Часто "вождь", соглашаясь с проектом решения, ставил свою подпись на этом крохотном листке, нередко судьбоносном для очень многих людей, а порой, передавая своему помощнику бумаги, отдавал отложенную отдельно стопку документов и коротко бросал: "Согласен". Это значило, что, хотя здесь нет его резолюции, он не возражает против предложенного решения вопроса. Сталин редко писал длинные резолюции, и они не отличаются ни остроумием, ни оригинальностью. Той, которой мог поразить, например, маршал Р.Я. Малиновский. Вспоминается случай, когда один полковник вскоре после войны (не буду называть его фамилию) обратился с письмом к министру обороны: зимой полковник по своему головному убору (папахе) отличается от остальных офицеров. А летом все, и полковники и не полковники, носят одинаковые фуражки. Надо как-то и в этом случае "выделить" полковников... Резолюция Малиновского была лаконична:

"Разрешить этому полковнику, в порядке исключения, и летом ходить в папахе".

Однажды Мехлис в конце разговора со Сталиным подал тому несколько листочков отпечатанного текста:

— Что это?

— Один историк мне рассказал, как генерал Драгомиров оценивал своих подчиненных. Показалось забавным. Для раз-

рядки, Иосиф Виссарионович, как-нибудь посмотрите, — изобразил улыбку Мехлис.

Сталин тут же, едва вышел его любимец, перелистал три-четыре страницы и, что с ним никогда не бывало, расхохотался. Один, в кабинете. Поскребышев, зашедший с очередной папкой к Сталину, растерялся и не мог ничего понять, пока "Хозяин" не сунул ему эти листки.

Генерал Драгомиров, блестяще образованный, русский интеллигент, крупный ученый, одно время, в конце прошлого века, командовал Киевским военным округом. Ежегодно ему представляли на утверждение около тридцати аттестаций на генералов, находившихся в его подчинении. Драгомиров, написавший многие свои книги афористичным, сочным языком, остался верен себе и в этом рутинном деле. Вот некоторые выводы из аттестаций, собственноручно написанные командующим. Генерал-лейтенант Донатович: "Был конь, да уездился". Генерал-лейтенант Плаксин: "Отличный начальник дивизии, будет таким же корпусным, если бог веку даст". Генерал-лейтенант Зегелер: "Усерден, болезнен. Более претензий, нежели содержаний". Генерал-лейтенант Засс: "Мягок, чтоб не сказать слаб. В умственном отношении скромен". Генерал-майор Отфиновский: "Давно по дряхлости нуждается в покое". Генерал-майор Воинов: "Настойчив, мягок, симпатично-вкрадчив, тактичен. К нежному полу прилежен". Генерал-лейтенант Сулин: "Исполнителен, энергичен, знает дело отлично. Пылок не по годам". Генерал-майор Бергер: "В мирное время бесполезен, а в военное время будет вреден".

Насмеявшись, Сталин походил по ковровой дорожке своего огромного кабинета, сел за стол и на очередной бумаге начертал: *"И. Ст."*... Никакого юмора и шутовства...

Сталинский цезаризм, культовый вождизм складывался на основе растущей централизации власти. Анализируя документы, на которых наложены резолюции Сталина, убеждаешься, что часто еще до рассмотрения этих вопросов высшими государственными и правительственными органами власти все было предопределено. Резолюции Сталина было достаточно, чтобы ее оформили затем как указ, постановление, распоряжение. Одновременно в обществе сложилось мнение: все, что решалось успешно, творчески, новаторски, тут же приписывалось "мудрому руководству товарища Сталина"; все, что было связано с отставанием, невыполнением планов, головотяпством, бюрократией, косностью, нехватками, объяснялось "происками троцкистов, двурушников, диверсантов, шпионов,

вредителей" и т.д. Повторение изо дня в день этих "истин" исподволь формировало мировоззрение многих людей, в котором "вождю", новому цезарю отводилось, конечно, решающее место во всей нашей жизни.

Сталин действовал в соответствии со своим, во многом глубоко ошибочным представлением о социализме и путях его построения. Идеал, модель, контуры социализма он видел иначе, чем Ленин и многие его соратники. А видел иначе не потому, что не понимал ленинской концепции. Нет. Он смотрел на социализм по-другому потому, что в ц е н т р е этой концепции давно уже отвел место себе, "вождю на все времена". Вот он, современный цезаризм! Этот деформированный насилием образ социализма, при сохранении многих внешних атрибутов нового общества, был далеко не ленинским. Во главе его стоял "вождь", который хотя и не держал скипетр, но с его необъятной властью не мог сравниться ни один монарх. Централизация власти привела к тому, что сердцевиной политической системы стал один человек. Так сформировался цезаризм — единовластие, диктатура одного лица.

Эпизодически Сталин делал "знаки", "жесты", подавал "сигналы", с помощью которых хотел убедить партию, массы в том, что он против своего прославления, славословия, идолопоклонства. С полной уверенностью можно сказать, что эти "протесты" были тонко рассчитаны на публику. В его архиве, например, имеется такое письмо.

"Тов. Андрееву (Детиздат ЦК ВЛКСМ) и Смирновой (автору "Рассказов о детстве Сталина").

Я решительно против издания "Рассказов о детстве Сталина". Книжка изобилует массой фактических неверностей... Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория "героев" и "толпы" есть не большевистская, а эсеровская теория... Народ делает героев — отвечают большевики...

Советую сжечь книжку.

16 февраля 1938 г.

И. Сталин"[51].

Написанное четким почерком письмо рассчитано на еще большее прославление Сталина. Кто может теперь сказать, что Сталину чужда скромность? Но здесь есть и другая сторона: "вождь" никогда не любил вспоминать свое детство. Оно у Сталина ассоциировалось с такой глубокой пропастью по срав-

нению с той вершиной, где он находился сейчас, что у него как бы кружилась голова. Да и зачем людям знать, что он был такой же, как все? Пусть знают, какой он сейчас.

Сталину больше нравилось, когда о его скромности говорили другие. На февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года в выступлении Мехлиса есть фрагмент: "Мне товарищ Сталин прислал еще в 1930 году в "Правду" такое письмо. Позволю его зачитать без его разрешения.

"Тов. Мехлис!

Просьба пустить в печать прилагаемую поучительную историю одного колхоза. Я вычеркнул в письме слова о "Сталине" как "вожде партии", "руководителе партии" и т.д. Я думаю, эти хвалебные украшения ничего, кроме вреда, не дают (и не могут дать). Письмо нужно напечатать без таких эпитетов.

С ком. приветом

И. Сталин""[52].

Такие "реплики" служили лишь для муссирования живучих легенд об "исключительной скромности товарища Сталина", чуждого-де какого-либо тщеславия. Сталин знал, что Мехлис поймет его письмо "как надо" и использует соответственно. Кстати, Мехлис на Пленуме именно так и обыграл его.

Культовый вождизм питался и тем обстоятельством, что, например, к трагическому 1937 году Сталин был во главе страны уже целых пятнадцать лет! Так уж произошло, что Ленин не успел в деталях разработать механизм ротации, периодичсской смены одних руководителей другими. Хотя, как уже говорилось ранее, в последних работах Ленина содержались глубокие идеи постоянного обновления центральных органов государственной власти, руководства в партии. Сталин их просто не "заметил". Партия, сотрясаемая в 20-е годы внутренней междоусобной борьбой, постоянно раздуваемой генсеком, не смогла решить этот вопрос в духе ленинских идеалов. Мы об этом почти не говорим. Однако ясно, будь более сильны в партии демократические начала, традиции, более глубокое понимание опасности цезаристских тенденций, она могла (и должна была!) не допустить подобного. А Сталин времени не терял. С каждым годом его положение становилось все прочнее. Постепенно с политической арены убирались его самые опасные противники; когда Сталин добился к середине 30-х годов единовластия, он, естественно, и не думал создавать и отлаживать демократический механизм передачи власти от одного руководителя к другому. Никто уже не мог, разумеется, даже поставить вопрос о сроках пребывания генсека на посту.

Сейчас много спорят и пишут, что могло бы произойти в нашей истории, выполни XIII съезд партии волю Ленина. В этой связи хотелось бы сделать одно замечание. История не запрограммирована. Мы можем давать научный прогноз на 2000 год, можем пытаться представить и более далекую перспективу. Но как реализуется предвидение, с точностью никто сказать ничего не может. Поэтому часто свершившееся кажется нам неизбежным, а потому и закономерным. А в действительности это лишь одна из многих реализованных возможностей. То, что Сталин остался у власти, — историческая реальность, но она не была неизбежной. Кажется, зачем гадать по поводу того, чего не произошло, не случилось? Почему люди всегда возвращаются к былому, прошлому и ищут, как выразился однажды Ключевский, то место, за которое они "запнулись"? Мы всегда хотим постичь корни, генезис былых ошибок, просчетов, промахов. Обычно они в истории оплачиваются слишком дорогой ценой. Поэтому сегодня можно утверждать, что, если бы пребывание Сталина на посту генсека было определено конкретным уставным сроком, культового уродства почти наверняка бы не было. Хотя разумеется, сроки пребывания первого лица партии и государства на высшем посту — не единственное условие, гарантия народовластия.

В многочисленных письмах, полученных мною, есть и такие, где говорится, что-де "не будь Сталина, кто знает, выжили бы мы или нет?", "кто может сказать, как повернулась бы война без Сталина?". Мол, "в трудное время выживания социализма нужен был такой сильный человек, как Сталин". Эти вопросы-размышления поставлены конкретными людьми, просто я не называю их фамилий. Но, впрочем, можно назвать хотя бы одну. П.А. Молодцов из Череповца прислал злое письмо "гр-ну Волкогонову". В нем он, например, пишет, что тоже сидел при Сталине за хулиганство, но не видел, чтобы сажали напрасно. "Безвинно никто не сидел. У нас в бараке был дневальным один из политических по фамилии Папкин. Срок ему дали за то, что разбил окно в избирательном участке, — 10 лет. Сейчас Вы скажете, много дали, а по тем временам как раз, потому что страна кишела врагами. Да их и сейчас полно... А Сталин был настоящим отцом нации, был настоящим полководцем, был настоящим руководителем и вождем..."

Такое вот письмо. Полемизировать с ним едва ли имеет смысл. Но одну мысль высказать в связи с этим необходимо. Обращение таких людей к Сталину, его времени, "порядку в обществе" не случайно. Главная причина реанимации интереса

и возвеличивания давно умершего "вождя" выступает как своеобразная реакция на годы застоя с коррупцией, разложением, бездуховностью, дуализмом. Нынешние трудности обновления связаны отчасти с демагогией, декларативностью и явно недостаточными конкретными результатами. При низкой демократической культуре многих людей гласность, другие реальные свободы и права слабо увязываются с обязанностями, делом, созидательной стороной перестройки. Тема взаимосвязи обновления и "порядка" не столь уж консервативна, как иные понимают. Без высокой организованности, дисциплины, ответственности быстро обесцениваются и демократические достижения. Думаю, письмо П.А. Молодцова, как и многих других, в немалой степени связано и с этим обстоятельством.

Наш народ никогда не был беден на таланты и светлые головы. При демократическом выборе руководителей на самых ответственных постах должны быть люди, достойные исторического признания. Это не только партийные работники, как это часто бывает, но и крупные ученые, организаторы производства. Без боязни впасть в ошибку можно сказать, что все то, что мы стыдливо называем проявлениями "субъективизма", годами "застоя" по большому счету есть не что иное, как следствие культового вождизма, современного цезаризма.

Именно формальная демократия привела к тому, что уже в 30-е годы партия стала главным инструментом сталинского единовластия. И когда на февральско-мартовском Пленуме 1937 года Жданов в осторожной форме поставил вопрос о "нежелательности подмены" партийными органами хозяйственных органов, Сталин, заключая обсуждение доклада "О подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР", не преминул однозначно и жестко подчеркнуть:

— Нельзя политику отделять от хозяйственной деятельности. Партийным организациям нужно по-прежнему вплотную заниматься хозяйственными вопросами[53].

Это, по Сталину, значит непосредственно, прямо подменять Советы, которые были низведены до второстепенного придатка партийной власти.

Культ и народ, культ и социализм должны быть несовместимы. Хотя в прошлом как раз соединение этих элементов и придало сталинскому цезаризму чудовищное обличье. Для него всегда было необходимо уравнивание всех в бедности, единомыслие и бездумность; для него исключительно важны готовность откликнуться на лозунги и призывы, способность "доне-

сти", "сообщить" в вышестоящие органы. Кстати, у меня в архиве лежит несколько десятков писем (нет, не мне) в вышестоящие органы с требованием, чтобы мне "запретили" писать о Сталине, чтобы меня "наказали", "пресекли", "разжаловали" и т.д. Кроме жалости, эти люди сегодня ничего не вызывают. Но в прошлом подобные "сигналы" отправили в могилу тысячи честных людей. Ведь без доносительства цезаризм существовать не может.

Цезаризм создавал гарантии не для народовластия, а для "господствующей личности". Именно поэтому ни в конституции, ни в партийном уставе не были оговорены, например, прерогативы Генерального секретаря, его взаимоотношения с государственными институтами. Все это способствовало, как этого и хотел Сталин, огосударствлению партии, превращению ее в аппарат, механизм власти, а не в общественно-политическое объединение людей, приверженных определенной системе ценностей и идей. Подлинная демократия как главный гарант недопущения единовластия — в развитии советского парламентаризма, повышении роли Советов, отчетности исполнительных органов, ротации кадров на выборных должностях. Сегодня в условиях, когда у нас в стране идут, хотя и трудно, позитивные преобразования, многие считают, что культ личности после всего того, что мы знаем о Сталине, больше просто невозможен. Думаю, что это не так. Культ личности может иметь самые различные формы и проявления. И совсем не обязательно только цезаристскую, диктаторскую форму, как во времена Сталина. Все, по моему мнению, может быть иначе, возможно, даже в "гуманистической" упаковке, если мы не создадим четкую систему правовых, политических, экономических, нравственных гарантий. Начиная от крупных мер — максимально широкого влияния людей на процесс выборов, выдвижение высших руководителей — и кончая "мелочами" — широкой гласности в назначении министров, помощников, референтов, играющих огромную роль в ходе принятия решений. У каждого решения должны быть конкретные авторы. И о них должны знать люди. Думаю, тот, например, кто когда-то предложил первым переименовать город с поэтическим, прекрасным названием Набережные Челны в город Брежнев, "заслуживает" того, чтобы о нем мог высказать свое мнение народ. Сколько подобных бездуховных и головотяпских предложений было реализовано, а действительные авторы навсегда остались в тени. Нельзя поступать так, как было во времена Цезаря: все позитивные, удачные решения

приписывались е м у, а все сомнительные, неудачные — кому угодно, но только не вождю.

Сталин понимал, что любая децентрализация, усиление роли государственных органов, повышение значимости общественных организаций с неизбежностью приведет рано или поздно к идейному и политическому кризису саму концепцию культового вождизма. Для Сталина было просто необходимым держать общественное сознание в обруче примитивного догматизма, питая его главным образом своими работами. Культуре, важнейшим элементом которой является общественное сознание, огромный ущерб принесли мифы и штампы, культивировавшиеся в то время. Главный из этих мифов — "непогрешимость, мудрость и прозорливость всепобеждающего вождя", как его именовали официальные издания. Люди верили, когда читали такие, например, строки: "На Мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининым, Орджоникидзе стоял Сталин в серой солдатской шинели. Спокойные его глаза смотрели в раздумье на сотни тысяч пролетариев, проходящих мимо ленинского саркофага, уверенной поступью лобового отряда будущих победителей капиталистического мира... К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, шли волны уверенности, что там, на Мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции"[54]. Эти строки, написанные в 1934 году, принадлежат К. Радеку.

Да, народ верил таким словам. Люди с надеждой вчитывались в уже нечастые статьи и речи Сталина, привычно скользили глазами по бесчисленным портретам. Со школьных лет знали: "Сталин думает о нас". Это не просто "воспитывало" молодых. Непрерывный психологический "массаж" сознания вел к перерождению кадров. Отныне ценились лишь те работники, которые готовы были соглашаться с самыми абсурдными постулатами, выводами, решениями, если они были освящены именем Сталина. Едва ли верил А.И. Микоян в 1937 году собственным словам из доклада, посвященного 20-летию ВЧК—ОГПУ—НКВД: "Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина!"[55] Но так должны были говорить все, кто занимал хотя бы мало-мальский пост. Да и не обязательно занимал его. В эти заклинания верило большинство. Кто не верил, все равно произносил их. Тот трудный, едва уловимый в то время шанс совести, выражающийся в принципиальном несогласии с культовым во-

ждизмом, цезаризмом, пытались использовать очень немногие. Страна жила, строилась, развивалась, хотя народу внушали, что все это — благодаря "великому вождю". Как писал Е. Евтушенко в стихотворении "Страх":

Потихоньку людей приручали
и на все налагали печать:
где молчать бы — кричать приучали,
и молчать: где бы надо кричать.

Писать портреты ушедших людей трудно. Силуэт личности — словно тень на экране истории. Документы, письма, фотографии, воспоминания стариков, знавших Сталина лично. Всем им сегодня далеко за восемьдесят. Слушая их негромкие голоса, словно смотришь в бинокль, но с обратной стороны... Все видится не просто уменьшенным, а удаленным растущей временной исторической дистанцией. Каждый такой рассказ о "великом вожде" непременно сопровождается попутным описанием и тех, кто как бы скрывался в его тени. При жизни о них знали мало. Не только потому, что некоторые соратники лишь мелькнули в тени Сталина и исчезли — Г.Я. Сокольников, Н.А. Угланов, С.И. Сырцов, В.Я. Чубарь, К.Я. Бауман, Р.И. Эйхе и многие другие, но и потому, что "вождь" любил тайну. Никогда еще в нашей стране так не берегли "секреты", как во времена единовластия. Кроме десятка-полутора скупых слов в энциклопедиях о людях из ближайшего окружения Сталина народу знать было не положено.

В тени "вождя"

После XVII съезда ВКП(б) из тех, кто составлял ядро руководства партии десять лет назад на XIII партсъезде, в составе Политбюро остался лишь Сталин. Остальных смели с политической арены бури междоусобиц. С ними Сталину было тесно и неуютно. Ведь они знали Сталина всяким — твердым и колеблющимся, напористым и растерянным, привлекательным и жалким. Они знали, что в революции был только один вождь — Ленин, что Сталин в лучшем случае был на третьих-четвертых ролях. Знали они, что почти во всем, кроме воли, Сталин уступал многим. Ему было тесно на капитанском мостике с Троцким, считавшим его "посредственностью"; Бухариным, назвавшим генсека "восточным деспо-

том"; Рыковым, никогда и никого, кроме Ленина, не почитавшим; Зиновьевым, полагавшим, что он должен быть естественным преемником Ленина; Каменевым, думавшим почти так же, как и его ближайший друг. Сталину они быстро оказались не нужны не только потому, что, как принято считать, то и дело шарахались от одной "оппозиции" к другому "уклону", но и потому, что они не могли, да и не хотели "рассмотреть" в нем вождя. Читая избранные произведения Бонапарта, Сталин однажды задержался глазами на строках: после взятия Тулона в 1794 году начальник Наполеона Дюгоммье представил храброго офицера к чину бригадного генерала, отметив в представлении Комитету общественного спасения: "Наградите и выдвиньте этого молодого человека, потому что, если вы этого не сделаете, он выдвинется сам собой"[56]. Сталин "выдвинуться сам собой" мог только в ином по составу окружении. Ему нужны были другие соратники.

После XVII съезда партии на трибуне Мавзолея, в президиумах собраний, за столом Политбюро вместе со Сталиным были новые лица: А.А. Андреев, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, М.И. Калинин, С.М. Киров, С.В. Косиор, В.В. Куйбышев, В.М. Молотов, Г.К. Орджоникидзе, а также А.И. Микоян, Г.И. Петровский, П.П. Постышев, Я.Э. Рудзутак, В.Я. Чубарь, позже — А.А. Жданов, Р.И. Эйхе. Среди этих людей он быстро выделил "ядро" — Молотова, Кагановича, Ворошилова. Скоро, однако, среди членов и кандидатов в члены Политбюро появились зияющие бреши: от руки убийцы пал Киров, очень быстро скончался Куйбышев, покончил с собой Орджоникидзе, были выведены из состава и стали жертвами репрессий Косиор, Постышев, Рудзутак, Чубарь, Эйхе... На глазах шести членов Политбюро и одного кандидата в 1937 — 1939 годах была разыграна едва ли не самая жуткая сцена в нашей истории. Эти люди были не просто очевидцами и свидетелями. Все они, особенно Сталин в окружении ближайшей "тройки", были прямо причастны к трагедии. Ни у кого из них не хватило мужества прочесть, нет — прокричать "вождю" слова из гетевского "Фауста":

Из этой залы, где стоит твой трон,
Взгляни на царство: будто тяжкий сон
Увидишь. Зло за Злом распространилось,
И беззаконье тяжкое в закон
В империи повсюду обратилось...

Но это была не империя, а первое социалистическое государство рабочих и крестьян, впервые в истории взявших власть

и... вручивших ее в руки "великого вождя". Никто из окружения не помешал, не захотел остановить беззаконие. Никто не попытался использовать шанс своей совести. Так что же это были за люди, окружавшие Сталина? Сумеем ли мы их рассмотреть в тени, отбрасываемой "вождем"?

Еще весной 1986 года в подмосковной Жуковке можно было встретить старика с высоким лбом и неизменно в пенсне, медленно прогуливающегося по дорожке дачного поселка. Постукивая тростью, он внимательно вглядывался в редких прохожих выцветшими карими глазами. Поношенное ратиновое пальто, стариковские разношенные ботинки, потухший взгляд выдавали в гуляющем много пережившего и испытавшего человека. Но едва ли кто мог сказать, что старику шел девяносто седьмой год и что он не кто иной, как бывший Председатель Совнаркома, бывший член Политбюро, бывший народный комиссар по иностранным делам и один из самых близких соратников Сталина — **Вячеслав Михайлович Молотов**. Еще при Ленине этот долгожитель стал секретарем ЦК партии, кандидатом в члены Политбюро. И хотя история сохранила ряд нелестных замечаний Владимира Ильича о стиле работы Молотова в секретариате (например, о том, что он плодит "под носом у себя позорнейший бюрократизм и глупейший"[57]), это был один из тех могикан, кто работал рядом с Лениным многие десятилетия тому назад. Само по себе явление уникальное: встретить в середине 80-х годов человека, который входил в состав ЦК, возглавляемого Лениным! У поэта Ф. Чуева, многократно встречавшегося с Молотовым, есть немало документальных свидетельств об этом ближайшем соратнике Сталина. "Был он скромен, точен и бережлив. Следил, чтобы зря ничего не пропадало, чтобы свет попусту не горел в других комнатах. Когда он умер 8 ноября 1986 года, — записал Чуев, — и вскрыли его завещание, в конверте была сберегательная книжка — 500 рублей на похороны..."

Да, этот человек работал с Троцким и Бухариным, Рыковым и Зиновьевым. Он провел не один час за столом переговоров с Гитлером и Риббентропом; его знали Черчилль, Рузвельт и Трумэн. Он один из главных "архитекторов" Пакта о ненападении и Договора о дружбе и границе с Германией. Многие советские люди помнят драматические слова Молотова, произнесенные им (не Сталиным!) в полдень 22 июня 1941 года: "Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами". (Сегодня мы точно знаем: Сталин был ошеломлен катастрофическим началом войны. До последнего момента у него в глубине

души теплилась искра надежды: войны можно избежать, по крайней мере — оттянуть ее начало. Сталин, доверявший не интуиции, а лишь фактам, оказался в плену эфемерного предположения. А точнее — своего желания. Потрясение было столь большим, что он отказался от обращения к народу, поручив это своей "правой руке" — Молотову. Как его ни уговаривали выступить члены Политбюро, он этого сделать не смог. Не сумел прийти в себя от шока и подавленности. Он решил выступить, когда, как он надеялся, удастся отбить нападение. Он и не предполагал, какая надвигалась катастрофа!)

За долгие десятилетия Молотов стал настоящей тенью "вождя". Везде рядом: на заседаниях Политбюро, на трибуне Мавзолея, в газетных строках, на международных конференциях... Даже публикуя выступление Молотова, "Правда" по привычке давала рядом большую фотографию Сталина...

О чем думал в последние годы жизни этот обитатель московской квартиры на улице Грановского и казенной дачи в Жуковке? Что вспоминал этот реликт былого могущества? Может быть, свои доклады на съездах? Молотов специализировался на организационных вопросах. Может быть, о заседании ЦК в декабре 1930 года, когда сместили Рыкова с поста Председателя Совнаркома, а Сталин сам предложил его кандидатуру? Тогда Молотов сказал, что в течение ряда лет он проходил "школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под руководством товарища Сталина. Я горжусь этим".

Нужно сказать, что прошедшие после смерти Сталина десятилетия не сделали его другим. Незадолго до своей смерти он сказал Чуеву о Сталине: "Если бы не он, не знаю, что с нами и было бы". До последних своих дней он считал Сталина гениальным, был убежден в том, что Тухачевский был военной силой "правых" — Рыкова и Бухарина, якобы готовивших заговор. Утверждал, что "1937 год позволил устранить у нас "пятую колонну" во время войны". Конечно, соглашался Молотов, "были допущены ошибки, погибло много честных коммунистов, но удержать завоеванное мягкими мерами было нельзя". У человека, которого овеяли самые разные ветры истории, мышление как бы застыло. А может быть, это была тонкая моральная мимикрия: попытка использовать последнюю возможность для оправдания перед потомками? На этом послушном, усердном, настойчивом, изощренном исполнителе воли Сталина лежит огромная ответственность за деформацию

законности, за превращение насилия в решающий инструмент власти.

На печально известном февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года Молотов сделал доклад "Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов". Все содержание доклада было подобно призыву к социальному погрому: "Вчерашние колебания неустойчивых коммунистов перешли уже в акты вредительства, диверсий и шпионажа по сговору с фашистами, в их угоду (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Мы обязаны ответить ударом на удар, громить везде на своем пути отряды этих лазутчиков и подрывников из лагеря фашизма... Мы должны торопиться доделать это дело, не откладывая его и не проявляя колебаний"[58].

И он не колебался. В июне того же года один из доносчиков (ведь его призыв "доделать это дело" не был брошен в пустоту) написал Сталину, что ответственный работник Совнаркома старый большевик Г.И. Ломов якобы был близок с Рыковым и Бухариным. Сталин начертал наискосок:

"Т-щу Молотову. Как быть?"

Ответ не заставил себя ждать и был немногословным:

"За немедленный арест этой сволочи Ломова.

В. Молотов"[59].

Судьба человека была решена. Арест, допросы, приговор, расстрел. Член партии с 1903 года, бывший делегат исторической Апрельской конференции, член ЦИК СССР, как и многие тысячи честных большевиков, росчерком пера был зачислен во "враги народа". Именно Молотов дал санкцию на арест первого секретаря Свердловского обкома Кабакова, наркома легкой промышленности Уханова, председателя Дальневосточного крайисполкома Крутова и многих, многих других товарищей. При прямом соучастии Молотова из двадцати восьми народных комиссаров Совнаркома, который он возглавлял, больше половины были репрессированы.

Молотов был жесток. В марте 1948 года Председатель Совета Министров РСФСР Родионов обратился к нему с просьбой: помочь где-то устроить, разместить 2400 инвалидов и престарелых спецпереселенцев (ссыльных). Ответ Молотова краток:

"Обязать министерство внутренних дел СССР разместить 2400 инвалидов и престарелых спецпереселенцев в лагерных пунктах.

Зам.пред.Совмина СССР

В. Молотов"[60].

Вот так, спрятать несчастных в лагеря, и проблема решена...

Для Сталина это был очень удобный человек, с полуслова понимавший намерение "вождя" и обладавший колоссальной работоспособностью. Сталин не раз в присутствии других членов Политбюро отмечал рвение Молотова. Когда тому в марте 1940 года исполнилось пятьдесят лет, Сталин распорядился, чтобы Пермь стала городом Молотов, хотя на карте страны уже был не один десяток городов, поселков, колхозов, совхозов, носящих это имя...

В 30-е годы вокруг Сталина теоретиков не осталось. Главным "теоретиком" был, естественно, он сам. Но иногда он снисходил до того, что позволял и некоторым из своих сподвижников, прежде всего Молотову, проявить себя в теоретических изысках. В одном из писем Адоратский попросил Сталина написать для готовящейся Комакадемией "Философской энциклопедии" статью о стратегии и тактике ленинизма. Сталин наложил на письме резолюцию:

"т. Адор-ому

Страшно занят практическими делами и никак не могу исполнить Вашу просьбу. Попробуйте обратиться к Молотову: он в отпуску и, возможно, у него найдется свободное время.

С ком. пр. *И. Сталин*"[61].

Конечно, Молотов не был теоретиком, но на фоне Ворошилова, Кагановича, Андреева и некоторых других выглядел предпочтительнее. Когда не стало Бухарина, единственным "толкователем" и "генератором идей" оказался сам "вождь". Не случайно 30 — 40-е годы оказались чрезвычайно бедными на откровения и открытия в области обществоведения. Их просто не могло быть. Неудивительно, что в этих условиях и Молотов мог считать себя "теоретиком".

За внешней невозмутимостью, исключительной выдержкой, непроницаемостью, вежливой и официальной корректностью скрывалась сильная злая воля, которая не отделяла себя ни на йоту от своего патрона. Черчилль, не раз встречавшийся с Молотовым, так характеризовал его в своих мемуарах: "Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смышленые глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера держать себя были подходящим выражением его качеств и ловкости... Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире"[62]. Это говорил политический недруг,

отмечая в Молотове фанатичную приверженность своему делу. С такой же одержимостью Молотов во всем поддерживал Сталина и во внутренней политике. В тени "вождя" это был едва ли не самый влиятельный и безоговорочный исполнитель его воли. Без таких исполнителей культовый вождизм, современный цезаризм едва ли был возможен.

Мало чем уступал в рвении Молотову другой соратник Сталина — **Лазарь Моисеевич Каганович**. Он тоже из долгожителей. Во всяком случае, 95-летие он отметил в ноябре 1988 года в своей квартире на Фрунзенской набережной в Москве и, возможно, думает дожить до ста лет, что не удалось Молотову.

С.И. Семин, работавший после войны у Н.А. Вознесенского, рассказывал мне: "Помню, пришел я к Кагановичу с какими-то бумагами (он тогда возглавлял и Военно-промышленную комиссию) в новых сапогах. Каганович взял бумаги, посмотрел на меня, и взгляд его остановился на моих сапогах.

— Сыми, — скомандовал сталинский нарком.

— Зачем? — заикнулся было я, ничего не понимая.

— Сымай быстрей... — не захотел объяснять Каганович.

Взяв затем в руки мои еще не разношенные сапоги, нарком долго их вертел, лазил рукой в голенище и, бросив наконец их мне на пол, удовлетворенно резюмировал:

— Хорошие сапоги. — Затем добавил: — Ведь я был сапожником..."

Кто знает, останься он навсегда сапожником, сохранил бы свое доброе имя. Правда, едва ли кто вспоминал бы о нем тогда. Но свой выбор – уже не профессиональный, а политический — Каганович сделал еще в 1911 году, вступив в партию большевиков вслед за своим старшим братом. Оказавшись в 1918 году в Москве, Каганович, тогда сотрудник Всероссийской коллегии по организации Красной Армии, познакомился со Сталиным. В 1920 году Лазарь Каганович был командирован в Туркестан. Но когда Сталин стал генсеком, он вытребовал Кагановича из Средней Азии, поставив его во главе организационно-инструкторского отдела ЦК. Так малограмотный, но исключительно напористый и в высшей степени исполнительный функционер стал быстро продвигаться по партийной и служебной лестнице вверх.

Сталин любил Кагановича за три вещи: нечеловеческую работоспособность, абсолютное отсутствие своего мнения в политических вопросах (он так и говорил, не дожидаясь выяснения вопроса, о чем идет речь, "я полностью согласен с товари-

щем Сталиным") и безропотную исполнительность. А она выражалась в постоянной готовности выполнять любые задания "вождя". Как-то после XVIII партийной конференции Сталин перед заседанием Политбюро спросил Кагановича:

— Лазарь, ты знаешь, твой Михаил (брат, нарком авиационной промышленности, большевик с 1905 года. — *Прим. Д.В.*) якшался с "правыми"? Есть точные данные... — Сталин испытующе смотрел на наркома.

— Надо поступать с ним по закону, — дрогнувшим голосом выдавил Лазарь.

Сообщив после заседания об этом разговоре по телефону брату, Каганович ускорил развязку. Его брат в тот же день, не дожидаясь ареста, застрелился.

Сталин ценил таких людей. Ведь преданность ему нужно постоянно доказывать. И доказывать не мелочами, не одним славословием. Разве Каганович не доказал ее, например, на длинном-предлинном Пленуме ЦК в феврале — марте 1937 года? Карательная машина еще только готовилась, настраивалась, нацеливалась на "прореживание" рядов партии, интеллигенции, рабочего класса, крестьянства, военных, а Каганович уже отличился. В двухчасовом докладе "сталинский нарком" железных дорог излагал первые, "пробные" результаты:

"Мы в политаппарате дороги НКПС разоблачили 220 человек. С транспорта уволили 485 бывших жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 572 троцкиста, 1415 белых офицеров, 285 вредителей, 443 шпиона. Все они были связаны с контрреволюционным движением"[63].

Нетрудно представить, что означали слова Кагановича об "увольнении" с дороги "шпионов и вредителей". Сталин мог быть по-настоящему доволен "анализом" Кагановича, когда тот с жаром докладывал Пленуму: "Мы имеем дело с бандой оголтелых разведчиков-шпионов. В отношении железной дороги их приемы особенно ухищрены. Серебряков, Арнольдов, Лифшиц культивировали низкие нормы пропускной способности, организовывали крушения, противодействовали стахановскому движению. Особо вредили Кудреватых, Васильев, Братин, Нейштадт, Морщихин, Беккер, Кронц, Бреус — они мешали внедрению паровоза "ФД". Линия Москва — Донбасс строилась вредительски; Пятов строил Турксиб вредительски; Караганда — Петропавловск строилась Мрачковским вредительски; линия Эйхе — Сокур строилась Барским и Эйдельманом вредительски..." Каганович, хотя газеты писали о первы-

полнении планов перевозок, новаторстве, движении кривоносовцев, продолжал нагнетать:

— Шермергорн, начальник управления железнодорожного строительства, вредил. Тов. Сталин не раз нам говорил: "Плохой он человек, враждебный человек". Тов. Сталин прямым образом предупреждал о нем и предложил присмотреться, проверить его...

— Подозрительный человек, — бросил реплику Микоян.

— Мерзавец Серебряков, — продолжал Каганович, — очень метко назвал оборонные узлы и определил свои вредительские цели...[64]

Все в докладе Кагановича было в том же духе: множество фамилий, брань, целые стаи вредителей, которые только тем и занимаются, что взрывают, создают пробки, плохо проектируют, срывают перевозки. Разве мог Сталин не оценить такого "юмора" Кагановича в докладе на Пленуме:

"Емшанов, мерзавец, с 1934 года начальник Московско-Донецкой железной дороги. После снятия он уже другой работы не получил и пошел на жительство прямо к т. Ежову, в НКВД. Арнольдову объявлял, объявлял выговоры... все говорили — не сохранили человека. Вот его теперь и сохраняет — охраняет т. Ежов..."[65]

Глубоко невежественный Каганович, как и все соратники Сталина, пытался создать себе некое теоретическое реноме. Одно из постановлений ЦК обязывало руководителей учреждений, предприятий и ведомств лично вести марксистско-ленинские занятия с кадрами. Бывший ответственный работник НКПС, ставший в годы войны наркомом путей сообщения, И.В. Ковалев рассказывал мне: "Каганович собрал группу руководителей и открыл семинар. Вскоре он предоставил слово мне. В своем выступлении я остановился на том, что в силу своего положения, действуя стихийно, пролетариат способен выработать лишь тред-юнионистское сознание... Каганович ошалело смотрел на меня, смотрел и вдруг заявляет:

— Чего городишь, что еще за "юнионистское" сознание! Пролетариат может все выработать! Пролетарское сознание!

Все переглянулись. Сколько я ни пытался, опираясь на Ленина, растолковать Кагановичу необходимость внесения в сознание пролетариата научной теории, до него это не доходило. Подозрительно смотря на меня, Каганович скоро свернул семинар и больше за проведение таких непосильных для себя вещей не брался..."

Свой "авторитет" Каганович зарабатывал наездами (по по-

ручению "вождя") для "наведения порядка" в те или иные области. Его поездки в Челябинскую, Ивановскую, Ярославскую и другие областные партийные организации сопровождались настоящими погромами: многих местных работников снимали, на них заводили "дела", кончавшиеся часто трагически. Сталин был доволен "железным Лазарем", как он не раз его называл. Такие соратники ему и были нужны: беспрекословные, фанатично преданные, с полуслова понимающие его намерения.

Когда же Каганович решал судьбы людей на местах, он ни с кем не советовался, а просто выполнял инструкцию Сталина: "Посмотри там внимательнее на месте и решай... Не миндальничай..." Документы бесстрастно свидетельствуют, что нередко до окончания следствия Каганович лично составлял и редактировал проекты приговоров, вносил в готовящиеся материалы произвольные изменения вроде того, что против него, наркома, готовились якобы "террористические акты". Чем все это в конце концов заканчивалось, теперь уже ясно.

Итак, пройдя причудливый путь из Москвы в Туркестан и обратно, он вскоре стал заведующим отделом ЦК, через который шли основные назначения на крупные посты. Уже в 1926 году Каганович становится кандидатом в члены Политбюро. Ему исполнилось тогда 33 года. Усердие, жестокость, исключительную исполнительность Кагановича быстро заметил Сталин. В связи со сложной обстановкой на Украине по рекомендации генсека Каганович возглавил партийную организацию республики. Уже тогда у него сложились непростые отношения с Председателем СНК Украины Чубарем, что в конце концов самым роковым образом скажется на судьбе последнего. Конфликты Кагановича с остальными руководящими работниками ЦК КП(б)У не прекращались. В 1928 году он вернулся в Москву и стал первым секретарем Московского городского и областного комитетов партии. На XVI съезде партии его избрали членом Политбюро.

В первой половине 30-х годов влияние Кагановича было особенно сильным. Нарком путей сообщения неоднократно выезжал в районы, где коллективизация шла трудно, и сразу же после его "налетов" дело ускорялось. Сталина мало интересовали методы, которыми пользовался "железный Лазарь". Жестокий по натуре, предельно грубый Каганович был типичным, более того, классическим представителем административно-бюрократического аппарата, с особой социальной бесцеремонностью бравшимся за любое дело. В результате его поездки на

Северный Кавказ увеличился поток "раскулаченных", вывозимых на Север. В Московской области он без колебаний снимал любого, кто не следовал его директивам. В соответствии с его невежественными заключениями были запрещены некоторые пьесы на московских сценах. Будучи председателем Центральной комиссии по проведению партийной чистки, он вел ее беспощадно. Именно его имя фигурирует в центре загадочного инцидента по выборам в ЦК на XVII съезде партии. Он был одним из главных инициаторов уничтожения, под видом реконструкции Москвы, многих ее исторических памятников, в том числе знаменитого храма Христа Спасителя. Словом, Каганович успевал повсюду. Сталин по достоинству оценил безграничное усердие соратника, наградив его в числе первых только что учрежденным орденом Ленина.

Каганович вместе со Сталиным и другими людьми из его окружения несет перед нашей историей немалую ответственность, прежде всего за последовательное, широкое внедрение и применение бюрократических, административных и, самое главное, насильственных методов в практику социалистического строительства.

Долголетие дает возможность продлить тризну памяти. Кагановичу есть о чем вспомнить: силовое руководство на Украине; "победы" над Постышевым и Чубарем; особую благосклонность Сталина, которого он даже не раз замещал в 30-е годы, когда "вождь" уезжал на юг; дружбу с Хрущевым; вклад в "реконструкцию" Москвы, сопровождавшуюся сносом Сухаревой башни, разрушением Страстного монастыря, снесением Иверских ворот и многих других "старорежимных" строений... Если прозревает совесть, можно пережить свои деяния вновь, страдая. Если же она застыла несколько десятков лет назад, память может лишь восстановить в сознании мелькание немых черно-белых кадров былого. У людей с такой судьбой долголетие подобно наказанию. Ничего изменить нельзя. Все вечно в своей необратимости. Кроме тех оценок, которые люди давали, дают и будут давать прошлому.

В число ближайших соратников "вождя" в 30-е годы входил и **Климент Ефремович Ворошилов.** Еще при жизни его имя стало легендарным. Уже в те, далекие теперь, годы пионеры, комсомолия с энтузиазмом распевали:

Когда нас в бой
Пошлет товарищ Сталин
И первый маршал
В бой нас поведет...

Ворошилов к революционному движению приобщился рано. Еще в 1906 году, будучи делегатом IV съезда РСДРП, познакомился с Лениным, Сталиным, другими известными революционерами. Пройдя ссылки и аресты, Ворошилов встретил февральскую революцию в Петрограде. В годы гражданской войны Ворошилов воевал на разных фронтах, он был, как принято считать, заметен в битве за Царицын, где окрепла его дружба со Сталиным. Последующая слава Ворошилова как "героя гражданской войны" в значительной степени объясняется высоким покровительством. Слов нет, сражался будущий нарком обороны храбро, но без выдумки, отдавая дань партизанщине. Выступая на VIII съезде партии, Ленин, в частности, сказал:

— ...Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: "У нас не было никаких военных специалистов, и у нас 60 000 потерь". Это ужасно... Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, мы обходились без военных специалистов, разве это есть защита партийной линии... Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить[66].

Свой боевой путь Ворошилов прошел с Первой Конной армией, где он был членом Военного совета, воевал на Северном Кавказе, в Крыму; сражался против отрядов Махно; участвовал в разгроме Кронштадтского мятежа. За героизм и мужество в гражданской войне Ворошилов был удостоен двух орденов Красного Знамени. После X съезда партии Ворошилов — непременный член ЦК партии, а с XIV съезда и член Политбюро. Став после смерти Фрунзе наркомом по военным и морским делам, Ворошилов внес определенный вклад в строительство Красной Армии. Успех в этом деле, в частности, объяснялся и тем, что в наркомате, военных академиях, в ряде округов в то время служили многие творчески мыслящие военачальники, военные теоретики как из числа тех, кого выдвинула революция, так и офицеров старой армии. Среди них Б.М. Шапошников, автор работы "Мозг Армии", М.Н. Тухачевский, написавший "Вопросы современной стратегии", К.Б. Калиновский, К.И. Величко, А.И. Верховский, А.М. Зайончковский, В.Ф. Новицкий, А.А. Свечин, Р.П. Эйдеман, И.Э. Якир и многие другие.

Еще в конце 20-х годов появились биографии, книги, многочисленные статьи о Ворошилове, например, такие: "Вождь армии мировой революции", "Мы слушаем твой приказ, тов. Во-

рошилов", "Большевистский полководец", "Главнокомандующий от станка" и т.д. Был учрежден знак "Ворошиловский стрелок"; в честь Ворошилова был назван тяжелый танк "КВ" (правда, был и более современный и мощный танк "ИС" — "Иосиф Сталин").

Слава Ворошилова была поистине всенародной. Как относился к этому Сталин? Спокойно. Он на нее мало обращал внимания, ибо в 30-е годы о наркоме уже говорили только как о человеке, "выполняющем волю вождя", о "красном маршале под руководством товарища Сталина", о "сталинском наркоме" и т.д. Сталин более чем кто-либо знал Ворошилова, знал и цену ему. Все считали, что они были друзьями. Но в настоящей дружбе нет и не может быть должников. А Ворошилов всегда считал себя "должным" Сталину: за славу, почет, посты, награды, положение.

В 30-е годы это уже был абсолютно бездумный исполнитель, который не имел своего мнения. У него не было нечеловеческой работоспособности Кагановича, ума и хитрости Молотова, осторожности и осмотрительности Микояна, он уступал во многом и другим членам Политбюро. Но Сталин считал, что Ворошилов нужен ему из-за того ореола легендарности, который сформировался вокруг "вождя Красной Армии". Сталин был уверен, что в решающую минуту нарком, не задумываясь, поддержит его. И не ошибся. Когда пришел час выношенного Сталиным кровавого чистилища, Ворошилов, не колеблясь, стал вместе с "вождем" разжигать костер репрессий, в котором сгорели три Маршала Советского Союза, сотни и тысячи командиров Красной Армии. В своей речи на февральско-мартовском Пленуме ЦК в 1937 году, перечислив поименно многих "врагов народа", проникших в РККА, Ворошилов решил проиллюстрировать сказанное примером, что, мол, не только "наверху" есть троцкисты-вредители. Нарком зачитал письмо арестованного майора Кузьмичева:

"Наркому обороны т. К.Е. Ворошилову.

Меня обвиняют, что я являюсь членом контрреволюционной террористической группы, которая готовила покушение на Вашу жизнь. Да, я в 26—28 годах входил в троцкистскую организацию. Начиная с 29 года я стремился загладить свою вину. В Вашем лице всегда видел не только вождя Красной Армии, но и чрезвычайно отзывчивого человека. Я награжден двумя

орденами Красного Знамени. Как же меня зачислили в банду фашистских убийц?

По-видимому меня расстреляют. Может быть, через несколько лет все же троцкисты скажут, зачем они оболгали честного человека, и вот когда раскроется действительная правда, я вас прошу восстановить моей семье честное имя. Простите за марание, больше не дают бумаги.

21.VIII.36. *Кузьмичев*".

Ворошилов, зачитав письмо, обвел глазами зал и эффектно закончил:

— А через 10 дней он признался: хотели теракт совершить в районе Белой Церкви во время маневров...[67]

Ворошилов знал, как добываются эти признания. Докладывая Пленуму, сказал, адресуясь, конечно, Сталину, что он часто "говорит с Ежовым в отношении лиц, подлежащих изгнанию из рядов армии". Иной раз "отстаиваю отдельные лица. Правда, сейчас можно попасть в неприятную историю: отстаиваешь, а он оказывается доподлинным врагом, фашистом..." Видимо, эта же позиция руководила Ворошиловым, когда он выразил свое отношение к письму Якира, с которым тот обратился накануне расстрела:

"К.Е. Ворошилову. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной. С такой же просьбой я обратился к Н.И. Ежову.

9 июня 1937 г. *Якир*".

Ворошилов, прочитав записку, размашисто написал:

"Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще.

10 июня 1937 г. *К. Ворошилов*"[68].

Передо мной несколько томов документов, подписанных Ворошиловым или с его резолюциями. Том с письмами тех командиров, которые еще до суда, до расстрела успели обратиться к наркому с просьбой, мольбой, криком о помощи. Письма Горячева, Кривошеева, Сидорова, Хаханьяна, Букштыновича, Прокофьева, Красовского. Вот письмо Ефремова, бывшего командующего войсками Забайкальского военного округа (аналогичные письма он направил Сталину и Микояну).

"Товарищи, располагая всеми данными, опровергающими возведенную на меня фашистами Дыбенко и Левандовским клевету, однако я на Политбюро 18.IV.38 г. так, к стыду моему и огорчению, был рассеян, что забыл привести доказа-

тельства моей невиновности и преданности партии Ленина — Сталина... Комвойск Дыбенко на себя говорит что-то невероятное. Он после учения безусловно помешался, иначе я не мог понять — ведь это был бы 1934 год! По показанию Дыбенко он меня "завербовал"... и дает задание завербовать командный состав...

Все мои братья — коммунисты, четверо командиры РККА. Сын 17 лет комсомолец. Мать и сестры с двенадцатью детьми в колхозе "Путь социализма" в Орловской области. Дядя повешен в 1905 г. за восстание на флоте, отец убит кулаками. Сам я московский рабочий. Участвовал в войне в Китае. Имею ранения. Награжден: орденом Ленина, тремя орденами "Красное Знамя", орденом Трудового Красного Знамени... Прошу Вас скорее прекратить мои переживания и муки.

Всегда Ваш *Ефремов Михаил*"[69].

Это письмо, как и тысячи других, осталось без ответа. Правда, Букштыновичу, Красовскому и Ефремову тогда повезло. Они уцелели. Но не благодаря Ворошилову. Машину репрессий ни он, никто другой не хотел тормозить и сдерживать. Более того, отвечая на запросы с мест, Ворошилов лаконично и безжалостно санкционировал аресты, наказания, расстрелы. Вот текст нескольких телеграмм из множества подобных (в 1937 и 1938 гг.).

"Хабаровск. Блюхеру. На номер 88. Судить.

К. Ворошилов"

"Свердловск. Горбачеву. На номер 39. Разрешаю арест.

К. Ворошилов"

"Полярное. Командующему Северной Полярной флотилии. На номер 212. Судить и наказать как подобает.

Ворошилов"

"Свердловск. Гайлиту. Найти, арестовать и строжайше судить.

Ворошилов"

"Ленинград. Дыбенко. Магеру. На номер 16758. Разрешаю арестовать и судить.

Ворошилов"

"Тбилиси. Куйбышеву. Апсе. На номер 344. Судить и расстрелять.

Ворошилов"[70].

Как пишет Гай Светоний в своей книге "О грамматиках и риторах", Гай Альбуций из Новарии прославился тем, что самозабвенно защищал несправедливо обвиненных в убийстве. Один раз, защищая обвиняемого, он в присутствии Пизона "разгорячился до того, что стал оплакивать участь Италии..." Ворошилову до Альбуция было далеко: он не только не защи-

щал невиновных, но и фактически был активным участником массовых репрессий.

В апреле — мае 1937 года он направил Сталину одну за другой ряд записок такого содержания:

"Политбюро ЦК ВКП(б)

тов. Сталину.

Прошу исключить из состава Военного Совета при Народном Комиссаре обороны СССР:

Тухачевского М.Н.

Эйдемана Р.П.

Лонгва Р.В.

Ефимова Н.А.

Аппога Э.Ф.

как исключенных из рядов РККА.

25 мая 1937 г.

К. Ворошилов"[71].

Расписавшись, Ворошилов слово "исключенных" зачеркнул и заменил словом "уволенных". Хотя он-то хорошо знал, куда всех их собираются "уволить". В последующие дни он направил Сталину такие же записки, но с другими именами — Горбачева, Казанского, Корка, Кутякова, Фельдмана, Лапина, Якира, Уборевича, Германовича, Сангурского, Ошлея, других... Наркома, видимо, не волновало, что практически весь Военный Совет при Народном Комиссаре обороны СССР оказался "шпионским", "фашистским", "троцкистско-бухаринским"... Главное — не перечить, соглашаться, "поддерживать линию товарища Сталина". Таким был еще один из "гройки" ближайшего окружения Сталина. Правда, его, в отличие от других, тень "вождя" укрывала не полностью. Его жизнь больше, чем других, была на виду у народа. Однако на самостоятельности суждений и поступков это никак не сказалось.

Соратники оказались под стать "вождю". Конечно, они, и особенно Берия, несут ответственность за все извращения и преступления, которые совершил Сталин. Но эту ответственность должны разделить и те, кто просто поддакивал, соглашался, голосовал, восхищался "мудрыми решениями" Сталина. Степень вины их различна. История рассудит, кто больше, а кто меньше виновен. А.А. Андреев, А.А. Жданов, М.И. Калинин, А.И. Микоян, Г.А. Маленков, Н.С. Хрущев, некоторые другие деятели из высшего партийного и государственного руководства фактически не пытались ограничить единовластие диктатора.

Я коснулся не всего, а лишь ближайшего окружения Сталина. О некоторых других лицах, исполнявших волю "вождя", читатель узнает из других глав. А теперь — еще об одном человеке, призрак которого часто посещал Сталина.

Призрак Троцкого

Конечно, этим призраком был Троцкий. Сталин его ненавидел больше, чем тогда, когда он был рядом. Проклинал ту минуту, когда согласился с предложением о его высылке из страны. Он не хотел даже себе признаваться в том, что боялся Троцкого тогда. Но Сталин опасался этого призрака и теперь. И от чувства, что он никак не может решить "проблему" Лейбы Давидовича, как он раньше мысленно обращался к Троцкому, злоба закипала в нем еще больше. Однажды Сталин не удержался и почти публично сказал об этом.

В беседе с Эмилем Людвигом, о которой я уже упоминал ранее, Сталин, говоря об авторитетах, вдруг заявил:

— Троцкий тоже пользовался большим авторитетом... И что же? Как только он отошел от рабочих, его забыли.

— Совсем забыли? — переспросил Людвиг.

— Вспоминают иногда, — со злобой.

— Все со злобой?

— Что касается наших рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью[72].

Сталин был неискренен: возможно, и многие рабочие вспоминали Троцкого недобрым словом, но прежде всего вспоминал его он сам. Вспоминал "со злобой, с раздражением, с ненавистью". Так он вспоминал "одного из выдающихся вождей" в силу ряда обстоятельств. Когда Сталин слушал Молотова, Кагановича, Хрущева, Жданова, ему нередко приходила мысль: насколько умнее, выше этих функционеров был Троцкий! На целый порядок! Он мысленно перебирал других своих соратников и в растерянности убеждался — ни по уровню мышления, ни по организаторской хватке, ни по ораторскому таланту, ни по мастерству публициста они не могли сравниться с Троцким. Но он был умнее и талантливее и его, Сталина. И хотя Сталин отгонял от себя эту мысль, в душе порой не мог не согласиться с этим. "Как я мог выпустить такого врага", — едва не стонал

Сталин. Однажды он признался в ближайшем кругу, что это была одна из самых крупных ошибок в его жизни.

Другая причина, постоянно подогревавшая его ненависть к Троцкому, заключалась в том (в этом он не мог признаться даже самому себе), что он часто следовал в своей практике рецептам изгнанного врага. Генсек помнил, что, когда шла борьба вокруг нэпа, Троцкий однажды заявил на Политбюро: "Рабочий класс может приблизиться к социализму лишь через великие жертвы, напрягая все свои силы, отдавая свою кровь и нервы". Эту же мысль он провел затем в октябре 1922 года на комсомольском съезде. Поверженный соперник не уставал тогда повторять, что без "рабочих армий", "милитаризации труда", "полного самоограничения" революция рискует никогда не вырваться из "царства необходимости в царство свободы". Почти весь XV том сочинений Троцкого посвящен "милитаризации труда". Выступая 12 января 1920 года на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, Троцкий призывал на особо важные объекты посылать "ударные батальоны, чтобы они повысили производительность личным примером и репрессиями". Необходимы "принудительные меры, необходимо установить военное положение в ... ударных областях. Нужно применить там трудовую повинность с военными методами..."[73]. В этих выкладках — классическая азбука казарменного коммунизма, одним из певцов которого в начале 20-х годов был Троцкий. Полностью от этих идей он не отойдет никогда.

Сталину всегда импонировала идея так поставить дело, чтобы люди были готовы добровольно "отдавать свою кровь и нервы". Троцкий в изгнании (с Принцевых островов, из Франции и Норвегии) не раз писал об "эпигонстве" Сталина, подразумевая, видимо, не только его компиляторские склонности, но и заимствования в социальной методологии.

Но главное, почему Сталина постоянно страшил призрак Троцкого, заключалось в другом: тот создал свою политическую организацию — IV Интернационал и при первой возможности ставил на одну доску его и Гитлера. Это было невыносимо. Вечный призрак мстил за поражение так больно, как не мог бы придумать и сам Сталин. Нередко ему казалось, что их борьба, которая как будто закончилась в ночь на 10 февраля 1929 года, когда пароход "Ильич" незаметно покинул одесскую гавань с Троцким на борту, в действительности еще только начинается.

Два "выдающихся вождя", разделенные многими границами, каждый по-своему вели неравную борьбу. Один, "вознес-

шийся вождь", достигший редкого единовластия, перед которым могут померкнуть многие абсолютистские режимы, стремился сформировать у партии и народа устойчивую ненависть к Троцкому как предателю и пособнику фашистов.

Другой, "вождь поверженный", не жалел своего красноречия, чтобы доказать, что Сталин и Гитлер "стоят друг друга". Находясь в изгнании, поддерживаемый группками единомышленников в ряде стран, Троцкий умел влиять на общественное мнение. Его выступления, устные и печатные, по-прежнему были эффектны. Как и раньше, главной мишенью для него был Сталин, которого Троцкий величал "могильщиком революции". Троцкий много знал. В годы революции и гражданской войны будущий изгнанник был ближе к Ленину, чем Сталин. Ленин не раз брал Троцкого под защиту, ценил его организаторский и пропагандистский талант. Сталин помнил, что в то время, когда их отношения были еще терпимыми, он в основном с одобрением относился к некоторым левацким идеям, разделяемым Троцким, — двинуться на Варшаву, чтобы ускорить революционный пожар в Европе, и организовать поход в Азию. Троцкий как-то уверял, что Азия более революционна, чем Европа. Что, мол, если создать на Южном Урале революционную базу, то поход в Азию с целью ускорить революцию — реален. Революции в Китае и Индии победят тогда обязательно. Сталин не возражал. У Троцкого было немало левацких вывихов, заскоков: он пытался торопить время, мыслил уже не масштабами России, а грезил мировой революцией. В известном смысле он был "романтиком" мировой революции; многие свои долгосрочные планы в 20-е годы он связывал именно с ней. Но Сталин понимал, что публично говорить об этих "грехах" Троцкого — это бросать тень на самого себя; ведь сегодня он "наследник" революционных дел Октября.

Особенно больно ранили и тревожили Сталина слова Троцкого о том, что он говорит не только от своего имени, но и от имени его молчащих сторонников, от лица всех притихших оппозиционеров, находящихся в СССР. Читая переведенные книги Троцкого "Сталинская школа фальсификаций", "Открытое письмо к членам большевистской партии", "Сталинский термидор", "вождь" почти терял самообладание. Какой он слепец! Выходит, его оценка, данная Троцкому в ноябре 1924 года, неверна? А тогда, выступая перед коммунистической фракцией ВЦСПС, он охарактеризовал Троцкого как человека, который хорошо действует при подъеме революционного дела и теря-

ется, "дрейфит" при его поражении[74]. Ведь Троцкий потерпел, кажется, полное поражение! Но он не сдался, он борется! Сталина вновь и вновь терзали мысли о промахе: зачем он выпроводил Троцкого за кордон? А теперь приходится расплачиваться за этот легкомысленный поступок. Подручные Троцкого готовят против него заговор, организуют диверсии, ведут шпионаж, сколачивают подполье, а мы уже несколько лет бездействуем!

В своем докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года "О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников" Сталин по своему обыкновению выделил "главное звено". Этим звеном стал раздел "Современный троцкизм". Как всегда, Сталин ставил перед слушателями, как школярами, вопрос: что такое троцкизм? И отвечал: "Современный троцкизм это оголтелая банда вредителей. Еще 7 — 8 лет назад это было ошибочное антиленинское политическое течение. Теперь же это банда фашистских вредителей". И дальше: "Каменев и Зиновьев отрицали наличие у них политической платформы. Они лгали. А Пятаков, Радек и Сокольников на процессе 1937 года не отрицали наличия такой платформы. Реставрация капитализма, территориальное расчленение Советского Союза (Украину — немцам, Приморье — японцам); в случае нападения врагов — вредительство, террор. Это все платформа троцкизма..."[75] Так Сталин повязывал всех своих поверженных и потенциальных врагов троцкистской веревочкой.

По истечении десятилетий наш взгляд на Троцкого, несомненно, должен быть уточнен. Я уже имел возможность сказать о его интеллектуальных и нравственных качествах — весьма противоречивых и сложных. У Троцкого была одна неизлечимая слабость: демон Сталина верил, был убежден в том, что он гениален, и почти не скрывал этого. Отсюда и его амбициозность.

Не уверен, но, быть может, правы те, кто считал и считает, что, одолей Троцкий Сталина, наш народ столкнулся бы с диктатурой не менее ярко выраженного цезаристского типа. Вместе с тем, учитывая высокий уровень культуры и интеллекта Троцкого, можно утверждать, что едва ли он был способен на те преступления, которые совершил Сталин

При всем этом истина должна быть превыше всего: в годы революции и гражданской войны Троцкий был вторым по значению лидером партии после Ленина. Мы помним оценки Лениным этого "выдающегося вождя". Никто не знает, каким бы

был далее Троцкий, будь жив Ленин. Конечно, я слишком много сейчас высказываю предположений, памятуя, что исследователь имеет право на гипотезу. Но одно могу сказать однозначно: в годы его активной деятельности в партии (1917 — 1924 гг.), да, наверно, и позже, Троцкий не был врагом революции и социализма. Он был последовательным врагом Сталина. Я совсем не хочу закрывать глаза на те антисоветские пассажи, к которым порой прибегал Троцкий в конце своей трагической жизни. В этот тупик, идейный и политический, его завела логика борьбы со Сталиным.

Возможно, антисоветские выпады Троцкого после его депортации принесли определенный вред нашему общему делу. Но нельзя не отдать должное Троцкому: он не сломался, как многие, перед диктатурой Сталина. Он один из первых почувствовал, что Сталин готовит термидор и, к сожалению, во многом оказался прав.

Есть еще одно объективное обстоятельство, которое позволяет мне говорить, что, по крайней мере, в Октябре и первой половине 20-х годов Троцкий шел с революцией. До конца своих дней он с уважением относился к Ленину. Вот что писал Луначарский: "Троцкий колюч и властен. Только в отношениях с Лениным после их объединения он проявлял трогательное и нежное почтительное отношение, со скромностью, характерной для действительно великого человека, Троцкий признавал превосходство Ленина"[76]. Но... Я уже не раз говорил: Троцкий, пожалуй, любил себя в революции больше, чем саму революцию. Истоки его трагедии не столько в борьбе со сталинизмом, сколько в борьбе со Сталиным, в борьбе за власть. Вечная горечь несостоявшегося взлета на самую вершину пирамиды власти выдвинула у Троцкого на первый план личные интересы. Возможно, мои размышления вызовут "праведный" гнев некоторых людей. Думаю, нас рассудит время.

Какой была в 30-е годы реальная опасность со стороны Троцкого? Существовало ли какое-то влияние Троцкого на политические и общественные процессы в СССР. Эти вопросы важно выяснить, ибо "троцкистская опасность" послужит поводом для страшной трагедии партии и народа.

Пока Сталин укреплял свое единовластие, Троцкий скитался по миру. Принцевы острова в Мраморном море, Франция, Норвегия и наконец Мексика — такой путь прошел депортированный лидер оппозиционеров. Вначале Троцкий надеялся на скорое возвращение в Союз, верил, что Сталин продержится недолго. Ему казалось, что интеллектуальные недостатки, бес-

культурье, грубость и хитрость Сталина столь очевидны, что они сами по себе должны генерировать очередную оппозицию, рождать все новых и новых противников генсека. Вновь в который раз Троцкий ошибся. "Отверженный гений" верил, что при его высокой популярности и известности вокруг него будут концентрироваться все враждебно настроенные к Сталину силы. Бродя среди коричневых валунов Бийюк Ада, крошечного островка, затерявшегося в Мраморном море, Троцкий размышлял о причудливости человеческой судьбы. Когда-то этот остров был местом заточения знатных византийских особ. Теперь здесь оказался, думал изгнанник, один из "архитекторов русской революции". Эти слова из дневника Троцкого, написанные на заброшенной вилле острова, еще одно свидетельство исключительно высокого самомнения главного оппонента Сталина.

Буржуазная пресса к высылке Троцкого вначале отнеслась настороженно. Одно время по страницам газет гуляла версия, что-де Сталин умышленно выслал одного из бывших вождей русской революции, чтобы способствовать подъему рабочего движения в капиталистических странах. В Германии, Англии буржуазные газеты даже описывали детали этого "дьявольского" плана Сталина, не отказавшегося от надежд на разжигание мировой революции. О Троцком писали, как о "революционной взрывчатке", и потому буржуазные правительства воздерживались от предоставления политического убежища изгнаннику. Но постепенно в политическом мире Запада почувствовали, что, хотя Троцкий по инерции продолжал громко ругать фашизм, буржуазное филистерство, империалистическую политику грабежа, вектор его злобы был направлен прежде всего на Сталина, его режим, вольно или невольно на свою бывшую Родину. Но тем не менее никаким "шпионом", "террористом", "фашистским агентом" Троцкий никогда не был. Это все выдумки Сталина, которому нужен был жупел, чтобы оправдать собственные преступления.

С помощью своих последователей, которые стали совершать из разных стран паломничество на Принцевы острова, опальный вождь установил довольно широкие контакты с многими мелкими группами, оппозиционно настроенными к Коминтерну, к сталинскому режиму, лично к Сталину. С их помощью Троцкий вскоре наладил выпуск на нескольких языках небольшого журнала "Бюллетень оппозиции". Иногда, особенно до 1935 года, Троцкому удавалось засылать небольшое количество экземпляров "Бюллетеня..." в Советский Союз. Стало

ясно, что Троцкий пытается установить связи со своими бывшими соратниками и единомышленниками в Советском Союзе. Об этом сообщает и автор биографии Троцкого И. Дейчер. В третьем томе он пишет, например, что через немецкого корреспондента в Москве Соболевичикуса Троцкий получал важную информацию из России, справочные материалы, статистические данные для своих книг и статей. Через руки Соболевичикуса и его брата шла значительная часть переписки Троцкого со своими сторонниками в Советском Союзе, передавались шифры, письма, написанные специальными чернилами, адреса почтовых ящиков и т.д. И хотя эти связи Троцкого были довольно слабыми, все же до 1935 года он имел возможность получать некоторую информацию из СССР и направлять туда свои письма по нелегальным каналам.

Троцкий вывез около тридцати ящиков со своими архивами и книгами. Сталин позже приписал это близорукости "органов", которым была поручена депортация. Долгие четыре года, что пробыл Троцкий на Принцевых островах, были временем ожидания, выбора и определения дальнейших путей борьбы. У Троцкого постепенно гасла уверенность, что его позовут в Москву; он все больше приходил к выводу, что единственный способ остаться "на плаву" — это продолжать борьбу со Сталиным. Ну а пути, методы этой борьбы были ему пока не ясны. Он еще не понимал до конца, что его третья эмиграция станет последней и он уже больше никогда не ступит на землю Родины.

Сидя вечером в своей комнатке, оборудованной под кабинет, с окнами в сторону моря, Троцкий под шум прибоя перебирал, перелистывал тома своих сочинений. Вообще из всех его книг (он это сам понимал) лучшей была "История русской революции", написанная уже после разрыва со Сталиным. Но главная слабость книги — обнаженный, неприкрытый эгоцентризм Троцкого. Листая страницы, он сам поражался своей скорописи. Вот VIII том сочинений "Политические силуэты". О ком он только ни написал (добавлю, писал интересно!): об Адлере, Каутском, Бебеле, Жоресе, Вальяне, Плеханове, Мартове, Раковском, Коларове, Либкнехте, Люксембург, Витте, Азефе, Николае II, Сухомлинове, Милюкове, Пирогове, Герцене, Струве, Свердлове, Литкенсе, Ногине, Мясникове, Склянском, Фрунзе и многих, многих других... О Ленине специального очерка нет, но он часто упоминает его, рассказывая о других[77]. Или вот целый том, посвященный в основном Брестскому миру. Глаза пробежали строки: "Партийный съезд, высшее учреж-

дение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я в числе других проводил... и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия"[78]. Как давно это было — на VII съезде партии!

Троцкий мысленно опять перенесся в те далекие уже годы. Шелестели страницы... Сталину на них места не было. Пожалуй, косвенно о нем был том, посвященный культуре. Наугад открыл страницу: "Бюрократизм и молчалинство". С любопытством читал написанные несколько лет назад строки: "...Все, что направлено против интересов революционной диктатуры, должно быть беспощадно отметено. Но это не значит, что у нас не должно быть своей демократии, пролетарской, полнокровной, бьющей ключом. Мы ее должны создать. Социалистическое строительство возможно только в условиях роста подлинной, революционной демократии трудящихся масс... Где есть бюрократизм, там он неизбежно рождает из себя молчалинство... Главный молчалинский принцип: угождать. Кому? Хозяину..."[79] Троцкий вздохнул и при всей любви к самому себе подумал: все это теперь не актуально... У Сталина иные заботы, иные мотивы, иные приоритеты. Ему же остается только борьба, борьба, борьба со Сталиным. Едва ли с системой, прежде всего с личностью... Море шумно вздохнуло, может быть, согласившись.

Дейчер, получивший после смерти Троцкого доступ к его закрытым личным архивам, пишет, что еще до своего окончательного поражения и высылки Троцкий вместе с Зиновьевым и даже Шляпниковым сделал попытку организовать незначительные группировки своих сторонников в зарубежных коммунистических и рабочих партиях. Во Франции во главе их были Альфред Росмер, Борис Суварин, Пьер Монотт; в Германии — Аркадий Маслов и Рут Фишер (бывшие сподвижники Зиновьева); симпатизировал Троцкому Андрес Нин в Испании, возглавлявший небольшую группу; в Бельгии — Ван Оверштаттен и Лесойл, изгнанные из компартии, также поддерживали Троцкого. Крохотные группки троцкистов возникли в Шанхае, Риме, Стокгольме, ряде других городов и столиц. Троцкий надеялся из этих осколков создать новое движение антисталинского толка.

Но у Троцкого не было ни серьезной социальной базы, ни серьезной программы. Ведь не мог же антисталинизм стать привлекательной платформой для широкой международной организации. И он вновь стал пережевывать мотивы и варианты "перманентной революции", доказывая, что "доктрина со-

циализма в одной стране есть национал-социалистическое извращение марксизма". Постоянным элементом его "программы" оставался ярый антисталинизм. Но за его проявлениями была видна прежде всего личная ненависть к Сталину, личная обида за несбывшиеся амбициозные надежды, личная боль утраты близких в России. Троцкий надеялся, что его откровенный антисталинизм найдет широкий отклик в компартиях. Но этого не произошло.

В глазах коммунистов многих стран достижения СССР в развитии экономики, в области культуры и образования были связаны с именем Сталина. На Западе еще не знали о его характере, еще не начались громкие политические процессы в Москве, еще не подобрана была та краска, которой можно было бы нарисовать подлинный портрет Сталина. Попытка Троцкого вызвать извне политическое давление на Советский Союз, на Сталина, его политику была заведомо обречена на провал. Еще меньше шансов было у Троцкого "поднять" его бывших сторонников в СССР непосредственно против Сталина. Но своими статьями, бюллетенями, речами, интервью Троцкий, хотел он того или нет, провоцировал, создавал впечатление, что оппозиция растет, что число его единомышленников увеличивается, что "идет консолидация антисталинских сил". К сожалению, это не соответствовало действительности. Но крайне подозрительный и мнительный Сталин очень многое из этих трескучих заявлений брал на веру. Некоторые из них, возможно, сыграли трагическую роль, провоцируя Сталина.

Сталин исходил злобой, но ничего не мог поделать: ряд работ Троцкого уже своим названием направлен против него — "Сталинская школа фальсификаций", "Преступления Сталина", "К политической биографии Сталина". Последняя работа, которую Троцкому помешала закончить смерть, называлась красноречиво "Сталин"... Сочинения Троцкого издавались в десятках стран. Образ Сталина у мирового общественного мнения формировался — это правда — не книгами Фейхтвангера и Барбюса, а прежде всего работами Троцкого. Со страниц его книг вставал мрачный азиатский деспот: коварный, жестокий, фанатичный, недалекий и мстительный. Изгнанник не жалел черной краски. Сталина одна мысль о Троцком настраивала на жестокую непримиримость. В любом троцкисте он видел частицу Троцкого и требовал, чтобы "к ним не было пощады".

Находясь в 1936 году в Норвегии, Троцкий написал книгу "Преданная революция". В ней человек, которому ни одна страна не хотела давать визы, фактически обратился к комму-

нистам — своим бывшим соотечественникам с призывом совершить государственный переворот. Правда, этот переворот он назвал "политической революцией", которую-де должны, обязаны совершить его сторонники, участники бывших разгромленных оппозиций, бывшие меньшевики, эсеры, выходцы из других партий. Слепая ненависть к Сталину, безысходность и бесперспективность собственного положения лишили Троцкого возможности трезво оценивать политическую ситуацию в СССР. Впрочем, я уже отмечал, что Троцкий никогда не был сильным политиком.

"Преданная революция" была написана не только о том, что было, как было, по мнению Троцкого, но и содержала его долгосрочные прогнозы общественного развития в СССР. Троцкий оказался не очень проницательным футурологом, ибо его уверенность в "политической революции" против Сталина основывалась лишь на его страстном желании поражения "вождя". В его прогнозе, в частности, высказывалась и такая мысль, что если Германия развяжет войну против СССР, то Сталину едва ли удастся избежать поражения. Трудно однозначно утверждать, действительно ли желал этого Троцкий или личная ненависть и здесь исказила его видение мира.

Сталин ночью залпом прочел перевод "Преданной революции". Листая страницы, Сталин кипел желчью. У него давно зрели два пункта вынашиваемого решения. Именно вынашиваемого. Сталин редко прибегал к мерам, которые он как следует не обдумал. Теперь, считал он, решение созрело. Во-первых, нужно любой ценой устранить Троцкого с политической арены. Он понимал, что любая маскировка убийства своего заклятого врага будет бесполезной. Все поймут, кто его инспирировал и организовал. Во-вторых, он еще больше утвердился в необходимости решительной и окончательной ликвидации всех, кто потенциально мог быть врагом его диктатуры внутри страны. Возможно, Сталин и сам не предполагал, как далеко заведет его это решение.

"Преданная революция" Троцкого, доставленная Сталину в начале 1937 года, была одной из последних капель, переполнивших чашу его ненависти ко всем "недобиткам", обостривших чувство мести за пережитые в прошлом моменты глубокой неуверенности, почти унижения перед "интеллигентами", "соратниками" и "оппонентами". Эта книга, можно сказать, сыграла роковую роль.

Сталин чувствовал, что скоро пробьет его час, когда медлить и колебаться будет нельзя. Тем более что Ежов все время

докладывает об "активизации бывших оппозиционеров". На днях нарком, от которого сильно пахло спиртным, принес большой лист со "схемой связи" Троцкого со своими единомышленниками в СССР. "Вождь", изучив труд ежовского ведомства, сухо распрощался с наркомом, не подав ему руки на прощание.

Сталин вспомнил полузабытое дело Блюмкина. Да, именно того эсера Блюмкина, который убил немецкого посла Мирбаха, чтобы сорвать Брестский мир. Тогда он был приговорен к расстрелу, но благодаря вмешательству Троцкого смертную казнь заменили на "искупление в боях по защите революции". Блюмкин довольно долго служил в штабе Троцкого, сблизился с ним, а затем перешел работать в органы ГПУ. Возвращаясь летом 1929 года из Индии через Константинополь, он встретился с Троцким на Принцевых островах. И. Дейчер пишет, что изгнанник после долгих разговоров написал послание своим соратникам в Москве, посоветовал Блюмкину, как бороться со Сталиным. Когда Блюмкин вернулся в СССР, его быстро арестовали: то ли за ним следили в Турции, когда он садился на пароход для поездки на Принцевы острова, то ли он неосторожно рассказал кому-либо в Москве о своей встрече с Троцким. А скорее все было так, как рассказывал секретарь Луначарского И.А. Сац. Блюмкин занес Радеку пакет от Троцкого, что-то передал по его поручению устно. Когда Блюмкин ушел, Радек, не распечатывая пакета, позвонил Ягоде и рассказал о визите, тот — Сталину. "Связника" тут же арестовали. Радек получил краткосрочную индульгенцию. После короткого суда Блюмкина расстреляли. Судьбе не было угодно вторично улыбнуться смертнику.

Сталин вспомнил о Блюмкине неспроста. А может быть, такие блюмкины, проинструктированные Троцким, находятся где-то рядом с ним? Ведь убили же Мирбаха... Сколько их? Кто они? Кто может знать размах реальной опасности? Как далеко запустил свои щупальца Троцкий? Сомнения, опасения, злоба, страх, раздражение, ненависть к Троцкому переполняли Сталина. Хотя смерть Блюмкина напугала многих троцкистов, кто может поручиться, что страх лишил воли к борьбе всех его сторонников?

И здесь личные качества Сталина, его худшие черты, а их у него было немало, вновь, в который раз, сыграли зловещую роль. Сталин в ряде своих выступлений провозгласил, что троцкизм является главной враждебной платформой, на которой блокируются все враги Советского государства. Призрак

Троцкого, который не склонил перед ним, Сталиным, головы, гипертрофировался до размеров государственной угрозы. В любом провале, неуспехе, неудаче, катастрофе Сталину виделась "рука Троцкого". Кстати, на политических процессах 1937 — 1938 годов одной из главных линий обвинения подсудимых являлось утверждение о прямых связях, директивах, "указаниях" Троцкого, даже встречах с ним то в Берлине, то в Осло и т.д. В докладах на февральско-мартовском и других Пленумах ЦК (а их состоялось в 1937 г. четыре) чаще всего звучали слова "Троцкий", "троцкизм", "троцкистские шпионы и убийцы" и т.д. Неважно, какой обсуждался вопрос: тень троцкизма витала в зале[80]. Троцкий стал для Сталина олицетворением универсального зла.

В действительности же все было не так. Троцкизм даже в пору своего наибольшего влияния, в середине 20-х годов, имел в партии немного сторонников. После высылки Троцкого лишь некоторые его приверженцы сохранили ему верность. Но таких были единицы. Может быть, десятки. Пусть — сотни. Одни почувствовали, что Троцкий уже давно борется не за идеалы социализма, а ведет личную борьбу, в какой-то мере смахивающую на антисоветизм. Другие отошли от активной политической деятельности, осудив троцкизм. Те, кого Сталин "простил" и кому позволил вернуться в Москву (Раковский, Преображенский, Муралов, Сосновский, Смирнов, Богуславский, Радек и другие), находились на третьестепенных постах. Сталин разрешил бывшим оппозиционерам-троцкистам заниматься экономикой, просвещением, но ни одного не вернул на значительный политический пост. Подавляющее их большинство публично покаялись в печати. Никто из них не представлял хоть какую-то угрозу строю, внутренней стабильности общества.

Конечно, Сталин понимал, что он всех их идейно "кастрировал", заставив отказаться от "левого курса", осудить "перманентную революцию", принять ленинизм в его интерпретации. "Вождь" понимал также, что в глубине души эти люди по-прежнему не согласны с ним, Сталиным. А это для него представляло, по его мнению, большую опасность. Ведь в характере Сталина с молодых лет была заложена скрытность, неискренность. Он считал, что у других людей эти качества развиты в той же мере. Но все это лишь из области предположений. Сознание — последнее прибежище человека, где он бесконечно долго может быть независимым. Но инакодум-

ство — не обязательно политическая опасность. Так было и так есть.

Троцкизм, другими словами, не представлял серьезной, более того, даже мало-мальски серьезной опасности. После 1935 года Троцкий фактически (это явствует из его публикаций, писем того времени) потерял какую-либо связь с СССР. Газеты и радио были его главными источниками. Процеживая, "выуживая" нужную ему информацию, Троцкий продолжал изображать себя человеком, который может влиять на социальные, политические и идеологические процессы в Советском Союзе. Сталин заставил себя в это поверить. Ему нужен был повод, чтобы раз и навсегда покончить со всеми, кто когда-либо не разделял его взглядов. Или кто может потенциально, в будущем, поступать враждебно по отношению к нему. Ведь не мог же он допустить, чтобы сбылись пророчества Троцкого, при воспоминании о которых Сталину становилось не по себе. Особенно после последней книжонки Троцкого, которую тот "накатал" за два-три месяца после январского (1937 г.) политического процесса в Москве над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым и другими. Одно ее название — "Преступления Сталина" — могло вывести из себя кого угодно.

Троцкий, вновь утверждая, что Советский Союз едва ли выдержит столкновение с капиталистическими странами, считал одновременно безнадежными в перспективе и позиции Сталина. Слова Троцкого стучали в сознании "вождя", как зловещее предзнаменование: "Завтра Сталин может стать обременительным для правящей прослойки... Сталин стоит накануне завершения своей трагической миссии. Чем сильнее кажется, что он ни в ком больше не нуждается, тем ближе час, когда никто не будет нуждаться в нем. При этом Сталин едва ли услышит слова благодарности за совершенный труд. Сталин сойдет со сцены, обремененный всеми преступлениями, которые он совершил"[81]. Троцкий, как мы помним, ошибался в своих прогнозах. Но Сталина это только подстегивало. Стремясь ликвидировать осколки бывших оппозиций, Сталин этим самым хотел нанести смертельный удар и по Троцкому, лишить его малейшей надежды на осуществление своих пророчеств.

Читая Троцкого, Сталин видел не только политические, подстрекательские призывы изгнанника. Троцкий все время говорил, что фигура Сталина на Олимпе власти случайна, что это гримаса истории. "Вождя" это уязвляло больше

всего. В "Истории русской революции" Троцкого Сталин прочел: "Из-за колоссального значения, которое приобрел приезд Ленина (в апреле 1917 г. в Петроград. — *Прим. Д.В.*), следует сделать лишь вывод, что вожди создаются не случайно, что они избираются постепенно и готовятся десятилетиями, что их нельзя заменить по капризу и что их механическое устранение из борьбы наносит партии громадную рану и во многих случаях может парализовать ее на длительный период". Троцкий не скрывает, что "устранение", смерть признанного вождя Ленина, выдвинуло не Сталина, а именно его, Троцкого, на роль лидера: "Теперь нет никого, за исключением меня, кто может выполнить миссию вооружения нового поколения революционным методом..."[82]

Около человека в "тоге" вождя все время стоял призрак. Хотя этот призрак был пока живым человеком, находился далеко от Москвы. Для Сталина Троцкий стал олицетворением "перманентного" зла. А может быть, Сталин, думая о призраке, вспоминал начало века, партийный съезд в Лондоне? Тогда он впервые увидел Троцкого: вьющиеся волосы, энергичные движения, пенсне, красивая речь, театральные жесты. Он привлекал всеобщее внимание. Троцкий несколько раз задержал свой взгляд на хмуром кавказце, который еще носил фамилию Джугашвили. Тогда премьером был Троцкий, а Сталин — его молчащим призраком. Мог ли представить молодой Лейба, что тот загадочный представитель боевой дружины с Кавказа станет его спутником-врагом до конца жизни, которая оборвется, к радости Сталина, 21 августа 1940 года?

Популярность триумфатора

История полна примерами обожествления отдельных личностей. В исследовании советского историка С. Утченко о Юлии Цезаре приводятся такие подробности его прославления. "...Сенатом было назначсно пятидесятидневное благодарственное молебствие в честь победы. Сенат разрешил Цезарю появляться на всех играх в одеянии триумфатора, в лавровом венке, а также носить высокие красные сапоги, которые, по преданию, носили когда-то альбанские цари. Сенат и

народ постановили, чтобы Цезарю был выстроен на Палатине дом за государственный счет и чтобы дни его побед были объявлены праздничными днями. Во время игр и процессий его статую из слоновой кости проносили на роскошных носилках; статуи Цезаря воздвигались также в храме Квирина и среди изображений царей на Капитолии. Это были уже такие почести, которые, по словам Светония, превосходили человеческий предел..."[83]

В 30-е годы славословие Сталина не достигло еще "человеческого предела". Хотя даже на выставке картин Рембрандта, как писал в своей книжке Фейхтвангер, красовался "колоссальный некрасивый бюст Сталина". Но следует сказать, что Сталин был тогда действительно популярен в народе. Сегодня это звучит странно, даже кощунственно по отношению к человеку, который на своем "лицевом счету" имеет столько преступлений против собственного народа. Но тогда люди, по крайней мере подавляющее большинство, судили о Сталине, о делах в государстве по внешним явлениям, часто не имея ни возможности, ни желания проникнуть в сущность происходящего. То было время, когда всеми способами утверждалось единомыслие, однообразие. С детского сада детей приучали скандировать здравицы в честь "великого вождя". То было время, когда никто не мог себе позволить не любить Сталина. По мере высвечивания правдой всех культовых уродств, преступлений Сталина и его окружения, механизма действия всей бюрократической машины, возникает мысль: почему все же Сталин в те годы был популярен? Почему и сейчас немало людей с благоговением относятся к умершему кумиру? Каковы "тайны" популярности Сталина в народе?

Думаю, что этот феномен можно объяснить целым комплексом причин. Одна из них заключается в том, что, несмотря на огромные моральные провалы и физические жертвы, общество в целом не деградировало и добивалось немалых успехов в экономической, социальной, культурной сферах. Думаю, что, будь лидером другой человек, руководитель ленинского типа, эти успехи были бы, конечно, бо́льшими. И тем не менее культовые уродства не затормозили полностью общественного развития.

Крупные изменения произошли в индустриальном развитии. Вот несколько цифр, которые, правда, скорее всего преувеличены, но тем не менее характеризуют выполнение ленинского плана ГОЭЛРО в промышленности:

	1913 г. произведено	1935 г. произведено	Год, в котором выполнен план ГОЭЛРО
Валовая продукция крупной промышленности (1913 = 1)	1	5,6	1929—1930
Производство электроэнергии (млрд. кВт·ч.)	2,0	26,3	1931
Нефть (млн. т)	10,3	25,2	1929—1930
Уголь (млн. т)	29,2	109,6	1932
Железная руда (млн. т)	9,2	26,8	1934
Чугун (млн. т)	4,2	12,5	1934
Сталь (млн. т)	4,3	12,6	1933
Бумага (тыс. т)	269,2	640,8	1936[84]

Как видим, в промышленности был совершен крупный рывок от глубокой отсталости к индустриально развитому государству. Народ, переживший империалистическую и гражданскую войны, разруху, не мог не поражать огромным потенциалом энергии, творческого заряда, рожденного Октябрем. Разумеется, и здесь сказались и ошибки, и перегибы, связанные с утверждением культового вождизма. Но тем не менее в национальном, народном самосознании настойчиво пульсировала гордая мысль: "Мы многое можем! Даешь пятилетку в четыре года!" Словно подтверждая сталинские слова "Жить стало лучше, жить стало веселее!", к концу 30-х годов появились сотни новых заводов, фабрик, дорог, городов, дворцов культуры, домов отдыха, больниц, школ, лабораторий, преобразовавших панораму страны.

Значительно хуже дело обстояло в сельском хозяйстве, где были допущены особо крупные ошибки в определении путей и методов кооперирования. Помноженные на преступные деяния при раскулачивании, они на многие десятилетия определили безрадостную картину в аграрном секторе. Если накануне коллективизации в стране было 25 миллионов мелких единоличных крестьянских хозяйств (35% бедняцких, 60% середняцких и 5% кулацких), то к середине 30-х годов свыше 90% крестьянских дворов вошли в состав коллективных хозяйств. Однако это не дало, как ожидалось, решающего прироста сельхозпродукции. Приведу еще одну таблицу.

В среднем за год	1909—1913	1933—1937	1938—1940
Зерно (млн. т)	65,2	72,9	77,9
Мясо (в убойном весе, млн. т)	3,9	2,7	4,5
Шерсть (тыс. т)	180	83	146
Молоко (млн. т)	24,1	22,2	27,6[85]

Крупные стратегические просчеты, связанные с насилием как основным инструментом коллективизации, не только породили длительную социальную напряженность в обществе, но исторически "отомстили" хроническим отставанием в этой сфере деятельности. Сколько бы ни говорил Сталин в своих речах о крупных успехах в колхозном строительстве, о "решающих достижениях" здесь говорить не было оснований. Да, в колхозы пришла техника, специалисты, образование, культура, но разрушенные вековые структуры оказалось совсем не просто заменить новыми.

Более впечатляющими выглядят достижения в области народного образования.

	1913 г.	1928 г.	1941 г. (1 января)
Всего специалистов с высшим и средним специальным образованием (тыс. чел.)	190	521	2401
В том числе:			
с высшим образованием (тыс. чел.)	136	233	909
со средним специальным образованием (тыс. чел.)	54	288	1492[85]

Всеобщая грамотность населения стала великим достижением народа. Печать, радио, кино активно влияли на миллионы людей, отдававших все силы построению социалистического общества.

Подавляющее большинство людей верили, что это только начало, что завтра, послезавтра откроются новые горизонты в улучшении их жизни, условий труда, социального обеспечения. После отмены карточек, нормирования продуктов питания, в магазинах стало больше появляться не только промышленных, но и продовольственных товаров. И хотя, по сегодняшним меркам, жилось трудно, тесно, без достатка, общая атмосфера в

обществе была оптимистичной. Печать, радио настойчиво внушали, что все нынешние и особенно будущие успехи связаны прежде всего с "мудрым руководством вождя". Подрастающему поколению ежедневно с малых лет вдалбливалось: "Сталин думает о каждом", "если бы не Сталин, мы не были бы индустриальной державой, у нас не было бы крова над головой и гарантированного куска хлеба". Историю остановить нельзя, поэтому, несмотря на промахи, изъяны и преступления Сталина и его окружения, народ строил, творил, дерзал. Самое парадоксальное и драматическое заключается в том, что в дни, когда тысячи и тысячи невинных честных сынов и дочерей Отечества гибли в сталинской мясорубке, те, кого миновала эта горькая участь, изумляли страну, а часто и мир.

Почти в те же июньские дни 1937 года, когда М.Н. Тухачевский и группа других военачальников попали на скорый и неправый суд, "Правда" сообщала, что героический экипаж в составе В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова на отечественном самолете АНТ-25 совершил первый в мире беспосадочный перелет по маршруту Москва — Северный полюс — Северная Америка. Это был триумф советской техники, советских людей. В марте 1937 года "Правда" писала, что Алексей Стаханов установил новый трудовой рекорд. За 6 часов он вырубил на шахте "Центральная" имени Сталина 321 тонну угля. Это 23 нормы забойщика на этом участке! За одну смену Стаханов на 83 тонны перевыполнил суточное задание всего участка![87] Но и этот рекорд обязательно увязывали с именем Сталина. В своей книге "Рассказ о моей жизни", вышедшей вскоре после установления рекорда, Стаханов пишет: "Когда я все припоминаю, все мысли собираю вместе, то мне хочется каждый раз сказать одно и то же: спасибо товарищу Сталину! Товарищ Сталин так поднял меня, рядового рабочего, что об этом я не мог и думать никогда. Я уже теперь привык к словам "стахановское движение", часто встречаю свое имя в газетах, слышу на собраниях. Первое время мне все это, откровенно говоря, непонятно было. Да и теперь я считаю, что наше движение справедливо звать сталинским, потому что рабочий класс, двинувшийся в сталинский поход за овладение техникой, родил мой рекорд и рекорды моих товарищей. Именно товарищ Сталин сделал наше движение широким"[88].

Папанин, Чкалов, Бусыгин, Виноградовы, Кривонос, Дюканов, многие другие пионеры своего дела, патриоты, новаторы, энтузиасты пропагандировались не "сами по себе", а непременно через призму "руководства", "участия", "заботы" Сталина

о каждом из них, о каждом человеке. Реальные успехи, рекорды, изобретения, достижения, увязываясь в контексте с ролью Сталина, создавали "вождю" устойчивую популярность. Часто это выражалось в самых необычных формах. Я уже говорил, что после публикации ряда статей о Сталине я получил тысячи писем. Одно из них от члена партии С.Е. Пласта. Он пишет, что его отец, будущий крупный политработник Красной Армии, после рождения сына по единодушной просьбе друзей — слушателей Военно-политической академии имени В.И. Ленина назвал его Сталием. Сталий Ефимович пишет мне, что дальнейшая судьба его отца сложилась трагически: 15 мая 1937 года он был арестован как "враг народа", а 4 ноября, накануне 20-й годовщины Великого Октября, расстрелян. Мальчик остался жив, но он, взрослый уже человек, всю жизнь носит имя, связанное с фамилией деспота, погубившего его отца... Каждая трагедия имеет свою окраску, свое лицо.

Даже кампании по разоблачению и уничтожению "врагов" увязывались с авторитетом и популярностью Сталина. Непрерывно в печати муссировалась мысль, что "троцкистско-зиновьевские вредители" имели целью осуществить террористические акты в отношении руководителей партии и государства и, прежде всего, "хотели убить товарища Сталина". И вместе с тем, "товарищ Сталин, постоянно подвергаясь опасности, проявляет внимание к каждому человеку, имевшему ошибки, если он хочет стать на путь исправления". На февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года Молотов привел пример "бережного отношения товарища Сталина к кадрам", зачитав одно из писем "вождя".

"Пермь, секретарю горкома тов. Голышеву.

До ЦК дошли сведения о преследованиях и травле директора моторного завода Побережского и его основных работников из-за прошлых грешков по части троцкизма. Ввиду того, что как Побережский, так и его работники работают ныне добросовестно и пользуются полным доверием у ЦК ВКП(б), просим вас оградить товарища Побережского и его работников от травли и создать вокруг них атмосферу полного доверия.

О принятых мерах сообщите незамедлительно в ЦК ВКП(б).

26 дек. 1936 г.

Секретарь ЦК *Сталин*"[89].

"Вот как надо относиться к товарищам из бывших троцкистов, которые теперь честно работают на своем посту", — заключил Молотов. Даже в самый разгар репрессий Сталин с

помощью своего окружения стремился создать себе репутацию человека, в высшей степени справедливого и внимательного. Все это делалось для закрепления широкой популярности лидера в народе. Надо признать, что страна, еще не остывшая от революционных бурь, активно воспринимала и впитывала в себя призывы к усилению бдительности, необходимости ужесточения борьбы с "врагами народа", живо реагировала на факты "разоблачений", не замечая в них ни мистификаций, ни фальсификаций.

Сталин заботился даже о мелочах, если они были связаны с его "явлением народу". Его манера просто одеваться, просто говорить весьма импонировала людям. Фейхтвангер отмечал, что "Сталин определенно не является великим оратором. Он говорит медлительно, без всякого блеска, слегка глуховатым голосом, затруднительно. Он медленно развивает свои аргументы, апеллирующие к здравому смыслу людей, постигающих не быстро, но основательно... Когда Сталин говорит со своей лукавой приятной усмешкой, со своим характерным жестом указательного пальца, он не создает, как другие ораторы, разрыва между собой и аудиторией..."[90]. Он тщательно готовился к своим редким выступлениям. Товстухе, а затем Поскребышеву поручалось к каждому выступлению подобрать дюжину интересных цитат из произведений основоположников научного социализма, художественной литературы, фольклора. Как сообщал Антонов, работник секретариата Ворошилова, "референты-докладчики Сталина помогают ему подбором цифрового материала по соответствующим вопросам. Часто эти данные заказывают в соответствующих наркоматах. Из этих цифр тов. Сталин выбирает себе нужные. Никакого текста референты не дают"[91]. В ходе выступления Сталин иногда их использовал. При этом он придерживался всегда определенной литургической тональности, усвоенной им еще в духовной семинарии. Он любил катехизисную структуру своих речей: вопрос — ответ, вопрос — объяснение. Часто прибегал к рефрену, умышленным повторам, обладающим, по его мнению, гипнотическим действием. И надо сказать, эта неброская, но продуманная манера производила большое впечатление на участников различных совещаний и встреч. Самое главное, она убеждала в его мудрости. А ведь давно замечено, что ничто так не способствует популярности, как уверенность людей в достоинстве ума их руководителя.

Ни одна фотография Сталина не могла быть опубликована без предварительного одобрения самого "вождя" или позд-

нее — Поскребышева. Сталин любил каноническое изображение своей личности: фотографии в солдатской шинели — воплощение "пролетарской строгости", держащий на коленях или за руку ребенка — "отец своего народа", в форме генералиссимуса — "великий полководец, победитель". Может быть, поэтому бесчисленные скульптуры, портреты, фотографии Сталина удручающе однообразны и невыразительны. Работая над книгой, я смог найти большое количество его фотографий. Но наиболее впечатляющи те, которые сделаны случайно, без позирования. Самые интересные в этом смысле фотографии Н.С. Власика и Н.С. Аллилуевой, но качество их таково, что они, к сожалению, едва ли могут быть воспроизведены в книге.

Сталин, заботясь об упрочении своего единовластия, исподволь способствовал формированию в стране целой иерархии руководителей, которые стояли на более низких ступенях власти. Можно было уже в начале, допустим, 30-х годов взять подшивку центральной газеты и обнаружить неофициальную табель о рангах. Конечно, на вершине пирамиды — "лучший ученик Ленина". В отчетах пишут, что зал стоя приветствует вождя. Аплодисменты переходят в овации. Непременно здравицы, "ура". Единодержцу долго не дают говорить. Восторг неподдельный. Состояние экзальтации. Настоящее идолопоклонение. Нет предела превосходным степеням, славящим эпитетам.

А вот как пишет газета о Молотове, Кагановиче, Ворошилове: "В президиуме появился славный соратник Сталина". Бурные, продолжительные аплодисменты. Могут даже назвать по имени-отчеству. Здесь же непременные эпитеты: "стойкий большевик-ленинец", "сталинский нарком", "руководитель сталинской школы"...

Дальше, когда речь идет о руководителях пониже (наркомы, секретари обкомов, руководители крупных ведомств), эпитеты уже более "взвешенные": "верные большевики", "отличные чекисты", "самоотверженные руководители"... Но хотя эти люди стояли значительно ниже на иерархической лестнице, они возглавляли целые республики, области, наркоматы и до 1934 года часто именовались "вождями" (регионального масштаба).

Те же, кто находится еще ниже, ведут работу по претворению "гениальных" планов индустриализации, коллективизации, организуют подписки на воздушные флотилии, проводят митинги и шествия, участвуют в раскулачивании и заполняют доски почета. Многим из них в конце десятилетия сильно пове-

зет, если останутся живыми, тогда они наверняка поднимутся на следующую ступень. Вакансий будет много. Во времена сталинского единовластия табель о рангах составляла одну из важнейших основ цезаризма. Чем меньше народовластия, тем больше начальников.

Сталин понимал, что в народе, особенно среди крестьянства, еще не были изжиты подспудные "царистские" традиции. Века забитости и темноты не могли не оставить глубоких следов, какой-то иррациональной веры во всемогущество любого правителя, особенно находящегося в столице. Среди крестьян культовые настроения были связаны не только непосредственно со Сталиным, но и с властью вообще.

Сталину часто писали простые люди. Ответы готовились в его большом секретариате, поручавшем местным органам помочь в просьбах заявителей. Иногда Сталин собственноручно отвечал на некоторые письма. В архиве генсека удалось обнаружить десятки фотокопий этих ответов. Вот один из примеров:

"Ленинград. Семье Климкиных.

Дорогие товарищи!

Из-за перегруженности опоздал с ответом, за что прошу извинения. Выражаемое Вами пожелание уже выполнено мною. Направлены облигации: на 100 рублей в распоряжение ЦК МОПРа* и на 300 рублей — в распоряжение колхоза "Пламя Революции" в Хоперском округе — одного из застрельщиков массовой коллективизации деревни.

Высылаю детишкам карточку, как они этого просили.

Привет!

7.04.30 г.

И. Сталин"[92].

Позднее каждое такое письмо становилось предметом широкой пропагандистской кампании в районе, области, крае как пример "простоты и заботы вождя о народе".

Удалось установить, что Сталин немало внимания уделял не только, как бы теперь сказали, проблемам управления, но и непосредственно "технике единовластия". Он внимательно проштудировал работы В. Воровского "О природе абсолютизма", М. Александрова "Государство, бюрократия и абсолютизм в

---

* МОПР — Международная организация помощи борцам революции.

истории России", Ю. Казьмина "Судьба властелина" и другие аналогичные труды. Можно сделать вывод, что тяга к исторической литературе у Сталина не была бескорыстной, простым читательским интересом. Он искал аналогии, "рецепты", изучал "технологию" власти, ее психологические нюансы. Так, например, Сталин усвоил, что большое воздействие на сознание и чувства людей производят его речи на различных торжествах, крупных совещаниях в Кремле. В течение 1935 года Сталин выступил в Кремле на совещании железнодорожников (30 июля), колхозниц — ударниц свекловичных полей (10 ноября), на совещании передовых комбайнеров (1 декабря), на приеме передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана (4 декабря), трактористов (20 декабря) и т.д. Каждое подобное совещание широко освещалось в печати, отражалось в кинохронике. По мере роста популярности Сталин, однако, пришел к выводу, что выступать, "являться народу" нужно реже; в этом случае в той же пропорции растет значимость его общения с людьми. Сталин почувствовал, что "затворничество", "скрытность" дают большие возможности для распространения официальных легенд, мифов, сусальных штампов о "вожде".

Страна, где веками народом правил самодержец, не может легко и просто "стряхнуть" психологические напластования одними заклинаниями. Нужно время. Поэтому для поддержания и роста своей популярности Сталин делал особый акцент на формирование "веры в вождя", "веры в его заботу о людях", "веры в его справедливость". Все те ошибки, просчеты и преступления, которые совершал Сталин, он всегда объяснял "вредительством", "головотяпством", "тупостью" чиновников, местных руководителей, которые или не поняли, или исказили его указания. Эта линия срабатывала безотказно. Ведь даже сейчас есть люди, которые считают, что трагедия Сталина в том, что он "доверился" Ежову, а затем Берии, что Сталин "многого не знал", что размах репрессий был ему "не известен". Все это отголоски той утонченной идеологической кампании, которую Сталин вел многие годы. Ее суть внешне бесхитростна: все победы, успехи народа достигнуты благодаря Сталину; все перегибы, злоупотребления, поражения стали возможными в результате неисполнения его воли.

Причины популярности Сталина в народе кроются и в невысокой политической культуре широких масс. Я об этом уже говорил, но хочу вернуться к этой мысли вот с какой стороны. Ленин в одной из своих последних статей "О нашей револю-

ции" писал, что для строительства социализма требуется определенный уровень культуры и нужно создавать предпосылки этого уровня[93]. В данном случае мне хотелось бы подчеркнуть тот аспект этой культуры, который выражает взаимоотношение народа и власти. Сталин, как только почувствовал (а впервые он имел основания для этого в 1927 г. и окончательно — после XVII съезда партии в 1934 г.), что может стать "долгосрочным" вождем, тут же начал более всего заботиться о том, чтобы сделать этот символ привлекательным для людей. В ход пошли фильмы, книги, исследования о сильной личности, диктаторах, "прогрессивных" царях. Наряду с подлинно революционным искусством исподволь насаждались произведения, фактически абсолютизирующие роль отдельной личности. Сталин лично консультировал С. Эйзенштейна и Н. Черкасова, каким должен быть образ Ивана Грозного в одноименном кинофильме.

Нужно сказать, что популярности Сталина особенно активно способствовало окружение "вождя". Говоря словами Саллюстия, эти люди славословием "домогались благосклонности". Сталин был подозрителен, в каждом неосторожном жесте, слове, мысли он видел "знак", смысл, намерение. Есть доказательства, что рутинные, бессодержательные, апологетические статьи в честь его 60-летия, 70-летия Сталин тем не менее внимательно анализировал. Он просматривал наедине кипы журналов, книг, в которых писали о нем. Его тщеславие было ненасытным. Но он умел его скрывать на людях, поддерживая легенду о своей "исключительной скромности". Правда, несмотря на различные заголовки, эти статьи были очень похожи друг на друга. Например, Молотову подготовили статью "Сталин, как продолжатель дела Ленина", а Микояну "Сталин — это Ленин сегодня". Окружение знало об этой особенности "вождя" и соревновалось между собой в поиске эпитетов, возвышенных сравнений, исторических аналогий, которые бы, по мнению авторов, могли еще больше прославить "великого вождя". Сплошь и рядом "хвалителям" изменяло не только чувство меры, но и здравый смысл. В 1939 году, когда еще не были подведены кровавые итоги искоренения "врагов народа", помощники Сталина Поскребышев и Двинский писали о нем как о человеке, которому присущи "величайшая человечность и гуманность". В их статье "Учитель и друг человечества" есть такие слова: "Сталин вошел в революцию с образом Ленина в уме и сердце. О Ленине он думает всегда, и даже тогда, когда мысли его погружены в проблемы, подлежащие разрешению,

рука его машинально, автоматически чертит на листке бумаги: "Ленин... учитель... друг...". Как часто после рабочего дня уносили мы с его стола исчерченные этими словами вдоль и поперек листочки"[94].

Подобная сусальность должна была, по мысли авторов, воздействовать не столько на ум, сколько на чувства людей. О том, что это придуманная сусальность, я могу судить по такому факту. В архиве (фонде И.В. Сталина) хранятся самые различные бумаги, документы — от исторического значения до малозначащих записок. Сохранились там доклады, с которыми Сталин выступал на съездах партии и одновременно записки вроде: "тт. Андрееву, Молотову, Ворошилову: Пора кончать. Закругляйте выступления. К четырем надо закончить пленум. *И. Ст.*". Так вот, в архиве есть и бумажки, на которых Сталин машинально, автоматически чертил совсем не то, о чем писали Поскребышев и Двинский. Вот на одном из заседаний Политбюро в руках у Сталина оказалась брошюра "О правой опасности в нашей партии". Сталин рассеянно слушал выступления и все время отвлеченно водил карандашом по обложке. Я переписал следующие слова:

"Сталин. Признавать. Учитель. О правой опасности. О правой опасности в нашей партии. Мухалатка. Частное совещание. Токио. Учитель. Сокольников. Рабочее издательство "Прибой". Огонь. Дискуссия. Молотов"[95].

По машинальным записям, сделанным в конце 20-х годов, можно сделать лишь один определенный вывод: Сталин жил борьбой. Утверждения Поскребышева и Двинского о том, что Ленин был у Сталина "в уме и сердце", механическими записями (увы!) не подтверждаются. Хотя я мог бы привести подобной тарабарщины немало.

Популярность Сталина стала вместе с тем и уродливой формой социальной самозащиты. Человек, не желающий навлечь на себя подозрения, в своих публичных выступлениях, разговорах не мог допустить "промашки" в отношении лидера. Любое, даже косвенное "очернительство" роли "вождя" кончалось трагически для неосторожного человека. Как мне рассказывал социолог А. Федоров, в конце 40-х годов в одной МТС на Витебщине произошел такой случай. После побелки помещения конторы собирались вновь развесить портреты на стенах. Молодой тракторист, зашедший с улицы, нечаянно уронил портрет Сталина, прислоненный к стене, и, пытаясь удержаться на ногах, наступил на лицо "вождя". В комнате было несколько человек. Наступило тягостное молчание. Затем мастер сделал

трактористу резкое замечание. Как уж там развивались события дальше, я не знаю, но через три дня, сказал Федоров, парня забрали, и вернулся он лишь после XX съезда партии. Одна из машинисток в редакции районной газеты допустила ошибку в словосочетании "сталинский взор", вставив букву "д" ("вздор"). Больше ошибаться ей не пришлось. Она тут же исчезла.

Поэтому где-то в невидимом слое популярности, если посмотреть на нее в разрезе существовавших отношений между людьми, постоянно присутствовал страх. Не все и не всегда это осознавали, но люди, знавшие о репрессиях, те, у кого пострадали родные и знакомые, "славили" Сталина, держа в сознании известные им факты. Поэтому популярность "вождя" держалась не только на определенных достижениях, которых добился народ, усилиях пропаганды и манипуляции общественным сознанием в угоду "величайшего из вождей", но и на понимании (не всегда ясно осознанном) возможности реальной кары за выражение каких-либо замечаний или даже сомнений в его адрес. Не случайно поэтому самый расцвет популярности "вождя" совпал с расцветом доносительства, как неизбежным следствием политики насаждения всеобщей подозрительности и шпиономании.

Естественно, было бы неправильно считать, что абсолютно все граждане нашей страны фанатично любили "вождя" и что у всех он пользовался безусловной популярностью. Нельзя забывать, что в партии была большая прослойка коммунистов с дореволюционным стажем, которую часто называли "ленинской гвардией". Эти люди не по "Краткому курсу", отредактированному Сталиным, знали историю партии и реальный вклад всех руководителей партии в Октябрьскую революцию. Старые коммунисты, по крайней мере большая их часть, узнали о Сталине значительно позже, поскольку в октябрьские дни, да и в годы гражданской войны будущий генсек, как мы помним, находился на вторых-третьих ролях. Именно поэтому Сталин с особенным "пристрастием" относился к старым коммунистам. Он понимал, что эти люди, даже не выступая открыто против него, потенциально оценивают Сталина иначе, не так, как бы хотелось ему. А посему люди с революционным прошлым были ему не нужны. Результат известен: "старая гвардия" понесла наиболее тяжелый урон.

Сталин видел, что, несмотря на движение вперед, многое не получалось. Буксовало сельское хозяйство, хотя 1936 год, предшествовавший году, меченному как эпицентр трагедии, был

урожайным. Страна по-прежнему переживала серьезные экономические и социальные трудности. После революции прошло столько лет, а он все еще призывал к ограничениям во имя будущего, хотя "жить стало лучше, жить стало веселее". Крупных результатов в улучшении жизни людей было не так уж много. Если он, Сталин, скажет, что в этих трудностях повинны вредители, разве народ не поверит? Тем более, все эти бывшие оппозиционеры — люди с подмоченной репутацией. Кто не видит, что факты вредительства налицо в народном хозяйстве, в аппарате? Разве за рубежом не пытаются использовать бывших оппозиционеров? Вон, например, белоэмигрантская газета "Русское слово" прямо говорит, что у Сталина есть оппозиция не только в партии, но и в армии...

Ход его мыслей, а часто и прямые рассуждения сразу же улавливали Молотов, Каганович, Ежов, быстро выдвигающийся Маленков... Сталин не был Цезарем и не носил одеяний триумфатора, красных сапог, как албанские цари. Его почести, казалось, не достигли, как у Юлия Цезаря, "человеческого предела". И прежде всего потому, что Сталин нередко ежился в своей солдатской шинели, как бы ощущая невидимые взоры своих потенциальных недоброжелателей. Только их полное устранение безоговорочно укрепит его положение. Нужна была крупная акция. Массированный удар по притаившимся недоброжелателям, скрытым врагам и оппозиционерам оправдает, по мысли Сталина, многие провалы и просчеты в его хозяйственной политике, ликвидирует его потенциальных врагов. После войны Молотов добавил: Сталин, уничтожая врагов, смотрел далеко — он уничтожил тех, кто в войне с фашизмом мог стать на сторону Гитлера.

Сталину казалось, что он дождался своего часа. Отныне, даже в потенции, даже мысленно, никто не сможет посягнуть на его цезаристское единовластие. Трагедия приближалась. Решение зрело и окончательно оформилось, когда он был вдали от Москвы, в Сочи, где мог спокойно обдумать пути дальнейшего упрочения своего единовластия. Прочитав немало книг о деспотах, Сталин тем не менее многого не знал. Если бы он взял томик Гая Светония, описавшего деспотизм Тиберия, то мог бы вычитать такие строки: "Угодливость была ему так противна, что он не подпускал к своим носилкам никого из сенаторов ни для приветствия, ни по делам. Когда один консулер, прося у него прощения, хотел броситься к его ногам, он так от него отшатнулся, что упал навзничь. Даже когда в разговоре или в пространной речи он слышал лесть, то немедленно обрывал го-

ворящего, бранил и тут же поправлял. Когда кто-то обратился к нему — "государь", он тотчас объявил, чтобы более так его не оскорбляли. Кто-то другой назвал его дела "священными" и говорил, что обращается к сенату по его воле; он поправил его и заставил сказать вместо "по его воле" — "по его совету" и вместо "священные" — "важные"[96]. Как же далеко вперед ушел Сталин от Тиберия! Но, впрочем, оценить этого "вождь" не мог, ибо Светонием свой ум не засорял...

25 сентября 1936 года они с Ждановым (который на XVII съезде партии стал секретарем ЦК и быстро вошел в доверие к Сталину) направили из Сочи на имя Молотова, Кагановича и других членов Политбюро телеграмму:

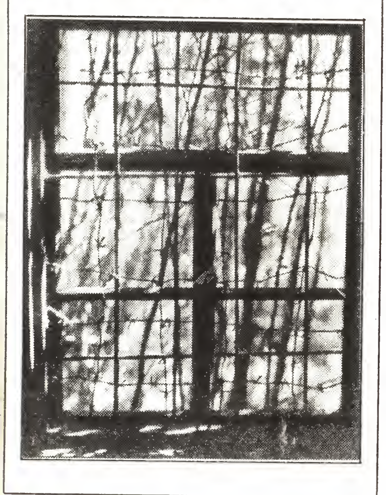
"Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был назначен на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле. Это замечено всеми партийными работниками и большинством представителей НКВД".

Сигнал был дан. Чудовищный, страшный сигнал. Едва ли кто мог предположить, как много будет обнаружено после него в нашем Отечестве "шпионов", "вредителей", "диверсантов", "террористов", просто "двурушников". Можно даже подумать, что не они жили среди нас, а мы — среди них! А мы поем: "...Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!" Сталина недавний процесс над Зиновьевым и Каменевым ободрил: народ горячо поддержал государственное обвинение. Еще не состоялся суд, не известны обстоятельства дела, а печать, радио дружно скандируют: "уничтожить гадов", "смерть врагам", "никакой пощады двурушникам". Сталин почувствовал, что он добился многого: отобрал истину у народа, превратил его в толпу, за которую теперь будет думать только он сам. Возможно, это преступление Сталина, а у него их длинный ряд, одно из тягчайших.

Помните, "вождь" еще в 1933 году предсказывал, что "контрреволюционные элементы" могут "зашевелиться". Так и произошло! Речь шла уже не просто об унижении народа культовым уродством, а о чем-то большем и страшном. Трагедия надвигалась. Рана будет чудовищно страшной. Вот уже сколько лет она никак не может полностью зарубцеваться...

глава 6

Эпицентр трагедии

Все понять — отнюдь не значит все простить.

Э. Кестнер.

Наступал новый, 1937 год. В Москве, других городах, тысячах сел и деревень огромной страны шла обычная в новогодние праздники суматоха: в клубах и тесных квартирах украшались елки, ребята клеили самодельные гирлянды, шли последние приготовления в кружках художественной самодеятельности, которые тогда были на каждом предприятии, в колхозе, школе. Мужчины запасались одной-двумя бутылками "Московской"; в магазинах крупных городов можно было купить и хорошее вино, "для женщин". В последние год-два выбор гастрономии на прилавках и в витринах продовольственных магазинов не мог не радовать покупателей. В новогоднем номере "Правды" 1937 года, например, была напечатана небольшая заметка "Праздничные покупки", в которой сообщалось: "Разнообразные вина — от советского шампанского до муската, сотни сортов колбасных и рыбных изделий, торты, пирожные, фрукты — все это в большом количестве покупали вчера в магазинах москвичи. Тысячи агентов "Гастронома", "Бакалеи" и других продовольственных магазинов были заняты доставкой на дом покупателям различных продуктов к новогоднему праздничному столу..."

В наркоматах, крайкомах, обкомах, райкомах завершали "подбивку" итогов года: нужно было рапортовать. А сказать народу было о чем: в минувшем году введен в строй Харьковский станкостроительный завод, торжественно открыт Камский целлюлозно-бумажный комбинат, начато строительство Соликамского магниевого завода, в Армении дала промышленный ток Конакарская ГЭС, завершен ввод Мурманского рыбного комбината, сотен других, больших и малых производственных объектов. Количественные показатели (но отнюдь не качественные) впечатляли. Было о чем докладывать Сталину. Даже образованный лишь в 1936 году Наркомат оборонной промышленности, не выполнивший план по многим показателям, направил "вождю" рапорт: "Оборонная промышленность будет лучшей в стране". Отчеты наркомов Кагановича,

Микояна, Любимова радовали Сталина: не только железнодорожный транспорт, но и легкая, местная промышленность, торговля, наконец, дали немалую прибавку. Пусть все знают, что Сталин слов на ветер не бросает. Ведь по его указанию было принято решение сделать 1936 год ударным: прирост производства средств производства предусматривался на 22%, а предметов потребления — на 23%. По его же указанию "Правда" поместила передовую "План подъема благосостояния народа", где указывалось, что слова "великого вождя" "жить стало лучше, жить стало веселее" никогда не расходятся с делом[1]. Пусть еще раз все убедятся в справедливости этого лозунга.

Пульс страны бился ускоренно и мощно. Шли годы, а революционный энтузиазм, получивший заряд от октябрьского генератора, повторюсь еще раз, не иссякал. Жили еще бедно, одевались просто, скромно. Без конца объявлялись "ударные" декады, ставились производственные рекорды, печать пестрила именами ударников труда А. Стаханова, А. Бусыгина, Е. Виноградовой, М. Виноградовой, М. Дюканова, П. Кривоноса, М. Мазая, А. Гургенидзе, С. Хачатряна, О. Ходжаева, Н. Сметанина, многих, многих других. Социалистические будни были аскетическими и суровыми, но страна в целом — устремленной в будущее.

Считалось неприличным говорить об интересах конкретных людей — общее дело целиком поглощало каждого человека. Державные мотивы не позволяли в полный рост поднимать вопросы о всестороннем, гармоничном развитии личности. Социалистические ценности, в центре которых, по Ленину, — человек, всей системой сформировавшихся отношений ставились в решающую зависимость от воли и разума одного лица. Припадание к идеологическому алтарю "господствующей личности" стало обязательным. Вот передовая "Правды" за 1 января 1937 года "Нас ведет великий кормчий". Статья заканчивается красноречивым панегириком: "Советский корабль хорошо оснащен и хорошо вооружен. Ему не страшны штормы. Он идет по своему курсу. Его корпус сооружен гениальным строителем для борьбы с враждебной стихией в эпоху войн и пролетарских революций. Его ведет гениальный кормчий Сталин". Здесь же, на полосе, огромный портрет "вождя", возвышающийся над людским морем. Кто-то в этом "море" несет и небольшой портрет Ленина...

Газеты первых дней 1937 года передавали не только дыхание, иногда крайне напряженное, трудившегося народа. На их страницах — предупреждения о грозной опасности, нависшей

из-за кордона. Очередные корреспонденции М. Кольцова из Испании, подробности потопления фашистами советского парохода "Комсомол", постановление ЦИК СССР о присвоении звания Героев Советского Союза группе командиров РККА "За образцовое выполнение специальных и труднейших заданий Правительства". Все понимают — это "испанские" герои.

Здесь же предостерегающая статья Я. Рудзутака, которому осталось жить немногим больше года: "Посредством своих агентов — Троцкого и его банды, фашисты пытались расстроить путем вредительства наше хозяйство, их руками они хотели убить лучших людей нашей страны, мозг и сердце нашей страны, — товарища Сталина..."[2]

В начале декабря 1936 года Чрезвычайный VIII съезд Советов принял новую Конституцию СССР, провозгласившую расширение основных демократических прав и свобод советских людей, включая свободу совести, слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки.

Это был триумф Сталина. В книге "О Конституции СССР", изданной Партиздатом ЦК ВКП(б) в 1937 году, есть такие слова: "Появление тов. Сталина встречается продолжительной, бурной овацией всего зала. Весь зал встает. Со всех сторон несутся крики: "Ура тов. Сталину!", "Да здравствует тов. Сталин!", "Да здравствует великий Сталин!", "Великому гению тов. Сталину, ура!", "Виват!", "Рот фронт!", "Тов. Сталину слава!"[3].

В докладе "О проекте Конституции Союза ССР", перечисляя по своему обыкновению "особенности", под номером пять Сталин назвал "последовательный и до конца выдержанный демократизм". В этом месте доклада он мог бы вспомнить, что всего несколько месяцев назад отправил на казнь своих бывших товарищей и соратников Ленина — Зиновьева и Каменева. Во время их последней встречи, по некоторым сведениям, Сталин, следуя принципам своей "демократии", заявил бывшим партийным вождям:

— Наши убеждения не позволяют проливать кровь старых партийцев, какие бы тяжкие грехи за ними ни числились. Руководители нашей партии не забывают ни своих прав, ни обязанностей. Процесс, в котором вы должны помочь государству и партии, направлен не против вас, а против Троцкого. Все это нужно Советской власти...[4]

Сталин умел мгновенно перевоплощаться. В тиши кабинета подписывал списки на аресты и расстрелы, одобрял проекты

бесчеловечных приговоров "один" Сталин, на трибуне же, взмахивая рукой, словно отсекая головы, "другой" Сталин утверждал, что проект новой Конституции "не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав..."[5] Но мог ли этот человек действительно думать о "гарантиях"? Понимали ли это авторы Конституции? А над ней работали Акулов, Бубнов, Бухарин, Гамарник, Егоров, Крыленко, Тухачевский, Эйдеман, Уборевич, Якир, другие видные партийные, военные и общественные деятели. Создавая Основной Закон государства, провозглашавший на словах социалистическое народовластие, они еще не знали, что, вопреки провозглашенным правам и гарантиям, совсем скоро будут безжалостно уничтожены. В условиях единовластия "господствующей личности" никакая конституция защитить не может. Сталин давно поставил себя выше любых законов, поправ тем самым даже ту хрупкую, слабую демократию, которая, возникнув после Октября, оказалась в тисках сталинского бюрократизма. А почти в это же время Прокурор СССР А.Я. Вышинский уже начал "шлифовать" огромную, многочасовую обвинительную речь на готовящемся втором открытом судебном процессе по делу "троцкистских заговорщиков", которую он с пафосом произнесет 28 января 1937 года.

Миллионы советских людей, искренне гордясь продолжающимся "затяжным рывком" к экономическому и оборонному могуществу страны, желая друг другу счастья в новогоднюю ночь, не могли и предполагать, каким кровавым будет год наступающий. Кто мог подумать, что год 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции станет эпицентром трагедии советского народа, верхом социального цинизма? Но именно этому уже были подчинены, казалось, необъяснимые замыслы "вождя", постыдная и преступная сущность единовластия "господствующей личности".

Как это ни парадоксально, но об этой трагедии советские люди узнают почти через два десятилетия. И то далеко не полностью. А пока им предстоит вместе со всеми возмущаться, негодовать и проклинать "фашистских выродков", "шпионов" и "террористов". Даже такие люди, как А. Фадеев, А. Толстой, П. Павленко, Н. Тихонов, Б. Ясенский, Л. Никулин, в статье "Шпионы и убийцы"[6] предадут анафеме тех, кто поневоле стал действующими лицами в постыдном и преступном спектакле. А главный Режиссер этого "действа" в очередной раз обратит внимание народа: еще в январе 1933 года он говорил, что при

определенных условиях "могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов"[7]. И вот, "зашевелились"!

На фоне успехов отдельные аварии, пожары, катастрофы — а они были — конечно же, выглядели как "вредительство". Разве он, Сталин, не говорил, что притаившиеся бывшие оппозиционеры, выходцы из других партий только и ждут своего часа?! Чем больше наши успехи, тем сильнее их противодействие... Вот она — жестокая классовая борьба, натягивающая тетиву противоборства до предела!

К XVII съезду партии была выпущена книга под названием "Канал имени Сталина". Тридцать шесть советских писателей под руководством М. Горького, Л. Авербаха и С. Фирина написали панегирик первому в истории опыту перевоспитания "врагов народа в его друзей". Это, писали они, "отлично удавшийся опыт массового превращения бывших врагов пролетариата... советской общественности в квалифицированных представителей рабочего класса и даже в энтузиастов государственно-необходимого труда". Вот еще один пассаж: "...человеческое сырье обрабатывается неизмеримо труднее, чем дерево, камень, металл". "Герои" книги — "бывшие вредители" — инженеры, профессора, учителя, тысячи других интеллектуалов (а не только кулаков, воров и рецидивистов), "превращенные" в "соратников пролетариата". Преступление многих состояло лишь в том, что они думали иначе, чем Сталин, которому, как пишут авторы, присущи "отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который тонко разбирается в сложности качеств людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно борется против тех, которые мешают первым развиться до предельной высоты..."[8]. А мешали Сталину не только какие-то "качества". Мешали люди. Много людей. Страшно много.

Все эти "недобитки" мешали ему (потенциально) окончательно утвердиться в роли единственного, безраздельного и всеми, именно всеми, любимого вождя. Разве забыл он, что Бухарин, Пятаков, Радек, Преображенский, многие другие были его товарищами по партии, по борьбе? Нет, конечно, не забыл. Но плохо то, что и они не забыли. Они знают, каким он был. Впрочем, во имя "высоких целей" это теперь не имеет никакого значения. Где-то он читал, кажется это фраза Медичи из

анналов инквизиции: "Есть заповедь — прощать врагам нашим. Но нет заповеди, чтобы прощать нашим бывшим друзьям". Сталин мог усмехнуться наивности сентенции: он не прощал ни тех, ни других.

"Враги народа"

История знает много жестокостей и злодеяний. Пожалуй, нарицательным стало имя римского императора Нерона, сына Домиция Агенобарба и Агриппины-младшей. Император прославился невиданной жестокостью. Даже Сенека, философ и искусный актер, воспитывая Нерона, так и не смог привить императору добродетели. Властитель, проводя реформы, добиваясь могущества государства, не остановился перед убийством сводного брата и матери, вынудил к самоубийству Сенеку. В конце концов правление Нерона уже было неотделимо от казней — апофеоза жестокости. Страшный пожар Рима повлек за собой казни невинных людей. Раскрыв заговор Пизона, император стал после этого выдумывать мнимые заговоры, чтобы истребить наиболее популярных сенаторов и опасных конкурентов. Поощрялись доносы... Склонность к злодеяниям как способу правления сочеталась у Нерона с любовью к поэзии и другим искусствам...

Нет, я не собираюсь проводить никаких прямых исторических аналогий, тем более столь небесспорных. Просто хотелось еще раз напомнить, что единовластие в любой бесконтрольной форме чревато злоупотреблениями, вплоть до злодеяний. Во все времена и исторические эпохи. Эта истина верна не только для 54 — 68 годов нашей эры, когда правил Нерон.

Никакие справедливые цели и намерения не могут оправдать безнравственных средств, которые являются не только злом моральным по своему характеру, но и злом социальным по своим последствиям. Ведь "в нашем идеале, — и в это страстно верил Ленин, — нет места насилию над людьми"[9]. А именно к нему широко прибег Сталин в печальном, трагически вошедшем в нашу историю 1937 году. Это был эпицентр трагедии не столько в силу масштабов репрессий (в 1929 — 1933 гг., видимо, пострадало людей больше), а прежде всего в результате невиданного политического цинизма, который не мог своевременно разглядеть великий народ.

Кто ввел в обиход страшный термин "враг народа"? Откуда он появился? Конечно, дело не в понятии, а в попытке найти какие-то исторические, политические, логические обоснования, которые использовал Сталин для широкого применения социального насилия. Я уже упоминал в начале книги, что Сталин впервые познакомился с историей Великой французской революции в Туруханске. На него произвела большое впечатление решительность Робеспьера и Кутона, добившихся в критическую минуту принятия Закона об упрощении судебного процесса над "врагами революции". Ему импонировала формула Робеспьера: "...Кто ходит в шитых золотом штанах, тот враг всех санкюлотов". Кто не с революцией — тот ее враг, по-своему читал Робеспьера Сталин. Еще тогда он отметил интересное, по его мнению, место из речи Робеспьера в Конвенте 10 июня 1794 года: "Когда свобода добивается, по-видимому, блестящего триумфа, враги отечества составляют еще более дерзкие заговоры".

Сталин в истории искал не только аналогии, но и аргументы для своего оправдания в будущем. Ему очень импонировала мысль Робеспьера, высказанная им 5 февраля 1794 года в Конвенте: врагами народа следует управлять с помощью террора... Ведь это по настоянию Робеспьера, в ответ на убийство Марата, Шалье, Лепелетье де Сен Фаржо и других якобинцев, Конвент декретировал: "Поставить террор в порядок дня". Революционный трибунал, созданный Конвентом за полтора месяца до начала термидора, вынес 1563 приговора и из них лишь 278 оправдательных, остальные смертные![10] Робеспьер не остановился перед тем, чтобы отправить на эшафот и таких деятелей, как Дантон, Демулен, Филиппо...

Сталин, однако, не хотел замечать, что Робеспьер так же ценил жизнь тех, кого посылал на казнь, как и свою. Советский диктатор всегда смертельно боялся покушений. Поэтому в основе обвинений множества несчастных была пресловутая статья 58[8] — "совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти". Листая тома уголовных дел, видишь (если верить судопроизводству того времени), что тысячи и тысячи советских граждан только и думали, как устранить "вождя" и все его окружение! Сталин не хотел повторять ошибок Великой французской революции. Его террор будет беспощадным!

Хотя термин "враг народа" был в обиходе и раньше, после 1934 года Сталин наполнил его "конкретным содержанием". Еще в "Закрытом письме", которое ЦК партии направил в рес-

публиканские и областные парторганизации 29 июля 1936 года и к которому Сталин непосредственно "приложил руку", подчеркивалось, что враг народа обычно выглядит "ручным и безобидным", что он делает все для того, чтобы "потихоньку вползти в социализм", что это люди, не принявшие социализма, и чем безнадежнее будет их положение, тем охотнее "они будут хвататься за крайнее средство..."[11].

Как мне рассказывал А.А. Епишев, работавший в 1951 — 1953 году заместителем министра государственной безопасности, Берия любил на совещаниях подчеркивать мысль, авторство которой он приписывал Сталину: "Враг народа не только тот, кто вредит, но и тот, кто сомневается в правильности линии партии. А таких среди нас еще много, и мы должны их ликвидировать..." Епишев, скупой на рассказы о себе, делился в редкие минуты откровений:

— Удалось с трудом вырваться из бериевского вертепа. После неоднократных просьб отпустить меня вновь на партийную работу, Берия зловеще бросил:

— Не хочешь со мной работать? Ну что же — как хочешь...

— Через несколько дней меня направили в Одессу, — продолжал собеседник, — вновь избрали первым секретарем обкома, а вскоре ко мне зашел начальник областного управления МВД и предложил с завтрашнего дня оставаться дома. Я знал, что это значит: со дня на день будет арест... А тех, кто работал рядом с ним и в чем-нибудь сомневался, Берия считал не "простыми" врагами народа. Меня чудом спас счастливый случай: Берию в эти самые дни арестовали... "Враг народа" была универсальная форма отбора тех, кто не подходил под сталинский ранжир...

Думаю, это образное выражение Епишева довольно верно схватывает существо вопроса. Ну а не подходили под "сталинский ранжир" многие. Большинство же просто обвинялись в том, что они не подходят. Таким образом сталинская концепция "врагов народа", внешне заимствованная "вождем" у руководителей Великой французской революции, ничего общего с их пониманием не имеет. Робеспьер, установивший революционно-демократическую диктатуру, видел врагов в обладателях "несправедливо приобретенного богатства и тиранической аристократии". Сталин, подчеркну еще раз, — во всех тех, кто даже потенциально мог не разделять его взглядов. Даже инакодумство, само подозрение в нем считалось враждебным деянием. Никто не выступал против единовластия Сталина, но он чувствовал, что в душе многие, особенно

из ленинской "старой гвардии", не одобряют его, Сталина, социализм. Этого было достаточно, чтобы беспредельно подозрительный и жестокий диктатор постепенно созрел для страшного решения.

Сталин с помощью идеологического аппарата исподволь нагнетал в стране атмосферу подозрительности, настраивая на ожидание предстоящей кровавой чистки.

Подавляющее большинство советских людей безоговорочно поверили, что идет борьба не на жизнь, а на смерть с людьми, которые не оставили надежд реставрировать капитализм в нашей стране. Передовицы газет уже в январе 1937 года пестрели заголовками "Шпионы и убийцы", "Торговцы Родиной", "Троцкист — вредитель — диверсант — шпион", "Подлейшие из подлых", "Троцкистская шайка реставраторов капитализма"... Непрекращающийся "массаж" общественного сознания давал свои плоды: люди негодовали, узнав о подлости тех, кто так долго "маскировался".

Как это могло произойти? Почему Сталину и его окружению удалось убедить партию, народ в том, что они живут среди врагов? Как обосновывалось настоящее безумие шпиономании и вредительства? В значительной мере на эти вопросы отвечает февральско-мартовский Пленум ЦК партии 1937 года.

На Пленуме, который продолжался около двух недель, было заслушано немало докладов. Начал секретарь ЦК А.А. Жданов, доложивший о подготовке парторганизаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и перестройке партийно-политической работы. Жданов, который уже стал пользоваться особой благосклонностью "вождя", в своем докладе высказал ряд как будто верных мыслей. В частности, он подчеркнул, что "новая избирательная система означает гораздо более широкую гласность в деятельности советских организаций". Он вполне справедливо поставил вопрос о состоянии внутрипартийной демократии как важнейшем условии нравственного здоровья ВКП(б). Но тут же привел цитату Сталина о том, что, хотя "нам бьет в глаза культурная работа диктатуры", органы подавления сегодня так же нужны, как и в период гражданской войны. Мы не можем не учитывать, продолжал докладчик, что, "пока наши люди дремлют и раскачиваются, враги уже действуют...". А в партии обстановка, по словам Жданова, непроста. Ряды партии редеют; в ней оказалось немало врагов. Далее он заявил: "Вредная практика кооптации укоренилась и зашла далеко. Практика

кооптации нарушает законное право членов партии принимать участие в выборах своих руководящих органов".

Затем секретарь ЦК привел любопытные данные. В бюро райкомов и горкомов кооптировано до 59% членов и кандидатов в члены бюро. В Киеве, например, заявил Жданов, 19 октября 1934 года в горком кооптировали сразу 14 человек, в том числе Ашрафьяна, Дзениса, Сенченко, Тодера и других, оказавшихся врагами народа. В Харьковском горкоме из 158 членов и 34 кандидатов, избранных на IV городской партийной конференции, осталось только 59, а кооптировано 61. А бюро горкома, за исключением одного, состоит целиком из кооптированных. В Ленинском районе Харькова 4 апреля 1936 года ставился вопрос об "исключении целой пачки людей", говорил Жданов. Пригласили и актив. Зачем? А затем, что на пленуме райкома присутствовали 10 членов, а надо было вывести 12 человек! Так 10 человек сожрали 12 человек! (*Смех среди участников Пленума.*) Жданов еще долго приводил подобные примеры[12].

То были не просто симптомы партийной антидемократии. В партии создавалась атмосфера законности беззакония, дозволенности широкого использования силовых методов. Сталиным и его окружением уже был создан моральный климат, в котором стал возможным переход от административных методов решения проблем к методам прямого насилия над потенциальными противниками.

К началу Пленума "господствующая личность" уже провела "разведку боем". Я имею в виду расправу над Зиновьевым и Каменевым, другими большевиками. Народ поддержал. Сталину мешали эти деятели, низведенные до мелких служащих, но много знавшие о нем. Например, о тех совещаниях, которые проводил Сталин у себя в кабинете, настраивая Зиновьева и Каменева против Троцкого; о его многочисленных интригах, поделывании старых партийных документов (Сталин организовал, например, "записку" Вл. Сорина и Е. Стасовой о необходимости внесения изменений в протоколы заседания ЦК от 23 февраля 1918 г. о Брестском мире)[13]; о загадочной истории болезни и смерти М.В. Фрунзе и других сомнительных страницах былого, которые "вождь" никогда не ворошил. Зиновьев и Каменев уже сидели. Но он жаждал отправить их в небытие.

15 августа 1936 года Зиновьев и Каменев по личному распоряжению Сталина вновь были преданы суду. Еще не начались заседания, не оглашено обвинительное заключение, а газеты и радио дружно требуют: "смерть гадам", "нет пощады

врагам", "врагов народа — на свалку истории". Сталинская месть не знала компромиссов: его бывшие коллеги по Политбюро были приговорены к смертной казни и расстреляны. Их последняя мольба — письма с просьбой о помиловании к Сталину — осталась без ответа. "Вождь" надеялся, что вместе с Каменевым умрет и сделанное им на XIV съезде партии заявление: "...Я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба..."; что вместе с Зиновьевым умрет и его оценка Сталина как "кровавого осетина... не ведающего, что такое совесть...". У истории много тайн. Но надеяться на то, что они всегда будут нераскрытыми, не мог, не должен был даже Сталин. Да, оба были "оппозиционерами". Оба боролись за власть, за свое видение путей развития. Часто виляли, были непоследовательными. Но врагами социализма, народа не были никогда. Сталин не любил ограничиваться одним "слоем" обезвреженных врагов. А посему у Зиновьева, Каменева, сотен, тысяч других, кому он "отказал в доверии", были уничтожены или сосланы и семьи. Так, вслед за Л.Б. Каменевым погибли его жена, два сына (один не достигший совершеннолетнего возраста), брат с женой... Сталин вырубал не только деревья, но и поросль вокруг. В тридцать седьмом эта рубка превратилась в круглосуточный "лесоповал".

Доклады Молотова, Кагановича, Ежова на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года были посвящены в сущности одному вопросу — "Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов". В докладах отсутствовал какой-либо разумный анализ, реальное осмысление положения дел по той простой причине, что сам предмет обсуждения был миражом, видимостью. Было много крепких слов, заклинаний. Одновременно докладывались и первые "результаты", которые сегодня просто ошеломляют.

Молотов, начав доклад, заявил, что делает его вместо Орджоникидзе. 18 февраля, за неделю до открытия Пленума, Серго застрелился. В правительственном сообщении говорилось, что он умер от паралича сердца. По свидетельству ряда лиц, знавших семью Орджоникидзе, Серго крайне болезненно относился к нагнетанию шпиономании и выискиванию врагов. У него было по этому поводу несколько крупных и резких разговоров со Сталиным. Но тот в ответ послал Серго доносы на него самого, поступавшие в НКВД, явно намекая, что "дыма без огня не бывает". Должно быть, Орджоникидзе понял, что "вождь" требует полного послушания, либо его ждет трагическая участь

других. В довершение всего Сталин поручил Серго сделать доклад на Пленуме "О вредительстве в тяжелой промышленности". Орджоникидзе предстояло своими руками отдать на заклание многих командиров производства, принять непосредственное участие в произволе, с чем настоящий большевик смириться не мог. Свой шанс совести Орджоникидзе использовал, хотя и не лучшим способом, но в той обстановке, пожалуй, единственно достойным. В день трагического выбора люди Ежова передали Орджоникидзе протокол допроса его брата Папулия. Были арестованы и некоторые другие родственники Серго. Его буквально подталкивали к роковому шагу. И Серго этот шаг сделал.

Сталин, прибыв на квартиру Орджоникидзе, приказал, чтобы в печать пошла "обоснованная" версия самоубийства. Письмо, написанное покойным, по свидетельству близких, оказалось у Сталина. О его содержании, по-видимому, мы никогда не узнаем. Затравив Орджоникидзе, "вождь" убрал еще одного человека из своего окружения, который не разделял курса на террор. (Для Сталина стало нормой — толкнуть человека в объятия смерти, а затем нести гроб или урну с прахом, произносить скорбные речи, утешать родных.)

Из-за похорон наркома начало Пленума пришлось перенести. Для Сталина смерть Серго была лишь обычным эпизодом: он не любил тех, кто колебался. А Орджоникидзе, осознав, что Пленум должен одобрить целую программу террора, не просто заколебался, а выразил свой протест, уйдя из жизни. Впрочем, так поступят в те годы и многие другие — Томский, Гамарник, Сабинин, Любченко...

Молотов в докладе сыпал цифрами, множеством фамилий "врагов народа", пробравшихся в тяжелую промышленность: Аристов, Гайдеров, Берман, Норкин, Карцев, Аркус, Язовских, Яковлев, десятки других руководителей. По словам Молотова, всем этим "шабашем террористов и троцкистских агентов" руководил Пятаков. Стремясь показать не только расширение "вредительства" в народном хозяйстве, но и активную борьбу с ним, Молотов привел зловещую статистику — о количестве осужденных в аппаратах ряда наркоматов к 1 марта 1937 года:

Наркомтяжпром — 585 человек

Наркомпрос — 228

Наркомлегпром — 141

НКПС — 137

Наркомзем — 102...[14]

И так по двадцати одному ведомству. Докладывая Плену-

му, Молотов все время делал акцент на то, что все эти вредители действовали по указаниям из "троцкистского центра". Председатель Совнаркома объяснял "стратегию" вредительства лозунгом Троцкого: "Наносить чувствительные удары в чувствительных местах".

Однако даже допуская, что факты вредительства могли быть и, возможно, были, предсовнаркома должен был знать, что при огромных масштабах проектирования, строительства, введения в эксплуатацию новых промышленных и иных объектов делалось это часто в огромной спешке, "кавалерийским наскоком". Слабая техническая вооруженность, низкая производственная, технологическая культура и дисциплина, некомпетентность не могли не приводить к авариям, крушениям, пожарам, браку. Однако все это объявлялось только как результат "происков троцкистских вредителей".

В этом же духе был выдержан и доклад Кагановича, "осветившего" уроки вредительства на железнодорожном транспорте. Здесь был другой набор: троцкисты вредили внедрению паровоза "ФД", не допускали "превышения норм" (а как только вопреки установкам "предельщиков" их нарушали, следовали аварии и катастрофы), противодействовали стахановскому движению, срывали планы перевозок. У Кагановича тоже был длинный список вредителей-руководителей: Кудреватых, Васильев, Братин, Нейштадт, Морщихин, Беккер, Кронц, Бреус, Барский и многие, многие другие. Чтобы не отстать от Молотова, Каганович тоже доложил, что в НКПС "рукав не жуют", времени не теряют и охоту на "врагов" тоже начали. Я уже приводил "статистику" Кагановича. Не трудно представить, как "разоблачали" и "увольняли" (слова Кагановича) с транспорта тысячи людей. Приходится только удивляться такой дружной концентрации на железной дороге буквально всех разновидностей "врагов народа": бывших жандармов, эсеров, меньшевиков, троцкистов, белых офицеров, вредителей и шпионов!

Ежов своим докладом еще больше нагнетал обстановку: выходило, что буквально повсюду проникли "враги". Его страшная "статистика", которую, мне кажется, не стоит здесь приводить, создавала мрачное впечатление самой широкой активизации многочисленных враждебных организаций в стране.

Ежов, этот нравственный и физический пигмей, накануне Пленума был удостоен звания генерального комиссара государственной безопасности, которое до него никому не присваивалось. Его удостоится позже только Берия. Некоторые идеи

доклада сталинского наркома были откровенно подстрекательскими, направленными на развертывание кампании доносительства на "внутренних врагов". "За несколько месяцев, — заявил Ежов, — не помню случая, чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: "Тов. Ежов, что-то мне подозрителен такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком". Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей"[15].

В специальном постановлении, принятом Пленумом по докладу Ежова, снова отмечалось, что наркомвнудел в борьбе с врагами запоздал по крайней мере на 4 года. Похоже, по мысли Сталина, кровавую чистку надо было провести накануне XVII съезда партии. НКВД вменялось "довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности"[16]. Но все это было прелюдией. Эмпирические сыскные выкладки Молотова, Кагановича, Ежова больше пугали здравомыслящих участников Пленума, нежели убеждали их в существовании всеобщего вредительства. Нужно было теоретическое и политическое обоснование. Первые докладчики обрисовали "ландшафт", где действовали "враги", но их сущность, "природа" и причины активизации были неясны. Сейчас можно лишь догадываться, о чем думали тогда участники Пленума, какие испытывали чувства: через три года после "съезда победителей", на двадцатом году Советской власти столкнуться вновь едва ли не с тотальной "опасностью реставрации капитализма"... Сталин, уже в значительной мере "освободивший" ЦК от большевиков ленинской школы, вновь (в который раз!) решил прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Была нужна четкая программа. "Вождь" сформулировал ее. Нужно было теоретическое обоснование террора против "врагов". Сталин проделал эту работу. Нужно было поднять людей на ликвидацию "троцкистских и иных двурушников". Сталин решил и эту задачу. По тщательности формулировок, продуманности структуры доклада, с которым выступил Сталин, содержанию его заключительного слова и резолюции, написанной им собственноручно, видно, какое большое значение "вождь" придавал предстоящей кровавой чистке. Но даже Сталин едва ли предполагал, сколь огромной окажется инерция насилия и какими тяжелыми будут последствия этого трагического для нашего народа шага.

Доклад Сталина был озаглавлен "О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников". По многочисленным зачеркиваниям, пометкам на полях, вставкам, сделанным четким почерком Сталина, видно, как тщательно он готовился к докладу. Он не опустился до мелкого "вылавливания" вражеских функционеров, чем самозабвенно занимались Молотов, Каганович и Ежов. Основной докладчик все разложил по полочкам. Вначале Сталин охарактеризовал феномен "политической беспечности", затем перешел к последствиям капиталистического окружения. Здесь он верно отметил, что опасность со стороны империализма реальна, ее следует постоянно учитывать в процессе социалистического строительства. Но эту опасность Сталин органично связал, что было совершенно неоправданно, с "троцкистской опасностью". Самих троцкистов он охарактеризовал как "оголтелую и беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц, действующих по заданиям разведывательных органов иностранных государств". Фактически Сталин объявил троцкизм главной опасностью для социализма. Дав подробнейшую характеристику современного троцкизма, он пришел к далеко идущему зловещему теоретическому выводу:

"Чем больше мы будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последнее средство обреченных"[17].

В ряде своих выступлений в конце 20-х, а затем в 1934 — 1936 годах Сталин выдвинул теорию обострения классовой борьбы по мере упрочения позиций социализма. Эта концепция парадоксальна по своему звучанию и ненаучна по своему содержанию. Но Сталин был прагматиком. Ему нужно было теоретически "обосновать" готовящийся процесс тотальной чистки. Кроме Сталина, в его окружении эту задачу никто решить не мог. Это было нужно ему. "Вождь" давно привык к тому, что все его теоретические выкладки были оправданием политического курса партии. С одной стороны, еще в 1934 году Сталин утверждал, что эксплуататорские классы в СССР ликвидированы, а теперь, спустя три с лишним года, стал вдруг доказывать, что борьба "обостряется". Это, подчеркивал он на Пленуме, стало возможным при условии маскировки бывших оппозиционеров, которые вели скрытую подрывную рабо-

ту, консолидировали свои силы, дожидаясь своего часа. Сталин насчитал целых "шесть гнилых теорий", которые мешают партии окончательно разгромить "троцкистскую банду": мол, нельзя считать, что перевыполнение плана сводит на нет работу вредителей; мол, не стоит полагаться на то, что стахановское движение само по себе ликвидирует вредителей; мол, ошибочна позиция некоторых, считающих, что троцкисты не готовят свои кадры, и т.д.

Если предыдущие докладчики и многие выступающие сосредоточивали свое внимание на эмпирии конкретного бытия, приводя конкретные факты вредительства, то Сталин, как всегда, все загнал в жесткую схему. В заключительном слове 5 марта он заявил, что "есть семь пунктов, по которым у участников Пленума нет ясности". Были среди этих пунктов и отдельные верные суждения (например, ряд бывших троцкистов заняли правильные позиции и "их не следует опорочивать"), были суждения явно вождистские (мол, надо иногда прислушиваться к голосу т.н. "маленьких людей"), суждения "мобилизующие" ("врагов мы будем в будущем разбивать так же, как разбиваем их в настоящем, как разбивали их в прошлом"). Сталин, любивший простые афоризмы и всем понятные сравнения, заявил на Пленуме: "Чтобы выиграть сражение, может потребоваться несколько корпусов. А для того, чтобы его провалить — несколько шпионов. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого нужны тысячи людей. Чтобы его взорвать, нужно всего несколько человек"[18]. Словом, "вождь" указал на особую опасность даже "отдельных шпионов", стимулируя тем самым повышенное рвение к их разоблачению.

Резолюция по докладу Сталина содержала двадцать семь категоричных тезисов. Его карандаш придал им законченный вид:

— осудить практику недооценки пропагандистского фронта;

— осудить практику превращения пленумов в средство парадных манифестаций;

— осудить практику кооптации и сведения выборов к пустой формальности;

— осудить практику артельности в деле распределения партийных сил;

— осудить практику бездушного отношения к судьбе отдельных членов партии... и т.д.[19]

На первый взгляд, трудно не согласиться с основным содержанием сталинских постулатов, но вся беда в том, что эти де-

кларации реально нисколько не влияли на "судьбы отдельных членов партии", не предотвращали другие нарушения демократических основ жизни ВКП(б). Например, за два дня до принятия этих решений, обязывающих "осуждение бездушия", была решена судьба Бухарина и Рыкова, а месяцем раньше был объявлен приговор Пятакову, Радеку, Сокольникову, другим "шпионам" и "террористам", а фактически — товарищам по партии. Для Сталина постоянный разрыв между словом и делом стал привычным. То, что предназначалось для широкого "потребления", как правило, выглядело более или менее респектабельно, демократично, законно. То же, что адресовалось узкому кругу лиц, держалось в строгом секрете. Двойная мораль, двойные стандарты, двойные подходы уже стали нормой в сложившейся вокруг Сталина системе отношений. Особенно наглядно это проявилось в решении судьбы Бухарина и Рыкова.

На февральско-мартовском Пленуме 1937 года, одобрившем курс на ужесточение борьбы с "троцкистскими шпионами и террористами", была принята резолюция "по делу Бухарина и Рыкова", которые до Пленума еще продолжали оставаться кандидатами в члены ЦК. Для выработки проекта постановления Пленума по этому вопросу создали комиссию под председательством Микояна, в которую вошли также Андреев, Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Ежов, Шкирятов, Крупская, Косиор, Ярославский, Жданов, Хрущев, Якир, Берия, Эйхе, Багиров, Буденный, Чубарь, Косарев, Постышев, Гамарник, ряд других членов ЦК (всего 36 человек)[20].

К заседанию этой комиссии Бухарин подготовил обстоятельную, страстную записку, в которой отверг все обвинения в свой адрес. Опальный теоретик написал и несколько писем Сталину, пытаясь убедить "вождя", что данные против него "показания" группой арестованных "врагов народа" инспирированы, что он никакого отношения к террористической, шпионской и другой подобной деятельности не имеет. Бухарину удалось по "вертушке" (которая все еще стояла в его квартире) два-три раза дозвониться до Сталина. Сталин успокаивал:

— Николай, не паникуй. Разберемся... Мы верим, что ты не враг. Но раз на тебя "показывают" Сокольников, Астров, Куликов, другие двурушники, которые признались в своем вредительстве, надо спокойно разобраться... Успокойся!

— Как можно даже думать, что я "пособник террористических групп"! — срывался Бухарин.

— Спокойно, Николай, спокойно. Разберемся... — и Сталин вешал трубку.

Объяснения Бухарина и Рыкова на комиссии, по сути, слушать не стали. Главные "аргументы" были те же: участники "параллельного троцкистского центра" утверждают, что Бухарин, Рыков и будущие "однодельцы" знали о вредительской, террористической деятельности "центра" и помогали в ней. Бухарин был в отчаянии; Рыков вел себя сдержаннее, поняв, что их неотвратимо ждет судьба недавно расстрелянных Зиновьева, Каменева, а затем и Пятакова, Муралова, Дробниса, Шестова и других "подлых изменников". Именно такие эпитеты были в ходу, когда дело касалось политических процессов. Бухарин объявил голодовку в знак протеста против чудовищно несправедливых обвинений.

Вечером 26 февраля, а затем утром 27 февраля Бухарину позвонил Поскребышев и сообщил, что ему и Рыкову надо явиться на Пленум, который уже начал работу (хотя Бухарин и Рыков еще были кандидатами в члены ЦК, их приглашали уже не на все заседания). Кроме Уборевича и Акулова, никто не подал им руки. Началось заседание комиссии Пленума по "делу" Бухарина и Рыкова. Еще до доклада Ежова Сталин бросил в зал:

— Бухарин объявил голодовку. Николай, кому ты выдвигаешь ультиматум, Центральному Комитету? Проси прощения у него.

— Но ведь вы собираетесь меня исключать из партии...

— Проси прощения у ЦК.

Бухарин, как с ним бывало не раз, не выдержал. Ему почудились в словах Сталина проблески надежды. Однако тут же он понял, что в основе рассмотрения его "дела" лежат материалы следствия НКВД, а его объяснение, письменное и устное, расценивается лишь как попытка "ввести партию в заблуждение". Сейчас можно только догадываться, что испытали Бухарин и Рыков перед стеной не просто непонимания, а заранее запрограммированной враждебности. У членов комиссии были данные, которые опирались на "доказательства", "показания", полученные от уже осужденных недозволенными способами.

Бухарин на предложение председателя комиссии Микояна чистосердечно признать свое участие в антигосударственной деятельности резко, с места, ответил:

— Я не Зиновьев и Каменев и лгать на себя не буду.

— Не будете признаваться, — тут же зло ответил ему Молотов, — этим и докажете, что вы фашистский наймит, они же

в своей прессе пишут, что наши процессы провокационные. Арестуем — сознаетесь!

В НКВД есть люди, которые, прикрываясь авторитетом партии, творят невиданный произвол, — продолжал Бухарин.

— Ну вот, мы тебя туда пошлем, — вмешался Сталин, — ты и посмотришь...

Пожалуй, знали о том, что обвинения фальшивые, лишь Сталин, Ежов и его ближайшее окружение. Бухарин и Рыков, вся жизнь которых была как на ладони, не могли быть врагами. Сталин почувствовал колебания членов комиссии, ознакомившихся с письменным заявлением Бухарина, поспешил завершить обсуждение заранее обговоренным решением. Приступили к поименному голосованию предложения Ежова, которое гласило: "Исключить Бухарина и Рыкова из состава кандидатов в члены ЦК и членов партии, с преданием их суду военного трибунала, с применением высшей меры наказания — расстрела". Но следующий же голосующий, Постышев, заявил, что он "за исключение и предание суду, но без расстрела". Буденный, Мануильский, Шверник, Косарев — "за исключение, суд и расстрел". Антипов, Хрущев, Николаев, Шкирятов — "за исключение, суд без расстрела"...

Сталин понял, что единогласного решения уже не будет и сделал свой ход, продумав его, как всегда, до конца:

— Я предлагаю, — заявил он, — исключить Бухарина и Рыкова из партии, суду не предавать, а направить это дело для расследования в НКВД.

Сталин знал, что это равносильно чудовищному и противозаконному — "исключить, судить, расстрелять", но внешне он выступил миротворцем, даже "гуманистом". Возможно, у Бухарина и Рыкова после предложения Сталина вновь затеплился слабый уголек надежды. Естественно, что после сталинского резюме большинство членов комиссии выступали уже с облегчением:

— Я за предложение товарища Сталина. — Так заявили Крупская, Варейкис, Молотов, Ворошилов. Иные повторили слова Постышева — Косиор, Петровский, Литвинов: за "суд без расстрела". Но из истории не выбросишь и того, что Косарев и Якир, ближайшие очередные жертвы беззакония, проголосовали и после сталинского предложения за "исключение, суд и расстрел". Как видим, ряд членов комиссии выносили еще до суда приговор; остальные изложили иное мнение, не предрешающее, казалось бы, ужасного конца. Микоян, председательствовавший на заседании комиссии, публично своего

мнения не высказал. После поименного опроса решили еще раз проголосовать. Теперь уже единогласно прошло предложение Сталина:

1. Исключить из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) Бухарина и Рыкова; суду их не предавать, а направить дело Бухарина и Рыкова в НКВД;

2. Поручить комиссии в составе тт. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна и Ежова выработать на основе принятого решения проект мотивированной резолюции.

Председатель комиссии
27.02.37 г.

А. Микоян[21].

Сталин понял, что нужно готовить еще один процесс. Исход его был для "вождя" ясен.

Бухарин и Рыков сразу же после окончания заседания, едва выйдя из зала, были арестованы. Начались долгие тринадцать месяцев, которые отделяли Пленум и финал трагедии Бухарина и Рыкова, а вместе с ними и многих, многих людей, которые потенциально м о г л и быть против единовластия "вождя".

Остается добавить, что по "делу" Бухарина и Рыкова была принята испещренная собственноручными поправками и вставками Сталина резолюция. Она явилась по существу политической инструкцией и методологическим ключом в подходе к аналогичным делам. Пленум не просто одобрил теоретические тезисы Сталина об "обострении классовой борьбы" на современном этапе, но и преподал урок, какой должна быть реакция на "вражеские" действия. В резолюции было три пункта. Краткое их содержание таково:

1. На основании следственных материалов Пленум ЦК устанавливает, что тт. Бухарин и Рыков, как минимум, знали о преступной, террористической, шпионской и диверсионной деятельности троцкистского центра, но скрывали это, чем и содействовали преступному делу.

2. На основе следственных материалов НКВД, очных ставок, Пленум ЦК устанавливает, как минимум, что тт. Бухарин и Рыков знали об организации преступных террористических групп со стороны их учеников и сторонников — Слепкова, Цейтлина, Астрова, Марецкого, Нестерова, Родина, Куликова, Котова, Угланова, Зайцева, Кузьмина, Сапожникова и др. и не только не вели борьбы, но и поощряли их.

3. Пленум ЦК ВКП(б) устанавливает, что записка т. Бухарина в ЦК ВКП(б), где он пытается опровергнуть показания поименованных выше троцкистов и правых террорис-

тов, является по своему содержанию клеветническим документом.

Учитывая сказанное и принимая во внимание, что и при жизни Ленина т. Бухарин вел борьбу против партии и против самого Ленина (как и Рыков), все происшедшее не является случайным или неожиданным, а посему (далее написано рукой Сталина. — *Прим. Д.В.*) "исключить Бухарина и Рыкова из состава канд. в члены ЦК ВКП(б) и из рядов ВКП(б). Передать дело Бухарина и Рыкова в НКВД"[22].

Ни слов "товарищей", ни сокращений "тт." здесь уже нет...

Убрать Бухарина и Рыкова сразу Сталин, однако, еще не мог. Их слишком хорошо знали в народе и партии. Нужен был процесс, а для того чтобы обвиняемые к нему "созрели", требовалось время.

Сталин был незаурядным политическим Режиссером и Драматургом. В отличие от Шекспира, сказавшего устами Гамлета: "быть или не быть?", дилеммы у него не было. Эту особенность его зловещей политической натуры стоит подчеркнуть: гамлетовская дилемма касалась одного Гамлета. Сталин же решал судьбы тысяч и миллионов людей. Так **триумф "вождя" оборачивался страшной трагедией народа.**

Решения Пленума ЦК дали чудовищный импульс. Уже в марте 1937 года в республиках и областях прошли пленумы партийных комитетов. На них не только излагались установки "вождя", но и докладывались первые результаты по их выполнению. Вот, например, несколько выдержек из доклада Жданова, сделанного им 15 марта 1937 года в Ленинграде:

"Бухарин и Рыков, как оказалось, ничем не отличались от зиновьевцев и троцкистов. Это одна шайка разбойников. Более позорного, более гнусного, более отвратительного поведения, как вели себя Бухарин и Рыков, я не припомню. Четыре дня мы добивались от них правды. Но даже искры, даже намека на человеческое отношение к партии мы не дождались. Как с их стороны было заявлено, что мы им не судьи". Далее Жданов решился как можно унизительнее "выставить" Бухарина перед ленинградскими коммунистами. Мол, его голодовка — актерский прием: "В 12 часов ночи поплотнее поел, как следует, и до 10 утра объявил голодовку..."[23]

Жданову уже было что сказать и о развернувшейся в Ленинграде "работе" по выявлению "врагов": "на Кировской и Октябрьской железных дорогах вскрыто 8 вредительских групп; 10 групп — на заводах города, а также в НКВД, в ПВО, в партийном аппарате...". За короткое время во всех райкомах были

выявлены "гнезда врагов": в Выборгском районе — 13 человек, Василеостровском — 12, Кировском — 12... Всего 223 партийных работника. "Можете представить засоренность партийного аппарата!"

Энергичными мазками Жданов продолжал рисовать картину засилия врагов в городе — колыбели революции. "Институт красной профессуры с 1933 по 1936 год выпустил 183 человека. 32 из них уже арестованы. Из 130 оставшихся сейчас в Ленинграде — 53 выявлены как враги народа"[24], — под гул негодования продолжал один из сталинских теоретиков и практиков террора. Такой же гул, раскаты возмущения шли по всей стране. Недоумение, страдания, страх были, напротив, немыми, безмолвными.

Более полувека минуло с тех пор, а боль и горечь утрат остались. Как мне пишет К.А. Кужела, 80-летний ветеран из Перми: "Почти каждую ночь я вижу себя, молодого, в далеком колымском лагере и каждый раз просыпаюсь от ужаса"...

Фарс политических "спектаклей"

На иконописных изображениях Страшного суда, перед которым, в соответствии с евангельским словом от Матфея, предстанут все, художники изобразили кары за грехи земные. Разбойникам — повешение, сребролюбцам — льют в горло золото расплавленное, блудникам и блудницам — геенна огненная, священникам, не радевшим о стаде своем, — прямой путь в ад. Старые богомазы изобразили и растерянного человека с распростертыми руками, не знающего, куда идти: половину жизни он жил праведно, а остальную грешил неоглядно. Клеветники висят за языки повешенные. Нашлось на библейских картинах и место судьям немилостивым и неправедным; поедает их жадно "чревь неусыпающий". Однако, глядя на эти творения старых мастеров, трудно понять, что руководило действиями судей неправедных, попирающих самое святое — справедливость.

Совсем иное дело с судом неправедным, который чинил расправу с бывшими и потенциальными "оппозиционерами". Главный Режиссер судебных политических спектаклей знал, что хочет. Сталин ненавидел Троцкого. Но не отвергал некоторые

его методы, хотя никогда в этом не признавался. Напомню, что в его библиотеке были практически все книги Троцкого. Одна из них — "Основные вопросы пролетарской революции" — была близка ему по духу. Особенно раздел "Терроризм и коммунизм", где Троцкий пишет: "Революция требует от революционного класса, чтобы он добился своей цели всеми средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно — вооруженным восстанием, если требуется — терроризмом... Там, где он (революционный класс. — *Прим. Д.В.*) будет иметь против себя вооруженный заговор, покушение, мятеж, он обрушит на головы врагов суровую расправу. Вопрос о форме репрессии или об ее степени, конечно, не является "принципиальным". Террор может быть очень действен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены. Устрашение есть могущественное средство политики..."[25] Конечно, Сталин, приступая к "великому очищению", скорее всего разделял идеи, высказанные Троцким еще полтора десятилетия назад. Он следовал этим рецептам периода революции и гражданской войны, но применил их, однако, когда, по его же словам, "социализм победил полностью". Нет никакого сомнения в том, что Сталин видел в массовых репрессиях "законный метод" диктатуры пролетариата и тогда, когда эксплуататорских классов в стране не осталось. Ведь именно так Жданов разъяснял установки сталинского доклада на февральско-мартовском Пленуме: "Репрессия имеет воспитательную роль"[26]. Конечно, можно спросить: **что** понимать под "репрессией"? Едва ли есть сомнение в том, **как** понимал суть репрессий Сталин. В этой связи хотелось бы сделать одно отступление.

Судя по многочисленным письмам, которые я получаю после своих публикаций, среди читателей есть и такие, которые хотели бы вывести сталинские репрессии "за скобки". Согласны анализировать все его шаги, "заслуги", "свершения", но не хотят даже говорить о репрессиях. В лучшем случае отсылают к Ежову, Берии и т.д. Происходит своеобразное "расслоение" биографии: признается то, во что эти люди верят. Когда я читал тома дел с фамилиями погибших, невинно погибших "благодаря" Сталину тысяч людей, я как бы слышал их голоса из давно ушедшего: вечное недоумение, смертельную тоску, отчаяние и утраченные надежды. Думаю, хорошо бы этим людям, пытающимся обелить деспота, дать почитать эти тома. Репрессии — крайнее выражение диктаторского единовластия — являются апофеозом аморальности. Сталин медленно, но неуклонно шел к тотальному террору. Но ему, человеку

злого, хитрого ума, были необходимы "оправдательные" аргументы перед партией, народом, историей. Этих аргументов у него не было. Он их сфальсифицировал, сфабриковал, в частности с помощью политических процессов. Сталин, дирижировавший из-за кулис этими процессами, преследовал ясные для себя цели.

После процесса над Зиновьевым и Каменевым 23 января 1937 года в Москве начался так называемый процесс "семнадцати". Здесь вместе с Пятаковым, которого Ленин назвал в своем "Письме к съезду" человеком "несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей", было еще шестнадцать обвиняемых. Главная цель процесса — доказать, что Троцкий с помощью этих людей организовывал вредительские акции, готовил реставрацию капитализма в СССР. Процесс так тщательно "подготовили", что Пятаков, с его выдающейся волей, красочно описывал свою встречу с изгнанником в Осло (где подсудимый никогда не был), говорил о том, что Троцкий в своей "директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и, конечно, в первую очередь против Сталина и ближайших его помощников. Второй вариант, который был с точки зрения Троцкого более вероятным, — это военное поражение..."[27]. Дальше все в том же духе. Зиновьева и Каменева Сталин взял измором и обманом; Пятакова и его "содельцев" — пытками.

Еще один спектакль, так называемый процесс "двадцати одного", был особенно тягостным. Здесь готовилась расправа над Бухариным, Рыковым, Крестинским, Раковским, Розенгольцем, другими мучениками сталинского произвола.

С помощью этих судилищ Сталин хотел нанести последний, сокрушающий удар по бывшим — главным образом — сторонникам Троцкого, заклеймив их как "оголтелую банду вредителей", занимающуюся "шпионажем, террором, убийствами, поджогами". Троцкий был главной идейной и политической мишенью Сталина. "Дуэль" с Троцким продолжалась. В ней не могло быть ничьей. Не случайно, что в обвинительном заключении по делу Г.Л. Пятакова, К.Б. Радека, Г.Я. Сокольникова и других на нескольких страницах текста Троцкий упоминается пятьдесят один раз! Аналогичная картина и в обвини-

тельном заключении по делу Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, Н.Н. Крестинского, Х.Г. Раковского, А.П. Розенгольца и их товарищей по несчастью. Когда начались процессы, Троцкий из Мексики все время давал понять, что да, "судят его единомышленников, но судят за идеи". Так, почти в каждом выпуске своего "Бюллетеня оппозиции" Троцкий обязательно что-нибудь печатал о Раковском, Крестинском, Розенгольце, показывал их "несовместимость" со Сталиным, подчеркивал свою солидарность с ними. Почти регулярно изгнанник публиковал протесты против преследований своих "сторонников". Вся эта защита Троцким "врагов народа" Сталину была на руку, давала ему дополнительные "аргументы".

Сталин чувствовал приближение войны. Он не мог избавиться от ощущения, что смотрит на внешний мир глазами Троцкого. "Вождь", повторюсь, боялся признаться в этом даже самому себе. Стоило ему прочесть что-либо, написанное Троцким, как он чувствовал, что тот "каркает беду" не зря. Вот в той же "Преданной революции" Троцкий пишет: "Можем мы ожидать, что Советский Союз выйдет из приближающейся великой войны без поражения? На этот откровенно поставленный вопрос мы ответим также откровенно: если война останется только войной, поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном смысле империализм несравненно сильнее..."[28] Это звучало как приговор не только социализму, но и ему, Сталину. Но недаром он стальной: так просто не уступит. Уже сейчас, до войны, нужно убрать всех потенциальных пособников фашизму! Ведь если Гитлер придет с мечом, то посадит здесь кого-нибудь из "недобитков", размышлял Сталин. Мы будем готовиться к будущей войне, а возможную "пятую колонну" уберем сейчас. У Гитлера не будет здесь опоры... Такой ход мыслей Сталина возможен. Тем более что Молотов, по свидетельству Ф. Чуева, незадолго до своей смерти подтвердил, что накануне войны Сталин проводил курс на максимальное ослабление социальной базы возможных квислингов и лавалей.

Несмотря на общий подъем, заметные успехи и консолидацию общества на вождистской основе, крупных изъянов и провалов было очень много. Многочисленные недостатки в промышленности, хроническое отставание сельского хозяйства, медленный рост жизненного уровня народа требовали объяснений. Самым удобным для Сталина казалось свалить все на "вредительство и диверсии". В ежедневных сводках послушные исполнители, точно уловив адрес классового врага, указанный

"вождем", докладывали. Вот, например, небольшая выдержка из сводки за 19 октября 1937 года:

"ЦК товарищу Сталину

СНК товарищу Молотову

Секретарю ЦК тов. Ежову.

На Урале, в с. Таборы за развал колхоза приговорено к расстрелу 5 человек (в том числе пред. Таборинского РИКа Мотырев А.Л., пред. райзо Мешавкин Н.Л.).

Минск. За умышленное засорение муки расстреляно 5 человек (в том числе зав. заготконторой Чудновский Р.Л., зав. конторой "Заготзерно" Левченко В.М., директор элеватора Капланский В.Н.).

Саратов. Троцкистско-правая группа выпустила большое количество нефти в Волгу. К расстрелу приговорено 9 человек, в том числе: управл. Саратовской конторой Главнефть Брагкин М.Н., директор крекинг-завода Богданов В.Ф., профессор Саратовского университета Орлов Н.А.

Ленинград. По заданию агентов гестапо в системе Ленэнерго систематически поломки с увечьями рабочих. Приговорено к расстрелу 10 человек..."[29]

Подобные перечни длинны. В конце, перед подписью "*В. Ульрих*", лаконичная приписка: "Все приговоры приведены в исполнение". Часто на этих чудовищных сводках в углу торопливая подпись: "Товарищу Сталину доложено. *Поскребышев*".

Эти массовые трагедии стали обычными в течение 1937 — 1938 годов после громких политических процессов в январе и июне 1937 года, марте 1938 года. Сталин был уверен, что теперь всем становилось ясно, кто мешает еще более быстрому движению вперед, кто "торгует" Родиной, кто готовит "убийство Сталина и его окружения", кто выполняет директивы Троцкого. Политические процессы в Москве стали своеобразными детонаторами взрыва насилия в стране, массового террора по отношению не только к потенциальным противникам Сталина, но и в большинстве случаев — просто к случайным людям, особенно руководителям, на предприятиях и в учреждениях которых случались какие-либо происшествия: пожары, взрывы, обвалы, аварии и т.д. Где-то в конце 37-го размах репрессий вышел, пожалуй, из-под контроля. Во многих наркоматах и иных ведомствах донос становился способом выживания. Все это было следствием первых крупных политических процессов, решение о проведении которых было принято лично Сталиным и одобрено его окружением

Поражает леденящая бесчувственность и беспредельная жестокость, с которой "вождь" неизменно давал согласие на уничтожение людей. Ему докладывали об отдельных лицах, группах лиц, представляли огромные списки. В архиве Сталина мне лишь однажды встретился документ, который хоть в какой-то степени говорит о милосердии "вождя".

"т. Сталину И.В.

В Прокуратуру обратилась жена Куклина А.С., осужденного 18 января 1936 года к 10 годам лишения свободы. Куклин содержится в Бутырской тюрьме. При медосвидетельствовании 7 января с.г. было установлено, что Куклин болен злокачественной опухолью пищевода. Положение его признано безнадежным.

Прошу Ваших указаний.

22 марта 1936 года.

А. Вышинский".

Ниже изложено решение: "Дано указание т. Сталина т. Ульриху о досрочном освобождении. *А. Вышинский*"[30]

Может быть, в 1936 году Сталин еще "не созрел"? Не думаю — у него ни разу не дрогнула рука, не взбунтовалась мысль, когда речь шла о людях, которых он хорошо знал. Он санкционировал расстрел А. Назаретяна, своего бывшего помощника; Н. Горбунова — бывшего секретаря Ленина; А. Енукидзе, своего друга и бывшего секретаря ЦИК; А. Косарева, о котором Сталин в свое время говорил, что это "настоящий вожак молодежи"; Я. Стэна, своего "учителя философии"; А. Сольца, товарища по нелегальной работе; С. Урицкого, известного разведчика, которого "вождь" весьма ценил; Л. Карахана, бывшего заместителя наркома иностранных дел, которого ставил в пример другим; Я. Агранова, чекиста, с которым у него в свое время были дружеские отношения; А. Бубнова, вместе с которым в годы гражданской войны пришлось выполнять поручения Ленина; И. Варейкиса, "крепкого большевика", по оценке самого "вождя"; согласился на арест Г. Бройдо, своего бывшего заместителя по наркомнацу...

Сталин, обладая феноменальной памятью, пробегая многочисленные списки осужденных или арестованных, часто отмечал про себя, что знает этих людей лично. Он мог бы о каждом из них что-то сказать, вспомнить, охарактеризовать. Вот секретари обкома, которые не раз бывали у него в кабинете, — И. Варейкис, И. Кабаков, П. Смородин, Б. Шеболдаев, Э. Прамнэк, Я. Сойфер, Л. Картвелишвили, Б. Калмыков, К. Хавкин... А этих партийных работников хорошо знал не

только он, их знали и в республиках — Н. Гикало, С. Эфендиев, М. Кулиев, М. Нариманов, Г. Султанов, М. Кахиани, Н. Лакоба, А. Ханджян, С. Нурпеисов, А. Икрамов, Ф. Ходжаев... Или ученые — со многими из них он имел личные контакты — Ю. Стеклов, В. Сорин, М. Фурщик, И. Луппол, А. Гастев, Н. Вавилов, Г. Надсон, А. Свечин... Множество знакомых имен встречалось и в списках писателей, других деятелей культуры — Б. Пильняк, Б. Ясенский, О. Мандельштам, А. Веселый, Н. Клюев, А. Воронский, Е. Чаренц, Ю. Таубин, Г. Табидзе, С. Сейфуллин... Читая списки работников Коминтерна, он как бы слышал шум зала, где проходил последний конгресс, видел лица Бела Куна, П. Лапиньского, Ф. Табора, А. Варского, Я. Анвельта, Я. Ленцманиса, О. Рястаса, Ф. Бошковича, Ф. Шультке, Р. Хитарова... А бесконечные списки военных — так знакомы все эти фамилии и имена! Тысячи имен и фамилий... Тысячи жизней со своими судьбами, надеждами, болями, страстями. Люди, которые славили его и готовы были выполнить любую его волю. Многие из них успеют написать ему, Сталину, свое последнее письмо. И он прочтет многие из этих писем... Но ничего уже не изменится. Человек с железной фамилией не знает жалости и сострадания, зова товарищества и чувства чести. Он, похоже, и совесть считал "химерой". Во всяком случае, она никогда ему не мешала. Достаточно было поставить карандашом несколько букв на уголке списка или просто бросить Поскребышеву: "Согласен". И все. Это значило, что все эти люди сегодня же или завтра перешагнут через линию, откуда возврата нет. А вскоре Вышинский и Ульрих совместно с Ежовым так отладят карательную машину, что ему останется лишь знакомиться с сухими цифрами жуткой статистики. Но у него с детства были крепкие нервы.

Есть сведения, что Сталин накануне процессов несколько раз встречался с А.Я. Вышинским и В.В. Ульрихом. В документах Сталина нет следов его разговоров с этими "жрецами правосудия", которые, как можно предположить, носили характер инструктажа. Армвоенюрист Ульрих чем-то нравился Сталину. Возможно, за лаконизм речи, строгость и краткость донесений о кровавой жатве, которые тот во множестве направлял Сталину в 1937 — 1938 годах. Можно лишь догадываться о реакции "вождя" на них. На некоторых стоит подпись "*И. Ст.*", на других завитушка Поскребышева. Эти люди как бы регистрировали уход из жизни тысяч обреченных на смерть и безвестье. Но уход не чужестранцев-агрессоров, а своих соотечественников, со многими из которых они были близко знакомы.

Поток, а затем лавина этих донесений должны были бы нравственно сломать любого человека, напугать, потрясти до основания. Однако и в самый разгул репрессий Сталин, как обычно, бывал в театре, смотрел по ночам кино, принимал наркомов, редактировал постановления и другие документы, устраивал полуночные застолья, диктовал ответы на письма, давал замечания по поводу тех или иных статей в "Правде" или "Большевике". Даже если гипотетически допустить, что Сталин безоговорочно верил в то, что террор косит подлинных "врагов народа", можно только поражаться его абсолютной бесчувственности и жестокости.

Ульрих отвечал представлениям Сталина о судье, которому чужды сантименты. Сталин видел, что Председатель военной коллегии Верховного суда СССР, подписывая десятки, сотни смертных приговоров, сохраняет полную невозмутимость и спокойствие. Это была живая составная часть гильотины.

По-другому выглядел Вышинский, коренастый, плотный человек в очках. Сталину нравилось красноречие Прокурора СССР, который своими обвинительными тирадами буквально парализовывал сидящих на скамье подсудимых. Им, в своем большинстве, оставалось в последнем слове лишь соглашаться с Вышинским. За рвение на бухаринском процессе по предложению Сталина Вышинского наградили орденом Ленина. На "вождя", по-видимому, произвели немалое впечатление заключительные слова речи прокурора на процессе Бухарина 11 марта 1938 года:

"Вся наша страна, от малого до старого, ждет и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять, как поганых псов!

Требует наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа.

А над нами, над нашей счастливой страной, по-прежнему ясно и радостно будет сверкать своими светлыми лучами наше солнце. Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным..."[31]

"Вождь и учитель" любил усердие. Вышинский в последующем стал заместителем Председателя Совнаркома, затем министром иностранных дел, удостоился Сталинской премии, других знаков особого внимания Сталина.

Будучи в 1949 — 1953 годах министром иностранных дел СССР, Вышинский вошел в историю дипломатии своими исключительно длинными, непримиримыми речами. Да, это был период "холодной войны", но представители государств — участников ООН, членов Совета Безопасности знали, кем в действительности является этот академик-дипломат. Теперь он не мог, конечно, как на политических процессах, бросаться словами: "вонючая падаль", "жалкие подонки", "проклятая гадина". Но его дипломатический запас брани тоже был запоминающимся: "распоясавшийся господин", "гнусный клеветник", "сумасшедший"... Его, как и раньше, ничего не смущало. Он мог говорить без конца: на 4-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Вышинский выступал 20 раз, на 5-й — 26, на 6-й сессии — 22 раза. Прокурорское "красноречие" вызывало у слушателей, как свидетельствовали иностранные дипломаты, "смесь любопытства и глубокой неприязни". Но все это будет позже...

Вышинский не меньше, чем главный Режиссер процессов, знал цену политического фарса, который ему поручили разыгрывать. На последнем политическом процессе, состоявшемся в марте 1938 года, была завершена публичная обработка общественного мнения. Набор обвинений был прежним: выполнение директив Троцкого, шпионаж и диверсии, подготовка поражения СССР в грядущей войне, расчленение страны, покушение на жизнь Сталина и других высших руководителей.

Для того чтобы политические спектакли удались, их долго "репетировали". Процесс Бухарина, например, готовился более года. Несколько месяцев ушло на то, чтобы сломить волю обвиняемых. Следователи располагали широким набором средств насилия, чтобы вырвать нужные показания. А это, вопреки элементарным нормам, считалось главным доказательством вины. Некоторые держались месяц, два, три. Иные ломались быстро. А затем шли унизительные репетиции. Именно репетиции! Сломленных людей заставляли заучивать нужные версии, делать подсказанные заявления, "обличать" указанных людей. После многократных повторений этих постыдных инсценировок "режиссерам" давали знать о готовности тех или иных "актеров" к "премьере". Правда, были иногда и временные "сбои".

Так, в обвинительном заключении, которое зачитал секретарь суда 2 марта 1938 года, говорилось, например, что подсудимый Н.Н. Крестинский "вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году", договорился с генералами Сектом и Хассе о сотрудничестве с рейхсвером за 250 тысяч ма-

рок ежегодно за троцкистскую работу. Когда же председатель суда спросил подсудимого Крестинского, признает ли он себя виновным, тот, вопреки прежним показаниям, стал их полностью отрицать. В кулуарах процесса произошел заметный переполох. Сделали перерыв. Доложили Сталину. Тот зло выругался: "Плохо работали с дрянью". Дал понять: подобного больше слышать не намерен. Приняли меры. И уже на следующий день к вечеру Крестинский вошел в "норму".

Крестинский: Свои показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю.

Вышинский: Что означает в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое нельзя рассматривать иначе, как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский: Вчера, под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленным моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен.

Вышинский: Машинально?

Крестинский: Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство...[32]

За исключением подобных нескольких мелких "осечек" этот процесс прошел гладко. Все обвиняемые соглашались с прокурором, дружно принимали чудовищные обвинения, с готовностью уточняли любые детали своих "злодеяний": уникальное сотрудничество суда и обвиняемых! Никто ничего не опроверг... Все обвиняли только самих себя!

Впрочем, не всегда и не все. Бухарин, например, понимая, что он обречен, пытался иногда в прямой или эзоповской форме, а подчас и в виде трагической сатиры поставить под сомнение достоверность обвинения. Возможно, прощаясь с жизнью, Бухарин обращался к грядущему, думал о будущем, нашем времени. Вот лишь некоторые фразы Бухарина, свидетельствующие о том, что и в самую трагическую минуту ему удавалось сохранить присутствие духа и высоту интеллекта.

В своем последнем слове Бухарин, в частности, сказал:

— Я считаю себя... и политически, и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню, чтобы я давал директивы о вредительстве...

— Гражданин прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я не слыхал до обвинительного заключения...

— Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова. Киров, по показанию Ягоды, был убит по решению "правотроцкистского блока". Я об этом не знал...

— Голая логика борьбы сопровождалась перерождением идей, перерождением психологии, перерождением нас самих, перерождением людей...[33]

Этот фрагмент из последнего слова Бухарина весьма примечателен. Это уже не признание, а скорее обвинение организаторов процесса, тех, кто, следуя "голой логике" борьбы, привел к перерождению и идей, и людей. Косвенный намек на Сталина здесь весьма прозрачен. Бухарин пытался как мог использовать свой последний шанс совести...

Сталину ежедневно подробно докладывали о ходе процесса то Ежов, то Вышинский, то кто-то еще. Он уточнял детали, давал советы. Ему первому показали кинохронику процесса, фотографии зала с обвиняемыми. По его указанию "спектакль" широко освещался в печати, на радио. Пригласили иностранных корреспондентов и даже дипломатов. Все поражены: преступники идеально "сознательны". Не нужно экспертиз, дополнительных расследований, судебных споров, диалогов прокурора и защитников. На процессе безраздельно солирует прокурор. Все остальные ему подыгрывают. Даже Фейхтвангер в своей тенденциозной книжке "Москва 1937" вынужден был признать, что "если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности: так добросовестно и старательно не пропускали они ни малейшей неточности друг у друга, и их взволнованность проявлялась с такой сдержанностью. Короче говоря, гипнотизеры, отравители и судебные чиновники, подготовившие обвиняемых, помимо всех своих ошеломляющих качеств должны были быть выдающимися режиссерами и психологами"[34]. В этом выводе немецкий писатель был отчасти прав: организаторы фарса, особенно главный Режиссер, были выдающимися циниками.

Кроме грубого нарушения законности во время следствия, актов насилия, существует еще одна причина полной безропотности людей, сидевших на скамье подсудимых. На протяжении недель и месяцев им внушали: их признание "нужно народу и

партии". Только "признание поможет до конца разоблачить преступников". А это означало: надо "признаваться" и оговаривать других... Раз судит народ, страна, то нужно говорить то, что они требуют... Судя по всему, этот мотив руководил действиями многих. В последнем слове он звучал по-разному. Подсудимый Г.Ф. Гринько: "Самый тяжелый приговор — высшую меру наказания — я приму как должное". Подсудимый Н.Н. Крестинский: "Мои преступления перед родиной и революцией безмерны, и я приму, как вполне заслуженный, любой ваш самый суровый приговор". Подсудимый А.И. Рыков: "Я хочу, чтобы те, кто еще не разоблачен и не разоружился, чтобы они немедленно и открыто это сделали. Мне бы хотелось, чтобы они на моем примере убедились в неизбежности разоружения..." Подсудимый Н.И. Бухарин: "...Стою коленопреклоненным перед страной, перед партией, перед всем народом"[35].

Сталин, читая эти слова, мог быть вполне доволен: "Хотя бы перед смертью враги народа, партии, кажется, не взбунтовались, стали говорить то, что нужно". Он расценивал эту "чистосердечность" как победу, не подозревая, что в ней кроются и корни его, Сталина, неизбежного исторического, морального поражения. Но "вождь" знал и другое. Первые три месяца после ареста Бухарин держался. Ему угрожали, требовали, но опальный академик и из тюрьмы все время пытался убедить Сталина (он писал несколько писем своему бывшему соседу по квартире в Кремле) в главной идее своего заявления на февральско-мартовском Пленуме ЦК: "Заговор, враги народа существуют, но главные из них находятся в НКВД".

Сталин не реагировал на эти сигналы. Возможно, Бухарин, встречая ледяное молчание в ответ на свои письма, вспомнил между допросами судьбу известного социалиста Фердинанда Лассаля. Лассаль полюбил девушку из дворянской семьи, хотя она и была невестой другого. Лассаль, красавец и умница, сумел завоевать ее сердце. Однажды девушка сказала ему: "Моя семья настроена к вам враждебно, мы должны бежать!" Он стал успокаивать ее: "К чему вызывать скандал и калечить Вашу судьбу? Несколько месяцев терпения, и мы поженимся с согласия родителей". Лассаль не получил ни этого согласия, ни девушки. Более того: ее жених убил его на дуэли. Возлюбленная оплакивала его, а затем вышла замуж за убийцу Лассаля... Кто знает, может быть, судьба и ему давала такой шанс — бежать? В феврале — апреле 1936 года Бухарин ездил за границу для покупки архивных материалов Маркса и Энгельса. Он уже

тогда чувствовал, что петля на его шее затягивается. Коба не умел шутить. Его шутки — как у висельника... Приходили ли ему мысли о невозвращении на Родину тогда, в Париже; сожалел ли он об этом упущенном шансе сейчас? Никто не знает. Однако вся его жизнь была такой, что, говоря словами Робеспьера, вместе с могилой он мог обрести бессмертие только в своем Отечестве.

Лежа на нарах в камере, Бухарин, возможно, старался осознать, почему судьба столь жестока? Ведь именно он помогал на каком-то этапе утвердиться Кобе... Если бы он с Томским и Рыковым были более решительными и последовательными, то, пожалуй, могли бы в 1927 году обуздать Сталина. Однако Бухарин вновь, в который раз поверил тогда Сталину...

После того как в ходе "следствия" Бухарин долго молчал и дело стало явно затягиваться, Сталин разрешил Ежову использовать "все средства", тем более что по его настоянию на места еще раньше было послано следующее разъяснение: "Применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, разрешено ЦК ВКП(б). Известно, что все буржуазные разведки применяют методы физического воздействия против представителей социалистического пролетариата и притом применяют эти методы в самой отвратительной форме. Возникает вопрос, почему социалистические органы государственной безопасности должны быть более гуманны по отношению к бешеным агентам буржуазии и заклятым врагам рабочего класса и колхозников? ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны как исключение и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимый и правильный метод".

По существу, это "исключение" стало обычным правилом, к нему прибегали тотчас же, как только обвиняемый проявлял неподатливость в "диалоге" со следователем. Фактически Сталин официально санкционировал нарушение элементарных норм социалистической законности. Поэтому, когда Сталину вновь доложили, что Бухарин "запирается", было предложено расширить "методы допроса". Когда угрозы в адрес его молодой жены и крохотного сына в сочетании с "методами физического воздействия" стали применяться в комплексе, Бухарин сдался. Он подписал самые чудовищные выдумки следователя, заклеймил себя как "троцкиста", "руководителя блока", "заговорщика", "предателя", "организатора диверсий" и т.д. Невыносимо тяжело и сегодня читать его слова: "Я признаю себя ви-

новным в измене социалистической родине, самом тяжком преступлении, которое только может быть, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Я признаю себя далее виновным в подготовке заговора "дворцового переворота"..."[36]

Да, Сталин был доволен. И все же, читая иногда стенограммы допросов, диктатор не мог не чувствовать в некоторых ответах обвиняемых скрытую насмешку, предсмертную иронию над организаторами "спектакля":

Вышинский: Подсудимый Бухарин, — факт или не факт, что группа ваших сообщников на Северном Кавказе была связана с белоэмигрантскими казацкими кругами за границей? Рыков говорит об этом, Слепков говорит об этом.

Бухарин: Если Рыков говорит об этом, я не имею основания не верить ему.

Вышинский: Вам, как заговорщику и руководителю, был известен такой факт?

Бухарин: С точки зрения математической вероятности, можно сказать с очень большой вероятностью, что это факт.

Вышинский: Позвольте спросить еще раз Рыкова: Бухарину было известно об этом факте?

Рыков: Я лично считаю с математической вероятностью, что он должен был об этом знать[37].

Сталин зло отодвинул листки стенограммы, явственно почувствовав глухой сарказм загнанных в угол людей: их спрашивают о связях с белоэмигрантами, а они — "математическая вероятность"! После каждого заседания обвиняемым напоминали: от полноты и точности изложения согласованных на следствии версий зависит не только их судьба, но и жизнь их близких. Идея "судебных заложников" принадлежит Сталину. Хотя "вождь" знал заранее: какие они заложники? Судьба подсудимых, как и членов их семей, была предрешена еще до начала процесса. Он давно позаботился и о юридической стороне дела: еще 20 июля 1934 года было принято соответствующее добавление все к той же 58-й статье — "о членах семей изменников"...

Готовя процесс "двадцати одного", Сталин не мог допустить "осечки"; Бухарин и его "однодельцы" должны были полностью "созреть". К тому же процесс, по замыслу "вождя", должен был подвести итоги первого этапа массовой чистки и террора, развернувшихся в партии и стране. Сталин относился к процессу не только как юридическому акту, венчающему лик-

видацию наиболее опасных "врагов", но и как к всесоюзному уроку классовой бдительности, непримиримости и ненависти ко всем, кто мог даже потенциально выступить против него, а следовательно, и против социализма. В свете этого вывода не случайны его указания о широчайшем освещении процесса в печати, на радио, организации бесчисленных митингов с требованиями "уничтожить фашистских гадов".

Сталин был расчетлив. С одной стороны, с помощью этих "спектаклей" еще больше утверждалось его единовластие. Народ, партия не могли, по его мнению, не усвоить урока: любые оппозиции бесперспективны. Этими процессами "вождь" насаждал систему взаимного социального контроля, при которой все следили друг за другом. Только он, признанный и единственный вождь, находился вне этой системы слежки и доносов. Даже люди из ближайшего его окружения не могли себя чувствовать спокойно. Судьба Косиора, Постышева, Рудзутака, Чубаря, других руководителей из самого верхнего эшелона власти красноречиво свидетельствовала об этом.

С другой стороны, политические процессы были организованы так, что Сталин, как их главный Режиссер, находился в тени. Имеется очень мало публичных высказываний "вождя" по поводу процессов. Его истинная роль для абсолютного большинства народа была не известна. Создавалось впечатление, что "шпионов", "предателей" и "убийц" судит сам народ. Но если бы, представим себе, весь народ непосредственно судил обвиняемых, результат, вероятно, был тот же. Страна еще не "остыла" от классовых схваток революции, гражданской войны, коллективизации. Любое сообщение о "теракте", "вредительстве", "шпионаже" вызывало в народе гневную реакцию. Фашизм устроил пробу сил в Испании, шла милитаризация Германии, сколачивались антикоминтерновские пакты, капиталистический мир смотрел на "большевистскую Россию" лишь через перекрестие прицела...

Вот что, например, писала "Вечерняя Москва" 15 марта 1938 года: "История не знала злодеяний, равных преступлениям банды из антисоветского "правотроцкистского блока". Шпионаж, диверсия, вредительство обер-бандита Троцкого и его подручных — Бухарина, Рыкова и других — вызывают чувство гнева, ненависти, презрения не только у советского народа, но и всего прогрессивного человечества.

Они пытались убить нашего дорогого вождя товарища Сталина. Они в 1918 году стреляли в товарища Ленина. Они оборвали пламенную жизнь Сергея Мироновича Кирова, умертвили

Куйбышева, Менжинского и Горького. Они предавали нашу родину.

Славная советская разведка, руководимая сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, разгромила змеиные гнезда этих гадов!"

Так народ превращали в толпу. Так "массаж" общественной психологии рождал феномен единения вокруг ложной идеи. Так Сталин манипулировал сознанием миллионов людей.

Троцкисты-вредители для всех были безусловными врагами. А как же иначе? В день завершения процесса, 13 марта 1938 года был выпущен 200-тысячный автомобиль "ЗИС" на Московском автозаводе имени Сталина, досрочно выполнен квартальный план угледобычи в Караганде, москвичи и гости столицы впервые проехали по только что сданному Покровскому радиусу второй очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича. В Тульской области в передовых колхозах приступили к строительству водопроводов (в колхозе им. Хрущева пробурена скважина глубиной 46 метров)... Каждая республика, каждая область, каждый завод и колхоз стремились порадовать партию и "вождя" новыми достижениями. Атмосфера общества, в невиданном порыве, в каком-то исступлении строящего новые города и дороги, заводы и дворцы, была наэлектризована до предела. Люди только-только почувствовали, как начала улучшаться жизнь, испытали гордость от рекордных взлетов Стаханова, Чкалова, Папанина, Бусыгина, Сметанина, тысяч других, а тут, вот они — конкретные разрушители всего того, что стало уже для народа святым.

Чудовищная мистификация процессов казалась реальным отражением продолжающегося обострения классовой борьбы. Отсутствие гласности, подлинной информированности облегчали манипулирование сознанием миллионов. Без представления реалий первого двадцатилетия Советской власти, духовной атмосферы 30-х годов, тех императивов, которые диктовали многим людям линию их поведения, нельзя понять социальную драму этой эпохи, те трагические коллизии, которые потрясли страну.

Судить о прошлом всегда легче, чем о настоящем. Обогащенные опытом долгого пути, мы знаем, пожалуй, больше, чем те, кто жил в то время. Справедливо ставя в эпицентр исторической вины одного человека, мы не должны вместе с тем забывать, что эта личность могла там оказаться благодаря той системе отношений, которую, в конечном счете, создали многие.

У французского писателя Жана Лабрюйера есть глубокая мысль: "Невинно осужденный — это вопрос совести всех честных людей". Сталин узурпировал власть и совершал преступления и потому, что ему позволили это сделать. Сегодня признания осужденных выглядят не только как вечное историческое обвинение организаторам "спектаклей". Это урок для всех поколений.

Нет, не только сегодня все люди с горестным недоумением разводят руками: почему все они признались в несовершенных преступлениях? Уже во время процессов это стало одной из самых больших загадок для западной печати. Сталин, всегда внимательно следивший за барометром общественного мнения не только у себя в стране, немедленно среагировал. По его указанию была быстро подготовлена и опубликована в "Правде" статья "Почему они признаются". В ней, в частности, говорилось: почему вы признаетесь, спросил Вышинский, может, есть давление со стороны? Подсудимые категорически отвергли такое предположение. Они подтверждают, что следствие велось в совершенно корректной форме, что ни о каком насилии, прямом или косвенном, не может быть и речи. Подсудимый Муралов заявил, например, что в заключении к нему относились все время "культурно и воспитанно"... Муралов запирался 8 месяцев, Богуславский — 8 дней, Радек — 3 месяца... Они заговорили. Под уликами. Обвинение обосновано строго фактически. Подсудимые подавлены тяжестью неоспоримых улик...[38] Так официально объясняли тогда феномен чудовищных признаний.

В том, что подсудимые были "подавлены", сегодня сомневаться не приходится. Но только не "уликами". Как определила Комиссия Политбюро ЦК КПСС на своем заседании 5 февраля 1988 года, предварительное следствие "проводилось с грубыми нарушениями социалистической законности, фальсифицировалось, от обвиняемых недозволенными методами добывались признательные показания". Не случайно и то, что, например, в "обойме" подсудимых по так называемому "антисоветскому правотроцкистскому блоку" собраны люди, часто даже не знавшие друг друга: партийный работник и врач, дипломат и нарком, хозяйственник и республиканский руководитель. Организаторам политического фарса нужно было показать широкую сеть правотроцкистских предателей, развернутую в СССР; доказать, что существует реальная опасность попасть в эту сеть всякому, кто допустит благодушие, утрату классовой бдительности, ротозейство. Действия

"блока" показывают, внушали людям архитекторы процесса, что они не только "торгуют Родиной", готовясь ее расчленить, но и занимаются шпионажем в пользу Германии и Японии, взрывом шахт и крушением поездов, убийством выдающихся советских людей, подготовкой покушений на Сталина, Молотова, Кагановича, Ежова, других руководителей...

Сталин, как я уже говорил, внимательно следил за реакцией мирового общественного мнения на процессы. Он ожидал худшего. Конечно, всех повергало в недоумение обстоятельство, что подсудимые не защищались, а дружно вторили обвинению. Но мало зная о реальных фактах, сопутствующих процессу, буржуазная пресса не поднялась выше абстрактных осуждений "антидемократизма". Сталина бесил Троцкий. Тот продолжал почти ежедневно излагать на страницах западных газет свои доводы, опровержения, разоблачения, а теперь вот стало известно, что готовит проведение своего пропагандистского "контрпроцесса".

Совершенно вывела из себя Сталина ядовитая статья Троцкого в 65-м номере "Бюллетеня оппозиции" за 1938 год. С присущим ему сарказмом и проницательностью Троцкий зло подметил фальшь процессов: "В этой преступной деятельности наркомы, маршалы, послы, секретари неизменно получают приказы из одной инстанции, не от их официального вождя, а от изгнанника. Троцкому стоит подмигнуть, и ветеранам революции достаточно, чтобы стать агентами Гитлера и микадо. По "инструкциям" Троцкого, переданным через лучшего корреспондента ТАСС, руководители промышленности, сельского хозяйства и транспорта уничтожают производительные ресурсы страны. По приказу "врага народа номер 1", отданного из Норвегии или Мексики, железнодорожники уничтожают военные транспорты на Дальнем Востоке, а очень уважаемые врачи травят своих пациентов в Кремле. Эту удивительную картину рисует Вышинский, но тут возникает трудность. При тоталитарном режиме аппарат осуществляет диктатуру. Но если мои наймиты занимали все ключевые посты в аппарате, почему Сталин сидит в Кремле, а я в ссылке?"

Сталин пришел просто в бешенство, прочитав эти строки. Обругав Ежова за "кретинизм" в фабрикации дел, он вновь, в который уже раз, задумался: не пора ли завершить всю эту кампанию? Нет, он не был готов к этому. Пока оставались люди, которые хотя бы в душе могли видеть в Троцком альтернативу, он остановиться не мог. "Вождь" читал у кого-то из

древних мыслителей: террор, остановленный на полпути, опасен. Выжившие полны жаждой мщения.

Политические процессы имели еще одну цель. С их помощью, прямо или косвенно, Сталин пытался доказать, что все бывшие оппозиционеры, троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы, меньшевики, дашнаки, эсеры, анархисты, бундовцы объективно навсегда остались на позициях, враждебных социализму. К ним фактически "пристегнули" и большинство из тех, кто бывал за границей: дипломатов, деятелей культуры, производственников, ученых, даже тех, кто, выполняя интернациональный долг, воевал в Испании. К "врагам" отнесли многих вернувшихся на родину эмигрантов, немало зарубежных коммунистов, работавших в Коминтерне или его организациях. В легион "врагов" попадали чаще те, кто когда-либо был исключен из партии, кто был "обижен" Советской властью, кто когда-то выражал политические сомнения. Автоматически "врагами" считались и близкие родственники репрессированных. Большую группу составляли чекисты. Некоторые из них уничтожались потому, что пытались хотя бы косвенно саботировать преступные замыслы, а иные, наоборот, попадали в разряд врагов, как, например, Ягода, Фриновский, Берман, за чрезмерное рвение, за то, что слишком много знали. На таких людей списывали перегибы, извращения, "вредительство в органах НКВД".

Особенно преследовались те, кто помнил о Ленине и подлинном ленинизме, кто боролся в свое время с царизмом, а значит, хотя бы инстинктивно ценил истинную свободу и демократию, кто мог знать об Иосифе Джугашвили нечто такое, что выходило за официальные рамки. Это были люди, которые буквально понимали указание Ленина о том, что "нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу"[39]. Эти люди не хотели питаться суррогатами сталинского толкования ленинизма. Но таких уже было меньшинство. Остальные попадали в жернова репрессий попутно, по касательной. Одни работали под началом "врагов народа", другие их вовремя "не разоблачили", третьи — "пособничали" им в чем-то, о чем они даже сами не догадывались...

Подозрительность усиливала инерцию насилия. Едва ли В. Захаров, М. Моциев и другие железнодорожники со станции Арзамас представляли, в чем суть троцкистских взглядов, но эти взгляды вкупе с "намерениями к террористическо-диверсионной деятельности" послужили основанием для вынесения

им 31 октября 1937 года смертных приговоров. Как докладывал в своей сводке Сталину Ульрих, "все обвиняемые признали себя виновными полностью". Чудовищная подозрительность, трактуемая как "сталинская бдительность", исправно поставляла Молоху правосудия свои жертвы.

Особенностью этих процессов было стремление Сталина не просто уничтожить своих реальных и потенциальных оппонентов, но предварительно вывалять их в грязи аморальности, измены, предательства. Все процессы являют собой беспрецедентный пример самоунижений, самооговоров, самоосуждений. Часто это выглядело просто абсурдным и продиктованным лишь низкой местью. Так подсудимые назойливо твердили, что они "предатели", "шпионы", "двурушники", "вредители", "убийцы". Каменев, например, прямо заявлял, что "мы служили фашизму, мы организовали контрреволюцию против социализма". Обещания снисхождения, угрозы репрессий по отношению к семьям, систематическое физическое насилие на допросах ломали этих людей, заставляли играть свои унизительные роли по сценарию, написанному "жрецами правосудия". Главный Режиссер все время находился за кулисами, а его помощники — Вышинский и Ульрих — цинично вели "спектакли".

В книге английского историка религии Дж. Фрейзера "Фольклор в Ветхом завете" есть глава "Чаша Иосифа", начало которой стоит привести полностью. "Когда братья Иосифа пришли из Палестины в Египет, чтобы закупить там зерно на время голода и уже собирались в обратный путь, Иосиф велел положить в мешок Вениамина свою серебряную чашу. Как только братья покинули город и еще не успели отойти на далекое расстояние, Иосиф послал им вслед своего управителя, приказав ему обвинить их в краже чаши. Тот обыскал все мешки и нашел пропавшую чашу в мешке Вениамина. Управитель стал упрекать братьев за их неблагодарность по отношению к его господину, которому они за оказанное гостеприимство и за всю его доброту отплатили тем, что похитили у него драгоценный бокал. "Для чего вы заплатили злом за добро? — спросил он их. — Не та ли это чаша, из которой пьет господин мой и гадает на ней? Худо это вы сделали". Когда же братья были приведены обратно и поставлены перед Иосифом, он сказал им: "Что это вы сделали? Разве вы не знали, что такой человек, как я, конечно, угадает?" Из этих слов мы можем заключить, — пишет Дж. Фрейзер, — что Ио-

сиф особенно кичился умением обнаружить вора, гадая на своей чаше"[40].

Когда "братьев" по несчастью (и духу — тоже) Бухарина и Рыкова исключали из состава кандидатов в члены и членов ЦК, Сталин своей репликой дал им слабую надежду, что "в НКВД разберутся". Представ спустя год перед военной коллегией Верховного суда СССР, те,кто оказался "по другую сторону барьера", как прозвучало в последнем слове Н.И. Бухарина, почувствовали,что "чаша Иосифа", чаша злодейства и коварства, наполнена до краев. Им предстояло испить ее до дна.

"Научиться ценить людей..."

4 мая 1935 года Сталин произнес речь в Кремле на выпуске "академиков" Красной Армии. К этому времени кадровый погром еще не наступил. В руководящих эшелонах партийного, государственного, хозяйственного аппарата, среди профессиональных военных, технической и творческой интеллигенции, местных работников в республиках, краях, областях скоро будут зиять крупные бреши. Словно эпидемия страшной чумы выкосит сотни тысяч людей. В начале 1939 года Сталин затребовал из Главного управления кадров РККА справку о командном составе армии и флота. Он долго молча всматривался в графы таблицы: около 85% командиров были моложе 35 лет. Сталин не спеша листал страницы этой справки. Может быть, он вспомнил, что, кроме трех маршалов и большой группы командармов первого и второго рангов, по его воле исчезли и другие способные военачальники? Многие из них при назначении побывали здесь, в его кабинете... Может быть, вспомнил речь Ворошилова на заседании Военного Совета при наркоме 29 ноября 1938 года? Тогда нарком, как о великом достижении, доложил: "В ходе чистки в Красной Армии в 1937 — 1938 годах мы вычистили более сорока тысяч человек... За десять месяцев 1938 года выдвинули более 100 тысяч новых командиров"[41]. Из пятидесяти с небольшим членов Военного Совета старого состава остались лишь десять человек... Какие чувства испытывал "вождь", взирая на бреши в командном корпусе? Едва ли кто скажет об этом. Известно лишь, что, увидев "пустоши" в кадровом составе, Сталин предложил увеличить численность академий, создать

новые училища. Но такие "дыры" были не только в рядах военных...

Бывший нарком путей сообщения И.В. Ковалев рассказывал мне:

— Назначили меня в 37-м начальником Западной железной дороги. Приехал в Минск. Прихожу в управление дороги. Пусто. Передать мне дела некому. Русакова, моего предшественника, арестовали и расстреляли. Вызываю заместителей — никого нет. Арестованы... Ищу того, другого — какая-то тишина страшная... Как смерч прошел. Даже удивительно, как еще поезда идут, кто руководит всем этим огромным хозяйством. Пошел на квартиру к знакомому работнику из управления дороги. К удивлению своему, застал его дома вместе с заплаканной женой. "Ты чего не на работе?" — не успев поздороваться, начал я разговор.

— Жду. Сегодня сказали — придут меня забрать. Вот белье собрал... Наседкин из НКВД каждого второго подчищает... Дорогу может парализовать...

Выяснив картину бедствия, осмелев от беды, продолжал Ковалев, я позвонил в Москву, Сталину (ведь если дорога не заработает по-настоящему, быстрехонько возьмут и меня). Ответил Поскребышев. Описал ему обстановку. Как-то быстро вакханалия прекратилась. Да и сажать было уже некого, завершил свою мысль Ковалев.

Положение на этой дороге не было исключением. Машина репрессий была запущена на полный ход. Как она работала, дают представление выдержки из выступлений участников октябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. Вот что, например, говорил Соболев, секретарь Красноярского крайкома партии, во время обсуждения доклада Молотова о ходе избирательной кампании. Вопрос был о выборах, а говорили о "врагах народа".

— Сейчас мы разоблачаем и уничтожаем врагов: бухаринцев, рыковцев, троцкистов, колчаковцев, диверсантов, всю эту сволочь, — говорил Соболев, — которую мы громим в крае. Они совершенно открыто делают выступления (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) против нас... Я имею в виду одну из наиболее излюбленных форм диверсий в крае — это поджоги.

Пескарев из Курской области рисовал такую картину:

— В связи с тем, что в руководстве областной прокуратуры и областного суда у нас долго орудовали мерзавцы, вредители, враги народа, то оказалось, что они центр тяжести карательной политики перенесли на ни в чем не повинных людей: за три го-

да в области было осуждено 18 тысяч колхозного и сельского актива (часто за то, что лошадь захромала или опоздали на работу)...[42]

"Разоблачали и уничтожали" везде. К маю 1935 года, когда состоялось выступление Сталина в Кремле, результаты этих "разоблачений и уничтожений" были еще неизвестны. Но кто мог подумать тогда, слушая речь "вождя" в Кремле, что он решится на эту кровавую оргию?

В абсолютной тишине Кремлевского зала звучал негромкий голос Сталина. Скупые жесты дополняли его неторопливую речь. Держа перед собой текст, Сталин редко в него заглядывал. Сотни глаз молодых командиров, политработников, с новыми скрипящими портупеями, "кубарями" и "шпалами" в петлицах напряженно всматривались в невысокую плотную фигуру "вождя".

— Вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке, — размеренно продолжал секретарь ЦК. — Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили: "Остался там". На мой вопрос: "Как же так, остался?", они с тем же равнодушием ответили: "Чего же там спрашивать, утонул, стало быть". И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что "надо бы кобылу напоить". На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: "Что ж нам жалеть их, людей-то; людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу... (*Общее оживление в зале*.) Полусогнутый указательный палец "вождя" застыл в воздухе, фиксируя парадоксальность ответа сибиряка.

— Так вот, равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей, — продолжал Сталин, иногда по-прежнему взмахивая здоровой рукой, словно отрубая слова, — является пережитком того страшного отношения людей к людям, о котором я только что рассказал...

— Так вот, товарищи, если мы хотим изжить с успехом **голод** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, — мы должны прежде всего **научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника** (выделено мной. —

Прим. Д.В.), способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях "кадры решают все"[43].

Я привел эту пространную выдержку из речи Сталина по нескольким причинам. С одной стороны, мы видим, что "вождь" уже тогда признавал дефицит ("голод") кадров. С другой, зная роль и место Сталина в грядущих массовых репрессиях, еще и еще раз поражаешься его беспредельному цинизму, двуличию и жестокости. Готовя расправу над тысячами преданных партии и народу коммунистов, тут же публично рассуждает о людях, кадрах, как "самом ценном капитале"... Даже если допустить, что на каком-то этапе карательная машина вышла из-под контроля Сталина и беззаконие совершалось уже в силу страшной инерции, нельзя не испытать потрясения, сопоставляя ранние фарисейские сентенции "вождя" и его будущий личный "вклад" в дело уничтожения кадров.

Я не располагаю официальными данными о количестве жертв в 1937 — 1938 годах. Возможно, их пока и нет. На основании имеющихся материалов (списки делегатов съездов, партийные статистические отчеты, доклады с мест, данные из архивов судебных органов, различные донесения Сталину, Молотову, Берии и т.д.) можно сделать осторожную оценку общего количества репрессированных. Кстати, наиболее точные данные — по наркомату обороны. Анализ целого ряда материалов, возможно, повторяю, недостаточно полных, показывает, что в эти трагические два года — 1937-й и 1938-й, — по моему мнению, подверглись репрессиям порядка 4,5 — 5,5 миллиона человек. Из них погибли в результате смертных приговоров 800 — 900 тысяч человек. Кроме того, это известно точно, очень многие сгинули в лагерях и тюрьмах позже, даже не будучи приговоренными к смерти. В периодической печати приводятся самые различные данные о масштабах репрессий. Компетентные органы совместно с учеными и представителями общественности на основании архивных материалов должны наконец сделать горестное заключение о сталинском "итоге" 1937 — 1938 годов. Пока этого нет, авторы публикаций вынуждены "экстраполировать", "прикидывать" и т.д. У меня есть ряд документов, которые, как мне кажется, косвенно подтверждают близость приведенной выше цифры — 4,5 — 5,5 миллиона жертв — к истинной. Эти документы свидетельствуют: после войны количество лагерей и исправительно-трудовых колоний

не сокращалось, а даже росло, и число заключенных примерно оставалось на одном уровне в течение нескольких лет. Поэтому количество заключенных, допустим, в 1948 или 1949 годах может дать представление об их числе в 1937 — 1938 годах. Вот выдержки из этих документов:

"Товарищу Сталину.

В соответствии с Вашими указаниями при этом представляем проект решения об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников...

18 февраля 1948 г. *В. Абакумов.*
С. Круглов"[44].

"Товарищу Сталину.

МВД СССР докладывает Вам о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний за 1947 год. На 1 января 1948 года содержалось 2 199 535 заключенных в лагерях и колониях. Создано 27 новых лагерей...

7 марта 1948 года.

Министр внутренних дел СССР *С. Круглов*"[45].

Нужно учитывать, что, кроме этого, в подобных "учреждениях" содержались заключенные тюрем, численность которых мне неизвестна (но думаю, не более 30% от "населения" лагерей и колоний). Приведу еще один документ:

"Товарищу Сталину.

МВД СССР докладывает о состоянии и работе исправительно-трудовых лагерей и колоний за 1949 год. На 1 января 1949 года содержатся 2 550 275 заключенных; за контрреволюционную деятельность — 22,7%. Сроки заключения свыше 10 лет у 366 489 человек. Созданы два новых особых лагеря со строгим режимом для шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов... Обеспеченность жил.площадью заключенного в среднем — 1,8 кв. метра...

23 января 1950 г.

С. Круглов"[46].

Эти данные не включают, как я уже говорил, заключенных в тюрьмах. Нужно также учитывать, что лагеря сильно пополнились полицаями, фашистскими прихвостнями, лицами, осужденными за националистические вооруженные выступления против Советской власти в конце и после войны в западных районах страны, как и депортированными из освобожденных районов и арестованными безвинно. Поэтому (с учетом тюрем) количество заключенных около 3 — 4 миллионов, видимо, бы-

ло не только в 1948 и 1949 годах. Едва ли число репрессированных в 1937 — 1938 годах могло быть намного больше, чем в 1948 — 1949 годах. Объективный показатель — "жилплощадь", как выражался министр внутренних дел С. Круглов, едва ли увеличилась с тех горьких лет. "Жили" на трехэтажных нарах. При этом важно иметь в виду, что состав ГУЛАГа постоянно "обновлялся". Ежедневно приходило пополнение, многие не выдерживали тяжелейших условий и погибали. Какой-то процент осужденных освобождался. Но ежегодно сталинская карательная система едва ли могла содержать более 4 — 5 миллионов человек. Повторюсь: сравнивая возможности ГУЛАГа с интервалом в 10 лет, думаю, что мои оценки масштаба сталинских репрессий в 1937 — 1938 годах близки к истинным. Впрочем, их можно опровергнуть, но лишь публикацией государственных данных.

Если говорить о персональной ответственности, то главный виновник всех этих невиданных репрессий — И.В. Сталин. "Вождь" лично давал указания Ежову о направленности и масштабах репрессий, нередко указывал конкретных лиц, которых, по его мнению, следовало "проверить". Чтобы избежать в переписке и телефонных разговорах упоминания слов "смертная казнь", "высшая мера наказания", Сталин предложил именовать эту меру наказания "первой категорией". Из документов видно, что репрессии в отношении многих известных лиц были осуществлены по личному указанию Сталина. Р. Эйхе, Я. Рудзутак, В. Чубарь, С. Косиор, П. Постышев были арестованы и расстреляны с санкции Сталина. В аппарате ЦК, например, Сталин предложил "проверить" (а это означало самое худшее) заведующего отделом агитации и пропаганды А. Стецкого, заведующего отделом печати Б. Таля, заведующего сельхозотделом Я. Яковлева, заведующего отделом науки К. Баумана, ответственного работника Комиссии партийного контроля Ф. Зайцева, десятки других работников. Для всех эта "проверка" закончилась расстрелом.

Когда дело приняло широкие масштабы, Сталин одобрял смертные приговоры большими списками, а в 1938 году, "устав" от этого занятия, предоставил право решать судам и трибуналам без доклада ему. Н.С. Хрущев на XX съезде партии сказал, что в 1937 — 1938 годах Ежов направил Сталину 383 списка с именами многих тысяч партийных, советских, комсомольских, армейских и хозяйственных работников. Все они были Сталиным утверждены. Не думаю, что Сталин ограни-

чился только этими списками. Их было больше. Поскольку на них часто стояли визы и других руководителей, многие документы уже после XX съезда партии исчезли. Как мне рассказывал А.Н. Шелепин в начале апреля 1988 года, целый ряд списков, на которых стояла и подпись Хрущева, был изъят из архивов по его же указанию И.А. Серовым, тогдашним заместителем министра госбезопасности. Они были переданы Первому секретарю ЦК партии Н.С. Хрущеву, который, решившись на смелый шаг в разоблачении злодеяний Сталина, видимо, хотел отмежеваться от его преступлений. Хотя, несомненно, Хрущев, Молотов, Каганович, Ворошилов, Маленков, другие руководители виновны в беззакониях или как соучастники, или как слепые исполнители, или как бездумные "поддакиватели". Но Сталин несет перед историей главную ответственность за бесчисленные преступления 1937 — 1938 годов.

"Вождь" очень заботился, чтобы его имя не фигурировало в качестве лица, санкционировавшего "ВМН" (высшую меру наказания). У меня есть много писем, адресованных Сталину, Ворошилову, Молотову, другим руководителям партии с мольбами о помиловании. Отдельные письма они читали, часто не оставляя своих "автографов". Однако все авторы писем погибли. Остается предположить, что Сталин предпочитал устно выносить свое решение, а иногда и вообще не рассматривать этих прошений, так как судьба тех, кто их писал, была им предрешена заранее. Вот эта "закрытость" роли Сталина как прямого, непосредственного организатора и участника преступлений породила и поныне "здравствующую" легенду о том, что он "не знал" о репрессиях. Как говорила, например, на XXII съезде КПСС старая большевичка Д.А. Лазуркина, когда она сидела в тюрьме, то "ни разу не обвиняла тогда Сталина. Я все время дралась за Сталина, которого ругали другие заключенные, высланные и лагерники. Я говорила: "Нет, не может быть, чтобы Сталин допустил то, что творится в партии. Не может этого быть"[47]. Подобная наивность могла проистекать лишь от незнания истинной картины.

Сталин и его окружение возвели насилие в норму жизни. Именно их усилиями в конце концов была создана такая система отношений в государстве и партии, которая породила обстановку беззакония. Как говорилось в докладе на XX съезде партии "О культе личности и его последствиях", "произвол одного лица поощряет и разрешает проявление произвола другими лицами. Массовые аресты и высылки многих тысяч людей, расстрелы без суда и нормального следствия создали об-

становку, лишенную чувства безопасности и полную страха и даже ужаса".

Печальным и трагическим является то обстоятельство, что террор был развязан в условиях, когда прямой, непосредственной угрозы социалистическому строю в стране не было. Внешняя угроза, которая существовала многие годы, как, впрочем, существует и сейчас, ни в коей мере не могла оправдать репрессий. Вероятно, единичные проявления классовой вражды, неприятия нового строя в стране имели место. И в этом нет ничего удивительного. Но нет никаких доказательств наличия массовых вредительских и враждебных элементов.

Сталин полностью игнорировал ленинские указания об отношении к революционному террору. Да, было время, когда молодая Советская Республика, чтобы выжить, была вынуждена ответить на белый террор красным террором. Но как только появились объективные признаки упрочения новой власти, незамедлительно были приняты меры, чтобы прекратить крайнее насилие как способ решения социальных, политических и экономических задач.

"Террор был нам навязан терроризмом Антанты, — говорил Ленин в своем докладе о работе ВЦИК и Совнаркома 2 февраля 1920 года, — когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали"[48]. Сталин, видимо, не считал нужным к "собственной программе" относиться как к "обещанию". Вспомним постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года, принятое по инициативе Сталина: "Приводить в исполнение смертные приговоры преступникам... немедленно", "получение прошений о помиловании... неприемлемо". Никаких адвокатов, никакого нормального следствия... Арестованный сразу же становился преступником. Так настроил террористическую машину лично Сталин. Аппарат репрессий был создан. Первыми под нож сталинской гильотины попали видные партийные, государственные и военные деятели.

В 1937 году состоялось несколько пленумов ЦК партии. На каждом из них, кроме рассмотрения вопросов о подготовке к

выборам в Верховный Совет СССР, об ошибках при исключении коммунистов из партии, о мерах по улучшению работы МТС и других проблем, непременно рассматривались и такие, как "о составе ЦК ВКП(б)". А это означало, что продолжалась чистка и высшего партийного органа. Например, на октябрьском Пленуме ЦК партии 1937 года из его состава было выведено 24 члена и кандидата! Среди них: Зеленский, Лебедь, Носов, Пятницкий, Хатаевич, Икрамов, Криницкий, Варейкис, Гринько, Любченко, Еремин, Дерибас, Демченко, Серебровский, Розенгольц, Птуха, Шубриков и другие. Все они, в основном большевики с большим стажем, костяк партийных кадров, квалифицировались как "враги народа".[49] Участь их печальна. И так — на каждом пленуме... На декабрьском Пленуме ЦК 1937 года, например, было утверждено (голосование опросом) следующее решение:

"На основании неопровержимых данных Пленум ЦК признает необходимым вывести из состава членов ЦК ВКП(б) и подвергнуть аресту как врагов народа: Баумана, Бубнова, Булина, Межлаука, Рухимовича и Чернова, оказавшихся немецкими шпионами и агентами царской охранки; Михайлова, связанного по контрреволюционной работе с Яковлевым, и Рындина, связанного по контрреволюционной работе с Рыковым, Сулимовым".

Далее почерком Сталина дописано: "Все эти лица признали себя виновными"[50].

Подумать только, как бедна фантазия главного Инквизитора: более половины состава ЦК — "шпионы" и "агенты царской охранки"! Двадцать лет после краха дома Романовых их жандармское ведомство продолжало как ни в чем не бывало действовать! Все это похоже на безумие, пир злой силы! Просматривая пожелтевшие листки, которые рассылались членам ЦК для заочного голосования, я не встретил ни одного несогласия, возражения, сомнения. Только "за", "согласен", "безусловно согласен", "верное решение", "необходимая мера" и т.д. Совесть безмолвствовала в заточении лжи и страха.

К концу 1938 года фактически не оставалось кандидатов, которыми можно было заполнить страшную брешь. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на XVII съезде, 98 человек, или 70%, были арестованы и в 1937 — 1938 годах погибли. Такова судьба не только большинства членов Центрального Комитета, но и основной части делегатов "съезда победителей". А ведь 80% делегатов XVII съезда с правом решающего голоса были большевики со стажем до 1921 года!

Это люди, прошедшие ленинскую школу, подполье, революцию, гражданскую войну. Сталин не мог забыть, что почти триста делегатов голосовали тогда против него. Кто они? Диктатор в каждом видел потенциального врага.

Республиканский, краевой и областной эшелоны также были обескровлены. Многие обкомы были просто обезглавлены; все секретари партийных комитетов попадали, по словам Кагановича, на "жительство" к Ежову. Назову лишь несколько фамилий из тысяч местных партийных и советских работников, кому довелось испить из "чаши Иосифа": А. Богомолов, Т. Братановский, Е. Вегер, М. Гусейнов, Б. Додобаев, Н. Журавлев, С. Зегер, В. Еременко, Ю. Коцюбинский, Г. Крутов, Н. Марголин, Д. Орлов, Н. Степанян, Я. Попок, А. Шпильман, А. Ханджян, многие, многие другие. Обобщенные данные мог иметь только Сталин. Что думал он, листая страшные сводки и доклады Ежова, Ульриха, Вышинского, когда мог "убедиться", что страна, партия, армия, народное хозяйство — во власти врагов? Неужели ему не могла прийти даже мысль о том, что его концепция "врагов народа" чудовищна в своей нелепости и преступности? Но "вождь" отличался последовательностью. Раз принятое решение Сталин всегда старался довести до конца. С "очищенным" обществом он добьется многого, о чем будут "говорить в веках"...

Однажды, обсуждая с Ежовым в присутствии Молотова очередной список, Сталин, не обращаясь ни к кому, обронил:

— Кто будет помнить через десять — двадцать лет всех этих негодяев? Никто. Кто помнит теперь имена бояр, которых убрал Грозный? Никто... Народ должен знать: он убирает своих врагов. В конце концов, каждый получил то, что заслужил...

— Народ понимает, Иосиф Виссарионович, понимает и поддерживает, — как-то машинально откликнулся Молотов.

Хотя оба они должны были знать, что народ безмолвствовал. Крики одобрения были гласом неведения, бесправия и подавленности.

Рассуждения "вождя" о том, что нужно "научиться ценить людей, ценить кадры", выглядят в высшей степени кощунственными. Ежов, который в октябре 1937 года стал кандидатом в члены Политбюро, не знал предела в цинизме и беззаконии. По его предложению органы НКВД стали готовить списки лиц, которые попадали под юрисдикцию коллегий военных трибуналов. Например, стоило вменить человеку в вину шпионаж, как он представал уже перед военным трибуналом. О

том, как расправлялись со "шпионами" и сколько их было "выявлено", свидетельствует, например, такое донесение Ульриха:

"Комиссару Государственной безопасности I ранга

тов. Берия Л.П.

За время с 1-го октября 1936 года по 30-е сентября 1938 года военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегий в 60 городах осуждено:

к расстрелу 30 514 человек

к тюрем.закл. 5643 человека

Всего 36 157

15 октября 1938 года

В. Ульрих".

В 1937 — 1938 годах Ежов, а потом и Берия направили на имя Сталина множество списков "шпионов", где заранее, до суда, предлагалась конкретная мера наказания (в подавляющем большинстве случаев — расстрел). Но сначала они получали донесения от Ульриха. Вот еще одно такое сообщение:

"Комиссару госбезопасности I ранга,

зам. наркома внутренних дел СССР тов. Берия

В сентябре 1938 года военной коллегией Верховного суда Союза ССР в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Хабаровске и других городах осуждено:

к расстрелу 1803 человека

к тюремн.закл. 389

Всего 2192

В. Ульрих"[51].

В октябре будет больше: 3588... Но это только "работа" военных трибуналов. А сколько "работало" обычных судов?! Сталин, любивший поговорить о том, что нужно заботиться о человеке, кадрах, проявлять внимание к каждому коммунисту, утверждал без колебаний эти страшные списки.

До сих пор есть еще немало людей, которые хотели бы отделить эту сторону деятельности Сталина, характеризующуюся предельной античеловечностью, от тех мер, которые он осуществлял как глава партии и народа по реализации социально-экономических планов и программ. Даже если, согласно логике этих людей, признавать его "заслуги" в этой области, мы не имеем права, прежде всего морального, выдавать Сталину индульгенцию в том, что "он совершал преступления, искренне веря в то, что совершает их во благо страны". Какое же это "благо страны", если для его фундамента требовались сотни тысяч, миллионы человеческих черепов?! Поэтому очень спорно

заявление Н.С. Хрущева на XX съезде о том, что "мы не можем считать, что поступки Сталина были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!"

Согласиться с этим нельзя. Сталин сознательно создавал режим личной диктатуры, в условиях которой он считал себя абсолютно свободным в выборе средств. При чем здесь "защита революционных завоеваний", о которой говорил Хрущев?! Страшное, пьянящее чувство абсолютной власти двигало Сталиным... Повторюсь: абсолютная власть развращает абсолютно. Сталин не мог не знать, что развязанный им террор против партийных, хозяйственных и военных кадров ведется на основе сплошных нарушений социалистической законности. Он не мог не знать, что ни Косиор, ни Постышев, ни Рудзутак, ни Чубарь, ни Эйхе не были врагами народа. Сталин не мог не знать о сплошной фальсификации политических процессов. Если бы над его деятельностью был реальный общественный, партийный, государственный контроль, Сталину не удалось бы провоцировать беззаконие, он просто не решился бы на него. Полная безнаказанность и бесконтрольность позволили проявиться самым отвратительным чертам его характера. Созданная "вождем" тоталитарная система открыла простор для любых действий диктатора. Абсолютная свобода Сталина означала абсолютную несвободу для всех, кто от него зависел. Но в целях морального и социального камуфляжа "вождь" продолжал публично фарисействовать.

Поэтому рассуждения о том, что "трагедия Сталина заключается в том, что он верил в наличие врагов народа и поэтому расправлялся с ними", не просто наивны, но и глубоко неверны. Это была не трагедия Сталина, а трагедия народа. Его деяния можно квалифицировать лишь как преступные. Говоря словами Маркса, Сталин действовал с "тимур-тамерлановской "расточительностью" в расходовании человеческой жизни..."[52]. Чужая жизнь не имела для него никакой ценности.

Массовое насилие стало неотъемлемой составной частью сталинского социализма, резко отличавшегося от социализма ленинского. Вполне вероятно, что Сталин даже хотел "процветания" общества, материального благополучия его членов и бесспорно — создания сильного государства. Но он не хотел спрашивать членов этого общества: как, каким образом они хотели бы достичь социалистических идеалов?!

При всей непреклонности в достижении поставленных целей

Сталин иногда проявлял колебания, когда до него вдруг "доходил" масштаб репрессий. Именно этим можно объяснить обсуждение на январском (1938 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) вопроса об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии. Этот вопрос был поднят по инициативе "вождя". Слушая доклад Маленкова, выступления Багирова, Постышева, Косиора, Игнатьева, Зимина, Кагановича, Угарова, Косарева, Сталин не мог не поражаться размаху репрессий, беззакония и настоящего погрома кадров. Например, в выступлении Постышева отмечалось, что по приезде в Куйбышев он столкнулся с обстановкой, когда в результате чистки была парализована нормальная деятельность обкома, облисполкома и райкомов партии. В силу того, что во многих райкомах осталось по два-три члена, они фактически прекратили работу. Таких райкомов в области оказалось более тридцати! Сталин, Берия, Ежов, Маленков, Молотов тут же свалили всю вину на Постышева, хотя он совсем недавно переехал в Куйбышев.

При знакомстве с документами создается впечатление, что решение "утопить" Постышева было принято до Пленума. Практически все выступающие, начиная с докладчика Маленкова, акцентировали особое внимание на ошибках Постышева. При одобрительных репликах Сталина главную роль критика Постышева на Пленуме взял на себя Каганович. Стоит привести некоторые его аргументы:

— Я Постышева знаю хорошо. Я ездил по поручению ЦК в прошлом году в Киев, когда мы вскрывали грубейшие ошибки т. Постышева в руководстве Киевской и Украинской партийными организациями. Постышев показал себя в Киеве работником, срывавшим на практике директивы партии, за что ЦК его тогда и снял с Киева (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Слепота т. Постышева к врагам народа граничит с преступлением. Он не видел врагов даже тогда, когда все воробьи на крышах чирикали... Наблюдая тебя в кулуарах и слушая твое выступление на этом Пленуме, я утверждаю, что ты хитришь с ЦК партии.

— Я никогда в жизни не хитрил, — пытался парировать Постышев.

— Что говорил здесь на Пленуме Постышев — это повторение враждебных партии разговоров. Он не видит того, что за последний год мы имеем более 100 тысяч выдвинутых новых людей. Это наша великая сталинская победа...[53]

Каганович, говоря о "сталинской победе", невольно проговорился о масштабах вынужденной замены кадров руководителей, "выбывших из строя" вследствие репрессий. Колоссаль-

ную брешь в кадровом составе, возникшую в результате беззаконий, недалекие люди типа Кагановича оценили как ситуацию, способствующую революционному обновлению руководящего состава на различных уровнях.

Критические выступления Ярославского, Косарева, Угарова шли по нарастающей. Постышева уже не просто критиковали, а прямо обвиняли и судили. Было видно, что на этот раз выбран жертвой именно он. Каганович сумел передать руководству партии свою давнюю неприязнь к Постышеву. Дальнейшие события на Пленуме свидетельствуют, что все шло по заранее подготовленному Сталиным сценарию. Довершил разгром Постышева второй секретарь Куйбышевского обкома, приглашенный на Пленум, Игнатов. Он прямо назвал действия Постышева "антипартийными". Каганович тут же резюмирует, обращаясь к Постышеву:

— Ты и сейчас хитришь с ЦК. Это враждебная линия. Постышев как политический руководитель обанкротился...

— Я признаю целиком и полностью свою речь, которую я произнес здесь, — поднялся Постышев, — неправильной и непартийной. Как я произнес эту речь, я и сам понять не могу. Я прошу Пленум простить меня. Я не только никогда не был с врагами, но и всегда боролся против врагов...

Но спасти Постышева теперь мог только Сталин. Однако он, дождавшись полного унижения кандидата в члены Политбюро, старого большевика, который пытался иметь свое суждение, окончательно предрешил его судьбу:

— У нас здесь, в Президиуме ЦК, или Политбюро, как хотите, сложилось мнение, что после всего случившегося надо какие-либо меры принять в отношении тов. Постышева. По нашему мнению, следовало бы его вывести из состава кандидатов в члены Политбюро, оставив его членом ЦК[54].

Проголосовали, естественно, единогласно. Постышеву оставалось быть на свободе лишь месяц. По предложению Сталина Комиссия партийного контроля подготовила в феврале того же года проект постановления по Постышеву, которое было утверждено Политбюро. Основное содержание этого документа, одобренного и отредактированного Сталиным, стоит привести. Постышеву вменялась вина за следующие прегрешения:

1) Роспуск 35 райкомов партии (они просто перестали действовать, т.к. за пять месяцев 1937 г. в Куйбышевской области было исключено из партии 3,5 тыс. коммунистов. — *Прим. Д.В.*);

2) Провокации против советских органов (на одном из заседаний горсовета было выведено 34 депутата);

3) Привлечение кадров на полевые работы, разбор общественных построек, вредительство в разгар уборки;

4) За время работы в Куйбышеве Постышев мешал НКВД разоблачать врагов, направляя удары против честных коммунистов;

5) Помощники Постышева как на Украине, так и в Кубышеве оказались врагами народа (шпионами);

6) Постышев знал о наличии контрреволюционной право-троцкистской организации в области...

Признать все указанные действия Постышева П.П. антипартийными, направленными на пользу врагов народа. Исключить Постышева П.П. из рядов ВКП(б)[55].

Все оставшиеся 49 членов ЦК и кандидатов проголосовали (заочным опросом) за это решение. Бюллетеня Сталина вновь не оказалось... Он всегда, где только можно, старался оставлять меньше "следов".

Судьба Постышева была решена. Последовали арест и расстрел. Сталинская "забота о кадрах" весьма рельефно видна на примере "дела Постышева", который в силу ряда причин не устраивал "вождя" в качестве не только члена высшего партийного руководства, но и вообще как коммунист старой ленинской школы. Сталину иногда было достаточно услышать одну фразу, провести одну беседу, получить какую-то информацию, чтобы вынести свое окончательное суждение о личности. В те годы это было и приговором.

Так, после "инспектирования" Постышева в Куйбышеве, Маленков доложил Сталину:

— Постышев политически вредный человек.

— Чего же его держать? — вопросом ответил Сталин.

П.П. Постышев еще не знал, что Сталин уже распорядился его дальнейшей судьбой.

Не все заметили или, точнее, не придали особого значения, что во время выступления Косарева на январском Пленуме 1938 года произошла его перепалка с Мехлисом. Косарев фактически критиковал Политуправление РККА, которое возглавлял Мехлис, за слабую организацию работы с комсомольцами: "В армии 500 тысяч членов молодежной организации, а ежегодно принимают в партию лишь несколько тысяч". Мехлис тут же парировал с желчью:

— ЦК комсомола не занимается армейским комсомолом. Я предложил Белобородову (секретарь ЦК ВЛКСМ. — *Прим. Д.В.)* пойти руководить комсомолом в армию, он отказался. Хотят руководить только из ЦК...[56]

Имевшаяся и раньше неприязнь Мехлиса к Косареву наверняка усилилась, и, кто знает, не сыграла ли она роковую роль в судьбе комсомольского вожака.

Пленум, поставивший вопрос об ошибках при рассмотрении персональных дел коммунистов, незаметно свернул на старую колею; оказывается, все эти "ошибки", "перегибы" есть не что иное, как происки еще не раскрытых "врагов". Именно такой вывод и был сделан на Пленуме: "Пора всем парторганизациям и их руководителям разоблачить и до конца истребить замаскированного врага, пробравшегося в наши ряды..."[57] Установка "вождя", данная им на февральско-мартовском Пленуме 1937 года, опять возобладала: перегибы и ошибки в борьбе с врагами народа есть результат действия неразоблаченных троцкистов и иных вредителей. Как видим, проблески зрелого подхода в оценке вакханалии беззакония были в 1937 — 1938 годах слабыми. Демон насилия брал верх над элементарным благоразумием. Сталин ошибки в развертывании насилия видел в недостатках применения этого насилия.

В итоге вместо анализа причин перегибов, бездушного и преступного отношения к судьбам коммунистов был дан новый толчок к поиску "нераскрытых врагов". Секретарь Киевского обкома КП(б)У Кудрявцев, выступая на партсобраниях, спрашивал коммунистов: "А вы написали хоть на кого-нибудь заявление?" В результате таких призывов к бдительности в киевской парторганизации доносы были поданы почти на половину членов партии. К слову сказать, одной из первых жертв стал и сам Кудрявцев...

Погром кадров, учиненный по инициативе Сталина и его окружения, привел к тому, что на волне доносительства появилось немало нечистоплотных людей, пытавшихся (и порой небезуспешно!) сделать в сложившейся ситуации партийную, государственную, военную карьеру, а то и просто свести какие-нибудь старые счеты. В решении январского (1938 г.) Пленума ЦК говорится, что есть "отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии"[58]. Верная констатация того, что карье-

ристы и доносчики представляют большую опасность для партии, никак не связывалась, однако, с самим курсом высшего политического руководства на репрессии, где и находились глубинные истоки трагедий, деформаций, извращений. Установка Пленума "до конца истребить замаскированных врагов" еще раз показала фарисейский характер лозунга Сталина "ценить кадры".

Ложь подобна снежному кому. Одна ложь родит другую. Произвольно "обострив" классовую борьбу, Сталин вызвал волны лжи. Перед ней общество оказалось беззащитным. Ложь ежовских органов в союзе с ложью суда и прокуратуры, ложью печати, ложью бесчисленных речей в поддержку "справедливых приговоров" создали ситуацию поистине уникальную. Узнать, где причины вакханалии? Негде. Обратиться за помощью? Не к кому. Обличить явных негодяев? Никто не позволит...

Характерный пример. В фонде Берии огромное количество различных доносов. Приведу один, не называя автора. У него, возможно, выросли дети, внуки... Вообще, указывая в книге многие фамилии, зная, что у всех этих людей могут быть родственники, я искренне говорю, что ни в одном случае лично им я не хотел бы причинить боль. Но история не была бы историей, если бы мы все "зашифровали". Вот это письмо-донос:

"Тов. Маленков!

Я заместитель командира части внутренних войск НКВД. Сегодня проходил митинг по поводу награждения орденом "Победа" товарища Сталина. Но на митинг были приглашены лишь офицеры. Солдат не пригласили. Странно... Вел митинг генерал Бровкин. Выступило всего 3 — 4 человека, и митинг закрыли. Затем сказали после закрытия митинга, что часть едет на уборку урожая, а нач. политотдела Кузнецов переводится на другое место службы.

Стерто, смазано, опошлено такое важнейшее политическое мероприятие, как митинг, посвященный награждению товарища Сталина орденом "Победа"...

Реакция адресата "естественна": "Тов. Берия.

Маленков"[59].

Коронованная Сталиным ложь распоряжалась судьбами миллионов. Сталину нет прощения прежде всего за создание в стране обстановки, когда ложь господствовала, заставляя людей покоряться, молчать или поддерживать решения, суть которых для многих была совершенно неясной. Сталин считал себя вправе дозировать правду, делать обобщения, обязательные для всего народа, определять, что нужно и что не нужно

для него. Репрессии, беззакония того времени могли существовать лишь на лжи. Именно здесь лежит один из социальных и гносеологических истоков народной трагедии. Но народ долго обманывать нельзя; ложь никогда не имела и не имеет будущего. Сталин не хотел считаться с этой бесспорной истиной.

Трудно заживающая рана 1937 — 1938 годов связана не только с болью, нелепостью, алогичностью пира насилия, которым правил "вождь". От этой раны берут начало и многие беды, связанные с гибелью талантливых руководителей, хозяйственников, ученых, военных, деятелей культуры. А разве бреши в кадрах не позволили пробраться к постам, должностям, занять выгодные позиции "карьеристам-коммунистам"? Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП(б) 1937 года записал в решении не только: "обязать наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, **подавить** малейшие проявления их антисоветской деятельности", но и постановил "**укрепить** (выделено мной. — *Прим. Д.В.*) кадры НКВД"[60]. Критерии "укрепления" в то время были однозначными: слепое, фанатичное исполнение воли "вождя". Люди с совестью тогда не могли уцелеть в "органах". Абакумовы, кругловы, меркуловы, ежовы, берии, кобуловы, мамуловы, рухадзе, как и некоторые другие выдвиженцы, удержались в НКВД отнюдь не благодаря личным достоинствам, а потому, что не обладали ими. Сама система сложившихся отношений в условиях единовластия рождала беспринципных людей, аллилуйщиков, подхалимов. Сталин ценил безропотность, готовность следовать "линии", даже если она была заведомо ошибочной или преступной.

К счастью, влияние Сталина не могло деформировать весь спектр большевистских качеств у истинных патриотов. Приверженность социалистическим идеалам, высокая гражданственность, предельная самоотверженность, революционный энтузиазм и любовь к Родине большинства советских людей не утонули в тине лжи, славословия и бюрократических извращений того времени. Но, конечно, интеллектуальный и нравственный потенциал народа получил бы несравненно большее развитие, если бы не произошла народная трагедия 37-го.

Сталин немало читал. Жаль, что в его библиотеке не было книги Х.-А. Льоренте "Критическая история испанской инквизиции". При желании он мог бы найти много родственных себе черт у Томаса Торквемады, генерального инквизитора церкви, бросавшего тысячи людей в костер для "чистоты веры".

Смерть еретиков лишь вдохновляла Торквемаду на поиски новых и новых жертв. Но Великому Инквизитору было далеко до сталинского размаха.

"Заговор" Тухачевского

Сталин любил армию, любил военных. Любил взглянуть на себя в большое зеркало в маршальском мундире; строгость униформы с блеском золота погон отвечала его представлению об эстетическом совершенстве. Вооруженные Силы были предметом его особой заботы. "Вождь" всегда с какой-то внутренней гордостью вспоминал свою военную деятельность на фронтах гражданской войны. Он, пожалуй, больше, чем кто-либо другой (за исключением Троцкого), бывал на фронтах.

Сталин лично знал почти весь командный состав от командира корпуса и выше. Маршалы и командармы в своем большинстве были ему хорошо знакомы еще со времен гражданской войны. Да и теперь, в конце 30-х годов, назначения на все основные должности в РККА проходили через Сталина. "Вождь" обычно выслушивал краткий доклад кандидата, внимательно всматривался ему в глаза, молчал, а затем беседовал в течение 7 — 10 минут. Его интересовали военный опыт, знание театра военных действий, взгляды будущего командира на военное строительство в условиях технического оснащения армии. Иногда задавал неожиданные вопросы вроде: "Как вы оцениваете немецкие танки?", "Нужны ли в нынешних условиях УРы (укрепленные районы. — *Прим. Д.В.)*?", "Каково ваше мнение о новом полевом уставе РККА?". В конце беседы, слабо пожимая руку взволнованного командарма (комкора или другого командира), желал успеха на новом посту и постоянной готовности проводить в жизнь "линию партии". И снова испытующе вглядывался в глаза человека. Ему всегда хотелось прочитать самое важное для него: предан ли тот "товарищу Сталину"?

Долгие часы Сталин проводил с наркомами, конструкторами, учеными, создающими боевую технику и оружие, обычно лично осматривал новые образцы, бывал и на испытаниях. По его инициативе проводились совещания по различным вопросам военного строительства, на которых Сталин часто присутствовал. Выступал редко, но своими репликами и замечания-

ми всегда "доворачивал" ход обсуждения в ту или иную сторону. В 1939 году, например, целый день провел на совещании руководящего состава работников тыла РККА, решавшего вопросы снабжения командного и рядового состава полевой и повседневной формой, качества обмундирования.

Конечно, Сталин занимался всеми этими вопросами не только из любви к военному делу. Подобно любому руководителю государственного уровня, Сталин прекрасно понимал, что политическая власть, ее реальная сила, место страны в мире и ее международный авторитет в огромной мере определяются не только экономической, но и военной мощью. Все выступления Сталина во второй половине 30-х годов полны тревоги по поводу роста фашистской опасности, усиления империалистической угрозы на западе и востоке. Можно без преувеличения сказать, что в эти годы приоритетными объектами его внимания были РККА и НКВД. И именно по линии НКВД с конца 1936 года к Сталину стали поступать тревожные сообщения.

Интересно, что первые симптомы коллизий между Сталиным и высшими военными чинами уловили в Германии. Начальник Главного разведывательного управления РККА комкор С. Урицкий еще 9 апреля 1937 года докладывал Сталину и Ворошилову о том, что в Берлине муссируют слухи о существующей оппозиции советскому руководству среди генералитета. Правда, успокаивал начальник ГРУ, этому мало верят. В доказательство привел высказывания некоего Артура Юста в "Дейче Альгемайне цайтунг": сегодня "диктатура Сталина нуждается в исключительной опоре. В высшей степени странным было бы именно сейчас начать потрясать устои армии. Ничто сейчас не является таким важным для Сталина, как безусловная надежность Красной Армии"[61]. Похоже, что так думал и сам Сталин, но для "безусловной надежности" стал именно "потрясать устои армии". Тем более что сигналы об оппозиции, заговоре среди генералитета начали поступать сразу из многих источников.

Вначале Ежов направил Сталину записку с материалами РОВСа (белоэмигрантской организации "Русский общевоинский союз") из Парижа. В ней речь шла о том, что "в СССР группой высших командиров готовится государственный переворот". В этом материале, который был, вероятнее всего, фальшивкой или, в лучшем случае, выдумкой белоэмигранта, утверждалось, что во главе заговора стоит маршал М.Н. Тухачевский. Сталин передал записку Орджоникидзе и Ворошилову с

резолюцией: "Прошу ознакомиться". Следов реакции его соратников на документе обнаружить не удалось. Скорее всего, откровенно фальшивый характер записки не произвел впечатления на читавших, даже на Сталина, чрезвычайно мнительного и подозрительного человека. При этом следует еще раз сказать, что Сталин всегда очень полагался на "бумагу", на заведенное "дело", на доклады органов НКВД. Сделаю отступление.

Как мне рассказывал А.Т. Рыбин, работавший в то время в одном из отделов НКВД, а затем в охране "вождя", когда Сталину устно доложили о "связях" М.Е. Кольцова с "иностранными разведками", он не придал вначале информации должного значения. У него в памяти была недавняя беседа с писателем, оставившая о нем неплохое впечатление. Но когда через месяц (кому-то это было очень нужно?!) ему положили папку с доносом, двумя свидетельствами близко знавших Кольцова лиц, Сталин велел дать ход этому сфабрикованному делу. Сталин не допускал, что в письменных докладах его могут обманывать, вводить в заблуждение. Он полагал, что на это имеет право только он. Кстати, эту особенность Сталина во всем верить "бумаге" активно использовал Ежов, а позже и Берия. Доносы, сообщения, доклады, нередко прямо фантастические, находили в психологии Сталина весьма благодатную почву. Мысля категориями "врагов", "борьбы", "окружения", "заговоров", "двурушничества", "вредительства", Сталин не сомневался в правдивости этих докладов.

Об исключительной подозрительности Сталина, не доверявшего даже своему окружению, помощникам, родственникам, мне говорили многие, близко знавшие "вождя" в пору его личного триумфа. Как рассказывал А.Н. Шелепин, Сталин требовал от Берии особой проверки людей, охранявших его. Берия играл на этом: периодически "находил" в окружении Сталина "шпиона" или "террориста"; нет-нет да сообщал о "подозрительных" сигналах, данных и т.д. Например, однажды Берия приказал арестовать уборщика Федосеева и его жену за подготовку "теракта". Не случайно даже гардины на окнах были подрезаны на полметра от пола, чтобы никто не мог спрятаться. Никто не знал, где Сталин будет спать сегодня — на диване в кабинете или в маленьком зале, постели были заготовлены и там и тут. В комнаты Сталина без его вызова никто, кроме Берии, входить не смел.

Уезжая к себе на дачу в бронированном автомобиле, Сталин знал, что каждая такая поездка — целая операция, связанная с обеспечением его безопасности. Рядом с водителем Ми-

трохиным сидели телохранители — либо Туков, либо Старостин (в 40-е гг.), готовые, как и в автомобилях сопровождения, защитить Сталина от "террористов". У "вождя" была привычка пристально вглядываться в лица людей. Если чей-нибудь взгляд ему вдруг не нравился, этот человек больше у него не работал. Замечу, что, хотя существуют версии, созданные в окружении Берии, о нескольких попытках покушения на Сталина, каких-либо документов на этот счет обнаружить не удалось.

Владыки, постоянно ожидающие покушения, начинают подозревать всех. Например, император Александр II, на которого было совершено несколько нападений (и в конце концов террористы добились своей цели), стал до такой степени подозрительным, что "однажды он выстрелил в своего адъютанта, когда последний сделал резкое движение и царю показалось, что офицер хочет убить его"[62]. Поэтому, постигая внутренний мир Сталина, нельзя не учитывать его гипертрофированную подозрительность по отношению к другим. Хрущев в своем докладе на XX съезде партии подчеркивал крайне болезненную подозрительность Сталина даже к членам Политбюро. Может быть, полностью он доверял лишь Власику и Поскребышеву. Да, пожалуй, Вале Истоминой, его "экономке", молодой женщине, которая вскоре после гибели Н.С. Аллилуевой пришла к нему в дом. До конца его дней она заботилась о Сталине, старалась создать ему, насколько это возможно, домашний уют. Будучи черствым человеком, он тем не менее не раз отмечал бесхитростную и искреннюю заботу о нем этой женщины. В целом же маниакальная подозрительность была одной из характернейших черт этой "господствующей личности".

Поэтому информация, которая поступила Сталину из Чехословакии от президента Бенеша, резко усилила подозрение к Тухачевскому. Как писали бывший сотрудник Кальтенбруннера В. Хаген (в книге "Тайный фронт"), Х. Хегнер (в мемуарах "Рейхсканцелярия 1933 — 1945 гг."), а также У. Черчилль, Сталин "клюнул" на сфабрикованный в Берлине документ о "сотрудничестве" Тухачевского и ряда других командиров Красной Армии с германским генералитетом. В ведомстве Канариса искусно подделали подпись Тухачевского, оставленную Михаилом Николаевичем еще в 1926 году в Берлине на документе о техническом сотрудничестве в области авиации с одной из германских фирм.

Сфабрикованный документ наводил на мысль, что Тухачевский состоит в тайной связи с представителями германского генералитета с целью насильственного свержения Сталина. В

Берлине был разыграи спектакль с пожаром и кражей докумеитов, с тем чтобы они якобы попали в Прагу. О пожаре Ежов несколько раз докладывал Сталину и Ворошилову:

"В дополнение к нашему сообщению о пожаре в Германском военном министерстве, направляю подробный материал о происшедшем пожаре (в ночь с 1 иа 2 марта 1937 г. — *Прим. Д.В.)* и копию рапорта начальника комиссии по диверсиям при гестапо...

Генеральный комиссар государственной безопасиости

Ежов".

Бенеш, вероятно с благими намерениями, приказал препроводить документы в Москву. Сталина это донесение очень иасторожило, но ои ограиичился пока лишь тем, что передал документы Ежову. За Тухачевским усилили слежку и стали собирать "материалы". Далее события, видимо, развивались так, как их излагает Б.А. Викторов, бывший заместитель Главного военного прокурора. После XX съезда партии ои руководил специальной группой военных прокуроров и следователей по реабилитации невиино осужденных в годы сталинского беззакоиия.

В своих записках он вспомииает миого интересных фактов. Листая дело осуждеиного в 1957 году за нарушение законности следователя Радзивиловского, Викторов обратил особое внимание на такие строки из его показаиий: "Я работал в УНКВД Московской области. Меня вызвал Фриновский (один из замов Ежова. — *Прим. Д.В.)* и поинтересовался, не проходят ли у меня по делам какие-либо крупные военные. Я ответил, что веду дело на бывшего комбрига Медведева. Фриновский дал мне задание: "Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромиую роль и заслуги Ежова перед ЦК". Я принял задание к исполнению. Не сразу, коиечно, ио я добился от Медведева требуемых показаиий о наличии в РККА заговора. О полученных показаниях было доложено Ежову. Он лично вызвал Медведева на допрос. Медведев заявил Ежову и Фриновскому, что показания его вымышленные. Тогда Ежов приказал вернуть Медведева любыми способами к прежним показаниям, что и было сделаио. Протокол с показаииями Медведева, добытыми под физическим воздействием, был доложен наверх..."

Вскоре после этого последовали аресты Тухачевского и других "заговорщиков". Буквальио накануне Сталину доложили, что Троцкий в своем очередном "Бюллетене оппозиции" заявил, что "иедовольство воеиных диктатом Сталина ставит на

повестку дня их возможное выступление". Это подтолкнуло "вождя" к решительным действиям. Но прежде чем принять окончательное решение об аресте Тухачевского, весьма популярного в народе военачальника, Сталин выслушал Молотова, Ворошилова, Ежова. Молотов поверил сообщениям из-за рубежа (к слову сказать, бывший ближайший сподвижник Сталина до конца своих дней настаивал на существовании заговора), Ворошилов не скрывал своей давней неприязни к Тухачевскому, а Ежов хотел на этом деле подняться еще выше. Естественно, что они были за арест "заговорщика". 24 мая Сталин после некоторых колебаний сделал еще один шаг к вершине кровавой драмы, имевшей особо тяжелые последствия. Членам и кандидатам в члены ЦК был направлен для голосования (опросом) документ следующего содержания:

"На основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) заговорщицком блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, Политбюро ЦК ВКП(б) ставит на голосование предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел.

Секретарь ЦК ВКП(б) *И. Сталин*"[63].

Все единогласно проголосовали "за". Никто не засомневался, никто не защитил. Военачальники, прекрасно знавшие Тухачевского с гражданской войны, слепо, на веру приняли сообщение провокаторов, даже не попытались выслушать самого маршала. Инерция беззакония уже была очень сильной. Ни у кого не возникло ни желания, ни смелости поинтересоваться, что стоит за фразой: "на основании данных, изобличающих...". Некоторые из голосовавших шли еще дальше предложения, подписанного Сталиным. Буденный, например, на своем бланке написал: "Безусловно "за". Нужно этих мерзавцев казнить. 25.5". Мехлис, как в большинстве подобных случаев, несколько раз подчеркнул свое "за". Ни Ворошилов, ни Егоров, сослуживцы Тухачевского, ни Хрущев, ни Микоян, осудившие впоследствии этот акт беззакония, не нашли в себе мужества, чтобы не написать это роковое "за". Во время всех этих процессов о шансах совести все как будто забыли... И вновь — в который раз! — Сталин оставил свой бланк голосования незаполненным. То ли он себя полностью отождествлял с Политбюро, то ли заботился о том, чтобы в истории осталось меньше его тем-

ных следов? А может быть, Сталин уверовал, что останется в нашей истории навсегда святым и неприкасаемым?

Тухачевского Сталин знал давно, с гражданской войны. Знал, как тот умело командовал 5-й армией. Помнил о приказе Реввоенсовета Республики от 28 декабря 1919 года, в котором говорилось:

"Награждается Почетным Золотым Оружием командующий 5-й армией тов. Михаил Николаевич Тухачевский за личную храбрость, широкую инициативу, энергию, распорядительность и знание дела, проявленные им при победоносном шествии доблестной Красной Армии на Восток, завершившемся взятием гор. Омска"[64].

Прохаживаясь вдоль стола в своем кабинете, Сталин размышлял о противоречивости бытия. Еще несколько дней назад, накануне решения ЦК об аресте Тухачевского, он пригласил Молотова, Кагановича, Ворошилова, Чубаря, Микояна на спектакль Узбекского государственного музыкального театра "Фархад и Ширин" по поэме Алишера Навои. Все сошлись во мнении, что спектакль являет собой яркое выражение роста социалистической культуры. Открывая утром "Правду", Сталин с удовлетворением читал о новых и новых достижениях советских людей. В конце мая полярники во главе с О.Ю. Шмидтом высадились на Северном полюсе и оборудовали дрейфующую станцию. В ближайшее время откроется первый съезд советских архитекторов (пора, наконец, строить города и села, достойные времени). Хотя эта область — математика — исключительно далека от него, но, видимо, работы академика И.М. Виноградова действительно прославляют советскую науку, раз так о нем пишут... Даже маленькое сообщение о снижении цен на туалетное мыло на 15% не могло не радовать. Как правильно пишет неизвестный ему поэт: "Страна на марше..." Но маршу этому мешают, пытаются не просто "сбить ногу", а остановить поток, во главе которого идет он. Такие, как Тухачевский, опасны не только для него, Сталина, но и для страны. "Сколько волка ни корми..." Дворянскую кровь не заменить пролетарской. Вот сейчас на 12 ночи он вызвал Ежова: пусть доложит о ходе следствия по делу Тухачевского.

Слушая Ежова, доложившего о допросах М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, А.И. Корка, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова, В.К. Путны, Сталин думал о самом молодом из всех пятерых Маршалов Советского Союза. С одной стороны, "вождь" всегда отдавал должное высокой

профессиональной подготовке Тухачевского, его оригинальному стратегическому мышлению, несомненному таланту теоретика. А с другой, Сталин с гражданской войны сохранил где-то в душе недоверие к "буржуазным военспецам", недолюбливал маршала за независимость и смелость суждений, знал о довольно натянутых отношениях Тухачевского с Ворошиловым. Вспомнил и записку Гамарника на его, Сталина, имя, в которой начальник Главного политуправления РККА писал:

"Только сейчас, перед самым своим отъездом, получил копию письма тов. Тухачевского на Ваше имя о военных советах округов и поэтому не имею возможности подробно изложить соображения по поставленному им вопросу. Тов. Тухачевский, соглашаясь в записке с оставлением военных советов округов, предлагает вывести из их состава начпуокров...

Считаю предложение тов. Тухачевского абсолютно неправильным и вредным как для мирного, так и особенно для военного времени.

Я. Гамарник".

Тогда Сталин поддержал Гамарника. Вспомнил еще более раннюю докладную записку Тухачевского, которую ему показал Ворошилов. В ней первый заместитель наркома обороны давал определения таким категориям военной науки, как "глубокий маневр", "фронтальный удар", "обход фланга", "встречный бой", и другим. Тухачевский вновь ставил вопросы о разработке теории "маневренной войны" в эпоху широкой моторизации, ускорения технического перевооружения армии и т.д. Сталин молча выслушал несогласие Ворошилова с "теоретизированием" Тухачевского, которому нарком хотел ответить специальным письмом. В архиве оно сохранилось. Заканчивалось письмо такими словами:

"Я советую Вам возможно скорее покончить с Вашими чрезмерными литературными увлечениями и все свои знания и энергию направить на практическую работу. Это принесет немедленную и ощутимую пользу тому делу, на которое мы с Вами партией поставлены...

С комприветом

К. Ворошилов"[65].

Нарком обороны болезненно реагировал на теоретические изыскания Тухачевского, еще больше подчеркивающие низкую образованность Ворошилова, тяготевшего к старым, консервативным формам военного строительства. Поэтому положение первого заместителя наркома, который интеллектуально был неизмеримо выше, чем его начальник, едва ли могло быть

прочным. Трудно было рассчитывать, что Ворошилов оценит Тухачевского по достоинству. Легче было предположить, что он незаметно будет перемещен на другую, более низкую должность. Так и произошло: Тухачевского назначили командующим Приволжским военным округом, где он пробыл очень недолго.

Сталин тоже не мог не признавать, что по интеллектуальному уровню, теоретической подготовке, свежести мышления Тухачевский значительно превосходил своего начальника. Но ведь так бывает часто. Начальнику, полагал "вождь", не обязательно быть умнее своих заместителей. Важно вести "линию"... Ворошилов это делать умеет. А Тухачевский... Трудно поверить полностью тому, что докладывает Ежов... Но ведь и Троцкий в своей "Преданной революции" намекает... В одном из своих интервью еще в Осло "гражданин без визы" так и сказал: "В Красной Армии не все преданы Сталину. Там меня еще помнят". А ведь Троцкий был лично хорошо знаком с Тухачевским... Сталин, сопоставляя обрывки своих воспоминаний с докладами Ежова, все более заставлял себя поверить, что "фашистский заговор" в РККА не только существует, но и представляет собой грозную реальность. Тем более что в очередном докладе Ежов сообщил наконец, что "заговорщики сознались". Сталин имел, пожалуй, основания вспомнить строки из Псалома тридцать седьмого Псалтыря, за знание которого он когда-то получил высшую оценку: "И я сказал: да не восторжествуют надо мною враги мои". Именно его, а не народа!

Сталин приказал закрытый процесс провести быстро, без задержек. Всех расстрелять. Кивнул на стол. Там лежал открытый номер журнала "Большевик" со статьей М. Тухачевского "О новом полевом уставе РККА". Статью даже не успели "выбросить" из номера, так быстро развивались события. В начале июня 1937 года, до процесса, на Военном Совете при наркоме (через полгода его будет уже невозможно собрать — почти все члены совета будут репрессированы) были заслушаны сообщения Ежова и Ворошилова о раскрытии "подлой контрреволюционной военно-фашистской организации". В докладе говорилось, что заговорщики действуют давно и их деятельность тесно связана с немецкими военными кругами. Утверждалось, что заговорщики готовили уничтожение руководителей партии и страны и с помощью фашистской Германии намеревались захватить власть. На заседаниях Военного Совета присутствовали члены правительства, о их ходе немедленно докладывалось Сталину. Судьба Тухачевского и его "однодельцев" была пред-

решена. Менее чем через две недели после ареста, 11 июня 1937 года, состоялся закрытый суд. В печати о передаче дела арестованных в суд было сообщено лишь в день процесса. А на другой день уже появилась информация о приговоре.

Суд был в высшей степени скорым и чудовищно неправым. Начался в 9 часов утра и вскоре после обеда завершился вынесением приговора. За судейским столом сидели: председательствующий — армвоенюрист В.В. Ульрих, понаторевший на этих делах, а также маршалы С.М. Буденный и В.К. Блюхер, командармы первого ранга Б.М. Шапошников и И.П. Белов, командармы второго ранга Я.И. Алкснис, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин и комдив Е.И. Горячев. Судили без защитников и права обжалования, как это было предусмотрено законом от 1 декабря 1934 года.

Тухачевский, Якир, Уборевич, Путна, Примаков, Корк, Эйдеман, Фельдман сидели напротив своих боевых товарищей. Все хорошо знали друг друга. Едва ли кто из членов суда верил, что перед ними сидят "заговорщики и шпионы". Думаю, что и у Тухачевского и его сотоварищей могла где-то шевельнуться надежда: ведь суд, состоящий из людей, с которыми двадцать лет служили под одними знаменами, должен прислушаться если не к зову справедливости, то хотя бы к традициям боевого товарищества... Но совесть в то время предельно скупо использовала свой вечный шанс. Остался он невостребованным и на этот раз...

На суде должен был быть и начальник ПУРККА Я.Б. Гамарник. Или в качестве подсудимого или... члена суда. Вот что мне рассказала о последнем дне жизни Яна Борисовича его дочь В.Я. Кочнева:

— В конце мая отец заболел, то ли чувствовал приближение развязки, то ли вновь его мучил приступ диабета. Он знал, как потом рассказывала мама (мне уже было 12 лет), что 27 мая арестован Тухачевский, 29-го арестованы Уборевич, Якир (прямо в поезде), другие военачальники. 30-го к отцу приехал Блюхер. Они хорошо знали друг друга по Дальнему Востоку. О чем-то долго говорили. Потом отец сказал матери, что ему предлагают стать членом суда над Тухачевским... Но как я могу! — воскликнул отец. — Я ведь знаю, что они не враги... Блюхер сказал, что, если откажусь, меня могут арестовать.

31-го вновь ненадолго приезжал Блюхер. Затем пришли какие-то люди и опечатали сейф отца. Ему сказали, что он отстранен от должности, а его заместители Осепян и Булин арестованы. Отцу приказали быть дома. Как только люди из

НКВД ушли, в комнате отца мы услышали выстрел... Когда с мамой вбежали, все было кончено.

Кочнева, помолчав, добавила:

— Думаю, выстрел был ответом на предложение Сталина стать членом трибунала над своими боевыми товарищами. Ответом на беззаконие. Больше ответить отец тогда ничем не смог. Мать арестовали, дали ей 8 лет как жене "врага народа", а затем, в лагере, — еще 10 лет "за содействие врагу народа". Больше я никогда не видела матери, умершей, согласно извещению, в 1943 году в лагере. Меня направили в детдом. По достижении совершеннолетия дали 6 лет как "социально опасному элементу". Затем начались ссылки...

Судьба семьи Гамарника характерна для многих, многих тысяч несчастных родственников невинно осужденных...

Я сделал отступление, а суд был почти молниеносным. Все было решено заранее. Ульрих связывал "военно-фашистский заговор" главным образом с контактами подсудимых с представителями вооруженных сил Германии. Как уже было сказано, Тухачевский в 1926 году возглавлял советскую военную делегацию в Берлине. Якир учился на курсах генерального штаба в Германии в 1929 году. Корк был там военным атташе. Многие встречались с представителями Германии на дипломатических приемах, маневрах, различных переговорах. Однако все (кроме Примакова) решительно отвергали какую-либо "шпионскую связь" с Германией. Например, Тухачевский говорил на суде: "Встречи, беседы с представителями немецкого командования носили только официальный характер. Все это имело место лишь до прихода Гитлера к власти..."

Обвинения во "вредительстве" подсудимые частично признали, но не как умышленные деяния, а как недостатки, упущения в боевой подготовке, строительстве военных объектов, мобилизационных делах. Одним из главных аргументов в поддержку версии "вредительства" была концепция Тухачевского о необходимости ускоренного формирования танковых и механизированных соединений за счет сокращения конницы. Здесь Ульриху активно помогал Буденный. Поскольку обвиняемые не подтверждали данных на предварительном следствии показаний, председательствующий все время спрашивал:

— Показания, данные вами в НКВД, вы подтверждаете? — вынуждая подсудимых придерживаться сфабрикованной до суда версии.

Тем более что, как теперь установлено, по отношению ко

всем этим видным советским военачальникам было применено в полном объеме физическое воздействие.

Наконец, еще одним пунктом обвинений было "намерение, якобы для успеха заговора, устранение Ворошилова" (так в тексте. — *Прим. Д.В.*). Тухачевский, Корк, Путна, Уборевич говорили, что они вместе с Гамарником хотели поставить вопрос в правительстве о смещении наркома, как не справляющегося со своими обязанностями. Откровенно высказанное желание было расценено судом как проявление "заговорщицкой деятельности". Но по существу дела подсудимые отвергли грязные домыслы в "шпионаже в пользу фашистской Германии и подготовке контрреволюционного переворота". В своем последнем слове Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич убежденно говорили о своей преданности Родине, народу, армии, особенно подчеркивали свою полную лояльность "товарищу Сталину". Просили о снисхождении за возможные ошибки и промахи в работе.

Диссонансом на суде прозвучало последнее слово Примакова. Он полностью подтвердил официальное обвинение, заявив, что "всех заговорщиков объединило знамя Троцкого, их приверженность фашизму". Примаков сказал, что он назвал следствию более 70 человек, о которых он лично знает, что они "входили в военно-фашистский заговор". Мол, у "головки" заговорщиков есть "вторая Родина": у Путны, Уборевича, Эйдемана в Литве есть родственники; Якир имеет близких в Бессарабии; Эйдеман — в Америке... Сломленный многомесячными пытками, Примаков послушно говорил то, что ему поручили сказать следователи. Если все остальные были арестованы менее двух недель назад и еще сохранили силу духа, то Примаков, прославленный герой гражданской войны, находился в застенках уже более года. Именно поэтому бывший комкор отрешенно и бесстрастно говорил чудовищные вещи, подсказанные ему на Лубянке.

В то время в системе НКВД задерживались следователи лишь определенного склада: бессердечные циники и садисты, которым неведома была совесть. Генерал армии А.В. Горбатов, прошедший сталинские круги земного ада, вспоминал: "Я случайно узнал, что фамилия моего изверга-следователя — Столбунский. Не знаю, где он сейчас. Если жив, то я хотел бы, чтобы он мог прочитать эти строки и почувствовать мое презрение к нему. Думаю, впрочем, что он это и тогда хорошо знал... До сих пор в моих ушах звучит зловеще шипящий голос Столбунского, твердившего, когда меня, обессилевшего и окро-

вавленного, уносили: "Подпишешь, подпишешь!" Выдержал я эту муку и во втором круге допросов. Но когда началась третья серия, как хотелось мне поскорее умереть!"

В "деле" Тухачевского особенно отличился следователь по особо важным делам Ушаков (он же Ушиминский). В своих объяснениях, которые он дал после XX съезда комиссии по реабилитации, Ушаков писал:

"Первым был арестован Фельдман. Он категорически отрицал какое-либо в каком-либо заговоре участие, тем более против Ворошилова... Я взял личное дело Фельдмана и в результате его изучения пришел к выводу, что Фельдман связан личной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом других крупных командиров... Вызвал Фельдмана в кабинет, заперся с ним, и к вечеру 19 мая он написал заявление о заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и других... Затем мне дали допрашивать Тухачевского, который уже на следующий день сознался. Я, почти не ложась спать, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорщиков... Даже в день процесса, рано утром, я отобрал от Тухачевского дополнительные показания об участии в заговоре Апанасенко и других..."

В одном из допросов Тухачевского участвовал сам Вышинский. Заставил подписаться под словами: "Признаю, что виновен. Жалоб не имею". Но жалобы, прошения о помиловании были написаны почти всеми в адрес Сталина, Молотова, Ворошилова.

Сотоварищи Тухачевского также прошли "энергичную" обработку: запугивание, угрозы семьям, безграничное насилие. Во время следствия обвиняемым внушали: только признание сохранит им жизнь...

Перед вынесением приговора Ульрих с Ежовым побывали у Сталина. Доложили о ходе процесса и поведении обвиняемых. Ульрих угодливо положил на стол проект приговора. Сталин не стал смотреть его, а лишь бросил: "Согласен". Помолчав, спросил:

— Что говорил в последнем слове Тухачевский?

— Говорил, гад, что предан родине и товарищу Сталину. Просил о снисхождении, — быстро ответил Ежов. — Но сразу было видно, что хитрит, не разоружился...

— А как суд? Как вели себя члены Присутствия?

— Активно вел себя лишь Буденный... члены суда в основном молчали. По одному-два вопроса задали Алкснис, Блюхер да, кажется, Белов...

Сталину с самого начала состав суда показался подозри-

тельным. Он тут же распорядился "посмотреть" на этих людей внимательно. Кроме Буденного и Шапошникова все вскоре будут арестованы. А командарм второго ранга Н.Д. Каширин (как и два его брата) — буквально через несколько дней... Сталин почему-то вспомнил, как в конце гражданской войны после совещания у С.С. Каменева, где Тухачевскому и другим командирам пришлось пережить неприятные минуты из-за варшавской катастрофы, молодой комфронта, прощаясь со Сталиным, немного грустно продекламировал:

Это — голос
Моей судьбы, и он мне, словно льву,
Натягивает мышцы тетивою...

Сталин непонимающе посмотрел на Тухачевского. Тот, улыбнувшись, добавил: "Так сказал Гамлет после встречи с духом своего отца..." Член Военного совета не подал и виду, что слова эти для него "темны". Пожалуй, кроме "голоса судьбы...".

Приговор "заговорщикам" был известен Сталину до начала суда. Он знал его уже тогда, когда отдал распоряжение об аресте Тухачевского. На высказанные в последнем слове обвиняемых просьбы о пощаде Сталин не отреагировал. Он не любил, по его же словам, "миндальничать". Ночью 12 июня все были расстреляны. Примаков тоже, хотя ему обещали за "чистосердечные признания" сохранить жизнь.

Жизнь человека подобна волшебной влаге, помещенной с рождения в хрупкий сосуд. Ее самая загадочная особенность состоит в том, что она непрерывно струится, вытекая из кувшина. Сосуд не прозрачен; можно только догадываться, сколько осталось в нем жизненных соков... Тухачевский и его "однодельцы" были полны жизни, планов, надежд. Но свинцовый сапог деспота безжалостно разбил кувшины жизни этих и множества других людей, превратив своей "стальной" пятой эти сосуды в груды обломков...

"Шпионам и изменникам Родины нет и не будет пощады" — так была озаглавлена передовая статья в журнале "Большевик", призванная дать своего рода обобщенную информацию о процессе. В ней, в частности, говорилось: "Мечом пролетарской диктатуры разгромлена еще одна банда предателей и врагов. Тухачевскому и К°, притаившимся в рядах нашей славной Красной Армии, не помогли ни глубокая законспирированность их преступной деятельности, ни весь опыт маскировки разведчиков... Их конечной целью было, как отмечается в приказе наркома обороны СССР Маршала Советского Союза

тов. Ворошилова, "ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами Советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов"... Тухачевский и К° собирались в нашей великой стране сыграть ту же роль, какую играет Франко, презренный враг испанского народа"[66].

Но на этом расправа над военными кадрами не закончилась, а только начиналась. Вовсю работали люди типа Мехлиса. Каждый их звонок, телеграмма, донесение отзывались наветами, жертвами, болью. Вот, например, две телеграммы Мехлиса тех трагических лет:

"Москва НКО Щаденко

ПУРККА Кузнецову

Начштаба Лукин крайне сомнительный человек, путавшийся с врагами, связанный с Якиром. У комбрига Федорова должно быть достаточно о нем материалов. В моей записке об Антонюке немало внимания уделено Лукину. Не ошибетесь, если уберете немедля Лукина.

27 июля.

Мехлис".

"Товарищу Сталину.

Уволил двести пятнадцать политработников, значительная часть из них арестована. Но очистка политаппарата, в особенности низовых звеньев, мною далеко не закончена. Думаю, что уехать из Хабаровска, не разобравшись хотя бы вчерне с комсоставом, мне нельзя...

28 июля.

Мехлис"[67].

От всех этих разбирательств "вчерне", еще чернее представала картина террора в армейской среде. Мехлис и подобные ему, с одобрения Сталина, "ковали" поражения 1941 года, которые обернутся для страны новыми миллионами жертв. Списки погибших командиров и политработников, сложивших головы не на поле брани за свое Отечество, выглядят как неимоверно страшный некролог, горестный и нескончаемый. А трагедия между тем продолжалась. Был расстрелян комбриг Медведев, который под пытками дал нужные показания на Тухачевского. Ежов, как и Ягода до него, стал заметать следы. Вскоре пали большинство членов и Специального Присутствия, судившие группу Тухачевского: маршал Блюхер, командармы Каширин, Алкснис, Белов, Дыбенко... У меня есть письмо П. Дыбенко,

которое тот успел послать Сталину из Ленинграда перед арестом. Вот некоторые строки этого крика о спасении.

"Дорогой тов. Сталин!

Решением Политбюро и Правительства я как бы являюсь врагом нашей родины и партии. Я живой, изолированный в политическом отношении, труп. Но почему, за что? Разве я знал, что эти американцы, прибывшие в Среднюю Азию с официальным правительственным заданием, с официальными представителями НКИД и ОГПУ являются специальными разведчиками? В пути до Самарканда я не был ни одной секунды наедине с американцами. Ведь я амсриканским (так в тексте. — *Прим. Д.В.*) языком не владею...

О провокаторском заявлении Керенского и помещенной в белогвардейской прессе заметке о том, что я якобы являюсь немецким агентом. Так неужели через 20 лет честной, преданной Родине и партии работы белогвардеец Керенский своим провокаторством мог отомстить мне? Это же ведь просто чудовищно.

Две записки, имеющиеся у тов. Ежова, написанные служащими гостиницы "Националь", содержат известную долю правды, которая заключается в том, что я иногда, когда приходили знакомые ко мне в гостиницу, позволял вместе с ними выпить. Но никаких пьянок не было.

Я якобы выбирал номера рядом с представителями посольства? Это одна и та же плеяда чудовищных провокаций...

У меня были кулацкие настроения в отношении колхозного строительства? Эту чушь могут рассеять тт. Горкин, Юсупов и Евдокимов, с которыми я работал на протяжении последних 9 лет...

Тов. Сталин, я умоляю Вас дорасследовать целый ряд фактов дополнительно и снять с меня позорное пятно, которого я не заслуживаю.

П. Дыбенко"[68].

Через несколько дней командарм П. Дыбенко, член партии с 1912 года, в октябрьские дни Председатель Центробалта, был арестован, "судим" и расстрелян. Едва ли его следователи знали, что перед ними легендарная личность. Когда казаки генерала Краснова готовились выступить из Гатчины на Петроград, именно революционный матрос Дыбенко смог их "распропагандировать" и повернуть против Временного правительства...

Сталин на письме Дыбенко написал лишь: "Ворошилову". Ни у Сталина, ни у наркома обороны не было желания заняться судьбой старого большевика, которого к тому же

перед смертью заставили "судить" Маршала Советского Союза.

Сталин, уверовав если не в наличие, то в возможность "военно-фашистского заговора" против него, размышлял уже над тем, кто в отсутствие Тухачевского "мог" его возглавить. Сегодня он прочитал направленное ему заместителем начальника ГРУ Александровским донесение, полученное из Германии. В нем давалась оценка официальными германскими военными кругами руководителей Красной Армии. О Тухачевском мнение Берлина его уже не интересовало. О Блюхере почему-то писали, что он из обрусевших немцев, подчеркивали, что он самый влиятельный и авторитетный из советских военных. Егоров, считали германские штабисты, весьма "сильный военачальник", обладающий "аналитическим умом". А Сталину едва ли такие были нужны. Его больше устраивали послушность и ординарность мышления Ворошилова и Буденного. Прогуливаясь поздно вечером по дорожкам дачи в Кунцево, Сталин вспомнил одну деталь.

Вскоре после того, когда по его инициативе был принят 20 февраля 1932 года Указ о лишении Троцкого и выехавших с ним лиц советского гражданства, тот ответил открытым письмом Президиуму ЦИКа. В частности, Троцкий писал: "Оппозиция переступит через Указ 20 февраля, как рабочий переступает лужу по пути на завод". Письмо заканчивалось призывом: "Отстранить Сталина!". Вскоре после этого публичного обращения Троцкий в одном из своих выступлений заявил, что "даже на самом верху, в том числе в военной верхушке, есть люди, недовольные Сталиным и поддерживающие мой призыв: "Отстранить Сталина!". Таких людей там немало".

Теперь, когда нет Тухачевского, размышлял Сталин, осталось четыре влиятельных военачальника, четыре маршала. Ведь Троцкий намекал, что их "немало"... В Ворошилове он не сомневался. Это человек, у которого вся жизнь, карьера основаны на легендах, на прошлом и... на нем, Сталине. Буденный — ревностный служака. И только. Вот, правда, Ежов докладывает, что жена Буденного поддерживает связи с какими-то иностранцами. Пусть разбирается... Нет, эти не способны выступить против меня. А вот Блюхер и Егоров, которых он хорошо знал по гражданской войне, заметно изменились. Стали другими. Немцы в Берлине о них как-то по-особенному пишут. И Ворошилов был недоволен Егоровым, когда тот был начальником Генштаба. Надо, чтобы Ежов проверил одно письмо по

поводу маршала Егорова... Возвратясь с прогулки, Сталин внимательно перечитал это письмо, адресованное ему.

"В ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

Целый ряд важнейших вопросов организации РККА и оперативно-стратегического использования наших вооруженных сил, по моему убеждению, решен ошибочно, а возможно, и вредительски. Это в первый период войны может повлечь за собою крупные неудачи и многочисленные лишние жертвы.

Я прошу, тов. Сталин:

Проверить деятельность маршала Егорова в бытность его начальником Генерального штаба РККА, т.к. он фактически несет ответственность за ошибки, допущенные в области подготовки оперативно-стратегического использования наших вооруженных сил и их организационной структуры.

Я политического прошлого и настоящего тов. Егорова не знаю, но его практическая деятельность как начальника Генерального штаба вызывает сомнения.

9 ноября 1937 года.

Член ВКП(б) с 1912 года

Я. Жигур"[69].

Это письмо Яна Матисовича Жигура, комбрига, работавшего на кафедре Академии Генерального штаба РККА. Бесконечные призывы к бдительности, вакханалия беззакония, ставшая нормой жизни в те кошмарные годы, сбивали с честного пути многих людей. Я.М. Жигур, бывший поручик царской армии, без колебаний принял революцию; активно участвовал в гражданской войне. Был дважды ранен. Награжден орденом Красного Знамени. Но это письмо не спасло Жигура. Уже в 1937 году он будет арестован и вскоре расстрелян...

Сталин приказал Поскребышеву передать Ежову, чтобы тот "обратил внимание" на Егорова.

Через пару месяцев Ежов "проверил" и "разобрался". Тем более что пришла еще одна бумага, которую вынудили написать бывшего сослуживца Егорова, в последующем крупного советского военачальника. Однополчанин маршала вспоминал:

"В 1917 году, в ноябре месяце, на съезде 1-й армни в Штокмозгофе, где я был делегатом, я слышал выступление бывшего тогда правого эсера подполковника Егорова А.И., который в своем выступлении называл товарища Ленина авантюристом, посланцем немцев. В конечном счете речь его сводилась к тому, чтобы солдаты не верили Ленину..."[70]

Хотя к этому времени судьба маршала была уже предрешена, письмо подтверждало "вредительскую природу" Егорова. В

узком кругу, обсудив с Молотовым и Ворошиловым результаты "расследования", решили вывести Егорова из состава ЦК и передать дело в НКВД, тем более что выявился еще один "компрометирующий" факт, связанный с его женой.

28 февраля — 2 марта 1938 года опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было принято следующее постановление:

"О тов. Егорове.

Ввиду того, что, как показала очная ставка т. Егорова с арестованными заговорщиками Беловым, Грязновым, Гринько, Седякиным, т. Егоров оказался политически более запачканным, чем можно было бы думать до очной ставки, и принимая во внимание, что жена его, урожденная Цешковская, с которой т. Егоров жил душа в душу, оказалась давнишней польской шпионкой, как это явствует из ее собственного показания, — ЦК ВКП(б) признает необходимым исключить т. Егорова из состава кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

И. Сталин"[71].

Проголосовали все опять единогласно. Бланк Сталина, разумеется, опять остался чистым. А ведь в гражданскую Сталин вместе с А.И. Егоровым не раз хлебал щи из одной крестьянской миски, укрывался одной солдатской шинелью... Но то было так давно и теперь не имело ровно никакого значения.

Оставался еще один "подозрительный" маршал —Василий Константинович Блюхер, может быть, самый прославленный военачальник довоенного периода. На его груди до ареста было четыре ордена Красного Знамени, в том числе за номером один. Один из орденов Красной Звезды тоже был первым. Одним из первых Блюхер был удостоен и двух орденов Ленина.

Сталин отрицательно относился к Блюхеру еще в ходе известных событий на озере Хасан в июле—августе 1938 года, когда японские милитаристы захватили две советские высоты — Безымянную и Заозерную. Наркомом был отдан приказ: уничтожить захватчиков! Однако с реализацией приказа произошла заминка. Блюхер, командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, не бросился очертя голову исполнять приказ, а решил тщательно подготовиться. Его вызвали к прямому проводу для разговора со Сталиным. Диалог был красноречивым и недолгим.

Сталин: Скажите-ка, Блюхер, почему приказ наркома обороны о бомбардировке авиацией всей нашей территории, занятой японцами, включая высоту Заозерную, не выполняется?

Блюхер: Докладываю. Авиация готова к вылету. Задержи-

вается вылет по неблагоприятной метеорологической обстановке. Сию минуту Рычагову (командующему ВВС. — *Прим. Д.В.*) приказал, не считаясь ни с чем, поднять авиацию в воздух и атаковать... Авиация сейчас поднимается в воздух, но боюсь, что в этой бомбардировке мы, видимо, неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки.

Сталин: Скажите, т. Блюхер, честно: есть ли у Вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у Вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту; а если есть желание, я бы считал, что Вам следовало бы выехать на место немедля.

Мне непонятна Ваша боязнь задеть бомбежкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это Вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задевать корейское население? Какое вам дело до корейцев, если наших людей бьют пачками японцы! Что значит какая-то облачность для большевистской авиации, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины! Жду ответа.

Блюхер: Авиации приказано подняться, и первая группа поднимется в воздух в 11.20 — истребители. Рычагов обещает в 13 часов иметь авиацию атакующей. Я и Мазепов через полтора часа, если Бряндинский (Мазепов и Бряндинский — работники штаба ВВС. — *Прим. Д.В.*) полетит раньше, вместе вылетим в Ворошилов. Ваши указания принимаем к исполнению и выполним их с большевистской точностью"[72].

Мехлис, направленный Сталиным на Дальний Восток, подогревал руководство в Москве своими сообщениями о якобы нерешительности командования Дальневосточной армии, которые компрометировали Блюхера.

Вскоре Сталин, недовольный действиями Блюхера, вызвал его в Москву, но разговаривать с ним не пожелал. Какое-то время маршал был не у дел, а затем, 22 октября 1938 года, арестован. Ордер на арест подписал Ежов, который сам через считанные недели окажется там, куда он бросал людей тысячами...

Блюхер был втянут в машину репрессий, когда она уже замедляла свои обороты. Вначале казалось, что он уцелеет. Ноябрьское постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1938 года отметило грубые нарушения законности, процедуры ведения следствия. Сталин и его окружение, вызвав волны репрессий, которые два года гуляли по стране, не могли не почувствовать, сколь разрушительным было их действие. Но в официальных докладах, выступлениях вся эта вакханалия выдавалась за "ве-

ликую сталинскую победу над троцкистско-фашистскими заговорщиками и вреднтелями". Берия, который уже руководил следствием по делу Блюхера, проигнорировал, однако, постановление.

Прославленного маршала допрашивали несколько дней, требуя от него признания в том, что "он входил в военно-фашистский заговор". Блюхер держался мужественно и все полностью отрицал. Кто знает, может быть, когда его истязали, маршал вспомнил о своем участии — правда, молчаливом — в неправом суде над Тухачевским в качестве члена Специального Присутствия Верховного суда СССР? Тогда он не использовал свой шанс совести, чтобы облегчить участь первого советского маршала, обреченного на гибель. А теперь он сам в руках Берии...

По свидетельству Б.А. Викторова, проводившего расследование и по этому делу, Блюхера в последний раз видели 5 и 6 ноября зверски, до неузнаваемости избитым. Лицо его было сплошным кровавым месивом, один глаз выбит. Вероятно, в канун великого праздника инквизиторы Берии хотели завершить свое черное дело. 9 ноября 1938 года еще один Маршал Советского Союза в результате зверских пыток погиб в бериевских застенках. Погиб, но не сломался и не подписал чудовищных небылиц.

Нож гильотины беззакония к этому времени уже унес тысячи видных военных деятелей и политработников. Среди них И.Н. Дубовой, Я.К. Берзин, М.Д. Великанов, Е.И. Ковтюх, И.Ф. Федько, И.С. Уншлихт, А.С. Булин, Г.А. Осепян, М.П. Амелин, многие, многие другие.

Передо мной тома со списками репрессированных военачальников: звание, фамилия, должность, награды, дата смерти... Большинство командиров еще сравнительно молоды. Цвет офицерского корпуса, прошедшего, как правило, гражданскую войну, создававшего новую армию. Чтобы глубже почувствовать вечную горечь сталинского безумия, открою (произвольно) один из томов и напомню имена погибших, но не в борьбе с фашизмом, нет, а по воле "вождя". Одну-две страницы...

Комкор **Калмыков Михаил Васильевич.** Командир 20-го стрелкового корпуса. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Расстрелян в 1937 году.

Комбриг **Карев Герман Степанович.** Командир 135-й стрелковой пулеметной бригады. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив **Кассин Григорий Иустинович.** Командир 45-го

стрелкового корпуса. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комбриг **Кириченко Иван Григорьевич.** Командир 23-й кавалерийской дивизии. Награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив **Княгницкий Павел Ефимович.** Комендант Киевского укрепрайона. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Флагман второго ранга **Кожанов Иван Кузьмич.** Командующий морскими силами Черного моря. Награжден орденом Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комкор **Косогов Иван Дмитриевич.** Командир 4-го казачьего корпуса. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив **Коханский Владислав Станиславович.** Командир 5-го тяжелого бомбардировочного авиакорпуса. Награжден орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Дивизионный комиссар **Краснов Евгений Васильевич.** Заместитель начальника управления по командному и начальствующему составу РККА. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комкор **Куйбышев Николай Владимирович.** Командующий войсками Закавказского военного округа. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комкор **Кутяков Иван Семенович.** Заместитель командующего войсками Приволжского военного округа. Награжден тремя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комдив **Кучинский Дмитрий Александрович.** Начальник Академии Генштаба. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив **Кутателадзе Георгий Николаевич.** Командир 9-го стрелкового корпуса. Награжден орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комбриг **Круг Иосиф Михайлович.** Начальник отдела штаба Белорусского особого военного округа. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Флагман первого ранга **Киреев Григорий Петрович.** Командующий Тихоокеанским флотом. Награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Командарм второго ранга **Корк Август Иванович.** Началь-

ник Военной академии им. М.В. Фрунзе. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Корпусной комиссар **Карин Федор Яковлевич.** Начальник отдела разведывательного управления РККА. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Командарм второго ранга **Каширин Николай Дмитриевич.** Начальник управления боевой подготовки штаба РККА. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Комбриг **Кейрис Ромуальд Исидорович.** Помощник командира 61-й стрелковой дивизии. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комбриг **Клочко Иван Гаврилович.** Начальник военно-исторического отдела Генштаба. Награжден орденом Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1937 году.

Комдив **Кожевников Александр Тимофеевич.** Заместитель командующего войсками Уральского военного округа. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Осужден и расстрелян в 1938 году.

Горестный список я открыл на букву "К", но и он кажется бесконечным... Дальше — множество фамилий: Каган, Кадатский, Кальнин, Калинин, Кальван, Кальпус, Кангелари, Капцевич, Карпов, Кармалюк... Не видно конца... Сколько трагически оборванных жизней! Какие люди! И все — безвинно.

Списки всех этих и многих тысяч других военных прошли через руки Сталина, Ворошилова, иных руководителей. Какой же чудовищной жестокостью и подозрительностью нужно было обладать, чтобы верить в дикие, бредовые донесения и доклады!

Удар по вооруженным силам был нанесен страшный. Едва ли могли предполагать гитлеровские спецслужбы, белогвардейцы-эмигранты, а косвенно и Троцкий, что их провокационные зерна попадут на столь благодатную почву. Всем предшествующим ходом борьбы за упрочение своего единовластия "вождь" полностью созрел для действий, которые нельзя квалифицировать иначе, как преступные. Были уничтожены практически все заместители наркома обороны, большинство членов Военного Совета при наркоме, почти все командующие округов и командармы. По имеющимся данным и проведенным подсчетам, можно заключить, что в 1937 — 1938 годах погибло до 45% командного и политического состава армии и флота от командира бригады и выше. При таких потерях в любой войне армия резко теряет боеспособность. Командар-

ма, например, нельзя подготовить, как лейтенанта, на ускоренных курсах за шесть месяцев, на это требуются долгие годы службы и учебы. А база выдвижения была сужена до предела. В преддверии большой войны Сталин и его окружение создали объективные предпосылки для ее крайне тяжелого начала и ведения. Невинные жертвы "военного побоища" в 1937 — 1938 годах откликнутся еще большими потерями на фронтах Великой Отечественной войны.

В конце ноября 1938 года состоялся Военный Совет при наркоме обороны. В своем докладе Ворошилов привел страшные цифры. Повторяю их еще раз: "В 1937 — 1938 годах мы "вычистили" из Красной Армии более четырех десятков тысяч человек. Только в 1938 году выдвинуто и перемещено в должностях более 100 тысяч человек! В руководстве армией произошли огромные изменения: из членов Военного Совета при наркоме осталось только 10 человек прежнего состава..." Нетрудно представить, что творилось в округах!

В своем донесении в Москву в начале марта 1938 года командующий войсками Киевского военного округа С.К. Тимошенко и член Военного совета Н.С. Хрущев сообщали как о большом успехе: "Вычищено врагов" из войск округа за год около 3-х тысяч человек, из них арестовано более тысячи. "Обновлены" практически все командиры корпусов и дивизий. В результате ликвидации троцкистско-бухаринских элементов мощь войск округа возросла"[73].

Неужели никто не видел грядущих последствий этого безумия? Многие видели, но молчали. Хотя не все. С удовлетворением можно сказать, что и в то жестокое время были люди, пытавшиеся использовать свой шанс совести. Передо мной письмо комбрига С.П. Колосова наркому обороны К.Е. Ворошилову. В нем, в частности, говорится:

"Встречаются два командира в трамвае: ну как дела? У нас — "Мамаево побоище": арестовали того-то, того-то и т.д. Я теперь боюсь слово сказать, — говорит другой. Скажи, ошибись, сейчас окажешься врагом народа. Трусость стала нормальным явлением...

Узнайте цифру, сколько Вы уволили из РККА за 1937 год, и Вы узнаете горькую правду.

Меня Вы можете назвать паникером-троцкистом-врагом народа и т.д. Я не враг, но считаю, что так мы можем дойти до ручки...

5 декабря 1937 года

Колосов"[74].

Мне неизвестна судьба С.П. Колосова, но письмо этого мужественного командира свидетельствует: не все молчали. Многим, кроме Сталина, было ясно, что армия накануне страшных испытаний попросту обескровлена. Однако жажда власти, стремление любой ценой ее сохранить (хотя ей угрожали мифические заговорщики) оказались сильнее элементарной заботы о безопасности Отечества. Для "господствующей личности" выбор между "я" и "родина" был, как говорят дела, в пользу его персоны.

Обращаясь к этим горестным страницам нашей истории, вновь и вновь ставишь перед собой вопрос: как это могло случиться? Почему? Как могла возникнуть и существовать такая атмосфера жестокости, беззакония, исключительной подозрительности, развязавшей руки многим подлецам? Неужели все происшедшее свидетельствует о какой-то особой "силе" Сталина, возглавившего этот погром кадров? Как издевательски звучат сегодня его слова о том, что "человек дороже любой машины"!

В самом деле, в чем проявилась "сила" Сталина? Ведь это он прежде всего вызвал социальный катаклизм, пожалуй, самый болезненный и трагический в нашей истории. Размышляя над этим вопросом, постепенно приходишь к выводу, что "сила" Сталина заключалась не в нем самом. Его сила в создании и использовании государственного и партийного аппарата, который он превратил в послушного исполнителя своей воли. Без него он — ничто. Ему постепенно удалось с помощью этого аппарата сформировать такую систему отношений в обществе, когда его слово, директива, приказ, распоряжение могли вызвать цепную реакцию действий тысяч, а то и миллионов людей, принимающих эти сигналы на веру.

Добившись полного единовластия, Сталин понимал, что его сохранение требует дальнейшего совершенствования аппарата: партийного, государственного и, как тогда говорили, карательного. С помощью аппарата Сталин мог манипулировать общественным сознанием, проводить экономические, политические и культурные кампании, кроить ткань истории, закладывать основы "нового" миросозерцания, в центре которого должен быть он и его идеи, ставить цели, которые воспринимались как божественное откровение. У Сталина не возникало сомнения в том, что аппарат вытеснял из системы народ, что народу отводилась лишь роль исполнителя, труженика, которому дозволено лишь "одобрять", "поддерживать", "восхищаться", "любить" его, единственного "вождя". Такое дефор-

мированное видение окружающего мира не просто обедняло социалистические идеалы, а объективно снижало их привлекательность и сеяло в конце концов сомнения в их истинности. Таким образом, "сила" Сталина — в глубоком антидемократизме, тоталитаризме его методов, автократической трактовке непреходящих ценностей — справедливости, братства, гуманизма людей. В "силе" Сталина, однако, изначально были заложены истоки, генезис конечного поражения единовластия и единомыслия.

Беззакониями 1937 — 1938 годов, чем по сути являлась деятельность Сталина в это время, преследовалась цель дальнейшего создания и укрепления храма личного культа. И это в представлении Сталина не противоречило идеалам социализма! Он, похоже, полагал, что имеет право так трактовать эти идеалы. Ну как тут не вспомнить Маркса и Энгельса, которые, критикуя теорию Карлейля о правах гениев и вождей на господство, проницательно заметили, что "новая эра, в которой господствует гений, отличается от старой эры главным образом тем, что плеть воображает себя гениальной"[75]. Сталин без плети обходиться не мог. Но уже так много засечено этой плетью насмерть, что нужно найти другого исполнителя. Необходимо было сменить лицо, которое по его указанию олицетворяло и использовало эту плеть.

Сталинский Монстр

Апогей насилия приходится на начало 1938 года. Сталину все чаще стали докладывать о катастрофическом положении с кадрами на том или ином заводе, железной дороге, в наркомате. Инерция репрессий уже действовала по своим законам. Аресты порождали выявление новых "соучастников"; возможность выдвижения карьеристов порождала все новые и новые доносы, которые порой были местью за репрессии родственников, близких... Ситуация начинала все более выходить из-под контроля. Летом 1938 года Сталин решил, действуя по своему излюбленному сценарию, сменить исполнителей и возложить на них ответственность за "перегибы", "злоупотребления", "превышение власти" и т.д. Он решил поступить так, как уже делал в ходе коллективизации, обвинив исполнителей его воли во всех мыслимых и немыслимых грехах. Ежов, к которо-

му он присмотрелся ближе после того, как тот стал кандидатом в члены Политбюро, оказался полным ничтожеством. Но к этому времени печать уже создала вокруг Ежова ореол "талантливого чекиста", "вернейшего ученика Сталина", "человека, который видит людей насквозь"... Даже Михаил Кольцов, находясь в плену общественной слепоты, характеризовал в "Правде" этого морального карлика как "чудесного несгибаемого большевика... который дни и ночи не вставая из-за стола стремительно распутывает и режет нити фашистского заговора"[76]. Увы! В истории бывает, что для того, чтобы по-настоящему разглядеть кого-то или что-то, требуются годы, иногда хотя бы месяцы. Тем более что тогда все (или почти все) пользовались очками со сталинской диоптрией.

Сталин весьма скоро выяснил, что Ежов элементарный пьяница, человек, полностью лишенный политической гибкости и проницательности. "Вождя" не отталкивал предельный цинизм Ежова, его злобность и жестокость (часто нарком вел допросы сам), но он не мог терпеть около себя человека безвольного. А по его глубокому убеждению, алкоголизм — это визитная карточка безволия. Люди, которые его окружали и которых он по-своему ценил — Молотов, Каганович, Жданов, Ворошилов, Андреев, Хрущев, Поскребышев, Мехлис, кроме абсолютной преданности ему, обладали и немалой волей, чтобы демонстрировать эту преданность. Например, почти у каждого из своего окружения он арестовал кого-то из близких родственников. Да, именно он, Сталин, ибо ни Ежов, ни Берия без его санкции на такой шаг не решились бы. Попытайся они — Калинин, Молотов, Каганович, Поскребышев, некоторые другие деятели, находившиеся в тени "вождя", — защитить своих близких, это означало бы, что у них нет политической воли. Они знали, что Сталин этого бы не стерпел. В его понятии политическая воля — это готовность пожертвовать всем во имя преданности ему. Человек и волевой, и жестокий, Сталин не мог допустить, чтобы около него подвизались какие-то "рохли".

Но вернемся к плети "господствующей личности". Здесь дело заключалось в другом. Нужен был очередной "козел отпущения". Эту роль Сталин уготовил Ежову.

Назначив Берию заместителем Ежова, Сталин, как всегда, преследовал далеко идущие цели. Уже с сентября—октября 1938 года, хотя формально Ежов был еще на своем посту, Берия фактически управлял аппаратом НКВД. Передо мной лежат несколько донесений-отчетов Ульриха, рассмотренных

военной коллегией Верховного суда СССР и адресованных (еще без указания должности) "комиссару государственной безопасности I ранга Берия". Рапорты датированы различными числами октября 1938 года. Правда, Ежов, освобожденный от обязанностей наркома внутренних дел 7 декабря 1938 года, мелькнул на политической сцене еще один раз, уже в качестве наркома водного транспорта. 21 января 1939 года он сидел рядом со Сталиным на траурном собрании, посвященном 15-летию со дня смерти В.И. Ленина. После этого Ежов буквально растворился.

Уже на XVIII съезде (март 1939 г.) Ежов не вошел в руководящие органы партии. Его "взяли", когда он проводил совещание в Наркомате водного транспорта. Быстро вошли двое и остановились у двери. Он сразу понял: это конец. Сталину нужна его жизнь! Человек, сам отправивший в небытие несчетное число невинных людей, в эти минуты проявил себя как абсолютное ничтожество: упал на колени, стал молить о пощаде. "Сталинскому наркому" осталось жить считанные недели. Известно, что он расстрелян, но когда, где, на основании какого обвинения, мне выяснить не удалось. Впрочем, "когда" и "где" относятся и ко многим тысячам невинно пострадавших.

В конце 1938 года Берия, получив благословение Сталина, полностью включился в "работу". Первым делом Берия предпринял чистку ежовских кадров. Такие зловещие фигуры, как Фриновский, Заковский, Берман, творившие свои темные дела еще при Ягоде, были осуждены и расстреляны. На смену им пришли люди Берии типа Меркулова и Кобулова, Гоглидзе и Цанавы, Рухадзе и Круглова, отличавшиеся особой преданностью новому патрону.

Почему Сталин остановил свой выбор на Лаврентии Павловиче Берии? Знал ли он его близко раньше? Почему этот человек так быстро вошел в особое доверие к "вождю"? Как могло случиться, что этот авантюрист за короткий срок достиг самых высоких ступеней власти: стал членом Политбюро, первым заместителем Председателя Совета Министров, Маршалом Советского Союза, был удостоен даже звания Героя Социалистического Труда?

Сталин впервые встретился с Берией примерно в 1929 — 1930 годах во время своего лечения в Цхалтубо. Берия, бывший тогда начальником ГПУ Закавказья, обеспечивал охрану "вождя" на курорте. Сталин несколько раз побеседовал с этим человеком, весьма неприятным даже внешне, но способным мгновенно улавливать его желания. В начале карьеры Берия

использовал знакомство своей жены Нины Гегечкори (как и ее брата-революционера) с С. Орджоникидзе. Возможно, на первых порах это ему помогло. Но очень скоро Орджоникидзе "раскусил" авантюриста и крайне неприязненно и настороженно относился к выдвижению Берии. Серьезную оппозицию Берия встретил и в лице многих других честных большевиков, хорошо знавших этого карьериста. Так, например, кадровый сотрудник ВЧК — ОГПУ — НКВД Тите Илларионович Лордкипанидзе пытался раскрыть глаза в Москве на этого вурдалака. Дело, однако, кончилось тем, что Лордкипанидзе был освобожден по предложению Сталина с поста наркомвнудел Закавказья, а Берия смог в 1937 году устранить этого человека, слишком много знавшего о нем. Без преувеличения можно сказать, что весь путь Берии наверх устлан многочисленными жертвами.

На Сталина произвели впечатление хватка Берии, его властность, решительность и отличное знание положения дел в закавказских республиках. Да, Сталину говорили (он уже не помнил кто, кажется, секретарь Закавказского крайкома партии Л. Картвелишвили) о темном прошлом Берии: связь с мусаватистами, дашнаками в годы гражданской войны. Ему говорили об исключительно карьеристских наклонностях начальника ГПУ Закавказья. В определенных случаях Сталин считал это положительным моментом; такие люди всегда были на "крючке". Вон, Вышинский, бывший меньшевик, подписывал ордер на арест самого Ленина, а как сейчас старается! Или Мехлис, тоже бывший меньшевик, а сейчас нет более преданного ему, Сталину, человека.

На Сталина произвел впечатление опубликованный в печати и изданный отдельной книжкой доклад Берии "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье", сделанный им в июле 1935 года. В докладе Берия "разоблачил" А. Енукидзе, как фальсификатора истории, а главное, доказывал особую, исключительную роль Сталина в революционном движении Закавказья. Конечно, "вождь" видел в докладе многочисленные "натяжки", фактические неточности, отсебятину, но все это делалось, по его мнению, в благих целях: рельефнее оттенить его место в истории большевизации края. Усердие, решительность и бескомпромиссность Берии ему положительно импонировали.

Сталин не забыл, что именно он в октябре 1931 года добился перевода Берии на партийную работу (вторым секретарем Заккрайкома). По его же предложению через два-три меся-

ца Берия стал первым секретарем. Правда, для этого пришлось переместить из Закавказья Картвелишвили, Орахелашвили, Яковлева, Давдариани, которые возражали против кандидатуры Берии. За несколько лет, считал Сталин, Берия навел в Закавказье "порядок". "Вождю" нравилось, что на всех пленумах 1937 — 1938 годов Берия подавал удачные реплики в русле его собственных размышлений и выступлений. Сталин, в частности, помнил (на память он никогда не жаловался) ремарки Берии на февральско-мартовском Пленуме 1937 года:

— Как Вы могли взять Варданяна, когда мы его из Закавказья вышибли?! — бросил он выступавшему Евдокимову, секретарю Азово-Черноморской парторганизации.

— Почему, — продолжал он, — вы выдвинули Асилова, ведь мы его исключили из партии?

— Выполняя указания тов. Сталина о работе с кадрами, мы разоблачили 7 членов ЦК КП Грузии, 2-х членов Тбилисского горкома. Уже в 1936 году мы арестовали 1050 троцкистов-зиновьевцев...[77]

Волна репрессий еще только поднималась, а Берия уже предвосхитил события. Сталин слушал и, возможно, думал: хотя Берия несколько лет на партийной работе, но так и остался "чекистом". Сталина едва ли покоробила эта мысль: считать Берию чекистом, хотя сегодня это можно назвать только кощунством. Дзержинский был тоже чекистом, но какая бездна разделяет "рыцаря революции" и выродка, облеченного Сталиным огромной властью?! Правда, справедливости ради стоит сказать, что тогда еще немногие знали о подлинных "возможностях" Берии. Его назначение прямо увязывалось с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года "Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия". Ведь спустя три недели Берия стал наркомом внутренних дел.

После XVIII съезда партии были реабилитированы некоторые невинно осужденные люди. Но по сравнению с общим количеством брошенных в тюрьмы и расстрелянных это была просто косметическая операция. Как бы ни перекладывали ответственность на Ежова, признание массовых актов беззакония могло бы, несомненно, бросить тень и на самого Сталина. А этого секретарь ЦК допустить не мог. Справедливость была восстановлена прежде всего в отношении лиц, связанных с обороной. Сталин не мог не понимать, что на пороге войны армия была сильно ослаблена. По его указаниям из тюрем и ссылок вернули часть командиров, которых так и не удалось сломить следственным органам. Выпустили также ряд ученых

и конструкторов. Среди них следует назвать К.К. Рокоссовского, К.А. Мерецкова, А.В. Горбатова, И.В. Тюленева, С.И. Богданова, Г.Н. Холостякова, А.И. Берга, А.Н. Туполева, Л.Д. Ландау, В.М. Мясищева и других. Многим, как знаменитому С.П. Королеву, дня освобождения пришлось ждать неизмеримо дольше (он вышел на свободу лишь в 1944 г.), а тем, кто вынес все физические и нравственные муки многолетней несправедливости, — до далекого еще тогда XX съезда партии.

Хотя такого безумия, как в 1937 — 1938 годах, в стране больше не было, карательные органы не сидели без "работы". Поставленные вне контроля государства и партии и замыкавшиеся фактически лично на Сталине, они были достойным придатком даже не культа личности, а — тирании личности. Все честные и достойные люди, хранившие традиции Ф.Э. Дзержинского, из НКВД были удалены или уничтожены. По имеющимся данным, в конце 30-х годов погибли более 23 тысяч чекистов, пытавшихся затормозить раскручивание маховика насилия.

Иногда, когда говорят о злоупотреблениях и преступлениях тех лет, акцентируют внимание на личностях Ягоды, Ежова, Берии или Вышинского и Ульриха. Слов нет, эти выродки и отпетые преступники являли собой пример духовного и нравственного распада, по сути дела антилюдей. Здесь все ясно. Более существен иной вопрос: как такие люди могли занимать столь высокие посты в социалистическом государстве? И здесь нужно сказать, что сталинская карательная система, какой она стала в конце 30-х годов, не могла не найти "достойных" ее исполнителей. Поясню свою мысль. Отделение органов внутренних дел от партии и народа, отсутствие элементарного контроля снизу и даже сверху рано или поздно должны были превратить их в механизм тирании одного лица. Такое вырождение явилось закономерным следствием все большего отмирания элементарных демократических начал в партии и обществе в целом. Тоталитарные методы руководства всегда чреваты забвением закона и способностью использовать насилие в неправых целях.

Пытались ли хотя бы отдельные коммунисты, проявляя мужество и гражданственность, ставить эти вопросы перед Сталиным? Все ли он знал о таком авантюристе, каковым являлся Берия? Мне известны попытки обратить внимание Сталина на пагубность бериевщины как глубоко антисоциалистического явления. Но Сталину не нужно было "открывать" глаза на преступления Ежова и Берии. Он знал о них. "Вождь" сам санкционировал наиболее зловещие деяния. Имеются данные, что он

вместе с Молотовым одобрил около четырехсот (!) списков лиц, "дела" которых должны были рассматриваться только военными судами. На них стоят лаконичное "за" и подписи Сталина и Молотова. Списки, в которых порой было до нескольких сотен фамилий, одним росчерком сталинской руки превращались в некрологи.

Присвоив себе право распоряжаться судьбами и жизнями тысяч людей, Сталин и исполнители его воли типа Берии покушались на гуманистические основы социализма, хотя на словах свои злодеяния осуществляли именно во имя этих ценностей. Думаю, уместно вспомнить Ф.М. Достоевского, сказавшего однажды, что не для того же он страдал, чтобы собой, злодействами и страданиями унавозить кому-то будущую гармонию. Самые великие цели никогда не могут оправдать применение неправедных средств. Но Сталину была всегда непонятна логика нравственной философии.

Сформировавшись в мире борьбы, классовых страстей, бескомпромиссного мироощущения, Сталин на каком-то этапе своего становления как личности полностью утратил даже элементарные гуманистические качества, которые и раньше были у него крайне дефицитными. Ему были чужды сострадание, милосердие, понимание добра. Слова Л.Н. Толстого о том, что надо учиться "уважению к жизни", конечно, показались бы ему либерально-буржуазными. Лексикон Сталина, его политический словарь переполнен словами типа: "бить", "разгром", "уничтожение", "искоренение", "пресечение" и другими. Они очень точно отражают глубокую ущербность его натуры. В силу этого люди, подобные Берии, для которых жизнь человека не представляла никакой ценности, не вызывали у него неприятия или протеста.

Как рассказывал мне покойный маршал К.С. Москаленко, принимавший участие в аресте и суде над Берией, этот выродок, когда 23 декабря 1953 года ему был объявлен приговор, стал на коленях извиваться в ногах членов Специального Присутствия Верховного суда СССР, заседавшего в здании штаба Московского военного округа. Его униженные мольбы и слезы о помиловании лишь подчеркнули степень ничтожности этого человека, которому Сталин преступно позволил распоряжаться жизнями тысяч людей. Но, как проницательно заметил в свое время Ф. Энгельс: "Нельзя уйти от своей судьбы... от неизбежных последствий своих собственных действий"[78].

Есть свидетельства, которые, правда, трудно документально проверить, что по мере старения Сталина у Берии появилось

намерение узурпировать власть. Возможно, Сталин это чувствовал, и последние год-полтора в отношениях между ними наступило заметное похолодание. Об этом мне рассказывали многие. Особенно много интересного сообщила М.С. Власик, жена генерал-лейтенанта Н.С. Власика, бывшего начальника Главного управления Министерства государственной безопасности. Власик более четверти века был главным охранником Сталина, многое знал, пользовался большим доверием "вождя". Берия его ненавидел, однако Сталин не давал "тронуть". За несколько месяцев до смерти Сталина Берии все же удалось скомпрометировать Власика, как и Поскребышева, и устранить их из сталинского окружения. При этом Власик был арестован и приговорен к 10 годам тюрьмы и ссылки. Вернувшись после заключения уже после смерти Сталина, Власик, по словам жены, с полной убежденностью говорил, что умереть Сталину "помог" Берия. Эту же уверенность он выразил в своих воспоминаниях, которые надиктовал супруге незадолго до смерти.

Именно Берия в последний год жизни "вождя" убрал врачей, наблюдавших за Сталиным, затем Власика и Поскребышева, еще нескольких лиц из обслуживающего персонала. Как бы то ни было — умер диктатор своей смертью или с "помощью" Берии, становится страшно, что стало бы с нашим Отечеством, если бы планы Монстра были реализованы?! Ведь тогда система власти была такой, что смена одного диктатора другим могла стать реальностью. То, что невозможно в условиях демократии, которая существовала в то время лишь на бумаге, становится возможным в обстановке тоталитарности.

У руководства партии и государства наконец достало мужества и проницательности, чтобы обезвредить чудовище. Думаю, немаловажным фактором было понимание того, что Берия не преминет расправиться с большинством из них. (Монстр поддерживал близкие отношения лишь с Маленковым.) Все боялись карателя. Как рассказывал маршал Москаленко, процесс над Берией, проходивший в кабинете члена Военного совета Московского военного округа, слушало высшее партийное руководство в Кремле, куда была проложена специальная связь. Г.М. Маленкову, Н.С. Хрущеву, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну, Н.М. Швернику и другим представилась возможность заглянуть на самое дно злодеяний, которые творил с помощью этого выродка Сталин. Многое им было, однако, известно.

Ведь их ответственность за свёршенные в годы беззаконий преступления, повторю еще раз, также вполне очевидна.

Сохранились документальные свидетельства, что те, кто пытался воззвать к совести Сталина и пресечь злодеяния Берии, быстро исчезали. Сталин оставался глухим к этим призывам: этот палач его устраивал. Более того, Берия стал неотъемлемой "чертой" сталинского портрета.

На одном из Пленумов ЦК в 1937 году нарком здравоохранения Каминский попытался показать подлинное лицо Берии. Однако едва Пленум закончился, Каминский был арестован и вскоре погиб. О преступной деятельности Берии хотел сообщить Сталину и старый коммунист Кедров. Но результатом этой попытки явился арест и расстрел Кедрова. Приговор старому большевику был сфабрикован уже после расстрела. Берия спешил убрать любого, кто знал его истинное лицо.

Человек, который по своей должности должен быть предан закону и только закону, являлся олицетворением абсолютного беззакония и произвола. Для Берии не было ничего святого. Он боготворил только насилие. Будучи человеком садистских наклонностей, Берия часто сам вел допросы, которые порой заканчивались трагически. Этот Монстр, а Сталин знал, что таковым был его нарком внутренних дел, совмещал свои преступные наклонности с меломанством. Рассказывали, что у него была уникальная коллекция пластинок классической музыки; когда Берия слушал, например, прелюдию Рахманинова, он плакал. Истории известны такие парадоксы, которые лишь полнее высвечивают абсолютную нравственную пустоту души.

Сталин, ценивший на словах аскетизм и пуританство, не мог не знать, что Берия к тому же самый гнусный развратник. Человек, носивший крошечное пенсне, с опущенными уголками рта, что придавало лицу капризное выражение, был леденяще холоден. Его глаза, как у ящера, почти никогда не мигали. Для Берии были неведомы даже отдельные буквы азбуки нравственности. Начальник его личной охраны полковник Надорая и адъютант полковник Саркисов поставляли преступнику понравившихся тому молоденьких женщин. Малейшее сопротивление влекло самые трагические последствия и для женщины, и для ее близких. Эта страшная деталь облика Монстра еще раз подчеркивает диалектику взаимосвязи политического и морального. Политический авантюрист и нравственный подонок в одном лице навсегда останется обвинением лично Сталину, допустившему возвышение антилюдей типа Берии.

Е.П. Питовранов, работавший в НКВД с предвоенных лет и

ставший после войны начальником управления и заместителем наркома, поведал мне о Берии немало интересного. Кстати, Питовранов остался жив лишь потому, что оказался в тюрьме за "мягкость" по отношению к "врагам народа". По его словам, Берия был не только абсолютно безнравственной личностью, но и личностью глубоко аполитичной. Думаю, говорил Питовранов, Берия ничего не понимал в марксизме, совсем не знал ленинских работ. Политика для него имела смысл лишь в связи с собственными, личными целями. Для Берии важна была только власть над людьми. Трудно понять, почему он, о котором Сталин очень многое знал, долго держался на поверхности. Обычно "вождь", размышлял Питовранов, взваливал на таких людей ответственность за какие-либо неудачи, прегрешения, провалы и беспощадно их убирал. А Берия держался. И не просто держался, а продолжал дискредитировать социализм, закон, общество. Видимо, дело все же в том, что люди типа Берии были близки Сталину своей готовностью выполнить любое его указание. Берия был копией "вождя" в главном: в методах использования власти.

Надо сказать, Сталин давал Берии самые щекотливые задания. Троцкий, самый непримиримый личный враг "вождя", в конце концов был устранен физически не без участия Берии. Отсутствие каких-либо принципов у этого Монстра вскоре стало известно всему окружению Сталина, которое откровенно побаивалось наркомвнудел. Берия порой демонстрировал в присутствии других членов Политбюро свои особые отношения со Сталиным, перебрасываясь с ним несколькими фразами на грузинском языке. В эту минуту все подавленно замолкали; можно было думать что угодно: возможно, речь шла о ком-то из присутствующих.

Во время войны Сталин поручал ведомству Берии восстановление мостов, прокладывание железнодорожных веток, создание новых рудников и т.д. Все это делалось, естественно, силами заключенных и в предельно короткие сроки. "Боевые действия" Берии в годы Великой Отечественной войны фактически ограничиваются двумя выездами в качестве члена ГКО на Кавказ. Первый раз в августе 1942 года, второй — в марте 1943 года. Архивы свидетельствуют: и здесь Берия от имени Сталина снимал неугодных ему людей, расстреливал, нагонял страх на военных. Его сопровождали Кобулов, Мамулов, Мильштейн, Пияшев, Цанава, Рухадзе, Влодзимирский, Каранадзе. Доставалось Тюленеву, Сергацкову, Петрову, другим военачальникам. Каждый из них

имел не только противника перед собой, на фронте, но и коварного заплечных дел мастера в тылу. Его телеграммы Сталину, как правило, играли решающую роль при назначениях. Например, 1 сентября 1942 года Берия докладывал Сталину:

"Командующим Закавказским фронтом считаю целесообразным назначить Тюленева, который, при всех недостатках, более отвечает этому назначению, чем Буденный. Надо отметить, что в связи с его отступлениями авторитет Буденного на Кавказе значительно пал, не говоря уже о том, что вследствие своей малограмотности безусловно провалит дело...

Берия"[79].

В трудную минуту, как докладывал Тюленев в Москву, он обратился к Берии за разрешением использовать большой контингент внутренних войск, дислоцированных на Кавказе. "Берия согласился выделить лишь малую часть, — писал Тюленев, — и то по указанию Сталина"[80]. Своей деятельностью нарком внутренних дел создавал в штабах обстановку напряженности, нервозности, подозрительности и взаимных доносов. Генерал Козлов был вынужден обратиться к Сталину с жалобой на начальника особого отдела Рухадзе, который с ведома Берии пытался оказывать давление на руководство фронта при принятии оперативных решений... Но все эти слабые протесты игнорировались в Москве. Само присутствие Монстра парализовывало творческую мысль военачальников: никто не хотел оказаться его очередной жертвой. Когда Берия со своей длинной свитой уезжал, все вздыхали с облегчением.

"Ленинградское дело", "мингрельское", "дело врачей", другие подобные акции — прямое проявление преступного творчества Берии. Он был могущественным человеком не только потому, что стоял у пульта карательной машины, но и потому, что в его распоряжении была вся система ГУЛАГа. Когда американцы взорвали атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, Сталин приказал форсировать работы в этой области. Общее руководство ими было возложено на Берию. Его подручные Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский были послушными исполнителями воли Берии. Это их усилиями, полностью одобренными Сталиным, получили "права гражданства" научные, инженерно-технические лаборатории в лагерях для заключенных. Мощь интеллекта многих выдающихся ученых, закован-

12— 2090

ных в прямоугольники "зон", напряженно искала жизненно важные решения, необходимые для того, чтобы в максимально сжатые сроки ответить на грозный вызов современности. То, что советская атомная бомба была создана в кратчайшие сроки, конечно, не заслуга Берии. Раскованный разум в условиях нормального научного созидания справился бы с проблемой наверняка быстрее. Но Берия верил только во всемогущество насилия. А старик Кедров верил в справедливость.

Тогда казалось, что победил Берия. Но это только казалось. Вера в справедливость и гуманизм неистребима. Надежда на торжество этих ценностей не умирает вместе с человеком. Если бы она умирала, то не стоило бы жить. Приведу выдержки из письма Кедрова в Центральный Комитет партии, этого крика неистребимой веры:

"Я обращаюсь к вам за помощью из мрачной камеры лефортовской тюрьмы. Пусть этот крик отчаяния достигнет вашего слуха; не оставайтесь глухи к этому зову; возьмите меня под свою защиту; прошу вас, помогите прекратить кошмар этих допросов и покажите, что все это было ошибкой.

Я страдаю безо всякой вины. Пожалуйста, поверьте мне. Время докажет истину. Я — не агент-провокатор царской охранки; я — не шпион; я — не член антисоветской организации, как меня обвиняют на основании доносов. Я не виновен и в других преступлениях перед партией и правительством. Я — старый, не запятнанный ничем большевик. Почти сорок лет я честно боролся в рядах партии за благо и процветание страны...

Мои мучения дошли до предела. Мое здоровье сломлено, мои силы и энергия тают, конец приближается. Умереть в советской тюрьме, заклейменным как низкий изменник Родины — что может быть более чудовищным для честного человека. Как страшно все это! Беспредельная боль и горечь переполняет мое сердце! Нет! Нет! Этого не будет! Этого не может быть! — восклицаю я. Ни партия, ни советское правительство, ни народный комиссар Л.П. Берия не допустят этой жестокой и непоправимой несправедливости. Я твердо убежден, что при наличии спокойного объективного разбирательства моего дела, без грубой брани, без гневных окриков и без страшных пыток было бы легко доказать необоснованность всех этих обвинений. Я глубоко верю, что истина и правосудие восторжествуют. Я верю. Я верю".

Беспощадность Берии не имела предела. Сотни, тысячи прошений оставались без ответа. Приведу одно письмо, адресованное в конце войны наркому внутренних дел:

"Л.П. Берия.

От з/к Герасимовой
Александры Ивановны;
Темниковский ИТЛ

Февраль, 1944 год.

Я осуждена в 1937 году сроком на 8 лет. Отвечаю я за своего мужа В.И. Герасимова (бывший замнаркома внутренних дел Азербайджана, расстрелян. — *Прим. Д.В.*). Вины мужа не знаю до сих пор. Прожила с ним 12 лет и знала его как исключительно честного, трудолюбивого человека, преданного партии и стране. Сама я себя чувствую абсолютно невиновной. Ни одной мыслью я не совершила преступления. Работала с 16 лет до своего ареста.

В день ареста оставила 2-х малюток на свою мать без всяких средств к существованию. Мальчики растут. Им нужна мать и моя помощь.

Умоляю, разберите мое дело, дайте мне право жить с детьми, работать и воспитывать их. Жила я все эти годы в лагерях и была уверена, что правда и справедливость в нашей стране победят ложь и несправедливость. Эта уверенность давала мне силы пережить разлуку с детьми.

Герасимова".

К письму приложена справка следователя Любимова из Азербайджанского НКВД, который вел "дело". "Ничего не признала. Особое совещание в 1939 году оставило приговор в силе"[81].

Берия просто расписался, не разбираясь, соглашаясь с выводами следователя.

Как высоки стойкость, мученичество, мужество этой женщины! "Все эти годы в лагерях была уверена, что правда и справедливость в нашей стране победят ложь и несправедливость..." Вот эта святая народная вера и помогла советским людям выстоять. Пока есть и будут в Отечестве такие женщины, как Александра Ивановна Герасимова, живет и вечная надежда...

Старый большевик Кедров был прав: истина должна торжествовать. Поэтому, в конечном счете, поражение выродка, одного из самых страшных Монстров в нашей истории, было предопределено.

Вина без прощения

В первую годовщину смерти В.И. Ленина, 21 января 1925 года, "Правда" поместила статью Н.И. Бухарина "Памяти Ильича". Анализируя эпицентр трагедии конца 30-х годов, обратимся к некоторым мыслям Н.И. Бухарина, сформулированным в названной статье.

"Знал ли Ленин себе цену? — спрашивает Бухарин. — Понимал ли он все свое значение? Я не сомневаюсь ни одной секунды, что да. Но он никогда не смотрелся в историческое зеркало: он был слишком прост для этого, и он был слишком для этого прост **потому,** что был слишком велик...

Он знал колоссально много. Но именно поэтому он понимал, как это еще мало, если мерить другими масштабами: а ведь Ильич считал миллионами и десятилетиями...

И поэтому тем больше, тем величественнее становилась личность Ленина, чем меньше обращал он внимания на свою личность. Разве кто мог заподозрить "Старика" в личном пристрастии? Разве кто мог допустить, что Ильич думает о чем-либо ином, кроме интересов великого дела?"

Взглянув на нравственный и интеллектуальный эталон, каким для нас был и остался Ленин, яснее понимаешь еще одну причину народной трагедии конца 30-х годов. Сталин отождествил себя с социализмом. Величие социализма он поставил в зависимость от собственного величия. Он узурпировал не только власть, но и представления людей о социализме, его идеалах и ценностях. И это полностью развязало ему руки. Чудовищность антиистины, выражавшейся в отождествлении социализма со Сталиным, люди тогда понять не смогли. Стараясь продемонстрировать свою "простоту", секретарь ЦК нередко в президиумах собраний садился во втором ряду, "отчитывал" какого-нибудь редактора газеты за славословие в свой адрес, не давал ходу книжонке о своем детстве, а главное, все свои шаги "связывал" с Лениным. Но все это были точно выверенные жесты, с помощью которых он переодевал правду в маскарадный костюм. Если Людовик XIV говорил, что "государство — это я", то Сталин, хотя публично не заявлял этого, но всей своей практикой давал понять, что "социализм — это я". В это поверило его окружение. Поверило очень много людей в стране. Он хотел, чтобы поверили абсолютно все. Тех, кто не верил или даже

потенциально мог не поверить, нужно было ликвидировать.

Ленин "никогда не смотрелся в историческое зеркало...". Сталин то и дело пытался заглянуть в него. Ленин "считал миллионами и десятилетиями...". Сталин тоже считал "миллионами", но... миллионами жертв; он был не только не способен мыслить на десятилетия вперед, но и не предвидел того, что произойдет после его смерти всего через три года — на XX съезде партии... Его тщеславная претензия олицетворять собой социализм чрезвычайно дорого обошлась народу. Как говорил Френсис Бэкон еще в XVII веке: "Ранит не та ложь, что проходит через сознание, а та, что входит и поселяется в нем". Ложь, "поселившаяся" в сознании Сталина, а затем закрепленная в тысячах, миллионах умов, стала не раной, а глубоким шрамом на ткани нашей истории. Шрам, который долго камуфлировался, замазывался, запудривался, однако еще кровоточит... Пройдут годы, пока люди, узнав все без прикрас, недомолвок и недосказанностей, смогут хотя бы чуть-чуть спокойнее перелистывать страницы былого. На этих страницах с полной определенностью, надеюсь, будет сказано, что главный виновник кровавых репрессий — Сталин, созданные им командно-административная система и карательно-бюрократический аппарат. Именно они превратили народ в пассивный объект истории. Что бы ни делал Сталин для укрепления государства, превращения его в мощную индустриальную державу, для разгрома фашистской агрессии, — его вина в происшедшем в конце 30-х годов безмерна. За это ему никогда не может быть прощения. А это — только часть всей вины. Деформированный, сталинский социализм породил в свою очередь и периоды субъективизма, застоя, все, что связано с ними. Необходимость обновления, начавшегося в середине 80-х годов, обусловлена прежде всего ликвидацией последствий сталинизма.

В 1937 — 1938 годы Сталин публично — ни устно, ни письменно — не выступал за ужесточение репрессий. Даже его выступление на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года, позже опубликованное в сокращенном виде в "Правде", больше сводилось к призывам к бдительности, недопустимости беспечности, опасности троцкизма и т.д. Хотя зловещие ноты чувствуются в каждой фразе. В сборнике "О подрывной деятельности фашистских разведок, троцкистско-бухаринской банды в СССР и задачах борьбы с ними", вышедшем в нескольких издательствах, были опубликованы доклад И. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года, доклад В. Молотова, статьи

Н. Рубина, Я. Сереброва, А. Хамадана, С. Урамова, А. Вышинского, передовые "Правды". Подобные издания буквально нагнетали психоз шпиономании и вредительства, поощряли доносительство, создавали гнетущую обстановку. Сталин как будто стоял в стороне, за кулисами. Но, находясь там, он не наблюдал, а дирижировал, направлял, руководил. Он часто приглашал к себе "трех карликов" — Ежова, Вышинского, Ульриха, не столько физических (они были невысокого роста), сколько моральных. Ход следствия и процессов, вынесение приговоров всем наиболее заметным и известным лицам обсуждались в кабинете Сталина. Иногда распоряжения от его имени передавал Поскребышев. На многих документах по "делам" арестованных "врагов народа" — собственноручные поправки Сталина. Так, например, по докладу Ежова на февральско-мартовском Пленуме ЦК было принято специальное постановление, некоторые пункты которого были сформулированы в сталинской редакции. В частности, эти:

"б) Отмечается плохая постановка следственной работы. Следствие часто находится в зависимости от преступника (! — *Прим. Д.В.)* и его доброй воли дать исчерпывающие показания или нет;

г) Создан нетерпимый режим для врагов советской власти. Их размещение часто более походит на принудительные дома отдыха, чем тюрьмы (пишут письма, получают посылки и т.д.)"[82].

Органам НКВД предписывалось немедленно устранить "имеющиеся недостатки". Нетрудно представить, как "устранялись недостатки", отмеченные Сталиным!

Даже после ноябрьского постановления 1938 года, когда кровавая вакханалия стала постепенно затихать, Сталин требовал "завершить незакрытые дела". Вместо того чтобы спокойно разобраться, освободить невинно арестованных, извиниться перед ними, заключительные волны кампании смывали в небытие все новых и новых людей. Вот одно из последних крупных донесений того периода.

"В ЦК ВКП(б)

товарищу Сталину И.В.

С 21 февраля по 14 марта 1939 года военной коллегией Верховного суда СССР в закрытых судебных заседаниях в Москве были рассмотрены дела в отношении 436 человек. Осужденных к расстрелу — 413. Приговоры на основании Закона от 1 декабря 1934 года приведены в исполнение.

На судебном заседании военной коллегии полностью

признали себя виновными Косиор С.В., Чубарь В.Я., Постышев П.П., Косарев А.В., Вершков П.А., Егоров А.И., Федько И.Ф., Хаханьян Л.М., Бакулин А.В., Берман Б.Д., Берман Н.Д., Гилинский А.Л., Гей К.В., Смирнов П.А. (бывший нарком военно-морского флота. — *Прим. Д.В.)*, Смирнов М.П. (бывший нарком торговли. — *Прим. Д.В.)* и другие.

Некоторые подсудимые на суде от своих показаний, данных на предварительном следствии, отказались, но были полностью изобличены другими материалами дела...

Председатель военной коллегии
Верховного суда Союза ССР
16 марта 1939 года Армвоенюрист
В. Ульрих"[83].

Кстати, в списке указан А.И. Егоров как "сознавшийся" и "осужденный". Это еще одна фальсификация. Он не признал себя виновным и погиб во время следствия.

Как всегда, ничто не дрогнуло у Сталина, не ошеломила мысль о масштабах беззакония, не перехватил горло спазм раскаяния, не прошли перед глазами лица погибших, большинство которых он лично знал. Короткая знакомая жестокая фраза Поскребышева: "Сталину доложено".

"Вождь" помнил, как в июле 1938 года после решения, принятого опросом членов и кандидатов в члены ЦК, был выведен из кандидатов в члены Политбюро Влас Яковлевич Чубарь (он был в составе Политбюро с XV съезда). Чубарь написал ему, Сталину, большую толковую записку о мерах по улучшению оборонной промышленности. Сталин внимательно прочитал, отметил про себя дельный характер выводов и предложений, но ему не понравилась концовка письма:

"Все эти соображения я готовился доложить, но дело опять сорвалось и опять не по моей вине. Очень обидно и тяжело сознавать, что из-за потока клеветы и происков врагов народа мне приходится выбывать из упряжки, но где бы ни пришлось мне работать по вашему решению, везде и всегда буду честно и добросовестно бороться за наше общее дело, за процветание СССР и за коммунизм.

16 июля 1938 г.

В. Чубарь"[84].

"Хитрит", — по-видимому, подумал Сталин и велел переслать письмо Ежову. Сталина невозможно было "разжалобить". Узнав из доклада Ульриха о казни Чубаря, как и других осужденных, "вождь" спокойно отложил рапорт председателя военной коллегии в сторону и стал читать предложение М. Ми-

тина и П. Поспелова о необходимости подготовки "Краткой биографии И.В. Сталина"...

Вновь вернувшись мыслью к Чубарю, он вспомнил, что и Эйхе, и Рудзутак, и Постышев, и многие, многие другие просили его вмешаться и остановить расправу. Все клянутся в верности ему, "товарищу Сталину"... Но почему они просят? Разве это достойно? "Если НКВД разобралось и решило, при чем тут товарищ Сталин?" Он любил думать и говорить о себе в третьем лице. Никакого сострадания. Никакого слюнтяйства... Думаю, что пониманию природы сталинской жестокости могут помочь очень тонкие наблюдения и размышления Ф.М. Достоевского в его "Записках из Мертвого дома". Великий писатель и психолог отмечает, что "кровь и власть пьянят: развиваются загрубелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен"[85].

Отношение Сталина к своим жертвам, товарищам по Политбюро, ЦК, как и вообще к использованию насилия, свидетельствует: "человек и гражданин" в Сталине-тиране умерли давно. Все самые низменные чувства и качества натуры, которые в 20-е годы еще как-то сдерживались, пышно расцвели в условиях единовластия. Любая власть вне контроля снизу опасна. А власть диктаторская особенно. Еще раз подтвердилась старая истина: тирания — мать несправедливости.

Е.П. Питовранов в беседе со мной подтверждает мысль, что разжалобить Сталина было "дохлым делом". Он просто не обращал внимания на просьбы о помиловании, милосердии, проявлении чувства справедливости. "Когда меня посадили за "мягкость к врагам народа", — рассказывал мой собеседник, — я сказал себе: все, конец. Ни один человек из руководящего состава НКВД, будучи арестованным, не выходил живым из Лефортово. В камере со мной сидел Л. Шейнин, следователь и в последующем писатель. Ожидая со дня на день трагической развязки, я в то же время мучительно искал выход. И, как оказалось впоследствии, нашел. Выпросив лист бумаги, я написал письмо Сталину, у которого не раз бывал на приеме, являясь начальником одного из главных управлений НКВД. Я не стал ничего просить: ни снисхождения, ни пощады. Написал только, что у меня есть принципиальные соображения по совершенствованию нашей контрразведки. Добился, чтобы пришел в камеру начальник тюрьмы. Сказал ему: об этом письме знают

"наверху". Если вы не передадите его по назначению, вам будет плохо.

Как мне потом рассказывали, — продолжал Питовранов, — Сталину о письме доложили. Он позвонил в наше ведомство и спросил: "За что сидит Питовранов?" Ему ответили. Помолчав, Сталин бросил в трубку: "Возьмите его к себе обратно на работу. Кажется, человек он неглупый". Через несколько дней меня неожиданно выпустили. Сталину для этого понадобилось несколько слов. Но, как я понял, мне удалось сыграть на психологии диктатора: я не молил о пощаде, как делали все, а предлагал идеи и новые решения".

То, что "сработало" в случае с Питоврановым, который и ныне здравствует, не получилось у Чубаря.

Никакие просьбы о помиловании и справедливости не могли тронуть Сталина. То ли нормальные человеческие чувства — сострадание, жалость, милосердие — были страшно глубоко упрятаны, то ли вместо них в сердце Сталина были "стальные" нити, то ли он считал беспощадность важнейшим атрибутом вождя?..

Сталину докладывали о направленных в ЦК прошениях Н.И. Вавилова, крупнейшего биолога, генетика, ботаника и географа, гордости советской науки. Он знал об аресте М.Е. Кольцова, чьи талантливые репортажи из Испании высоко ценил. Докладывали Сталину и письмо С.П. Королева, находившегося в одном из далеких колымских лагерей. Сколько их было, таких писем! Сотрудники секретариата Сталина анализировали его почту. Иногда ему подавали обобщенную справку, наиболее интересные (по мнению помощников) письма. Эти уникальные, потрясающие документы абсолютно не трогали Сталина. Он полагал, что страдания людей неизбежны. Это как плата за прогресс, за движение вперед, за успехи. Может быть, Сталин вспомнил Шиллера: "Свободным от страданий еще никто не рождался". Но если это неизбежно, то это и естественно...

Великие идеи, их воплощение (в этом Сталин был уверен) требуют самоотверженности, самопожертвования, полной самоотдачи. Без жертв социализм построить нельзя. А поскольку их было так много, Сталин к ним привык. По его указанию никаких обобщающих данных, статистических выкладок о жертвах репрессий в печати не сообщалось. Люди питались слухами и страхами. В общественное сознание, нацеленное на достижение экономических, социальных, культурных вершин, прокрадывался страх. Особенно у тех, кто видел признаки

недоверия к себе, угрозу доноса, а стало быть, и расправы. Ведь человека, на которого заводилось "дело", в сущности уже не было. По сути, страх в этом случае выступал антиподом свободы, ее отрицанием. Люди боялись не потому, что чувствовали за собой какую-то вину, они боялись оказаться жертвой навета, произвола. Те, чьи опасения оправдывались, не могли бы согласиться с Ницше: "Если тебе не удалась жизнь, то, может быть, удастся смерть?" Ведь смысл репрессий был непонятен. Тем и питался страх... Кто-то не пришел на работу. Ночью забрали соседа. Кому-то осторожно говорили: передайте семье, что муж сегодня с завода не придет. То вдруг в школьной библиотеке стали вырывать страницу из учебника... Как будто кто-то невидимый "пропалывал" человеческое поле.

Сталин знал точные данные о масштабах репрессий, и они его не пугали. Но где-то во второй половине 1938 года к нему начали поступать тревожные донесения: поднятые по тревоге две дивизии Киевского военного округа не вышли в назначенное время в заданный район; проектирование химического комбината осуществлено неудовлетворительно; конструкторское бюро по разработке транспортных самолетов запаздывает с выполнением задания... Становилось ясно, что дело не только во "вредителях". Возник огромный дефицит кадров. Страна, народное хозяйство, армия были отброшены не на месяцы, а скорее — на годы назад.

Сталин, как и всегда в таких случаях, нашел "виновного". В данном случае — Ежова. А.С. Яковлев, известный советский конструктор, встречавшийся со Сталиным, вспоминал слова "вождя": "Ежов — мерзавец, в 1938 году погубил много невинных людей. Мы его за это расстреляли". Арестованным кандидатам в члены Политбюро П.П. Постышеву, Я.Э. Рудзутаку, В.Я. Чубарю, Р.И. Эйхе помимо других преступлений вменялось в вину... "истребление большевистских кадров". Сталин пытался и на этот раз переложить ответственность за террор на других.

"Вождю" доложили письма Постышева, Косиора, Рудзутака, Чубаря, Эйхе, в которых они полностью отрицали свою вину. Прежде чем рекомендовать их для избрания в состав Политбюро, Поскребышев, Мехлис, Ягода, Ежов изучили их родословную до "пятого колена". Это были проверенные люди. Об этом же они писали Сталину в своих предсмертных письмах, говорили на заседаниях неправого суда. Вот что, например, написал Эйхе в своем письме Сталину.

"...Я перехожу теперь к самой унизительной поре моей жизни — к моей действительно серьезной вине перед партией и перед вами. Эта вина — мое признание в контрреволюционной деятельности. Но положение было таково: я не смог вынести тех пыток, которым меня подвергали Ушаков и Николаев, особенно первый из них — он знал о том, что мои поломанные ребра еще не зажили и, используя зто знание, причинял при допросах страшную боль — меня вынудили обмануть себя и других (своим признанием)...

Я прошу вас, я умоляю вас вновь рассмотреть мое дело не для того, чтобы пощадить меня, но для того, чтобы разоблачить всю ту гнусную провокацию, которая как змея обволокла теперь стольких людей из-за моей слабости и преступной клеветы. Я никогда не предавал ни вас, ни партию. Я знаю, что гибну из-за гнусной, низкой провокации врагов партии и народа, которую они сфабриковали против меня".

В строках письма слышался не только голос неизбывной смертельной тоски, но и протест, и слабая надежда... Читая письмо Эйхе, Сталин не мог не знать, что "змею провокации" выпустил он, первый человек в партии и государстве. "Вождь" даже не стал советоваться с другими членами Политбюро: приговор Эйхе он вынес, когда дал санкцию на его арест. Своих решений главный Инквизитор никогда не менял.

Сталину показали и заявление Рудзутака на суде, который, подчеркну зтот момент, длился всего двадцать минут.

"Единственная просьба, с которой я обращаюсь к суду, это сообщить в ЦК ВКП(б), что в НКВД есть еще не ликвидированный центр, ловко фабрикующий дела и заставляющий невинных людей сознаваться в преступлениях, которых они не совершали; у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают людей лгать и клеветать на невинных..."

Рудзутак просил встречи со Сталиным, но тот ответил на зту просьбу заключенного грубой бранью. А ведь это был один из кристально чистых старых большевиков, отсидевший 10 лет еще в царской тюрьме и погибший в сталинском застенке. Сталин не забыл, что накануне ареста, в мае 1937 года, Рудзутак был у него. Рудзутак спокойно докладывал по вопросу, который интересовал Сталина. Но "вождь" не слушал, а пытался понять, насколько был верен "сигнал" Ежова: со времени Генуззской конференции Рудзутак завербован иностранной раз-

ведкой. Работая Председателем ЦКК ВКП(б) и наркомом РКИ СССР, а в последнее время заместителем Председателя Совнаркома, поддерживал связь с троцкистами... Сталин вдруг вспомнил, что однажды, еще при жизни Ленина, Троцкий высоко отозвался о Рудзутаке-дипломате, эрудите, интеллигенте, владевшем несколькими языками... Сомнения сразу отпали.

Уже вечером, подписывая приветствие Советского правительства героям-полярникам — участникам экспедиции на Северный полюс, Сталин увидел среди других и подпись Рудзутака. После секундной заминки карандаш "вождя" вычеркнул эту фамилию. Вычеркнул из очередного приветствия, но оказался бессильным вычеркнуть из истории. А назавтра, 24 мая 1937 года, Сталин продиктовал текст извещения членам ЦК для заочного голосования (опросом). В нем сообщалось, что органами НКВД неопровержимо установлено, что Тухачевский и Рудзутак являлись немецко-фашистскими шпионами. Замечательный советский полководец и крупный государственный деятель по воле Сталина оказались в одной трагической связкс. С той лишь разницей: Тухачевскому предстоит прожить немногим более двух недель, а Рудзутаку — около года... На гильотину беззакония этих людей, как и многие тысячи других, отправил сам Сталин.

Диктатор сознательно предрешал судьбы многих тысяч людей. Практически все предложения Ежова, Ульриха, Вышинского о вынесении самых жестоких приговоров безоговорочно поддерживались. Я уже писал, что иногда Сталин просто бросал: "Согласен". Но очень часто снисходил до того, чтобы оставить свой "автограф" на чудовищном некрологе. Те, кто до сих пор кивает на Ежова и Берию, мол, это их дело, ошибаются. Сталин хорошо знал, что делал. Следы его кровавы. Есть множество документов, свидетельствующих о чудовищной беспощадности Сталина.

"Товарищу Сталину.

Посылаю списки арестованных, подлежащих суду военной коллегии по первой категории.

Ежов".

Резолюция лаконична: "За расстрел всех 138 человек.

И. Ст., В. Молотов".

"Товарищу Сталину.

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих суду: на 313, на 208, на 15 жен врагов народа, на военных работников — 200 человек. Прошу санкции осудить всех к расстрелу.
20.VIII.38 г. *Ежов*".

Резолюция, как всегда, однозначна:
"За. 20.VIII. *И. Ст., В. Молотов*"[86].

Были и чудовищные "рекорды". 12 декабря 1938 года Сталин и Молотов санкционировали к расстрелу 3167 человек![87] Списки составлены без указания вины, результатов следствия. Фактически бывало и так, что после утверждения списков дело оставалось за "формальным" вынесением приговоров. Подобную кровавую статистику можно приводить очень долго. Но можно и нужно посмотреть на действия Сталина и с другой стороны. Передо мной письмо почти 90-летней Веры Ивановны Дерючиной из Белой Церкви. Ее письмо может стать еще одним страшным обвинением сталинской карательной машине.

"Когда страшной ночью 1937 года пришли за моим мужем-шахтером, выполнявшим по четыре нормы, стахановцем, я думала, что это ошибка. Сказали мне, — не реви, дура. Через час придет твой муж. А пришел через двенадцать лет. Инвалидом. И что только я не перенесла с малыми детьми, престарелой матерью — описать невозможно. Из квартиры выгнали, везде на нас стояло клеймо: семья врага народа. Если бы не добрые люди — то все бы погибли... Напишите о моей судьбе в своей книге где-нибудь в уголочке. Дерючина Вера Ивановна".

Вот еще одно письмо от москвича Степана Ивановича Семенова, отсидевшего в сталинских лагерях 15 лет. У него расстреляли двух братьев и умерла в тюрьме жена. Сейчас это глубокий старик, без детей и внуков. В его письме есть строки: "Самое страшное, когда тебя никто не ждет, когда ты никому не нужен. У меня и братьев могли быть дети, внуки, семьи. Проклятый Тамерлан все изломал и растоптал. Он лишил будущего еще не родившихся граждан. Не дал им родиться, поскольку убил их отцов и матерей. Доживаю жизнь в одиночестве и до сих пор не могу понять, как мы не рассмотрели в "вожде" чудовище, как допустил наш народ такое?"

Казалось бы, непосредственного участия в судьбе Дерючиной и Семенова Сталин не принимал, но это именно "казалось бы". Созданная им машина террора "косила" без особого разбора тысячи и тысячи безвинных жертв. И все они так или иначе на "лицевом счету" бесспорного творца кровавых преступлений.

Поэтому рассуждения некоторых людей (об этом писал еще в 1962 г. И. Эренбург; повторяли эту идею и другие — много позже) о том, что "Сталин не знал того, что творил Ежов", "не

представлял масштабов и размаха репрессий", "мол, это дело провокаторов, пробравшихся в НКВД", не имеют никаких оснований. **Сталин все знал. Сталин руководил репрессиями. Сталин определял "стратегию" насилия. Сталин расставлял акценты в этом насилии. Сталин пытался скрыть подлинные масштабы репрессий путем ликвидации многих исполнителей террора.** Думаю, и сегодня никто не может знать больше и полнее о том, что произошло в 1936 — 1939 годах, чем сам Сталин, главный виновник трагедии народа. Знали и знают немало и те, кто был орудием террора. В процессе работы над книгой я получил не одну тысячу писем. Их письма я узнавал сразу. Часто они были без подписи. Приведу выдержки лишь из двух:

"Сталин, как санитар, очистил родину от швали. Да жалко, плохо очистил, коли и сегодня есть такие, кто топчет это светлое имя.

Ю.К.".

"Поиграете в демократию, поиграете и позовете диктатора. В России никогда без сильной руки ничего путного нельзя было сделать. Сталин из страны с сохой сделал державу с атомной бомбой. Этим все сказано".

Без подписи.

Однажды вечером у меня дома раздался звонок. Старческий голос представился Иваном Николаевичем (думаю, вымышленным именем). Без обиняков звонивший заявил, что "с удовольствием поставил бы меня к стенке, тем более что в 1937 — 1938 годах я этим занимался". "Не трогайте Сталина, — прошамкал бывший исполнитель приговоров, — он еще вернется к нам в другой форме", — и положил трубку.

Сознание таких людей как бы застыло в 1937 году, и их ущербное мировоззрение "винтика" не изменили ни годы, ни ветры перемен. Этих людей осталось немного, они немало знают, но предпочитают свое участие в великом терроре публично не афишировать. Да, у творца террора было немало исполнителей. Чаще это были жертвы времени, но когда и в 80-е годы скрипучий голос напоминает вам, что "он не сожалеет о своем соучастии", это уже не поза, а позиция. В сознании таких людей сталинизм засел крепко, и покаяние для них едва ли доступно. Они боготворили Сталина раньше, боготворят его и теперь. Их сознание, наверное, не очистить от культового мусора. Это они писали:

"Рапорт товарищу Берии Л.П.

Пора товарищу Сталину преподнести звание "Великого"

или "Отца нации". Закрепить это звание указом Верховного Совета. Надо подумать о грандиозном памятнике на века из меди, бетона, бронзы. Нужно учредить орден Сталина.

19.III.44 год. *Шалаев*"[88].

Памятников соорудили множество. А вот звание "Великого" и орден — не успели...

В истории всегда есть страницы, которые некоторые люди хотели бы скорее забыть. Но этого сделать невозможно, да и не нужно. Все, что было, стало частью нас самих. Через все это прошли главным образом те поколения, которые уже ушли в вечность. Чем больше мы живем, тем меньше людей, которые старше нас. И с каждым днем больше тех, кто нас моложе. Но память о безвинных жертвах сталинского безумия для нас безмерно горька. Они пали **не как герои, но как мученики.** Сталин не дал Каширину или Корку, Дыбенко или Якиру погибнуть на поле брани с фашизмом, если бы была на то воля судьбы. Осознание этой необратимости добавляет новые страдания.

Мы все помним Сталина по фотографиям, бюстам, монументам, которые незаметно, но как-то быстро исчезли со своих пьедесталов. "Вождь" часто изображался с поднятой рукой, указывающей всем путь, с доброй улыбкой, характерным прищуром внимательных глаз. Кто мог тогда думать, что за этой маской скрываются патологическая жестокость, бессердечие и коварство, равных которым непросто найти в нашей истории? Это в полной мере почувствовали не только миллионы репрессированных и их семьи, но и родственники самого Сталина. Один из кропотливых исследователей жизни И.В. Джугашвили — Сталина В.В. Нефедов провел немалую работу по выяснению судеб родственников "вождя". Вот что ему удалось установить.

По линии Екатерины Семеновны Сванидзе (первой жены) были репрессированы:

1. **Александр Семенович Сванидзе,** брат жены Сталина. Член партии с 1904 года (партийный псевдоним — Алеша Сванидзе). Нарком финансов Грузии, до 1937 года работал в Наркомате финансов СССР. Один из ближайших друзей Сталина. Обвинен в шпионаже и расстрелян.

2. **Мария Анисимовна Сванидзе,** жена А.С. Сванидзе. Оперная певица. В 1937 году арестована, приговорена к 10 годам тюрьмы. Умерла в ссылке.

3. **Иван Александрович Сванидзе,** сын А.С. Сванидзе. Арестован как сын "врага народа". Вернулся из ссылки в 1956 году.

4. **Мария Семеновна Сванидзе,** сестра жены Сталина. В

1927 — 1934 годах — личный секретарь А.С. Енукидзе. Арестована в 1937 году. Умерла в тюрьме.

5. **Юлия Исааковна (Мельцер) Джугашвили,** жена сына Сталина — Якова. Арестована, в 1943 году освобождена.

По линии Надежды Сергеевны Аллилуевой (второй жены) были репрессированы:

1. **Анна Сергеевна (Аллилуева) Реденс,** сестра жены Сталина. Арестована в 1948 году, осуждена на 10 лет за "шпионаж". Освобождена в 1954 году.

2. **Станислав Францевич Реденс,** муж А.С. Аллилуевой, нарком внутренних дел Закавказья, Казахстана. Делегат XV, XVI, XVII съездов ВКП(б), член ЦКК — ЦРК ВКП(б). В 1938 году арестован как "враг народа", в 1941 году расстрелян.

3. **Ксения Александровна Аллилуева,** жена П.С. Аллилуева, брата жены Сталина. В 1947 году арестована. В 1954 году освобождена.

4. **Евгения Александровна Аллилуева,** жена П.Я. Аллилуева, дяди жены Сталина. В 1948 году арестована и осуждена за "шпионаж" на 10 лет. В 1954 году освобождена.

5. **Иван Павлович Аллилуев (Алтайский),** сын П.Я. Аллилуева. Член партии с 1920 года, редактор журнала "Социалистическое земледелие". Арестован в 1938 году и осужден на 5 лет, с помощью С.Я. Аллилуева, тестя Сталина, освобожден в 1940 году.

Сохранились записки И.П. Аллилуева, который был осужден "за участие в контрреволюционной организации" и отбывал срок в "Сороклагере". Иван Павлович описывает своих друзей по несчастью: комбрига Холодкова, начальника одного из управлений Московского военного округа Лапидуса, молодого наивного парня Петра Жилу (попал во "враги народа" за то, что однажды сидел рядом с Косаревым в президиуме съезда комсомола Украины). Как потом выяснилось, за И.П. Аллилуева, осмелившись, стал хлопотать его престарелый дядя С.Я. Аллилуев. Не решившись просить Сталина, он обратился к Берии и Кобулову, и, пожалуй, единственный раз Монстр сжалился над тестем "вождя".

В своей жестокости Сталин не "грешил" избирательностью: для всех одна мера. Свои и чужие, знакомые и родственники, товарищи по ЦК и совсем неизвестные люди, молодые и старые большевики, неграмотные мужики и академики, мужчины и женщины — если на их "дело" ставился штамп "врага народа" — сразу превращались для Сталина в нелюдей. Как только от Ежова или Берии поступал "сигнал" о "вредительской" или

иной "контрреволюционной" деятельности, "вождь", не раздумывая, давал санкцию на арест. Обычно Сталин больше этим человеком не интересовался. Пожалуй, было лишь одно исключение. Когда ему сказали, что к расстрелу приговорен как "немецкий шпион" А. Сванидзе, брат первой жены, Сталин бросил: "Пусть попросит прощения". Перед расстрелом Сванидзе передали слова родственника. Приговоренный спросил: "О чем я должен просить? Ведь я никакого преступления не совершил". Развязка наступила. Сванидзе расстреляли.

Сталин, узнав о последних словах своего близкого друга детства и шурина, лишь обронил:

— Смотри, какой гордый; умер, но не попросил прощения...

Сталин, по-видимому, не мог соглашаться на аресты своих родственников, не веря в то, что "так нужно". Я уже отмечал: на Сталина магическое действие производило любое "дело". Если ему докладывали "органы", информировали, сигнализировали о каких-либо "происках", "врагах", "вредителях", "шпионах", его сознание трансформировало подобные сообщения в априори достоверные. Его исключительная подозрительность не распространялась на доносы и доносчиков. Сталин им верил. Судьба его несчастных родственников — еще одно тому подтверждение.

Всех нас рано или поздно поглотит вечность, и мы уйдем в песок времени, растворившись в бесконечности. Через два-три поколения о каждом из нас смогут вспомнить лишь самые близкие. Мы присоединимся к 70 — 80 миллиардам теней людей, уже прошедших по планете. Так происходит извечное слияние с природой: придя из нее, мы вновь возвращаемся туда. Но ни у кого нет права лишать других жизни. Сталин попрал это право. Отнятая жизнь — преступление необратимое. Отнятые жизни миллионов — преступление безмерное, запредельное.

Знакомясь с архивами, встречаясь и беседуя с очевидцами и жертвами тех, теперь уже далеких событий, я прежде всего задавался вопросом: как могло все это произойти? Почему погибли сотни и сотни тысяч людей? Почему все, или, по крайней мере, очень многие, способствовали Сталину и его окружению в совершении преступлений?

Я уже высказал ряд соображений по этому поводу ранее. Добавлю следующее. В истории неоднократно бывало, когда логика революции или контрреволюции вела к террору. И тогда история, по словам Ф. Энгельса, самая жестокая из богинь,

могла тащить свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны... Во второй половине 30-х годов никаких видимых предпосылок к развязыванию массовых репрессий не было. Страна, несмотря на многочисленные трудности, находилась на подъеме. Могучий революционный заряд Октября придал долгое и устойчивое ускорение социальному движению. Люди почувствовали первые реальные плоды живой, притягательной силы социализма. И в этот момент Сталин и созданный им карательно-бюрократический аппарат начали беспрецедентную кампанию насильственной ликвидации всех представителей прошлых "оппозиций", всех, кто мог в какой-либо форме, хотя бы теоретически, выразить несогласие с режимом тирании "господствующей личности". Народ принял муки, казалось, без всяких причин. Это могло произойти лишь в условиях, когда не было создано надежного механизма социальной защиты.

В этот период проявились наихудшие, отрицательные черты Сталина. На все времена дан страшный урок: самые высокие политические идеалы без гармонии с нравственностью могут быть фальшивой драгоценностью. Истории ведь не скажешь, что нам не повезло с руководителем. Поскольку это невезение было уже не раз, дело, видимо, заключается в несовершенстве механизма и недостаточной демократичности процедуры выдвижения, контроля, прежде всего снизу, и замены руководящей личности. А ведь Ленин полагал, что "масса должна иметь право выбирать себе ответственных руководителей. Масса должна иметь право сменять их, масса должна иметь право знать и проверять каждый самый малый шаг их деятельности"[89]. В данном случае именно Сталин навязал партии, народу свое понимание социализма и методов его построения, свой, сталинский социализм, кардинально отличающийся, повторю еще раз, от социализма ленинского. Чем выше уровень демократии, тем меньше она зависит от личных качеств лидера. В конце концов, она просто не приемлет непригодного.

Сталин и его аппарат прибегли к террору без всякого исторического оправдания. Вспомним слова Ф. Энгельса о том, что террор состоит в большинстве случаев из бесполезных жестокостей, совершаемых перепуганными людьми для самоутверждения.

Согласно сталинскому миросозерцанию великая цель оправдывала широкое применение насилия — создание более "однородного" общества, прежде всего в плане нивелирования мышления и помыслов людей. Но Сталин ошибся в главном:

он плохо знал народ, его возможности и чаяния. На какое-то время репрессии заставили народ замолчать, безропотно выносить кровавое безумие. Но веру советских людей в социальную справедливость, истинную ценность социалистических идеалов Сталин убить не смог. В значительной массе людей сохранилось глухое недовольство и неприятие, загнанные глубоко внутрь. В то время они не могли найти достойного выхода. К слову сказать, многие начинали по-настоящему анализировать происходящее, лишь оказавшись за колючей проволокой. Зерна негодования, гнева, возмущения и скорби дали всходы лишь много лет спустя.

Сегодня, например, уже по-иному воспринимаются и строки, написанные Троцким в книге "Преступления Сталина" (1937 г.). Изгнанник, конечно, смотрел на Сталина прежде всего через призму личной ненависти и предрекал ему близкий крах. Он не мог предположить, что преступления Сталина будут осуждены значительно позже, чем он предрекал. Но, думаю, стоит все же воспроизвести его пророчество:

"Завтра Сталин может стать обременительным для правящей прослойки... Сталин стоит накануне завершения своей трагической миссии. Чем сильнее кажется, что он ни в ком больше не нуждается, тем ближе час, когда никто не будет нуждаться в нем. При этом Сталин едва ли услышит слова благодарности за совершенный труд. Сталин сойдет со сцены, обремененный всеми преступлениями, которые он совершил"[90]. Читатель имеет возможность сам судить о выводе Троцкого.

Действия Сталина порой выглядят иррационально. Трудно объяснить, например, какой-либо политической логикой резкое ослабление армии накануне страшной войны. Реализация планов экономического развития заведомо затруднялась огромными потерями в кадровом потенциале. Кровавые действия Сталина выглядели необъяснимыми: он санкционирует уничтожение М. Кольцова, которого хорошо знал, встречался с ним, и не трогает Б. Пастернака с его независимыми взглядами. Действиями Сталина руководила беспредельная жажда власти. Его не могла "насытить" даже кровь многочисленных родственников, самых близких друзей, соратников... Утоляя кровавую жажду и не утолив ее до конца, Сталин совершил беспримерные преступления против свободы: свободы жить и свободы мыслить.

Оплакивая гибель сотен тысяч советских людей, лучших сынов и дочерей Отечества, нельзя смириться с тем, что Сталин сделал пассивными соучастниками своих деяний миллионы

людей, которые поверили, что "так нужно". Сталину удалось заручиться своего рода поддержкой множества честных граждан. Огромные масштабы репрессий стали возможны потому, что "вождь" вызвал социальную инерцию насилия, порождавшую доносительство, беспринципность, массовую ложь, клевету. Это преступление Сталина особенно тяжко. Ложь всегда оставляет глубокие следы. В памяти. В психологии людей. В культуре. Тем более что ложь всегда пытается напялить на себя одеяние правды. Ложь тогда не имеет шансов, когда ей противостоит правда в союзе с совестью. Именно совесть бывает самым требовательным судьей. Она выступает как бы нравственным посредником между миром бытия и личностью. Благодаря совести мы знаем степень своего нравственного несовершенства, искренности в отношении к идолам и идеалам. Обмануть свою совесть невозможно. Сегодня известно, что если совесть в те годы часто молчала, то прежде всего потому, что рядом не было правды.

На годы сталинского единовластия приходится эпицентр трагедии всего советского народа и потому, что насильно были вырваны из жизни многие коммунисты ленинской школы, лучшие специалисты, высокие таланты, люди, подававшие особые надежды. Замена, часто поспешная, иногда случайная, порой корыстная, не могла быть равноценной. Но Сталин знал, что те люди, которые выдвигались вместо репрессированных, более преданны ему, его "линии", установкам. Своим возвышением, часто неожиданным (нередко и незаслуженным) новые руководители были обязаны только "вождю". Он мог, естественно, рассчитывать на их преданность и усердие.

За два года до начала войны страна была как бы обессиленной. Нет, дымились трубы фабрик и заводов, ходили по рельсам поезда, студенты занимались в университетах, люди надеялись, верили в лучшее завтра. Но "обессиленность" была не только от переполненных лагерей, безвестья об исчезнувших близких, знакомых, друзьях, поредевших партийных и военных рядах, а прежде всего от надругательства над великой идеей. Ведь Сталин, совершив злодеяния против народа, совершил преступление и против идеалов.

Не Сталин остановил безумие. Этот бессмысленный террор дошел до предела, угрожавшего функционированию самой системы. Угрожавшего на рубеже самых тяжких испытаний. Такова была доля советского народа: страдать и преодолевать, бороться и надеяться, жертвовать и побеждать.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава IV. ДИКТАТУРА ИЛИ ДИКТАТОР?

1. 50-летне В.И. Ульянова-Леннна. М., 1920. С. 1, 15, 23, 27, 28, 31.
2. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3112.
3. Собранне Законов н Распоряженнй Рабоче-Крестьянского правнтельства. М., 1925. С. 313.
4. Гегель. Соч. Т. 7. С. 150.
5. Леннн В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372.
6. Там же. С. 376.
7. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 311.
8. XV съезд Всесоюзной коммуннстнческой партнн (большевнков). Стенографическнй отчет. М. — Л., 1928. С. 976.
9. Там же. С. 1057, 1091.
10. Там же. С. 1308.
11. Плановое хозяйство. 1927. № 7. С. 11.
12. Сталнн И.В. Соч. Т. 11. С. 2, 4, 6 — 7.
13. Сталнн И.В. Соч. Т. 12. С. 166.
14. Черчнлль У. Вторая мировая война/Пер. с английского. М., 1955. Т. 4. С. 493.
15. Сталин И.В. Вопросы леннннзма. С. 344.
16. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 149.
17. Большевнк. 1940. № 1. С. 2.
18. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 195.
19. Сталнн И.В. Соч. Т. 13. С. 392.
20. Там же. С. 245.
21. История СССР с древнейших времен до иаших дней. М., 1966. Т. 9. Ч. 1. С. 189 — 190.
22. Conguest R. The Harvest of Sorrow. London, 1986.
23. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 1.
24. Бухарнн Н. Атака/Сб. статей. М., 1924, С. 98, 99.
25. Бухарин Н.И. Избранные прoнзведения. М., 1988. С. 133.
26. Большевнк. 1925. № 8. С. 6, 14.
27. Cohen St. Bukharin and the Bolshevik Revolution. N.Y., p. 182.
28. Бухарнн Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 137.
29. Плутарх. Сочннення. М., 1983. С. 259.
30. Cohen St. Op. Cit., p. 337.
31. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 69.
32. Там же. С. 70, 79.
33. Там же. С. 132.
34. Социалистнческнй вестннк. 1931. № 8(245).
35. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 891, л. 25 — 31.
36. Леннн В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 87.
37. Леннн В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 441.

38. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 207 — 208.
39. Там же. С. 210.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 63.
41. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). М. — Л., 1930. С. 38.
42. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 128.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.
44. Социалистический вестник. 1931. № 8(245).
45. ЦГАОР, ф. 9492, оп. 2, д. 6, л. 78 — 81.
46. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 67, д. 1, л. 5.
47. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 107, 111, 114, 119 — 120.
48. Архив Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 319, л. 26.
49. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 773, л. 102.
50. Радек К. Зодчий социалистического общества. М., 1934. С. 20.
51. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5088.
52. Правда. 1933. 5 августа.
53. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1934. С. 255.
54. Там же. С. 18.
55. Там же. С. 28.
56. Там же. С. 253.
57. Там же. С. 125.
58. Там же. С. 211.
59. Там же. С. 250.
60. Там же. С. 493, 496, 497.
61. Там же. С. 521.
62. ЦГАСА, ф. 918/33 987, оп. 3, д. 155, л. 88.
63. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 235.
64. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). С. 115.
65. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 19.
66. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5228, л. 1.
67. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5228, л. 2.
68. Архив Генштаба, оп. 16, стеллаж 17, полка 9.
69. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2548.
70. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 2. С. 403.
71. Цит. по: Помпеев Ю. Хочется жить и жить. Документальная повесть о С.М. Кирове. М., 1987. С. 8.
72. Там же. С. 18.
73. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3334.
74. Правда. 1934. 3 декабря.
75. Социалистический вестник. 1956. № 12.
76. Архив Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 319.
77. Сталин И.В. Беседа с английским писателем Г. Уэллсом. М., 1935. С. 13, 14, 16.
78. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3179.

Глава V. В "ТОГЕ" ВОЖДЯ

1. Плутарх. Избранные жизнеописания в 2-х томах. М., 1987. Т. 1. С. 80.

2. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 24, л. 2.

3. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. М., 1956. Т. 2. С. 333.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.

5. Там же. С. 268 — 269.

6. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма. Изд. 2-е. М., 1922. С. 128, 129.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 2. С. 90.

8. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 107.

9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 128.

10. КПСС в резолюциях и решениях. Изд. 8-е. М., 1970. Т. 2. С. 218.

11. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 633.

12. КПСС в резолюциях и решениях. Изд. 8-е. М., 1970. С. 220.

13. ЦПА ИМЛ, ф.558, оп. 2, д. 2915.

14. Большевик. 1937. № 9. С. 9.

15. Сталин И.В. Краткая биография. М., 1948. С. 163.

16. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 313.

17. Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1987. С. 135.

18. ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 3399.

19. К шестидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. М., 1940. С. 93 — 102.

20. Ярославский Ем О товарище Сталине. С. 149.

21. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 232.

22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 4.

23. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2510.

24. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 3, д. 461, л. 9 — 21.

25. ЦПА ИМЛ, ф. 3, оп. 1, д. 4674, л. 1 — 3.

26. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 2, д. 5374, л. 18.

27. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 5374.

28. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 173, л. 36.

29. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2898.

30. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1955. Т. 4. С. 488.

31. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 53 — 54.

32. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 120, д. 24, л. 1 — 3.

33. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 239 — 240, 241.

34. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 2, д. 4074, л. 35.

35. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. 5-е. М., 1983. Т. 2. С. 95.

36. Василевский А.М. Дело всей жизни. Изд. 3-е. М., 1978. С. 501.

37. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. С. 478.

38. К шестидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. М., 1940. С. 268 — 274.

39. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 26.

40. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 149, л. 108.

41. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 112.
42. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей/ Пер. с немецкого. М., 1937. С. 58 — 59.
43. Там же. С. 64.
44. Там же. С. 59, 60.
45. Бердяев Н. Судьба России. М., 1918. С. 58.
46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 96.
47. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 12.
48. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 28.
49. Стаханов А. Рассказ о моей жизни. М., 1938. С. 149.
50. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 120.
51. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2218.
52. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
53. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 1.
54. ЦПА ИМЛ, ф. 326, оп. 1, д. 113.
55. Правда. 1937. 21 декабря.
56. Наполеон. Избранные произведения. М., 1941. Т. 1. С. 20.
57. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 392.
58. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
59. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 2. С. 404.
60. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 203, л. 366.
61. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2897.
62. Черчилль У. Вторая мировая война. Нью-Йорк, издательство им. Чехова, 1954. Т. 1. С. 387 — 388.
63. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 32.
64. Там же.
65. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 24 — 35.
66. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 138 — 139.
67. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 83.
68. XXII съезд КПСС. Т. 2. С. 403.
69. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1048, л. 251 — 258.
70. Архив Генштаба, оп. 165, стеллаж 17, полка 9, д. 60, 63, 78.
71. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1045, л. 176.
72. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 111.
73. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XV. Хозяйственное строительство Советской республики. М. — Л., 1927. С. 41 — 51.
74. См.: Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 331.
75. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
76. Луначарский А.В. Революционные силуэты. С. 26.
77. Троцкий Л.Д. Соч. Т. VIII. Политические силуэты. М. — Л., 1926.
78. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XVII. Советская республика и капиталистический мир. М. — Л., 1926. Ч. 1. С. 144.
79. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XXI. Культура переходного периода. М. — Л., 1926. С. 93 — 94.
80. См.: ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, д. 577, л. 633.
81. Trotzki L. Stalins Verbrechen. Zürich, 1937. S. 366 — 367.
82. Trotsky L. History of the Revolution. Berlin, 1933, vol. 1, p. 342.

83. Утченко С. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 302.
84. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 32.
85. Там же. С. 37.
86. Там же. С. 39.
87. Правда. 1937. 6 марта.
88. Стаханов А. Рассказ о моей жизни. М., 1938. С. 50.
89. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612.
90. Фейхтвангер Л. Указ. соч. С. 60.
91. ЦГАСА, ф. 918/33 987, оп. 3, д. 301, л. 26 — 27.
92. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2915.
93. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.
94. К шестидесятилетию со дня рождения И.В. Сталина. С. 177.
95. ЦПА ИМЛ, ф. 538, оп. 3, д. 86, л. 16.
96. Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. С. 118 — 119.

Глава VI. ЭПИЦЕНТР ТРАГЕДИИ

1. Правда. 1936. 13 января.
2. Правда. 1937. 1 января.
3. О Конституции СССР. М., 1937. С. 5.
4. Орлов А. Процессы. Нью-Йорк, 1973. С. 135.
5. О Конституции СССР. С. 16 — 17.
6. Правда. 1937. 24 января.
7. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 212.
8. Канал имени Сталина (Беломоро-Балтийский канал имени Сталина. История строительства под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина). М., 1934. С. 12.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 122.
10. Манфред А.З. Указ. соч. С. 328, 345; Матьез А. Французская революция. Т. 3. Террор. М., 1930. С. 195.
11. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 1 — 3.
12. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 6.
13. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 37 — 42.
14. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 8 — 16.
15. Там же. Л. 57.
16. Там же.
17. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612, л. 8.
18. Там же. Л. 9 — 11.
19. Там же. Вып. III.
20. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 5 — 15.
21. Там же. Л. 5 — 20.
22. Там же. Л. 10 — 25.
23. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 439, л. 118.
24. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 644, л. 42 — 89.
25. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XII. Основные вопросы пролетарской революции. М. — Л., 1925. С. 59.
26. ЦПА ИМЛ, ф. 77, оп. 1, д. 439, л. 118.

27. Процесс антисоветского троцкистского центра. М., 1937. С. 42—45.

28. Trotsky L. The Revolution Betrayed, p. 216.

29. Архив военной коллегии Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 319, л. 10 — 35.

30. Архив военной коллегии Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 315, л. 61.

31. Правда. 1938. 12 марта.

32. Правда. 1938. 5 марта.

33. Правда. 1938. 13 марта.

34. Фейхтвангер Л. Указ. соч. С. 98.

35. Правда. 1938. 13 марта.

36. Правда. 1938. 13 марта.

37. Правда. 1938. 8 марта.

38. Правда. 1937. 27 января.

39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 44.

40. Фрейзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. С. 285.

41. ЦГАСА, ф. 31 983, оп. 3, д. 152, л. 150.

42. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 627.

43. ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 3175, л. 2 — 10.

44. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 199, л. 197.

45. Там же. Л. 366.

46. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 269, т. 1, л. 57 — 65.

47. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 3. С. 119.

48. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 101.

49. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 624.

50. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 630.

51. Архив военной коллегии Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 315, л. 50.

52. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 273. Примечание 103.

53. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 639, л. 24 — 29.

54. Там же. Л. 24 — 32.

55. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 640, л. 20 — 45.

56. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 639, л. 20 — 35.

57. Там же.

58. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 633, л. 2 — 26.

59. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2181.

60. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577.

61. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1036, л. 270 — 274.

62. Кропоткин П.А. Записки революционера. Спб., 1906. С. 369.

63. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 615.

64. Цит. по: Иванов В. Маршал Тухачевский. М., 1985. С. 128.

65. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 400, л. 137 — 139.

66. Большевик. 1937. № 12.

67. ЦАМО, ф. 5, оп. 176 703, д. 21, л. 64, 68.

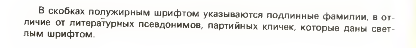
68. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 19 — 26.

69. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1046, л. 207 — 208.

70. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1048, л. 37.

71. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 640.
72. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1140, л. 18 — 22.
73. ЦГАСА, ф. 25 880, оп. 4, д. 1, л. 2 — 3.
74. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1048, л. 23 — 25.
75. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 278.
76. Правда. 1938. 9 марта.
77. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 612 (вып. 3).
78. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 388.
79. ЦАМО, ф. 15, оп. 178 612, д. 86, л. 254.
80. Там же. Л. 306.
81. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 2180, л. 247.
82. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 577, л. 57.
83. Архив военной коллегии Верховного суда СССР, ф. 75, оп. 35, д. 315, л. 46.
84. ЦГАСА, ф. 33 987, оп. 3, д. 1075, л. 57 — 63.
85. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-ти томах. М., 1956. Т. 3. С. 595 — 596.
86. ЦАМО, ф. 32, оп. 701 323, д. 38, л. 14 — 16.
87. Там же.
88. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 1, д. 8180, л. 593.
89. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 157.
90. Trotzki L. Stalins Verbrechen. S. 366 — 367.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В скобках полужирным шрифтом указываются подлинные фамилии, в отличие от литературных псевдонимов, партийных кличек, которые даны светлым шрифтом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Волкогонов Д.А.

В67 Триумф и трагедия/Политический портрет И.В. Сталина. — В 2-х книгах. — Кн. 1. — ч.2. — М.: Изд-во АПН, 1989. — 336 с., ил.

Личиость Сталииа — одиа из самых сложных и противоречивых в истории В кииге, в которой использоваиы многие иеизвестные раиее докумеиты, аиализируется эволюция зтого политического деятеля от малозаметиого участника Октябрьской революции до лидера партии и государства Автор прослеживает процесс усилеиия едииовластия, подмеиы диктатуры пролетариата диктатурой "вождя", показывает геиезис культа личиости Сталииа, человека, который был главиым виновииком беззакоиий, творившихся в страие в 30-е гг. Читатель узиает, как обожествлеиие Сталииа привело к тому, что триумф одиого человека обериулся трагедией целого иарода

Киига предиазиачеиа для широкого круга читателей.

ISBN 4 — 7020 — 0025 — 0

В $\frac{4502010000}{067(02)-89}$ Без объявл.

ББК 66.61(2)8

Волкогонов Дмитрий Антонович
ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ
Политический портрет И.В. Сталина
В 2-х книгах

Книга I
Часть 2

Выпускающий *М.Н. Антипов*
Издательский редактор *З.Е. Машкова*
Контрольная проверка *Е.И. Кацман*
Младшие редакторы *Г.В. Ардаьянц, Н.В. Потатуева*
Художественный редактор *В.В. Анохин*
Фоторедактор *Т.П. Макарова*
Корректор *Н.В. Сапронова*
Технические редакторы *Л.А. Крюкова, А.С. Денисова*
Технолог *В.Ф. Егорова*

ИБ 10205

Сдано в набор 15.12.88 г. Подписано в печать 30.06.89 г. ВТ08015
Формат издания 84x108/32. Бумага офсетная 70 г/м^2.
Гарнитура таймс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 22,46.
Тираж 300 000 экз. (3-й завод 200 001 — 300 000 экз.)
Заказ № 2090. Изд. № 8276. Цена 2 р. 90 к. (в мягкой обложке).

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б. Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

2 р. 90 к.

Сегодня на Сталина и сталинизм мы смотрим пока с высоты птичьего полета истории. Думаю, спустя десятилетия, с большей временно́й дистанции, эти мрачные страницы летописи советского народа, полные подвижничества, трагизма, обманутой надежды, будут видеться глубже, основательнее, вернее. Но уже сегодня ясно: Сталин лишь вершина айсберга. Описав эту вершину, я не считаю, что высветил весь айсберг.

''Незаконченное'' прошлое может быть как у отдельного человека, так и у целого народа, не знающего до конца подлинной истории своего триумфа и трагедий. Так назвал я книгу, пытаясь показать, как триумф одного человека обернулся трагедией для великого народа...

Дм. Волкогонов

АПН

Издательство
Агентства печати Новости